

ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОГО И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

ДОСТИГНУЋА И ПЕРСПЕКТИВЕ КОНФРОНТАЦИОНОГ ПРОУЧАВАЊА
РУСКОГ И ДРУГИХ ЈЕЗИКА

МЕЂУНАРОДНА АСОЦИЈАЦИЈА НАСТАВНИКА
РУСКОГ ЈЕЗИКА И КЊИЖЕВНОСТИ
СЛАВИСТИЧКО ДРУШТВО СРБИЈЕ
КАТЕДРА ЗА СЛАВИСТИКУ ФИЛОЛОШКОГ ФАКУЛТЕТА
УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ

VII МЕЂУНАРОДНИ СИМПОЗИЈУМ

**ДОСТИГНУЋА И ПЕРСПЕКТИВЕ
КОНФРОНТАЦИОНОГ ПРОУЧАВАЊА
РУСКОГ И ДРУГИХ ЈЕЗИКА**

РЕФЕРАТИ

(Београд, 1–2. јуна 2012)

Главни уредник
Вера Белокапић-Шкунца

БЕОГРАД • 2012

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
СЛАВИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕРБИИ
КАФЕДРА СЛАВИСТИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ

**ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОГО И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ**

ДОКЛАДЫ

(Белград, 1–2 июня 2012 г.)

Главный редактор
Вера Белокапич-Шкунца

БЕЛГРАД • 2012

Редакционная коллегия

Вера Белокапич-Шкунца
Биляна Марич
Петр Буняк
Светлана Голяк

Рецензенты

Петр Буняк
Вукосава Джапа-Иветич

Международный программный совет

Проф. Людмила Алексеевна Вербицкая, президент Санкт-Петербургского государственного университета, академик РАО, президент МАПРЯЛ (Российская Федерация)

Проф. Александр Александрович Лукашанец, профессор Белорусского государственного университета, директор Института белорусского языка Национальной академии наук Беларуси, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, председатель Международного комитета славистов (Беларусь)

Проф. Предраг Пипер, профессор филологического факультета Белградского университета, член-корреспондент Сербской академии наук и искусств (Сербия)

Проф. Иво Поспишил, профессор Университета им. Масарика в Брно, заведующий Институтом славистики, председатель Чешской ассоциации русистов (Чешская Республика)

Проф. Гочо Гочев, профессор Великотырновского университета им. св. Кирилла и Мефодия, заместитель декана филологического факультета, заведующий кафедрой русистики (Болгария)

Проф. Петр Буняк, профессор филологического факультета Белградского университета, заместитель председателя Славистического общества Сербии (Сербия)

Проведение симпозиума и издание сборника
осуществлено при финансовой поддержке
Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербии
и
филологического факультета Белградского университета.

ISBN 978-86-7391-028-4

СОДЕРЖАНИЕ

I

С. С. Хромов (Россия), О сопоставлении интонации и просодии разносистемных языков.	9–13
К. Кончаревич (Сербия), К теоретико-методологическому обоснованию сопоставительной теолингвистики (на материале русского и сербского языков)	14–22
Р. Маројев ић (Србија), Побочни акценти у руском и српском језику	23–33
Д. Мирич (Сербия), Сопоставительное исследование русского и сербского дискурса	34–42
И. А. Нагорный (Россия), Славянская концептосфера: вероятностная квалификация сообщаемого	43–47

II

В. А. Кузьменкова (Россия), Единство формального, функционального и сопоставительного подходов к языку в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова	49–55
Г. И. Стрепетова (Россия), Старославянизмы в русском языке: знаки иносистемности и внутрисистемные отношения.	56–60
Б. Марић (Србија), Девербативне конструкције са условним и сличним адвербијалним значењима (у руском у поређењу са српским језиком)	61–67
Д. К. Поляков (Россия), Некоторые номинативные и словообразовательные модели чешского и русского языков в свете языковых контактов	68–77

А. С. Кейко (Россия), О ментальных особенностях русских глаголов положения в пространстве.	78–80
М. Крстић (Србија), Могући начини за „попуњавање празних места“ код глагола са непотпуним парадигмом	81–86
М. Супрунчук (Беларусь), Русские и сербские наречия <i>много</i> и <i>мало</i> в «Хазарском словаре» Милорада Павича	87–100

III

О. А. Семенюк (Украина), Употребление устойчивых сочетаний с компонентом «человек» в русском, украинском и сербском языках	101–106
И. В. Тяпкова, И. С. Тяпков (Россия), Экспликация национальных культурных смыслов языковой картины мира (на материале газетных заголовков).	107–113
Д. С. Лесневска (Болгария), Выразительность языка современной русской и болгарской публицистики.	114–118
Т. А. Кадоло (Россия), Полилингвистичность наименований городских торговых объектов как проявление поликультурности	119–127
Е. Солнцева-Накова (Болгария), Природные силы в русских, польских и болгарских загадках (сравнительно-сопоставительный анализ)	128–132
О. Н. Никанорова (Черногория), Лингвострановедческие наблюдения (К вопросу о сербских традиционных праздниках)	133–141

IV

Л. А. Калимуллина (Россия), Эмотивная фразеология в славянских и тюркских языках: опыт сопоставительного исследования	143–149
А. Пьянович (Черногория), Проблемы перевода фразеологизмов с компонентом <i>Бог</i> с русского языка на сербский	150–161
В. Белокапић - Шкунца (Србија), Терминологија рачуноводства и ревизије у руском и српском језику.	162–167

В. М а н ч е в (Болгария), О некоторых особенностях использования военной лексики в интернете (на примере русских и болгарских страниц с военной и военно-исторической тематикой)	168–178
Х. Д а м я н о в а (Болгария), Роль функционально-семантической категории в сопоставительных исследованиях русского и болгарского языков	179–186
Т. Г а е в (Србија), Лексичко-семантички потенцијал назива за број три у руском и српском језику	187–197
А. В. П р о х о р о в а (Србија), Правдивость и правда у руском језику (концептуална анализа)	198–204
М. А д а м о в и ћ (Србија), Просторна значења придева верхний/горњи – нижний/доњи у руском и српском језику.	205–213

V

Н. Б р а й к о в и ч (Черногория), Цель и метод обучения иностранным языкам в современной общеобразовательной школьной системе	215–221
С. Г о л я к (Сербия), Межъязыковая интерференция и обучение сочинению-описанию	222–229
Н. Г. Б о б о х и д з е (Грузия), Проблемы преподавания русского языка в грузинской аудитории.	230–234
Ј. М и х а ј л о в и ћ (Србија), О месту и улози комуникативне функције језика у настави руског језика за туризмologe	235–244
М. П а п р и ћ (Србија), Примена матерњег (српског) језика на наставном часу страног (руског) језика: ставови наставника	245–253
Н. А ј д а н о в и ћ (Србија), О неким типовима вежбања заступљеним у радним свескама из руског језика за основну школу.	254–263
Е. А. С м о л о в с к а я (Россия), Описательные предикаты в официально-деловом стиле речи (Фрагмент работы над темой «Обсуждение условий поставки товара» в сербской аудитории)	264–270

Сергей Сергеевич Хромов
Московский государственный университет
экономики, статистики и информатики (МЭСИ)
Институт права и гуманитарного образования
Москва, Россия

О СОПОСТАВЛЕНИИ ИНТОНАЦИИ И ПРОСОДИИ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ

Сопоставление интонации в языках различного морфолого-синтаксического типа (флективных, агглютинативных, изолирующих) на примере противопоставления номинативной и предикативной синтагм позволило выявить универсальные, групповые и национально-специфические характеристики интонации.

Ввиду единства человека и общества и соответствующей многослойности языковой формы интонация представляет собой единство универсальных, групповых (ареальных, типологических, генетических), национальных и индивидуально-специфических характеристик индивида.

Универсальность интонации рассматривается с точки зрения следующих взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектов:

1) универсальность функций интонации. К универсальным функциям интонации относятся: а) конституирующая; б) делимитативная; в) коммуникативная (в широком смысле этого слова); г) кульминативная (выделительная); д) эмоциональная;

2) универсальность значений, выражаемых интонацией. Исходя из положения о грамматической природе значений, выражаемых интонацией, мы вслед за Ю. С. Степановым различаем следующие типы грамматической абстракции – номинацию, предикацию и локацию (как первичный аппарат прагматики); на периферии языковой системы интонация также участвует в акцентном выделении, которое является одновременно феноменом лексемного и текстового уровней;

3) универсальность интонационных оппозиций, к которым мы относим:
а) эмоционально нейтральную / эмоционально окрашенную синтагмы;
б) сообщение / общий интонационный вопрос;
в) сообщение / побуждение;

- г) завершённую / незавершённую синтагмы;
- д) номинацию / предикацию;
- е) акцентно нейтральную / акцентно выделённую синтагмы.

К числу универсалий, свойственных языкам различных морфолого-синтаксических типов, принадлежит также выявленная А.В. Бельским и В.И. Петрянкиной на материале русского языка гетерогенность интонационных средств, предназначенных для выражения разных форм мышления в соответствии с различным уровнем познания действительности.

В качестве универсального различителя общего вопроса и сообщения в языках различного морфолого-синтаксического типа выступает уровень частоты основного тона (регистр ЧОТ).

Исходя из системной мотивированности интонации, можно утверждать, что интонационная типология отражает положение языка на шкале лексичности / грамматичности, от чего также зависит и тип просодической организации слова в языке.

Ведущим, доминирующим признаком, определяющим как национальную специфику, так и типологию речевой интонации является прежде всего просодическое устройство слова, которое коррелирует с грамматическим строем языка и весьма разнообразно в языках мира: 1) в акцентных языках с фиксированным ударением; 2) в акцентных языках с разноместным ударением; 3) в тональных языках; 4) в сингармонических языках; 5) в языках, не имеющих специальных средств суперсегментной организации слова.

Вес и значимость интонационных параметров может меняться в зависимости от: 1) типа языка, от положения языка на шкале лексичности / грамматичности; 2) типа и условий произнесения (полный / разговорный стиль; контактное / дистантное произнесение; независимая позиция / контекстно обусловленная позиция); 3) степени совпадения интонационного, синтагматического членения с конструктивно-синтаксическим и актуальным членением (при различении предикации / номинации); 4) процессов говорения и аудирования.

Функциональная стратификация основных компонентов интонации (частоты основного тона, интенсивности, длительности) зависит от положения языка на шкале лексичности / грамматичности. Ведущий просодический параметр мелодики, в частности направление ее движения, в «грамматических» языках используется для выражения различных грамматических значений: для интонационного оформления высказываний, для различения их коммуникативных типов, для выражения актуального членения. В «лексических языках» этот параметр используется в основном на уровне просодической организации слова, формирует общий тональный контур слова и различает лексические значения. Остальные просодические компоненты – интенсивность, длительность – в «грамматических» языках в большей степени закрепляются за словом и являются средством его просодиче-

ской организации, а в «лексических» – за предложением-высказыванием. Развивая положение о функциональной стратификации основных компонентов интонации в языках, различающихся по степени лексичности / грамматичности, следует отметить также функциональную стратификацию и отдельных параметров того или иного компонента, включая мелодику. В «грамматических» языках ведущим мелодическим компонентом в различении общего вопроса и сообщения является направление движения основного тона, а в «лексических» языках – регистр.

Так, в таком «лексическом» языке, как йоруба, интонационная дифференциация предикации и номинации в основном создается за счет вариации интенсивности и длительности, а затем – за счет участия вторичных характеристик ЧОТ (интервал подъема / падения ЧОТ, диапазон ЧОТ, уровень ЧОТ). В «грамматическом» русском языке ведущую роль в реализации указанного противопоставления в первую очередь играют мелодические (направление движения тона), а затем временные характеристики.

К универсальным признакам различия предикации и номинации относятся: 1) диапазон / регистр ЧОТ (более высокий в предикативной); 2) более яркая выраженность формантных характеристик первого элемента в предикативной (большая степень почернения); 3) большая максимальная интенсивность первого элемента предикативной (по сравнению с номинативной); 4) общая длительность синтагмы (большая в предикативной); 5) локализация максимальной длительности – отмечается тенденция локализовать максимальную длительность на первом элементе синтагмы (в йоруба - на связке; в суахили и русском языке – на ударном / заударном слоге первого элемента предикативной синтагмы).

Таким образом, универсальные признаки различий включают комплекс акустических параметров: формантных и просодических (мелодических, темпоральных и энергетических).

Интонационная типология строится в соответствии с положением языка на шкале лексичности / грамматичности и типом просодической организации слова.

Чем полярнее позиции, которые занимают языки на этой шкале, тем ярче проявляются типологические свойства интонации. В этом смысле наиболее контрастно противопоставляются такие «грамматические» языки, как русский и суахили, с одной стороны, и «лексический» йоруба – с другой стороны.

К типологически значимым относится функциональная стратификация основных просодических параметров (ЧОТ, интенсивности, длительности). Так, предикативные акценты в «лексическом» языке йоруба создаются за счет вариаций характеристик интенсивности, длительности, регистра / диапазона ЧОТ, т.е. параметры интенсивности и длительности закреплены за выражением грамматического значения – предикации. В русском языке и суахили длительность и интенсивность играют подчиненную по отношению к мелодике роль в дифференциации предикации и номинации.

Следует также отметить функциональную стратификацию отдельных характеристик внутри одного и того же параметра, например, мелодики. Так, ведущий мелодический параметр – направление движения ЧОТ – в русском и суахили языках используется в качестве дифференциации предикации и номинации. Различие состоит в степени и характере проявления признака – в русском предикативная оформляется дважды восходяще-нисходящим движением ЧОТ (в номинативной – восходяще-нисходящим); в суахили предикативная характеризуется восходяще-нисходящим (номинативная – ровным-нисходящим) движением ЧОТ.

В «лексическом» языке йоруба ведущим мелодическим элементом в дифференциации предикации и номинации оказывается регистр / диапазон ЧОТ.

Просодическое устройство слова определяет, с одной стороны, типологию, а с другой – базовую национальную специфику речевой интонации. Речевая интонация языка йоруба строится на основе регистрово-контурной тональной системы. К интонационным характеристикам при различении предикации и номинации относятся: 1) специфика и характер интервала подъема восходящего высокого тона ЧОТ первого элемента предикативной; 2) амплитуда диапазона ЧОТ при реализации предикативной; 3) конкретный уровень ЧОТ первого элемента предикативной; 4) конкретные типы соотношения интенсивности и длительности первого и второго элементов предикативной в отличие от номинативной.

Национально-специфические характеристики интонации суахили и русского языков составляют следующие признаки: а) специфика локализации мелодической вершины в слове; б) конкретные величины диапазона, интервалов подъема / падения, скорости подъема / падения ЧОТ в первом и втором элементах предикативной; в) конкретные величины соотношения характеристик длительности и интенсивности первого и второго элементов предикативной.

К универсальным признакам различия нейтральной и акцентно выделенной предикативной относятся следующие акустические характеристики: 1) уровень ЧОТ второго акцентно выделенного элемента по сравнению с нейтральным; 2) большая выраженность формантных характеристик гласных второго акцентно выделенного элемента по сравнению с нейтральной; 3) общая длительность (большая в акцентно выделенной); 4) отношение длительности ядерного слога к средней длительности (большее в акцентно выделенном); 5) большая длительность акцентно выделенного элемента по сравнению с нейтральным.

Итак, универсальные признаки различий нейтральной и акцентно выделенной синтагм включают комплекс акустических параметров: формантных и просодических (мелодических и темпоральных).

V. К типологически значимым относится функциональная стратификация основных просодических параметров при дифференциации нейтральной и акцентно выделенных синтагм. Так, в «лексическом» языке йоруба акцентная выделенность создается за счет сочетания двух параметров – мелодики (регистра) и длительности. Однако

ведущую роль играют в основном долготные характеристики. При условии ослабления темпорального параметра характеристики увеличения интенсивности звука и повышения частотного регистра возрастают.

В «грамматических» русском и суахили языках длительность занимает подчиненное положение по отношению к мелодике при дифференциации указанного противопоставления. Однако ведущим признаком, противопоставляющим нейтральную и акцентно выделенную синтагмы, выступает не направление движения ЧОТ, а интервал и скорость падения ЧОТ акцентно выделенного элемента.

Можно также разграничить русский язык и суахили по шкале лексичности / грамматичности. В русском, максимально «грамматическом» языке, и нейтральная, и акцентно выделенные синтагмы оформляются двумя мелодическими вершинами, локализующимися на первом и втором элементах синтагмы. В менее «грамматическом» языке суахили роль направления движения ЧОТ в реализации нейтральных предикативных акцентов снижена: на первом элементе акцентно выделенной синтагмы реализуется восходяще-нисходящая вершина, на втором – ровное нисходящее движение тона. Только акцентно выделенная предикативная синтагма в суахили представлена последовательно двумя мелодическими вершинами.

Национальную специфику интонационных характеристик йоруба при противопоставлении анализируемых синтагм составляют следующие признаки: 1) относительные величины уровня ЧОТ акцентно выделенного элемента, который определяется исходными просодическими параметрами тона, представленного в слове – высокого, среднего, низкого; 2) специфика и характер скорости подъема ЧОТ восходящего высокого тона акцентно выделенного элемента; 3) вариативность относительных характеристик длительности слога, слова, связки акцентно выделенного элемента по отношению к нейтральному.

Национальную специфику интонационных характеристик суахили и русского при противопоставлении нейтральной и акцентно выделенных синтагм составляют: а) специфика локализации мелодической вершины в слове; б) конкретные относительные величины интервалов подъема / падения, скорости падения, уровня ЧОТ второго акцентно выделенного элемента по сравнению с нейтральным; в) конкретные относительные величины длительности и интенсивности второго акцентно выделенного и первого нейтрального элемента.

Ксения Кончаревич
Белградский университет
православный богословский факультет
Белград, Сербия

К ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМУ ОБОСНОВАНИЮ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ТЕОЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ)*

Религия как одна из форм общественного сознания является объектом заинтересованности различных наук, в числе которых могут быть названы: теология (точнее, комплекс богословских наук), история и философия религии, психология религии, социология религии, феноменология религии, этнология религии и многие другие. Не остаются в стороне и языковеды: проблема «язык и религия» изучается специалистами по общей лингвистике, древним и современным языкам. Направления, в которых ведутся эти исследования, достаточно разнообразны: язык богословских текстов, проблемы перевода, стилистика, лексикология, лексикография, семантика, языковая коммуникация и многие другие. Поэтому в настоящей статье речь пойдет о разделе языкознания, который вплоть до недавнего времени не занимал (формально) вполне заслуженного, полноправного места в кругу других разделов славистики (русистики и сербистики, в частности) и который, тем не менее, уже существует и имеет право быть выделенным. Это *теолингвистика* – сравнительно новый раздел языкознания, появившийся в 70-е и достигший своего подъема в 90-е годы XX и в первом десятилетии XXI столетия (наиболее полный обзор исторического развития и современных результатов теолингвистики см. в: Кончаревич 2011а; Кончаревич 2011б; Кончаревич 2012а). Теолингвистика (от греч. *theos* – Бог и лат. *lingua* – язык) – это наука, возникшая вследствие взаимодействия языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке. Из данного определения явствует, что теолингвистика, как и социолингвистика, является таким разделом языкознания, который исследует роль языка в обществе (в частности, в жизни религиозных групп, каковыми являются Церковь, деноминация, секта и культ – см. Haralambos, Holborn 2002:453–457; Gidens 2001:282–283), то есть рассматривает язык в отношениях его к религии (язык религии, язык в религии, религия в языке, религиозный язык). Определяя

* Работа выполнена в рамках проекта православного богословского факультета БУ «Српска теологија у XXI веку: фундаменталне претпоставке теолошких дисциплина у европском контексту – историјска и савремена перспектива», реализующегося при поддержке Министерства просвещения и науки Республики Сербии (№ гранта: 179078).

научный характер теолингвистики, украинский языковед А.К. Гадомский выделил следующие ее базовые признаки:

Во-первых, теолингвистика – это наука наднациональная, наука надконфессиональная, наука лингвистическая, но с яркой междисциплинарной установкой.

Во-вторых, она должна разделяться на общую и частную теолингвистику. Частная теолингвистика должна исследовать проявления конкретной религии или проблемы в языке, общая должна заниматься универсалиями.

В-третьих, теолингвистика может быть теоретической и прикладной.

В-четвертых, теолингвистика может быть синхронной и диахронной. Синхронная теолингвистика должна изучать процессы, происходящие в языке и обществе в настоящий момент, абстрагировавшись во времени, диахронная – изучением явлений и изменений в процессе исторического развития языка и общества (подробнее см.: Гадомский 2004:65–66). Добавим, что диахронная теолингвистика предполагает сравнительно-исторический подход. Ее целью является изучение явлений, представляющих интерес для данной научной дисциплины, в их историческом развитии. Синхронная теолингвистика может быть типологической и сопоставительной.

Однако, определение предмета, цели, задач, методов сопоставительной теолингвистики у Гадомского и в работах других авторов отсутствует. Поэтому попытаемся предложить наше определение ее базовых составляющих.

Предмет исследования сопоставительной теолингвистики составляют проявления религии, которые закрепились и отразились в синхронно рассматриваемых языках, независимо от их генеалогической и типологической принадлежности, а также тождества, сходства и различия в способах отражения, сохранения и передачи религиозного содержания.

Целью сопоставительной теолингвистики является изучение проявлений религии, которые закрепились и отразились в сопоставляемых языках. Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих задач: (а) выбор материала из соответствующих источников на сопоставляемых языках; (б) дифференциация полученного материала; (в) систематизация полученного материала и (г) интеграция полученного материала в целях выявления релевантных для теолингвистики тождеств, сходств и различий между сопоставляемыми языками.

Для обозначения языковых средств, предназначенных для передачи религиозного содержания, в научный оборот введен термин теонема (наиболее полный обзор см. в: Гадомский 2006а; Gadomski 2007). Под теонемой подразумевается языковой знак, функциональная языковая единица, служащая для передачи теологического содержания, инвариант, реализующийся на разных уровнях (ярусах) языковой системы в виде синтаксических, фразеологических, лексических, словообразовательных, морфологических, морфонологических, фонологических вариантов, что представим в следующей таблице:

Языковые уровни (ярус)	Теонема-инвариант	Вариант теонемы
синтаксический уровень (ярус)	синтаксическая теонема	синтаксический вариант теонемы
Фразеологический уровень (ярус)	фразеологическая теонема	фразеологический вариант теонемы
лексико-семантический уровень (ярус)	лексико-семантическая теонема	лексико-семантический вариант теонемы
словообразовательный уровень (ярус)	морфемная теонема	Морфемный вариант теонемы
Морфологический уровень (ярус)	морфологическая теонема	морфологический вариант теонемы
морфонологический уровень (ярус)	морфонематическая теонема	морфонематический вариант теонемы
фонологический уровень (ярус)	фонологическая теонема	фонологический вариант теонемы

Сопоставительный анализ, в котором теонема представляла бы *tertium comparationis* (именно такой подход применяется А. К. Гадомским в работах, базирующихся на русском и польском языковом материале – см. Гадомский 2006а; Гадомский 2006в; Gadomski 2007), нам представляется довольно ограниченным вследствие скромной представленности теонем на большинстве из упомянутых уровней (за исключением лексического и фразеологического). Проиллюстрируем вышесказанное примерами из современного русского литературного языка:

(а) На фонетическом уровне русского языка его общелитературной нормы с теонемами приходится встречаться лишь в единичных случаях. Так, нетипичные, нехарактерные для современного русского литературного языка фрикативные [γ], [γʹ], в то время как в современном русском языке нормативными считаются взрывные [г], [гʹ], по замечанию В. М. Панова, произносятся факультативно в косвенных падежах слова *Бог*: [боу], о [боуʹе] (Панов 1979:25–27).

(б) О представленности теонемы на морфонологическом уровне языка нам позволяют говорить чередования в морфемах религиозного содержания: *отец* – *отче* (ц/ч), *Бог* – *Боже* (г//ж), и т. д.

(в) На словообразовательном уровне теонема фиксируется прежде всего в многочисленных корневых морфемах, которые являются носителями сакральных значений, и в производящих основах слов, служащих базой для образования новых

слов с соответствующими значениями. Так, статья *Бог* в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова включает 86 единиц (Тихонов 1985: I:106–107).

(г) На морфологическом уровне слова, исконно имеющие сакральное содержание, оказываются задействованными в процессах переходности. К примеру, авторы «Русской грамматики» к числу непервообразных междометий, связанных с существительными, относят слова *батюшки, боже, владыко, господи*. Заметное место среди непервообразных междометий занимают также устойчивые словосочетания и фразеологизмы: *батюшки-светы, боже мой, боже праведный, боже правый* и др. (Шведова 1980:732–733). Следующим релевантным для теолингвистики морфологическим процессом можно считать процесс апеллятивизации – процесс перехода собственных имен в нарицательные, т.е. переход *nomen proprium* в *nomen appellativum*. Для исследователей интерес представляет апеллятивизация (апеллятивация) библейских собственных имен (Długosz-Kurczabowa 1990:3–81).

Итак, теонема, по нашему мнению, может быть использована как *tertium comparationis* преимущественно в типологических исследованиях (включая и лингвистическую характерологию).

Обращение к религиолектам, на наш взгляд, предлагает вполне представительный материал для сопоставительных исследований. В таком случае, в качестве *tertium comparationis* выступает *религиолектнизм*.

Под *религиолектом* понимается относительно устойчивая, социально маркированная подсистема национального языка, обслуживающая речевые потребности ограниченной социальной группы верующих людей – членов определенного религиозного общества, отражающая теоцентрическую картину мира и характеризующаяся фонетическими, лексическими, словообразовательными и грамматическими особенностями. С точки зрения стратификации, религиозный социолект – это совокупность языковых средств, которыми владеют члены той или иной этносоциокультурной общности, объединенные стратой *вера в Бога*, т.е. теоцентричным мировидением и мировосприятием, а также общими доктринарными и богослужебными особенностями, характерными для определенной конфессии или деноминации (Бугаева 2008:31–42; Бугаева 2010:13–14).

Описание русского православного социолекта конца XX – начала XXI века наиболее полно представлено в монографии И.В. Бугаевой (Бугаева 2008), где в качестве эмпирического материала послужила картотека, насчитывающая 30000 примеров, собранных исследовательницей в период с 1998 по 2009 г. на основании разных источников, включая средства массовой информации, Интернет, фонозаписи, ручные записи, видеозаписи, художественную литературу. На материале сербского языка автором данной статьи проведены предварительные исследования, базирующиеся на наблюдении внутрицерковной коммуникации в духовных школах, на приходах и в монастырях в период с 1998 по 2011 г. (см. Кончаревич 2012б).

На всех уровнях православного социолекта в обоих языках обнаружен ряд особенностей, отличающих речь верующих как особой подсистемы в рамках современного общенационального языка. Итак, приведем перечень религиолектизмов, наиболее характерных для русского и сербского языков.

(а) На фонетико-просодическом уровне в речи русскоязычных православных верующих наблюдаются ряд произносительных особенностей, восходящих к традициям церковнославянского произношения:

1. Сохранение количественных и качественных характеристик безударных гласных, отсутствие редукции этих звуков: *усердные [мо]ления, [Бого]матерь*;

2. Произношение ударного [э] после мягких согласных и [ц] перед твердыми согласными, отсутствие лабиализации: [*с'естры*], [*м'ертвый*], [*отцэв*];

3. Сохранение произношения г-фрикативного [γ], [γ'] в словах *Бог, благо, благодать* и под.;

4. Побуквенное произнесение окончаний имен прилагательных мужского рода в форме родительного падежа единственного числа (только в прилагательных, относящихся к сакральной лексике): *свят[аго], церковн[аго], боголюбив[аго]*;

5. Сохранение церковнославянского ударения в словах с разными акцентными нормами в русском и церковнославянском языке, типа: *избавитель, плотский, припадаю, помазать, трапеза* (подробнее см. Бугаева 2008:78–90).

Среди фонетических отличий, маркирующих речь православных верующих в сербской среде, можно выделить:

1. Предпочтение архаических произносительных вариантов в сакральной лексике греческого происхождения: *ангел, архангел, Евангелије, евангелски, философија* и под. по сравнению с нормативными *анђео, арханђео, Јеванђеље, јеванђељски, филозофија*;

2. Сохранение церковнославянского ударения в сакральной лексике, заимствованной из церковнославянского и других языков, в первую очередь греческого (*дарохранѝлница, даронóсица, благодаћу, Сведржѝтель, кивóријум, еклисијáрх, канонáрх, трикѝрије*), в произношении канонических аппелятивов (*Макáрије, Васи́лије, Антóније, Христóс*), в наиболее частотных литургических формулах (*Господе, помѝлуй! Амѝн!*) – в последнем случае даже и при употреблении вне сакрального контекста, типа: *Знаш ита је било? Боље да ти не причам! Господе, помѝлуй!; То је тако, и амѝн. Нема разговора*;

3. Предпочтение архаического и диалектно окрашенного ударения (шумадийско-воеводинского типа) в случае наличия акцентных вариантов (произнесение типа *манастирскѝ, апостóлскѝ, преподбѝнѝ, богонóснѝ, правóславнѝ* или *правослáвнѝ, код оца Јовáна* и др. в отличие от нейтрального *манастирскѝ, апостолскѝ, прѣподобнѝ, богóноснѝ, прáвославнѝ, код оца Јóвана* и под.).

В обоих языках, как мы видим, в речи верующих наблюдаются особенности, восходящие к традициям церковнославянского произношения: объясняется это

тем, что, читая церковнославянские тексты за домашним молитвенным правилом и регулярно присутствуя на службах, члены обеих поместных Церквей много времени проводят в церковнославянской языковой стихии, впитывая соответствующие нормы акцентологии и произношения. В сербской среде заметно и влияние произносительных норм шумадийско-воеводинских говоров, что вытекает из господствующей роли Карловацкой Митрополии в формировании сербской церковно-приходской и монашеской духовности и богословской мысли, насаждении церковно-певческих и традиций в сфере проповедничества. Следует учесть, что Карловацкая Митрополия была и родиной братств ревнителей благочестия, сыгравших неопределимую роль в распространении идеалов Православия в широких кругах населения.

(б) На морфологическом уровне в обоих языках тоже отмечен ряд особенностей, характеризующих речь верующих, например, деархаизация и актуализация ряда грамматических форм имен существительных (звательная форма в русском языке: *отче, старче, Николае*, архаические черты в реализации категории падежа – в русском: *князи, крыл, Господеви*, в сербском: *Марије, Матроно, Михаиле, Гавриле*), имен прилагательных (архаические флексии, типа: русск. *святаго, честнаго, животворящаго, многая, благая*, серб. *православному, славному*, степени сравнения – употребление в сербском языке архаических форм превосходной степени с суффиксом *-eји-/-aји-* в титуловании священнослужителей: *блажењејши, свјатјејши, честњејши*), местоимений (в русском использование некоторых архаических форм, например личного местоимения первого лица именительного падежа единственного числа *аз*, родительного падежа личного местоимения женского рода *у нея* и притяжательного местоимения *ея*, употребление устаревших местоимений *иже, сей, кий*, в сербском – предпочтение старых форм дательного-предложного, например: *мојему, твојему, нашему, вашему, свему*), глаголов (в русском языке – актуализация архаических форм аориста и имперфекта: *смеяхся, не рекох, обнищахом*, формобразование от церковнославянских основ, особенности образования причастий, в сербском – актуализация действительных причастий прошедшего и настоящего времен: *кајућем се вернику, сагрешившег монаха*) (ср. Бугаева 2008:93–108; Кончаревић 2012б). Большинство этих особенностей связаны с влиянием церковнославянского языка, причем в сербском православном социолекте наблюдается и актуализация архаических вариантов сербской литературной нормы. Таким образом, грамматические архаизмы становятся важной приметой религиолекта, хотя в обоих языках налицо и явления гиперкоррекции (русск. *Отче уже звонил? Когда владыко придет?*, серб. *Разговарала сам са мати; Била сам код мати Макарије*), свидетельствующие о недостаточном знании истории языка и подсознательном желании маркировать свою речь.

(в) В обоих языках модели и способы словообразования, деривационные форманты в речи верующих, в целом соответствия литературной норме, имеют харак-

терные отличительные особенности. Так, в русском православном социолекте выявлены разнообразные и многочисленные словообразовательные церковнославянизмы, известные в истории русского языка, но затем перешедшие в разряд историзмов, а также неологизмы, ставшие приметой речи верующих (*захожәне, расцерковлятьсѧ, запоститьсѧ*) (Бугаева 2008:108–136). В сербском православном социолекте также наблюдается ряд конфессионально маркированных словообразовательных явлений, напр. сохранение архаических дериватов с суффиксами *-ство*: *апостолство, предстательство, прејемство, претпразнество, стараиство* (и русизм: *старчество*), *столпнииство, -аније/-еније*: *Воздвиженіје, мољеније, нестројеније, оданије, одјејаније, пјеније, послушаније, спасеније* (в этикетной формуле: *Спаси Бог! – На спасеније!*), *-тель*: *гонитель, избавитель, ослободитель, Сведржител, Спаситель* (образования типа: *ослободилац, спасилац* лишены сакральной коннотации); наличие образований с приставками *вз-/вас, воз-/вос-, из-/ис-, низ-/нис-, по-, пре-, са-/су-, уз(а)-, у-*, не характерными для общеупотребительного языка: *взнети (се), воспоставити, возглас, воздвижење, исходити* (в значении *поттицати*: Дух Свети од Оца *исходи*), *испросити* (в значении *измолити*: *испросили* смо благослов од оца Тадеја), *ниспослати, низвести, ниспасти, попразнество, потрпети* (в значении: *стрпљиво сачекати*), *пречисти, преблагословени, сабрат, саслуживати, саподвижник, сараспињати се, сунаследник, сутелесниство, узажелети, уипостасирати*; активное употребление сложных слов, созданных путем калькирования с греческого языка (сербизированных церковнославянизмов), напр.: *водоосвећење, дуготрпење, злословјење, миропомазање, празнословјење, рукоположење*, причем продолжение данного процесса наблюдается и в настоящее время (*душекорисни, ђавоимани, радостотворни* и т. п.); расширенная субстантивация прилагательных (*блажена, верни, грешни, недостојни, преподобни, Пречиста, Свевишњи*) и причастий (*верујући, изабрани, началствујући, новопрестављени, новопросвећени, оглашени, почивши, прослављени, упокојени, уснули*).

(г) Лексический уровень речи носителей православного социолекта в русской и сербской этносоциокультурной среде характеризуется рядом характерных признаков:

1. Высокая представленность терминологической лексики, преимущественно из области литургики, церковного права, аскетики, разного происхождения (грецизмы, церковнославянизмы, гебраизмы, латинизмы);

2. Высокая представленность обиходной лексики, которая в речи верующих подвергается семантической трансформации, например: русск. *чаша, служба, правило, подвижник, искушение, благословить* (объяснения см. Бугаева 2008:156–158), серб. *разрешити (од грехова), разрешење (од поста), благословити* (в смысле 'заповедити, наредити'), *послушање* (в смысле 'обавеза, дужност', например: *испуњавати послушање канонарха, наставничко послушање у богословији*), *смиривати се* ('испуњавати се *смирењем као врлином супротном гордост*');

3. Использование религиолектизмов вместо общеупотребительных лексем (русск. *трапезная* вм. *столовая*, *новолетие* вм. *Новый год*, *труждаться* вм. *трудиться*, серб. *прислужити свећу* вм. *запалити свећу*, *појати у храму* вм. *певати у храму*, *целивати икону* вм. *пољубити икону*, *поклоничко путовање* вм. *екскурзија по светињама*, *имати у молитви/узети у молитву кога* вм. *молити се редовно за кога*);

4. Сужение лексического значения, т. е. ассоциирование полисемичных лексем только с одним значением, типа: серб. лексема *служити*, для которой *Речник српскога језика* Матицы сербской приводит 6 значений, в социолекте ассоциируется лишь со значением '*обављати верски обред*' (аналогичное явление наблюдается и в русском православном социолекте);

5. Наличие специфических неологизмов и окказионализмов, характерных для сленга более узких групп верующих, в частности, учащихся духовных школ или сторонников некоторых идеологических установок, типа: русск. *серое духовенство* (лица с богословским образованием, не принявшие священный сан), *требоисполнитель*, *младостарчество*, серб. *благословија* (богословија), *пастирица* (студенткиња пастирско-катихетског смера), *новотарци*, *паписти*, *Змијулас* (от фамилии митрополита пергамского *Зизјулас*), и т. п.

На основании всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Существует основания для выделения сопоставительной теолингвистики в отдельную область лингвистических исследований.

2. Основной единицей сопоставительной теолингвистики следует признать религиолектизм, тогда как теонема представляет *tertium comparationis* для типологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Długosz-Kurczabowa, K. (1990), „Apelatywizacja biblijnych nazw własnych w języku polskim”, *Prace onomastyczne*, 34, 4–81.
- Gadomski A. (2007), «О кодовом подходе в изучении религиозного языка», *Prace Filologiczne*, LIII, 199–206.
- Gidens, E. (2001), *Sociologija* (Podgorica: CID).
- Naralambos, H., Holborn, M., (2002), *Sociologija: teme i perspektive* (Zagreb: Golden marketing).
- Бугаева, И. В. (2008), *Язык православных верующих в конце XX – начале XXI века* (Москва: Изд. РГАУ – МСХА им. К. А. Тимирязева).
- (2010), *Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития. Автореф. дис. ... д-ра фил. наук* (Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина).

- Гадомский А. К. (2004), «К проблеме определения теолингвистики», *Ученые записки ТНУ*. 17 (56) [№ 1: Филологические науки], 63–69.
- (2006a), «К вопросу о единицах теолингвистики», in *Восточнославянская филология: Сборник научных работ*, вып. 11, ч. 1. *Языкознание* (Горловка: изд-во ГППИИЯ), 11–20.
- (2006б), «Некоторые направления исследований теолингвистики», in *Наукові записки Луганського нац. пед. ун-ту*, вип. 7, Сер. філол. науки: Зб. наук. праць: *Норми та парадокси свідомості й мислення, їх відображення в мовній картині світу* (Луганськ: Альма-матер), 24–41.
- (2006в), «Теолингвистика и грамматика», *Ученые записки ТНУ*, 19 (58) [сер. Филология], 15–25.
- Кончаревич, К. (2011a), „Језик сакралног као предмет русистичких испитивања“, *Јужнословенски филолог*, 67, 163–184.
- (2011б), „Славистичка испитивања у теолингвистици: истраживачки проблеми и резултати“, *Црквене студије*, 8, 187–213.
- (2012a), „Источноевропейска теолингвистика данас: општа лингвистика, славистика, стране филологије“, in Шијаковић Б., (ed.), *Српска теологија у двадесетом веку: истраживачки проблеми и резултати*, књ. 10 (Београд: Православни богословски факултет), 145–171.
- (2012б), „О конститутивним обележјима православног социолекта у савременом српском језику (оглед системско-структуралне анализе)“, *Стил*, 11 (у штампи).
- Панов, М. В. (1979), *Современный русский язык: Фонетика* (Москва: Наука).
- Тихонов, А. Н. (1985), *Словообразовательный словарь русского языка*, в 2-х томах (Москва: Русский язык).
- Шведова Н. Ю. (ed.), (1980), *Русская грамматика*, в 2-х томах (Москва: Наука).

Радмило Н. Маројевић*
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
Београд, Србија

ПОБОЧНИ АКЦЕНТИ У РУСКОМ И СРПСКОМ ЈЕЗИКУ*

0.1. У овом раду се разматра проблем ријечи у руском и српском језику које могу у једном контексту носити главни акценат, а у другом споредни (побочни), као и неколико других питања која су с тим основним проблемом тјесно повезана (питање сложене фонетске ријечи, на примјер). Централни предмет рада су, дакле, двоструки акценати, тј. ријечи које могу имати у једном значењу (или функционалној перспективи реченице) главни, а у другом – побочни акценат. Циљ рада је да се испитају главне разлике између двају језика у погледу граматичке функције главних и побочних акцената.

0.2. У овом, уводном поглављу расправе потребно је дати дефиницију појмова и разлоге коришћења неких лингвистичких термина који се у раду користе у друкчијем значењу од уобичајеног или под другим називом. То се тиче, прије свега, појмова и термина „проста/сложена фонетска ријеч“, које се раније нису разликовале јер су се ове друге посматрале само као ритмичке групе (1), и „побочни/главни акценат“, који су се и раније разликовали, али се овдје термини користе у ширем значењу од уобичајеног (2). Поред тога, потребно је објаснити појам и термин „диверб“, тим прије што се у једном типу дивербâ може појавити главни или побочни акценат у зависности од његове функције, а у другом типу побочни акценат друге компоненте трансформише се у главни (3).

(1) У чланку се, као терминолошка иновација, користи појам и термин *сложена фонетска ријеч*, која се састоји од једне главне фонетске ријечи и једне или више побочних фонетских ријечи. Може се поставити питање: каква је предност термина *сложена фонетска ријеч* у односу на постојеће (и рекло би се општеприхваћене) термине „говорни такт“ или „ритмичка група“ с обзиром на то да се фонетска ријеч тумачила управо као ријеч која има један акценат као своје главно својство (и којој се само прикључују ријечи без акцената, проклитике и енклитике)?

Говорни такт (или ритмичка група) јесте ритмичко-интонациона јединица која се може састојати од више ријечи с главним акцентом, тј. од више (простих или сложених) фонетских ријечи. Тако тротактни стих руских билина и српски епски десете-

* radmilo@mail.ru

** Рад је урађен у оквиру пројекта 178014 *Динамика структура савременог српског језика*, који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

рац као тротактни стих (како га ми тумачимо) могу у једном такту имати двије ријечи (рјеђе више) с главним акцентом, али је само један од тих акцената метрички.

Сложена фонетска ријеч има само један главни акценат и један (рјеђе више) побочних акцената, али ријеч с побочним акцентом не функционише самостално него се обавезно „наслања“ на ријеч с главним акцентом.

(2) Потребно је, затим, објаснити појмове и термине главни/побочни акценат који се у овом раду користе са унеколико друкчијим, ширим значењем од уобичајеног.

Појам двоструког акцента (главног и побочног) није уобичајен у србистици (а јесте у русистици) свакако и због тога што се прозодијски системи руског и српског језика знатно разликују. Због природе руског акцента, слог под акцентом у поређењу с неакцентованим слогом јасно се издваја и квантитетом, и висином тона, и напрегнутошћу, док слог под побочним акцентом заузима средишњи положај и јасно се разликује по наведеним параметрима и од слога под акцентом, и од неакцентованог слога. Ситуација у српском језику много је сложенија, између осталог зато што се акценти разликују по тону и по квантитету и што неакцентовани слог може имати дужину (у књижевном језику само послије акцента) – и што све те разлике по квантитету и по тону карактеришу и побочну фонетску ријеч.

У литератури о руском језику обично се разликују неакцентоване ријечи и ријечи са slabим акцентом («Безударные и слабоударяемые слова» – наслов одјелка у [ОСРЯ 1983:681–682]) и ријечи с побочним акцентом («Слова с побочным ударением» – наслов наредног одјелка у [ОСРЯ 1983:683–684]). Појам «побочное ударение» и настао је да означи споредни акценат у ријечима које имају два акцената, а ми га шире користимо – у овом раду њиме означавамо слабији акценат у спојевима двију акцентогених ријечи. Али га тако не користимо само ми. У Ортоепском речнику руског језика и у одјелку «Безударные и слабоударяемые слова» акценат у граматичким ријечима се назива – «побочное ударение» [ОСРЯ 1983:682] и на исти начин се обиљежава у обје категорије ријечи (знаком који је као краткоузлазни акценат у српском језику). У српском језику однос између акцената у групама ријечи зависи, прије свега, од семантичке компоненте, што је фонолошки релевантно, али у великој мјери и од темпа изговора и типа текста (проза, поезија, разговорни језик), што је релевантно само фонетски (и версолошки).

(3) Најзад, овдје треба да дамо и тумачење појма и термина диверб које је неопходно за разумијевање ауторових идеја у овом и другим радовима сродне тематике. Термином *диверб* означавамо срастање, формално или само семантичко, двије ријечи у једну. Од два типа диверба онај први, у коме друга компонента, уз фонетску редуцију, сраста с првом, читалац ће лакше разумјети: у питању су, на примјер, диверби *h̃e* [h̃e̯] = *he je*, *t̃e* [te̯] = *te je* и *ẽ* [e̯] = *e je* [види т. 3.3.(3)].

Други тип диверба, у коме се прва компонента елидира остајући у семантичкој структури док друга компонента трансформише побочни акценат у главни, сложени-

је је природе. Формално гледано, то су упитно-односне замјенице у функцији диверба (чија прва, лексички неизражена компонента има значење показне, а друга, лексички изражена – значење везничке ријечи), на примјер: *мнѠм се сјѣћаш штѠ (= 'онога што')* си изгубио! [види т. 3.3.(3)].

0.3. Уводно поглавље расправе завршићемо напоменом која се тиче прозодијске интерпретације и прозодијске реконструкције текста.

У вези с побочним акцентима на једносложним везницима и рјечцама подсетићемо на оно што смо истакли у претходном раду, у коме су иначе описани побочни акценти на граматичким ријечима: „Везник *ка* у значењу 'како' чува побочни акценат, док у значењу 'као' може бити потпуно атониран (осим ако се налази испред вокала), али га и у том случају обиљежавамо јер то неутрализовање има позициони (фонетски), а не фонолошки карактер. / [...] Везник *да* испред акцентованог слога може неутрализовати свој побочни акценат, али га и у таквим случајевима обиљежавамо јер то неутрализовање има позициони (фонетски), а не фонолошки карактер. Иначе се он најбоље осјећа ако везник има енклитику“ (Маројевић 2011:106). Побочни акценат из истих разлога реконструисамо и на рјечци *дѠ: дѠ нѣјѠмѠг || јѣднѠг | нѠрјѣчија*, [ЛМ:69]; *дѠ јѣднѠга, || кѠјѣ свѣ | прѠничѣ* – [ЛМ:276] иако се он у тој позицији неутрализује.

Акценат на једносложној (побочној) фонетској ријечи добро се осјећа и кад наредна (главна) фонетска ријеч има проклитику. Тако стих *Горског вијенца* који у нашој интерпретацији гласи: *А ја штѠ ћу, ѧл и са кѣме ћу*: [ГВ:33] (двокомпонентни везник *ѧл и* у значењу 'а и') има на граматичкој ријечи *ѧл* јасно изражен краткосилазни побочни акценат. Ми га зато реконструисамо и у примјеру: *ѧл# Ѡбоје || јѣдно | рѠд дрѠгѠга* [ЛМ:40], тим прије што се везник може реконструисати и с редукованим вокалом [#] у саставу (фонетског) дифтонга.

Није чудо што се наведени примјери и друкчије тумаче – у том смислу да је то чиста проклитичка позиција која не допушта акценте, па ни побочне, на два сусједна слога – кад се слично двојство у тумачењу среће и у русистички у интерпретацији исказа типа: *Сказѧл он*. Побочни акценат се на личној замјеници, кад она није наглашена, не ставља, али да је побочни акценат само неутрализован потврђује изостанак редукције.

1. Сложена фонетска ријеч с побочним (другостепеним) акцентом на *г р а м а т и ч к о ј* компоненти (или на ријечи с могућом двоструком прозодијом, тј. на *л е к с и ч к о - г р а м а т и ч к о ј* компоненти) постоји и у савременом српском, и у савременом руском језику. Основна разлика између двају савремених језика састоји се у томе што српски језик има развијен систем енклитичких замјеничких и глаголских облика, па зато само он може послужити као модел прасловенске језичке ситуације при разматрању функционисања Вакернагеловог закона, док руски језик нема енклитичке варијанте пунозначних замјеничких и глаголских ријечи. Вакернагелов закон (види Wackernagel 1892:333–436) у најопштијој формулацији гласи да су у старим индоевропским језицима енклитике (основног типа) распоређене тако да оне чине фи-

нални дио прве фонетске ријечи (= тактовске групе) фразе. У чланку *Учење о побочним акцентима и Вакернагелов закон о распореду енклитика* (Маројевић 2008), који је читан као реферат на XIV међународном конгресу слависта у Охриду, у првом његовом дијелу, ми смо размотрили сложену фонетску ријеч с побочним (другостепеним) акцентом на граматичкој компоненти у савременом српском и савременом руском језику. У другом и трећем дијелу чланка образложена је примјена Вакернагеловог закона о распореду енклитика на словенске језике и тзв. проклитичко-енклитички тип реда енклитика у староновгородском дијалекту према учењу А. А. Зализњака.

Учење о побочним акцентима уведено је у србистику у нашем критичком издању *Горског вијенца*. У предговору за то критичко издање истакли смо: „Систем од два силазна и два узлазна (главна) акцента проширује се побочним акцентима, који се реализују само у ријечи чија друга компонента већ има главни акценат или у синтагми са ријечју која има главни акценат“ (Петровић-Његош 2005:7). У наставку подробно је размотрен побочни краткосилазни, побочни краткоузлазни, побочни дугосилазни и побочни дугоузлазни акценат, према врстама и категоријама ријечи.

2. У руском језику побочни акценти су описани у ортоепским рјечницима. Поменућемо онај најавторитативнији за изговор и акценат, у редакцији Р. И. Аванесова, у којем су, у прилогу на крају књиге („Сведения о произношении и ударении“), описане ријечи без акцента и са slabим акцентом [ОСРЯ 1983:681–682; ОСРЯ 1997:663–665] и ријечи с побочним акцентом [ОСРЯ 1983:683–684; ОСРЯ 1997:665–666].

(1) У литератури о побочним акцентима није разматрана граматичка функција руских побочних акцената; у њој је главна пажња поклоњена сложеним ријечима. А као што је тачно констатовао Н. С. Трубецки, руском језику, за разлику од њемачког, „неизвестно смыслоразличительное ударение в сложном слове“ (Трубецкой 2000:240): у том смислу у руском језику «второстепенное ударение фонологически несущественно» (Трубецкой 2000: 240), тј. побочни акценат није фонолошки релевантан у сложеним ријечима (али јесте, као што смо ми показали, на синтагматском нивоу).

(2) Граматичка функција руских побочних акцената представљена је систематски само у нашој двотомној Граматици на руском језику (Мароевич 2001а; Мароевич 2001б), али без подробнијег објашњења.

(3) Граматичка функција побочних акцената у руском језику систематски је описана, опет: први пут, по врстама и категоријама ријечи а према примјерима који су у Граматици наведени, у посебном раду који је објављен и на српском (Маројевић 2006), и на руском језику (Мароевич 2008).

3. Руски и српски језик типолошки се подударају кад је ријеч о побочним акцентима на граматичким ријечима и творбеним категоријама [види т. 3.1], а дјелимично разликују кад је ријеч о лексичко-граматичким ријечима [види т. 3.2], с тим што српски језик има побочни акценат и на неким јединицама граматичког система које нису одлика руског језика, тј. на чисто лексичкој компоненти [види т. 3.3].

3.1. С побочним (другостепеним) акцентом на грама т и ч к о ј компоненти могу бити, и у српском, и у руском језику, неке морфолошке категорије – грама т и ч к е врсте ријечи: везници, рјечце, предлози те везничке ријечи (у зависним атрибутивним реченицама), и неке творбене категорије – префиксоиди и прве компоненте сложеница и сраслица. У овом погледу се два језика типолошки подударају, а разликују се по конкретном саставу (списку јединица које имају или могу имати побочни акценат).

3.2. Ријечи с могућом двоструком прозодијом постоје и у савременом српском, и у савременом руском језику, тј. на лексичко-грама т и ч к о ј компоненти може бити побочни (другостепени) акценат. Разлика између двају савремених језика састоји се у слједећем.

(1) Прво, у руском језику личне замјенице и глаголи, за разлику од српских, немају енклитичке варијанте, па се зато за диференцирање значења користи само варирање главног и побочног акцента. И руски језик има своју специфичност кад су у питању личне и присвојне замјенице, па предлошко-падежне везе *с тобоџ, с нџ, с нџм, с побочним акцентом* и у функцији рјечци за указивање на двојину, грама т и ч к и модификују побочни акценат управне личне и управне присвојне замјенице у главни (*мџ с тобоџ, вџ с нџ, нџш с тобоџ, вџш с нџм*).

(2) Друго, у конструкцијама с посесивним значењем (Мароевич 2001:1:164) повратна замјеница има побочни акценат ако стоји уз управну ријеч (именицу с предлогом или прилог): Он пошџл к *себџ* в ко́мнату, главни – ако је самостално употријебљена: Пригласџ друзџџ к *себџ*; помоћу главног и побочног акцента диференцира се фразеолошка и нефразеолошка употреба присвојних замјеница *наш, ваш* уз именицу *брат* (Мароевич 2001:1:166) (такође уз именицу *сестра*): Знџо я *вџшего* брџта! Я сегџдня встрџтил *вџшего* брџта; супстантивизацијом (са даљом адвербијализацијом и срашћивањем с предлогом *по*) присвојна замјеница замјењује побочни акценат у главни, на примјер: по *моемџ* мнџнию → по-*моџему* (Мароевич 2001:1:165).

(3) Треће, показне замјенице *тоџ* и *џтот* уз показне рјечце *вџт* и *вџн* с побочним акцентом и у комбинацији с рјечцом *же*, кад имају значење идентификације, замјењују побочни акценат у главни, док у комбинацији са замјеницом *сџмџџ*, исто у значењу идентификације, чувају побочни акценат (Мароевич 2001:1:174), на примјер: *Вџт џтот* стџл. *Вџн тоџ* костџм. Онџ живџт в *тоџ же* доџме. В *џтом сџмом* доџме прошџо дџтџство поџта.

(4) Четврто, руски језик има неке специфичне полусложенице (заправо: двокомпонентне лексичко-грама т и ч к е ријечи), с побочним акцентом на првој и главним акцентом на другој компоненти, и то специфичне разломке с првом компонентом *пџл-*: *пџлстакџна, пџлвторџго, пџлднџ* 'по дџна, пола дана', *пџлнџчи* 'по ноћи, пола ноћи'; повратна замјеница (ген.) *друџ друџга* пише се растављено, а предлог се умеће између прве компоненте, с побочним акцентом, и друге компоненте, која је носилац главног акцента (Мароевич 2001:1:164), на примјер: (любџть) *друџ* друџга, (забџтиться) *друџ* о друџге; неодређене замјеничке ријечи с компонентом *коџе-* пишу се са цртицом

без предлога, а растављено са предлогом, који се умеће између прве компоненте, с побочним акцентом, и друге компоненте, која је носилац главног акцента (Мароевич 2001: I: 176, 178), на примјер: *Кòде-ктó* из моих друзéй ужè уéхал.

(5) Пето, у руском језику показна замјеница *тóт* у комбинацији с рјечцом *не*, са значењем алтернативности, мијења побочни акценат у главни (Мароевич 2001: I: 173), на примјер: *Ты не тó* хотéл сказáть; у одричној реченици за исказивање непотпуне негације послије речце *не* побочни акценат личне замјенице замјењује се главним: *Мы пришлi* не к *тебé* (Мароевич 2001: II: 113–114), а за изражавање потпуне негације с одричном рјечцом *не* испред помоћног глагола у прошлом и будућем времену побочни акценат потврдне реченице (*Отéц бýл дóма. Отéц бýдет дóма*) обавезно се замјењује главним (Мароевич 2001: II: 129): *Отéц нé был дóма* (или: *Отцá нé было дóма*). *Отéц не бýдет дóма* (или: *Отцá не бýдет дóма*). В столовóй никогó *нé было*; иначе, на копулативном глаголу (у прошлом и будућем времену) у потврђним реченицама (Мароевич 2001: I: 62–63) и у реченицама с одричном замјеницом с префиксом *нé-* (Мароевич 2001: II: 114), као и на облицима полукопулативног глагола *стáть* (Мароевич 2001: II: 63) акценат је побочни: *Он бýл* для нáс загáдкóй. Нéкого *бýло* спроси́ть. Он *стáл* перевóдчиком.

(6) Шесто, у посесивним реченицама двају типова диференцирано се употребљавају главни и побочни акценти на облицима глагола *бýть*: посесивне реченице за исказивање отуђиве припадности, које у садашњем времену имају облике *есть* и *нет* а указују који предмет посједује субјекат посесивности, у прошлом и будућем времену индикатива употребљавају се одговарајући облици глагола *бýть* с главним акцентом и у потврђним (Мароевич 2001: II: 119): *У тебá бýло* врéмя подúмáть. У них *бýли* дéти. *У тебá бýдет* врéмя зайтi к нáм. Тáм у тебá *бýдут* друзýя – и у одричним реченицама, које су по структури безличне (Мароевич 2001: II: 120): *У тебá нé было* врéмени прочитáть кнiгу? У них *нé было* дeтéй. У нáс *не бýдет* врéмени на éто. Рáзве тáм у тебá *не бýдет* друзéй? – као и у кондиционалу (у комбинацији с енклитиком *бы*) (Мароевич 2001: II: 149): *Ёсли бы* у менá *бýло* врéмя, я пошéл бы в теáтр; у посесивним реченицама за исказивање неотуђиве припадности, које у садашњем времену немају облике *есть* и *нет* а указују на обилежје предмета који посједује субјекат посесивности, у прошлом и будућем времену употребљавају се одговарајући облици глагола *бýть* с побочним акцентом, без обзира на негацију (Мароевич 2001: II: 120–121): *У Óли бýли* длiннýе кóсы. У дéвóчки *бýдут* тéмнýе вóлосы. У неé *бýл* некрасiвýй нóс. У дóчeри *бýдут* не свéтлýе, а тéмнýе вóлосы. У менá *бýл* не грiпп, а ангiна.

3.3. У српском језику, међутим, побочни акценат може бити на лексичкој р и ј е ч и. Носилац побочног акцента може бити предикатив [види даље т. (1)] и императивни облик [види даље т. (2)]; такве примјере прокоментарисали смо у *Предговору* за критичко издање *Горског вијенца*. Поред тога, у српском језику и неки диверби у разговорном и књижевноумјетничком функционалном стилу могу имати побочни акценат [види даље т. (3)].

(1) Предикативи, како смо ми ову специфичну врсту ријечи назвали (види по-дробније у Маројевић 2007б), имају статус побочне фонетске ријечи, а ријеч уз коју они стоје – статус главне фонетске ријечи у саставу сложене; на примјер у стиху *Горског вијенца*: *Хва́ла* Бѡгу, || йма́ ли | вјѣштица́? [ГВ:2173], у којем реконструираемо сложену фонетску ријеч: ↓хва́ла^бѡгу↓.

(2) Побочни акценат на облику другог лица јединице императива реконструираемо, на примјер, у првом стиху Пјесме Мустај-кадије (која је у деветерцу): *Нѣ* плач мајко || дѣлбер-|Фати́му – [ГВ:1855 (1)] те у десетерцима (основном стиху *Горског вијенца*): *по́јаш* Ма́рко || твѡѣга | Шарѣна, [ГВ:1801]; *Бјѣж* Ко́мнене, || за́дрѣта | де́лијо, [ГВ:1842]; *Чу́ј* на́роде, || сви́ скѣните | ка́пе: [ГВ:2648]. – У свим наведеним примјерима се остварују сложене фонетске ријечи с главним акценатом на вокативу именице: ↓неплач^мајко↓, ↓по́јаш^ма́рко↓, ↓бјѣи^ко́мнене↓, ↓чу́ј^на́роде↓. При том се у неким случајевима на редукованом облику императива појављује узлазни побочни акценат на посљедњем слогу (на шта смо указали послије критичког издања *Горског вијенца* и у раду Маројевић 2007а:336–337). Навешћемо примјер из *Горског вијенца*: *Ка́ж* вла́дико || штѡ ти *вѣзѣр* | пѣшѣ: [ГВ:1074]. Такав је и примјер из Мажуранићевог спјеве *Смрт Смаил-аге Ченгијућа*: *Ка́ж* Ба́уче || ко́лико би | ми́шах [СА:925].

Када би се облици интонационо одвојили од именице, постали би самосталне (просте) фонетске ријечи, али би се, у првом случају, умјесто предикатива реализовала именица, с узлазним главним акценатом: ↓хва́ла↓бѡже↓, а у другом случају, у посљедња два примјера, морао би се облик императива с редукованим наставком замијенити пуним обликом јер у простој фонетској ријечи узлазни акценат не би могао бити на посљедњем слогу: ↓ка́жи↓вла́дико↓, ↓ка́жи↓ба́уче↓. Наравно, интонациона пауза би се морала интерпункцијски обиљежити: Хва́ла, Бѡже! Ка́жи, вла́дико! Ка́жи, Ба́уче!

(3) У *Горском вијенцу* (фонетски) диверб *ѣѣ* [ѣѣ^е] = *ѣе* је посвједочен је у двије функције – као упитни замјенички прилог срастао са копулом *је*, на примјер: А ѣѣ [аѣѣ^е] био Драшко поповићу? [ГВ:1384], који има главни акценат, и као односни замјенички прилог (везничка ријеч) срастао са копулом *је*: (већ вас вићу под сјајним покровом, чест-народност ѣе је воскреснула) и ѣѣ [иѣѣ^е] олтар на исток окренут [ГВ:2354], који има побочни акценат. У примјеру пак: (док ево ти једнога каваза) ѣѣ [ѣѣ^е] од паше [ѡтпашѣ] за мене дошао [ГВ:2198] прва компонента (фонетског) диверба је везник, а диверб има побочни акценат.

У *Лучи микроkozма* потврђена је само везничка ријеч *ѣѣ*, у саставу (фонетског) диверба (замјенички облик полусрастао с обликом помоћног глагола), и она има побочни акценат: *ѣѣ* ѣѣ^е кѣкање || и плач | ѡкруњено, [ЛМ:525]; *ѣѣ* ѣѣ^е вјѣнча́на || глѣпѡст | са тирјанством, [ЛМ:526]; *ѣѣ* ѣѣ^е вјѣнча́но || биће | с за́чаѣијем, [ЛМ:279]; „[...] *ѣѣ* ѣѣ^е мра́чношћу || сфе́ра | љзбу́њена!“ – [ЛМ:1560]. У (фонетском) дивербу *ѣѣ* [ѣѣ^е] = *ѣе* је у Његошевим пјесничким дјелима ми реконструираемо дифтоншки степен сажимања вокала (могућ је, наравно, и вокалски степен контракције). У везничким (фонетским)

дивербима $t\bar{e}$ [t̄ē] = *те је* и \bar{e} [ē̄] = *е је* могућ је само, и данас, само дифтоншки степен сажимања.

Главни акценат имају упитне замјенице у функцији (семантичког) диверба (чија прва, лексички неизражена компонента има значење показне, а друга, лексички изражена – значење везничке ријечи): *мнѠм се сјѣћѧи || штѠ си | изгѸбио!* [ЛМ:236]; *кѠга вјѣнчѧх || на бесѧмрѧтије –* [ЛМ:1017]; *ШтѠ се гѠрдѧ || нѣпријатељ | дѧчи* [ЛМ:1291]. У 236. стиху диверб штѠ има значење 'онога што', у 1017. стиху диверб кѠга – значење 'онај којега', а у 1291. стиху диверб штѠ – значење 'то што'. У свим примјерима остварен је, наравно, ефекат супстантивизације.

4. Врло важна типолошка разлика између руског и српског језика тиче се неодређених замјеница. У руском се два вида неодређености разликују помоћу постфикса, а у српском – помоћу главног и побочног акцента.

Наиме, побочни акценат може имати упитна замјеница у функцији неодређене кад има значење које се у руском модификује помоћу постфикса *-то* (с тим што је у 25. стиху, као једини акценат у другом такту, тај акценат метрички): *за нѧказу || кѧкву | таинственѸ,* [ЛМ:25], али се и у тој функцији реализује главни акценат кад замјеница има значење које се у руском модификује помоћу постфикса *-нубудь: и јѠит* кѠга || србскѠга | херѠја, [ЛМ:195]; *нѣће ли је || кѧко | Ѹхватѧти.* [ЛМ:804].

5. На основу анализе која је у истраживању прозодијско-интонационе структуре Његошевог спјева *Луча микрокосма* изведена могу се извести закључци о регулаторима појаве главног и побочног акцента, тј. ријечи које у српском језику могу имати главни или побочни акценат реализоваће један или други акценат у зависности од семантичко-интонационих карактеристика контекста.

Најважнији регулатор појављивања или изостајања побочних акцената, нарочито у кругу личних, присвојних и показних замјеница, јесте функционална перспектива реченице (руски: актуальное членение предложения): кад је компонента логички наглашена, њен (потенцијални) побочни акценат трансформисаће се у главни. Поред тога, побочни акценат имаће ненаглашени облици показних замјеница у значењу одређеног члана, а лексема *јѣдан* – у значењу неодређеног члана.

У стиховима: *ѠвѠм мрѧчнѠм || обѧтелѸ | влѧдѧ* [ЛМ:114]; *ѠвѠ грѧѠ || нѧслѣдије | ѡдскѠ* [ЛМ:117] ненаглашени облик показне замјенице, с побочним акцентом, има значење одређеног члана.

Лексема *јѣдан* има побочни акценат у значењу неодређеног члана: *ѠѠ нѧјѣмѠг || јѣднѠг | нѧрјечија,* [ЛМ:69]; *У чѠјѧка је || јѣдан хрѧм | въздвигнѸт,* [ЛМ:111]; *кѧ свѠд јѣдан || од твѠјѣ | пѧлѧтѣ* [ЛМ:144] (с тим што је у 69. стиху тај побочни акценат, као једини акценат у другом такту, метрички).

Неки примјери показују да је дошло до семантичке творбе (раздвајања вишезначне ријечи у хомониме), али је овдје семантичка творба праћена прозодијском, тј. преакцентуацијом, па је раздвајање вишезначне ријечи довело до појаве хомографа. Исто се тако од редног броја, с прозодијом *прѧви*, одвојио придјев, с прозодијом *прѧви*

(у значењу 'пређашњи, некадашњи' које га приближава замјеницама), али обје ријечи, и редни број и придјев у ужем смислу, имају главне акценте. Друкчије је било раздвајање основног броја *јѣдан*, с главним акцентом, и замјенице *јѣдан* (у значењу 'неки'), с побочним акцентом. У неким падежним облицима не само по типу (главни/побочни) него и по мјесту акцента (на основи/на наставку) разликује се замјеница *јѣдан*, с побочним акцентом и значењем 'неки' (у оном семантичком варијетету који се у руском модификује помоћу постфикса *-то*): *пѹт* јѣднога || мѣра | вѣликога; [ЛМ:349]; код јѣднога || ѣсточника | мѣлог [ЛМ:853]; на глибљивѣм || јѣдноме | брежѹлку [ЛМ:2067] и број *јѣдан*, који има главни акценат, на примјер: с тѣбѣм *кѣме* || од јѣднога | слѣва [ЛМ:1179]. Прозѣдјјски (главни или побочни акценат) и семантички (значење броја 'један једини' или значење замјенице 'неки'), лексема *јѣдан* диференцира се и као атрибут исте именице: *кѣји* те је || из јѣдног | атома [ЛМ:1233]; *дѣ* атому || јѣдном | мѣслѣћѣму [ЛМ:408] (с тим што је у 408. стиху остварено фонетско-семантичко опкорачење цезуре ријечју која у контексту има побочни акценат).

6. На основу анализе која је у истраживању прозодијско-интонационе структуре Његошевог спјева *Луча микрокозма* изведена могу се извести закључци и о односу главних и побочних акцената према стилским и версификационим карактеристикама дјела.

На питање да ли се уочене правилности односе само на конкретно дјело, епоху и конкретног пјесника, дакле на стил, или је ријеч о законитостима које су општег карактера и важе начелно за српски језик, може се одговорити слѣдеће.

Све разлике које се могу уочити између Његошевог пјесничког стила и данашњег општеупотребног језика тичу се лексичких и граматичких архаизама и поетијама, а не специфичности употребе главног и побочног акцента у њима.

(1) То што архаични посесивни генитив личне замјенице трећег лица увијек има побочни акценат (с тим што је он у 39. стиху метрички): *из њѣ* сѣсѣ | гѣлѣ | и прѣлѣс'нѣ, [ЛМ:35]; *ѣли* ѣцу || *рѣд* њѣ | удовѣлства, [ЛМ:39]; *ѣл* дѣ чѣвјек || *на њѣ* лѣсту | чѣтѣ [ЛМ:49]; свѣ *њѣх* мѣсли || нѣједно | сѣбрѣне [ЛМ:66] условљено је специфичним односом конгруентних облика (посесивних замјеница), са значењем одређености (наглашености), и неконгруентних облика, са значењем неодређености (ненаглашености).

(2) То што у неким случајевима, кад му је то за комплетирање силабичке структуре првог полустиха било потребно, Његош користи пуне замјеничке облике, али с побочним акцентом, у значењу одговарајуће енклитике, условљено је силабичким разлозима, тј. потребама стиха, а не стилским разлозима: *злѣћа њѣма* || *мрѣчи* | ѣме *Срѣба* – [ЛМ:199]; *сѣнѹ* мѣни || *зрѣка* | пред ѣцима [ЛМ:232]; *њѣј* сѹ струје || *кѣ* прѣзрѣчнѣ | лѣче, [ЛМ:633]; „[...] сѣмо *теѣби* || јѣдан је | пѣдобан“, [ЛМ:913]; *рѣче њѣму* || *твѣрац* | свѣмогѹћѣи [ЛМ:914]; *смѣрит сѣбе* || у мрѣке | нѣ могѹ [ЛМ:1723]. Па и овдје је версификацијом условљен избор једне или друге могућности, а не њено постојање, јер се употреба пуних замјеничких облика с побочним акцентом у значењу енклитике среће и у разговорном функционалном стилу књижевног (стандардног) језика. У текстоло-

шким напоменама указује се да (злоћа) *њѝма* значи '(злоћа) им', тј. њихова (злоћа), (сѝнѹ) *мѝни* – '(сину) ми', *њѝј* (*сѹ* струје) – '(струје *сѹ*) јој', (сѝмо) *тѝби* (је) – '(само) ти (је)', (рѝче) *њѝму* – '(рече) му', а (сѝирит) *сѝбе* – '(смирит) се'.

(3) Исто тако, наглашеност облика помоћног глагола *би*, тј. употреба облика с главним акцентом а не енклитике, условљено је његовом позицијом на почетку стиха или на почетку другог полустиха (послије обавезне цезуре), док је у прозном тексту употреба једног или другог лика условљена само семантичким разлозима, тј. функционалном перспективом реченице. На примјер у стиховима: *мрѝкѝ царство* || *би ѝстало* | вјѝчно, [ЈИМ:920]; *Ада ѝме* || *би вјѝчно* | *ѝстало* [ЈИМ:591] облик *би* могао би бити, да је ријеч о прози или о слободном стиху, и енклитика, па би се тако, без икаквог акцента, могли прочитати фрагменти из тих стихова (**мрѝкѝ царство би ѝстало вјѝчно*; **Ада ѝме би вјѝчно ѝстало*), али би такво читање нарушило цезуру, која је метричка константа десетерца (дакле, обавезно обиљежје стиха).

ЛИТЕРАТУРА

- Мароевич, Радмило (2001а), *Русская грамматика: Сопоставительная грамматика русского и сербского языков с историческими комментариями*, в двух томах, т. I: *Типология. Фонология. Морфология имени* (Москва–Белград).
- (2001б), *Русская грамматика: Сопоставительная грамматика русского и сербского языков с историческими комментариями*, в двух томах, т. II: *Морфология глагола. Синтаксис. Теория перевода* (Москва–Белград).
- (2008), «Грамматическая функция побочных ударений в русском языке», *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*, 3, 109–118.
- Маројевић, Радмило (2006), „Грамагичка функција побочних акцената у руском језику“, *Студије српске и словенске*: Серија I, *Српски језик*, XI (1–2), 37–50.
- (2007а), „О наставном програму српског језика као страног“, in Дешић, Милорад (ed.), *Српски као страни језик у теорији и пракси*: Зборник радова (Београд), 325–339.
- (2007б), „Предикативи у српском језику у систему врста ријечи“, *Радови* (Филозофски факултет Универзитета у Бањој Луци), 10, 13–45.
- (2008), „Учење о побочним акцентима и Вакернагелов закон о распореду енклитика“, *Зборник Матице српске за славистику*, 73, 267–281.
- (2011), „Ријечи с побочним акцентима. Прозодијско-интонациона интерпретација текста. *Луче микрокозма*“, *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, LIV (1), 101–114.
- Петровић-Његош, Петар II (2005), *Горски вијенац* : критичко издање, Маројевић, Радмило (текстологија; редакција и коментар); (Подгорица: ЦИД).

- Трубецкой, Н. С., (2000), *Основы фонологии*, перевод с немецкого А. А. Холодовича; редакция С. Д. Кацнельсона; послесловие А. А. Реформатского, 2-е изд. (Москва).
- Wackernagel, Jacob (1892), „Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung“, *Indogermanische Forschungen* (Strassburg), I, 333–436.

ИЗВОРИ

- ГВ – Петар II Петровић-Његош (2005), *Горски вијенац* : критичко издање, Маројевић, Радмило (текстологија; редакција и коментар); (Подгорица: ЦИД), – цит. по Петровић-Његош (2005).
- ЛМ – Петар II Петровић-Његош (у припреми), *Луча микрокозма* : критичко издање, Маројевић, Радмило (текстологија; редакција и коментар); (Подгорица: ЦИД).
- ОСРЯ ¹1983 – Аванесов, Р. И., (ed.), (1983), *Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы* (Москва).
- ОСРЯ ⁶1997 – Аванесов, Р. И., (ed.), (1997), *Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы*, [5-е изд., испр. и доп. Москва, 1989], 6-е изд., стереотип. (Москва).
- СА – Мажуранић, Иван (у припреми), *Смрт Смаил-аге Ченгијића* : критичко издање, Маројевић, Радмило (текстологија; редакција и коментар); (Подгорица: ЦИД).

Душанка Мирич
Новисадский университет
философский факультет
Нови-Сад, Сербия

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ДИСКУРСА*

1. Сопоставительные исследования русского и сербского языков, имея уже почти вековую традицию, внесли немалый вклад в сербскую славистику. Они в преобладающем большинстве направлены на синхронный план, охватывая все структурные уровни языка, стилистику, семантику, прагматику, а с недавних пор и когнитивный аспект языка. Можно сказать, что наиболее полных результатов они достигли в описании соотношения структурного аспекта двух языков при функционально-семантическом подходе. Сопоставительный анализ прагматического плана остается до сих пор в основном фрагментарным, не исчерпывая себя ни с точки зрения полноты охвата явлений, ни с точки зрения методологии исследования. Говоря о прагматическом плане, мы имеем в виду все аспекты речевой реализации кода – анализ речевых актов и жанров, структурирование и признаки дискурса, разговорной речи как вида дискурса, а также коммуникативное поведение носителей русского и сербского языков при использовании разных каналов коммуникации.

Направляя внимание на сопоставление дискурсов, мы с необходимостью коснемся и описания некоторых из приведенных аспектов.

2. Дискурс как объект лингвистического исследования является довольно сложным и многоаспектным, в первую очередь из-за своей динамики, отсутствия четкого контура, множества каналов коммуникации (Ревзина 2005:66). С другой стороны, он обладает определенной структурой, строится по параметрам, которые поддаются выделению и систематизации. Можно сказать, что в большинстве своем эти параметры являются универсальными, но, с другой стороны, существуют и специфические элементы, культурно обусловленные. Их выявление оправдывает сопоставление двух языков в такой же мере, в какой и описание языковых средств, в устной или письменной реализации.

В сербской русистике до сих пор чаще всего внимание исследователей направлялось именно на языковые средства, образующие материальную основу дискурса и обеспечивающие доступ к принципам его структурирования. Причины

* Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого Министерством науки и образования РС, грант № 178002.

этому можно искать в подразумеваемой универсальности принципов и тем самым в их предполагаемом совпадении в близкородственных языках. Этот аспект все же присутствует в некоторых работах, посвященных сопоставлению характеристик диалога в двух языках (Вичентич 1997) и определению диалогических единиц (диалогического целого) (Мирић 1986, 2009; Пипер 2006), а также в исследованиях по коммуникативному поведению.

Именно работы, выполненные в рамках научно-исследовательского проекта «Коммуникативное поведение славянских народов» под руководством И. А. Стернина и П. Пипера, ближе всего примыкают к описанию дискурсивных характеристик сербского языка в отдельности и в сопоставлении с русским. В проекте не ставилась цель последовательного сопоставления, так что, к сожалению, отдельные темы не исследованы на материале обоих языков. Общей методологической характеристикой работ является использование ситуативной модели описания коммуникативного поведения, позволяющей систематизировать языковые средства в соответствии с исследуемой ситуацией. Своей целостностью внимание привлекает описание коммуникативной культуры в контексте православной церковной среды, охватывающее как поведение монахов, священников, старообрядцев, аскетов (Кончаревич 2006а; 2006б; 2006в; 2010), так и источники материала и литургический дискурс (Кончаревич, Бајић 2003; 2004; Кончаревич 2007а; Кончаревич 2007б; Кончаревич 2007в; Кончаревич 2008). Это описание представляет собой часть более широкого проекта изучения православных сакральных коммуникативных культур, теоретическо-методологические основания которого изложены в (Кончаревич 2010а; Кончаревич 2010б).

В отдельных статьях затронута категория вежливости и сопоставление речевого этикета (Вичентич 2004). Проект «Коммуникативное поведение славянских народов» охватил также описание дискурса по отношению к каналу связи: например, дискурс публичных надписей (Попович 2006) и посмертных газетных объявлений в сербском языке (Kostić 2004), а также жесты как невербальные диалогемы русских и сербов (Попович 2004). К сопоставительному описанию по каналу связи относится также анализ бежабитивов в сербском, русском и украинском эпистолярном дискурсе (Попович 1997).¹

На материале разговорной речи учитывались и исторически заданные социальные составляющие коммуникации общего типа, например, при описании обращения (Войводић 2002; Войводић 2004) в русском языке и в сравнении с другими славянскими языками.

Что касается исследования коммуникативных (речевых) жанров как одной грани рассмотрения дискурса, оно в нашей русистике представлено пока одиноч-

¹ Целостное описание дискурса по одному типу канала коммуникативной связи, охватывающее материал сербского языка, представлено монографией (Попович 2000).

ными примерами, – за исключением жанра установления контакта в сербском языке (Пипер 2006), сопоставительным методом описан жанр совета с учетом тактик его реализации (Попович Д. 2010)²

Описание стратегий и тактик достижения коммуникативных целей в дискурсе в рамках анализа категории вежливости проводится уже довольно долго, но на материале русского и сербского языков, по сути, только начинается. Определены, например, стратегии, используемые в двух языках при выражении согласия и несогласия (Мирич 2008а). Такое направление в исследовании дискурса данных языков кажется перспективным, а сопоставление может дать интересные результаты, не только теоретические, но и прикладные. На материале русского языка описана и теоретически обоснована дискурсивная категория смягчения, которая может трактоваться и как речевая стратегия (митигация) и как модусный смысл в семантической структуре высказывания (Мирич 2007). Данная категория в русском коммуникативном поведении гораздо ярче проявляется, чем в сербском, и поэтому сопоставление речевого материала должно дать значимые результаты как раз для сербского языка.

К сопоставительному исследованию дискурсивных явлений следовало бы отнести и работы, касающиеся выражения эмоций (Маслова 2004а; Маслова 2004б; Мирич 2006; Мирич 2008б), поскольку они ориентированы на речевой материал, хотя и с доминирующим синтаксическим и/или семантическим подходом.

Особое место в исследовании сербского дискурса занимает семантически обоснованный анализ дискурсивных маркеров по отношению к темпоральной локализации (Пипер 1997), представляющий собой удобную модель для сопоставительного описания, но до сих пор, по сути, не востребованную в сербской русистике.

3. Доминирующим признаком большинства исследований, которые можно отнести к сопоставлению русского и сербского дискурса, во многом является направленность на дискурс как практику, на инвентаризацию языковых средств и условия их использования.

Представляется, что более углубленного изучения дискурса можно достичь, исходя из устройства коммуникативной ситуации и идя по направлению к языковым средствам и факторам, регулирующим их употребление. Такие факторы, на наш взгляд, можно искать на плане смысловой структуры высказывания. Подобный подход требует определенной формализации структуры дискурса, хотя бы на элементарном уровне.

Прототипическая коммуникативная ситуация подразумевает как минимум общение двух участников, что, со своей стороны, производит дискурсивную струк-

² Драгана Поповић, *Говорни жанр савета у руском и српском језику*. Магистерска работа, защищенная на философском факультете Университета в Нови-Саде.

туру, образованную из реплики-стимула и реплики-реакции, которую также можно считать прототипической. В исследованиях дискурса далеко не всегда учитывается специфика каждого типа реплик, особенно реплик-реакций, раскрывающих коммуникативную роль адресата. Несмотря на динамику процесса общения и переменчивость ролей, адресат заслуживает более пристального внимания, потому что его речевое поведение не совпадает полностью с поведением говорящего (адресанта), т.е. того, кто инициирует акт общения. Изучение дискурса с такой точки зрения дает возможность более тщательного освещения его структуры и осмысления реактивного аспекта в его устройстве.

Предварительный анализ реактивных высказываний в обоих языках показал, что стимулы и реакции не соотносятся однозначно. Если информативные реакции (ответы) в первую очередь соотносятся с речевым стимулом, коммуникативная цель которых определяется как вопрос (*– Сколько времени? – Четверть седьмого! – Колико је сати? – Шест и петнаест*), то ряд других соотносится с неречевым стимулом. Высказывания типа *Что поделаешь?* в русском и *Шта ћеш; Шта се може*, выражающие принятие в сербском языке, являются реакциями как на речевой, так и на неречевой стимул. Русское высказывание *На что это похоже!?* и его сербский эквивалент *На шта то личи!?* являются реакцией возмущения и на действие и на высказывание.

Этот факт указывает не только на необходимость предварительного разделения стимулов на речевые и неречевые, но и решения вопроса о том, следует ли неречевые стимулы брать во внимание при изучении реактивных реплик.

При реализации речевых же стимулов, решающую роль могут играть не только легко узнаваемые коммуникативные цели, напр. вопроса или приказа, но и асертивные и пресуппозитивные элементы смысла высказывания. Реакцией на пресуппозицию стимула являются такие реплики, как *Ну и что же? / Па шта?* в диалогическом единстве:

- а) – *А зачем вашему знакомому Дюваль? Он, кажется, математик.*
– *Ну и что же? Я – тоже бывший математик, а вот ведь иду с вами на лекцию по византийскому искусству.* (Каверин)
- б) – *А шта ће вашем познанику Дивал? Зар он није математичар?*
– *Па шта? И ја сам бивши математичар, а ето идем с вама на предавање о византијској умјетности.*

Пресуппозицией высказывания *Он, кажется, математик* является смысл 'математик не должен иметь отношения к искусству', что и вызывает некооперативную реакцию.

Несмотря на асертивную или пресуппозитивную природу смысла речевого стимула, в основу реплики-реакции положена его когнитивная обработка и оценка как положительного/отрицательного или приемлемого/неприемлемого, а из этой

оценки проистекает степень кооперативности адресата. В рамках задуманного исследования реактивного аспекта русского и сербского дискурса уже проанализированы такие реакции, как принятие/непринятие (Мирич 2009), согласие/несогласие (Мирич 2008а) и одобрение/неодобрение (Мирич 2010). Установлено, что элементом, объединяющим все приведенные типы реакций, является общая оценка стимула в терминах «хорошо–плохо», лежащая в их основе. Каждый тип реакции представляет собой вид отношения к стимулу, его субъективную интерпретацию, имплицитную или эксплицитную.

Когда речь идет об эмоциональных реакциях, действует тот же принцип, поскольку и эмоции основываются на когнитивной обработке стимула и его оценке как положительного-отрицательного. Например, реакцию возмущения по сравнению с негодованием можно определить как эмоциональную, но в основе обеих лежит оценка «-«, а это сугубо субъективный смысловой компонент. Это указывает, что природу данных реплик-реакций можно определить в семантической плоскости, а именно как модусные смыслы. Таким образом, и эмоциональные компоненты смысла подвергаются семантическому толкованию.

Сложность последовательного сопоставительного анализа представляет собой необходимость выделения основы сопоставления. Семантическая обоснованность дискурсивных реакций дает возможность создать сеть модусных смыслов и постулировать их как основу сопоставления, с опорой на которую описываются языковые средства и выявляется контраст между языками. Основа сопоставления, определенная в семантической плоскости, не исключает из дескрипции другие аспекты дискурса, а объединяет их как фактор, регулирующий функционирование языковых средств. С другой стороны, такой подход к дискурсивным явлениям может послужить целям когнитивного анализа, как очередной ступеньке дескрипции.

В ходе исследования оказалось, что данный подход применим и в установлении стратегий и тактик речевого поведения адресата, а также в систематизации функций ряда конвенционализированных языковых средств. Языковая реализация реактивного аспекта происходит во многом путем употребления конвенционализированных лексико-синтаксических структур, требующих неструктурного подхода. Именно в этой части удалось установить, что конвенционализацию средств выражения в обоих языках обуславливают совпадающие семантические и грамматические механизмы, например, в сфере интенсификации субъективных смыслов (Мирич 2008б).

В рамках задуманного проекта предстоит дальнейшая разработка реактивного аспекта на материале русского и сербского дискурса, в первую очередь роли его эмоциональной составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

- Kostić, Jelena (2004), „Novinski oglasi kao deo rituala vezanih za smrt“, in Пипер, П., Стернин И. А. (eds.), *Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки*, вып. 19 (Воронеж: ВГУ), 134–145.
- Mirić, Dušanka (1986), „O dijaloškoj cjelini pri usvajanju srpskohrvatskog kao stranog jezika“, in *Zbornik radova III simpozijuma Kontrastivna jezička istraživanja* (Novi Sad), 121–127.
- (2009), „Tipovi dijaloških reakcija u kontrastivnom aspektu“, in *III međunarodni kongres „Primenjena lingvistika danas: između teorije i prakse“, 31. oktobar – 1. novembar 2009. Knjiga sažetaka* (Novi Sad: Društvo za primenjenu lingvistiku – Filozofski fakultet), 83.
- Piper, Predrag (1997), *Jezik i prostor*. (Zemun – Beograd: Biblioteka XX vek – Čigoja štampa).
- Вичентич, Биляна (1997), «К вопросу об особенностях диалогической речи в сербском и русском языках», in Станкович, Б. (ed.), *Сопоставительные и сравнительные исследования русского и других языков: доклады* (Београд: Славистичко друштво Србије – Филолошки факултет), 379–385.
- (2004), «Речевой этикет у сербов и русских», in Пипер, П., Стернин И. А. (eds.), *Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки*, вып. 19 (Воронеж: ВГУ), 95–100.
- Войводић, Дојчил (2004), «О лингвокультурном статусе обращений в русском языке в прошлом и настоящем», in Пипер, П., Стернин И. А. (eds.), *Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки*, вып. 19 (Воронеж: ВГУ), 101–129.
- Војводић, Дојчил (2002), „О вокативном обраћању у српском и другим словенским језицима“, *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 31/1.
- Джаповић, Ласта (2004), «Проклятие как мерило значимости», in Пипер, П., Стернин И. А. (eds.), *Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки*, вып. 19 (Воронеж: ВГУ), 178–183.
- Драгичевич, Райна (2004), «Сербский коммуникативный идеал в сопоставлении с русским (экспериментальное исследование коммуникативного поведения)», in Пипер, П., Стернин И. А. (eds.), *Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки*, вып. 19 (Воронеж: ВГУ), 90–94.
- Кончаревић, Ксенија (2006a), „Комуникативно понашање монаха у српској говорној и социокултурној средини (ситуативни модел анализе)“, *Зборник Матице српске за славистику*, 69, 113–151
- (2007b), «Прилог проучавању метаструктуре литургијског дискурса: начела организације и дискурсни маркери». *Стил*, 6, 179–190.

- (2008), „Литургијски дискурс као предмет интердисциплинарног проучавања“, in Гадомский, А. К., Лапич, Ч. (eds.), *Хрестоматия теолингвистики, Chrestomatia teolingwistyki* (Симферополь: Универсум), 91–104.
- (2010a), „Теоријско-методолошке основе проучавања сакралних комуникативних култура као предмет лингвистичких култура *Rex Slavia Orthodoxa*“, *Славистика*, XIV, 89–95.
- (2010b), „Српска сакрална комуникативна култура као предмет лингвистичких истраживања“, *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 36/1, 73–82.
- Кончаревић, Ксенија, Бајић, Ружица (2003), „О неким лингвистичко-комуниколошким аспектима литургије (прилог проучавању комуникативних функција литургијског дискурса)“, *Богословље*, XLVIII [LXII] (1–2), 41–74.
- , — (2004), „О комуникативним функцијама литургијског дискурса у српском језику“, in Пипер, П., Стернин И. А. (eds.), *Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки*, вып. 19 (Воронеж: ВГУ), 146–177.
- Кончаревич, Ксения (2006б), «Коммуникативное поведение монашествующих в сербской речевой и социокультурной среде», in Стернин, И. А., Пипер, П. (eds.), *Коммуникативное поведение славянских народов* (Воронеж: Истоки), 28–54.
- (2006в), «О некоторых аспектах коммуникативной культуры старообрядцев», in Стернин, И. А., Пипер, П. (eds.), *Коммуникативное поведение славянских народов*, вып. 22 (Воронеж: Истоки), 97–120.
- (2007a), «Язык сакрального в зеркале современной коммуникологии (опыт функционального анализа литургического дискурса в церковнославянском языке)», in *Сборник трудов Нижегородской духовной семинарии*, вып. 5 (Новгород: Нижегородская духовная семинария), 335–348.
- (2007б), «О некоторых специфических маркерах метаструктуры литургического дискурса», in Иншаков, О. В. (ed.), *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : Материалы Второй международной научной конференции (Волгоград, 24–27 апреля 2007)*, т. 1 (Волгоград: Издательство Волгоградского университета), 630–635.
- Маслова, А. Ю. (2004a), «Коммуникама как компонент процесса общения (на материале эмотивных высказываний в русском и сербском языке)», in Пипер, П., Стернин И. А. (eds.), *Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки*, вып. 19 (Воронеж: ВГУ), 146–177.
- (2004б), «Языковые способы выражения эмоций (на материале русского и сербского языков)», *Сборник Матице српске за славистику*, 65–66, 101–120.
- Мирић, Душанка (2006), „Емоционални модус и говорно понашање“, *Славистика*, X, 86–93.
- (2007) „О статусе категории смягчения в русском языке“, *Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*, XXXII, 354–364.

- (2008б), „О интензификацији субјективних значења у српском и руском језику“, *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*, XXXIII, 283–294.
- (2009), „Реакција прихватања као модусно значење у српском и руском језику“, *Славистика*, XIII, 389–397.
- (2010), „О семантичком статусу одобравања – неодобравања“, in *Peti međunarodni simpozijum „Susret kultura“ : zbornik radova, 1* (Novi Sad: Univerzitet u Novom Sadu, Filozofski fakultet), 487–494.
- Мирич, Душанка (2008а), «Согласие – несогласие как явление дискурса русского и сербского языков», in Станковић, Б. (ed.), *Изучавање словенских језика, књижевности и култура као инословенских и страних* (Београд: Славистичко друштво Србије), 251–258.
- (2011), «Прагматические функции эмотивных предикатов в сербском и русском языках», *Русский язык как инославянский*, 3, 98–103.
- Пипер, Предраг (1990), „Грамаптичке категорије и говорна ситуација у српскохрватском и другим словенским језицима“, *Књижевност и језик*, XXXVII (1), 20–31.
- (2003), «О некоторых особенностях сербского коммуникативного поведения (в сопоставлении с русским)», *ЯНС*, 4, 107–111.
- (2006), «Как дела? О контактоустанавливающих диалогах в русском и сербском языках», in Стернин, И. А., Пипер, П. (eds.), *Коммуникативное поведение славянских народов*, вып. 22 (Воронеж: Истоки), 3–12.
- Пипер, Предраг, Стернин, И. А. (2004), «О контрастивном изучении коммуникативного поведения близкородственных народов (русская и сербская коммуникативные культуры)», in *Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки*, вып. 19 (Воронеж: ВГУ), 3–9.
- Поповић, Драгана (2011), „Прагматичко-семантичка анализа говорног жанра савета (на материјалу руског и српског језика)“, *Зборник Матице српске за славистику*, 80, 137–164.
- Поповић, Људмила (2000), *Епистоларни дискурс украјинског и српског језика* (Београд: Филолошки факултет).
- Попович, Людмила (1997), «Языковая реализация бехабитивов в эпистолярном дискурсе русского, украинского и сербского языков», in Станкович, Б. (ed.), *Сопоставительные и сравнительные исследования русского и других языков: доклады* (Београд: Славистичко друштва Србије – Филолошки факултет), 367–373.
- (1998), «Высказывание, „навязывающее“ общение в эпистолярном дискурсе», *Acta Universitatis Wratislaviensis, 2039, Slavica Wratislaviensia C* (Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego), 179–186.
- (2004), «Жесты как невербальные и фразеологизированные диалогемы русских и сербов», in Пипер, П., Стернин, И. А. (eds.), *Коммуникативное пове-*

- дение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки*, вып. 19 (Воронеж: ВГУ), 146–177.
- (2006), «Дискурс публичных надписей в коммуникативном поведении русских и сербов», in Стернин, И. А., Пипер, П. (eds.), *Коммуникативное поведение славянских народов*, вып. 22 (Воронеж: Истоки), 61– 84.
- Ревзина, О. Г. (2005), *Дискурс и дискурсивные формации*, online: <<http://www.philology.ru/linguistics1/revzina.05.htm>>.

Игорь Анатольевич Нагорный*
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
филологический факультет
Белгород, Россия

СЛАВЯНСКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА: ВЕРОЯТНОСТНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ СООБЩАЕМОГО

Концептосфера индивида – многогранное и разноаспектное антропоцентрическое явление. С развитием когнитивной лингвистики, концептологии и прагмалингвистики описание концептосферы индивида приобрело целенаправленный и планомерный характер. Однако до сих пор существует достаточное количество областей концептосферы, грани которых очерчены в науке о языке только приблизительно. К таковым относится область субъективно-модальных смыслов и значений, концептологическая и коммуникативно-прагматическая составляющие которых требуют детального рассмотрения.

Славянская концептосфера базируется на комплексе динамических параметров, среди которых параметр вероятностной квалификации сообщаемого является одним из наиболее востребованных и универсальных. Предположение, сомнение, вероятность, колебание, возможность, кажимость как операции ментального уровня характерны для субъекта мыслящего, чувствующего, окруженного стрессами, кризисами, катаклизмами. Это операции, помогающие субъекту постичь окружающую действительность, выразить свое отношение к ней, квалифицировать происходящие события. Данные операции универсальны по сути, поскольку их применение продуцируется индивидом и возможно по отношению к любым явлениям, процессам, характеристикам, временным и пространственным локализаторам. Мотивация вероятностной квалификации сообщаемого может быть различной, объекты же ее ограничены объемом индивидуальных картин мира социумов. С другой стороны, универсальность вероятностной квалификации сообщаемого интегрируется с яркой специфичностью средств ее выражения в национальных языках. Национальный менталитет вырабатывает оригинальные языковые и внеязыковые формы, средства и способы выражения вероятностной квалификации события. Данные языковые и внеязыковые факторы систематизируются в национальных языковых картинах мира и представляют собой упорядоченную сферу с четко проявленной ядерно-периферийной организацией.

* inagorn@gmail.com

Облигаторным свойством любого смысла, в том числе и модального, является его информативность. Последнее является причиной сведения смыслов определенной сферы в смысловые блоки. Один из таких блоков составляют субъективно-модальные вероятностно-квалификативные смыслы «предположение», «сомнение», «возможность», «вероятность», «колебание», «эвиденциальность», «кажимость».

Смысл «предположение» является ядерным смыслом сферы вероятностной квалификации события. Реализация его в языке и речи закономерна, так как именно данный смысл является семантическим центром, вокруг которого группируются другие квалификативные смыслы. По отношению к логическим смыслам «возможность» и «вероятность» «предположение» является локально-конкретизирующим смыслом, актуализированным говорящим для решения частной коммуникативной задачи.

Предположение исходит из возможности. Но предположение не есть сама возможность. Эти две смысловые сущности различны. Предположение в отличие от возможности всегда субъективно. Оно преломляется исключительно через «я» индивида, в то время как возможность зависит не столько от субъективного фактора, сколько от условий, существующих вне его в объективной реальности. Возможность раскрывает объективную тенденцию развития события. Это то, что может стать фактом действительности при реализации определенных условий. Логическая возможность есть указание на некие условия, могущие повлиять на характер отношений между субъектом и предикатом суждения. В свою очередь, данные условия могут быть или связанными, или не связанными с субъектом.

Предположению присущи в славянских языках оригинальные средства выражения. В русском языке это знаменательные части речи с соответствующим значением, функционально-синтаксический способ (например, вопросительный тип конструкции), просодические средства, модальные слова и частицы со значением недостоверности сообщаемого (*может быть, должно быть, будто, точно, слово, как бы, чай, авось, якобы, небось, неужели, разве* и под.).

Концептуальный компонент значения, составляющий ядро предположения, служит фактором фиксации высказывания на соответствующем отрезке модальной шкалы степеней достоверности в границах смысловой сферы «предположение». Предположение имеет своим содержанием предварительное суждение о чем-либо, заключающее ту или иную степень уверенности говорящего в сообщаемом, основанную на степени его осведомленности. Здесь, естественно, имеет место градация оттенков. Их диапазон – от высокой степени уверенности до полной неуверенности в сообщаемом. Однако важно то, что предположительная уверенность никогда не может быть приравнена к констатирующей уверенности в достоверности или недостоверности факта. Определяющим оказывается то, что говорящий зачастую просто не имеет веских аргументов, базирующихся на объективных

данных, для констатирующего утверждения или отрицания факта действительности. При этом субъект часто оперирует лишь своим собственным мнением, не основанном на знании всех условий, имеющих как непосредственное, так и опосредованное отношение к квалифицируемому событию: *Мне казалось непонятным и странным: неужели о таком пустяке, как проживание в Крыму – нужно еще хлопотать?* (А. Аверченко); *Должно быть, всему есть предел* (А. Иванов); – *Разве нет надежды, – продолжала Наташа, – разве батюшка не сжалятся надо мною?* (А. Пушкин); *Лечился, говорят, на кислых он водах, Не от болезни чай, от скуки, – повольнее* (А. Грибоедов); *Вероятно, этого не стоило сюда приходить* (А. Иванов); *На вид ему лет двадцать, едва ли больше* (Р. Штильмарк).

Выделение смысла «предположение» ориентирует на учет не только комплекса лингвистических факторов. Особое место при этом отводится интонационным и контекстуальным текстовым показателям, которые в этом случае служат основой для развития в тексте или устном диалоге смысла «предположение»: *Молодая послушала отказ тоже как будто спокойно, – она, разойдясь с Тихоном Ильичем, опять взяла манеру бесстрастно молчать, не глядеть ему в глаза. Но через полчаса, уже собравшись, Родька пришел вместе с ней просить прошения. Молодая стояла на пороге, бледная, с опухшими от слез веками, и молчала* (И. Бунин). Как следствие этого, возникает множество переходных ступеней и довольно большое количество высказываний, в семантике которых трудно однозначно дифференцировать наличие неосложненного смысла «предположение», фиксируемого только формальным языковым средством (Ср.: *Все-таки когда-нибудь счастливой Разве ты со мною не была?* (А. Блок) (сомнение, осложненное желательностью); *Скептики на это замечали, мол, как бы не случилось непоправимого* (Е. Носов) (предположение, осложненное опасением)).

Предположение – основа для реализации сомнения. Второе без первого невозможно, в то время как первое без второго эксплицируется достаточно часто: – *Ну, прощайте, други... Засиделись мы у вас – и вам, чай, надоели* (И. Тургенев); – *Хе-хе... Мечтай, Илька! Чего не бывает на свете! Авось все, что я говорю, правда* (А. Чехов). Там, где выражено сомнение, всегда имеется некая доля предположительности, однако последняя не превалирует, так как цель сомневающегося субъекта заключается не столько в том, чтобы предположить об описываемом, сколько в том, чтобы выразить неуверенность в достоверности или недостоверности факта, в истинности чего-либо, актуализировать некую спорность проблемы, колебание, возникающее при необходимой для говорящего квалификации события: *Ты вроде уже говорил мне об этом* (В. Шишков); – *Она прежде была испорчена и на голоса крикивала, да, верно, ей это прошло. – Не знаю, – говорю, – что-то будто и не слышно, не кричит* (Н. Лесков); *Как вдруг из расспросов сиделки, Покачавшей головой, Он понял, что из переделки Едва ли выйдет он живой* (Б. Пастернак); – *Ну, а почему бы и нет?.. – Да неужели?* (В. Шукшин). В результате речевые высказы-

вания со значением сомнения активно смещаются к смысловому полюсу отрицания. Это логически оправдано: чем большая доля авторского сомнения фиксируется в высказывании, тем более последнее в семантическом аспекте приближено к обозначенному полюсу. В то же время с отрицательными подобные высказывания не смыкаются. Возможность осуществления факта хотя и подвергнута здесь говорящим сомнению, однако не отрицается полностью. На это у автора либо нет достаточных оснований, либо, напротив, имеются особые причины, препятствующие нейтральной утвердительной или отрицательной констатации. Отрицания не происходит даже в том случае, когда в высказывании выражена глубокая степень сомнения, базирующаяся на знании говорящим обстоятельство, определяющих его субъективное мнение: – *Ты помнишь меня, малышка?* – спросил он. – *Хотя вряд ли: тебе было всего три года, когда я был у вас в последний раз* (А. Волков); *Да, помоему, он едва ли приедет* (А. Иванов). В этом проявляется специфичность сомнения как смысла концептосферы индивида.

Сомнение базируется на субъективно-авторском мнении и имеет своим выражением мысль о возможном несоответствии факта действительному положению вещей. План содержания сомнения типичен в своей основе для национальных языковых картин мира. Частные отличия базируются на коннотативных факторах, обусловленных разного рода социальными, историческими и культурологическими условиями. Межкультурная универсальность сомнения как ментальной операции субъекта противопоставлена яркой специфичности языковых и внеязыковых средств выражения сомнения в национальных языках.

В плане выражения для русского языка характерна стройная ядерно-периферийная организация языковых средств, в состав которых включаются: знаменательные части речи с соответствующим значением (*сомневаться, сомнение, сомнительный, сомнительно* и под.); функционально-синтаксический способ (например, вопросительный тип конструкции); различные просодические средства; модально-сомнительные частицы (*вряд ли, едва ли*). Функционально-семантическое поле сомнительности – сложное, иерархически организованное образование с четко проявленным ядром и богатой периферией.

Предположение и сомнение как смыслы вероятностной сферы квалификации события часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавный переход одного смысла в другой, совмещение их в пределах одного высказывания. Одним из дифференцирующих критериев, думается, может служить степень обоснованности мнения, на которую ориентируется субъект при построении вероятностно-кваликативного высказывания. При этом должен быть учтен фактор, что структура вероятностно-кваликативного смысла сложна. Редким исключением являются случаи, когда вероятностные смыслы выступают в своем неосложненном варианте. Осложнения, образуемые коннотативными, текстовыми наслоениями, разного рода оценочными и ситуативными факторами, прагматически обу-

словленными и оправданными, – все это подводит к тому, что сфера общего квалификативного смысла высказывания должна исследоваться системно и поэтапно, с коммуникативно-прагматических позиций.

Резюмируем сказанное. Параметр вероятностной квалификации события является одним из наиболее универсальных в концептосфере индивида. Вероятностно-квалификативные смыслы, в частности смыслы «предположение» и «сомнение», не являются статичными образованиями. В процессе коммуникации они характеризуются как динамичная, развивающаяся система, отвечающая требованиям речевого процесса и предназначенная для решения поставленной перед говорящим коммуникативной задачи. В то же время фактор необходимой иерархизации смыслов при исследовании концептологического аспекта проблемы, несомненно, должен иметь место. Описание блока вероятностно-квалификативных смыслов, обслуживающих особую, специфическую область информационного пространства индивида, в перспективе представляется актуальным.

II

Валентина Алексеевна Кузьменкова
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
филологический факультет
Москва, Россия

ЕДИНСТВО ФОРМАЛЬНОГО, ФУНКЦИОНАЛЬНОГО И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ПОДХОДОВ В «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ» М.В. ЛОМОНОСОВА

«Российская грамматика», написанная великим русским учёным энциклопедистом М.В. Ломоносовым, явилась важной вехой в истории русской грамматической мысли. По словам Н. Ю. Шведовой, в ней «впервые были сформулированы главнейшие аспекты изучения грамматического строя русского языка: формальный, функциональный и стилистический – в их органическом взаимодействии; этим определилось развитие русской грамматической мысли на много десятилетий вперёд» (цит. по Евтюхин online).

В первой Российской грамматике не только научно представлена система средств русского языка, но показан их функциональный потенциал и даны практические рекомендации, «наставления», говоря словами автора, «как говорить и писать чисто Российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению» (Ломоносов 1952:42). Эти слова дают нам основание считать «Российскую грамматику» М.В. Ломоносова не только практическим руководством для носителей русского языка, но прообразом грамматики русского языка для иностранцев.

Прекрасное знание родного и нескольких иностранных языков позволило Ломоносову эффективно использовать сравнительно-сопоставительный метод при описании особенностей русского языка. Он сопоставляет и анализирует языковые средства и их функции в русском и некоторых других языках (английском, греческом, еврейском, итальянском, латинском, немецком, турецком, французском), что делает его суждения и выводы достоверными и убедительными.

«Российская грамматика Михайла Ломоносова» – это не коллективный труд многих лингвистов, но детище одного автора, и эту особенность ощущаешь при чтении каждой страницы. Есть некая магия в этом произведении: тебя не оставляет чувство непосредственного общения с великим соотечественником.

Ломоносов приложил немало усилий, чтобы показать красоту и силу родного языка, его коммуникативные возможности. «Тончайшие философские воображе-

ния и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира, и в человеческих обращениях имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному в нём искусству приписывать долженствуем», – утверждал он. В том, что российский язык велик по сравнению с другими, его убеждало «долговременное в Российском слове упражнение» (Ломоносов 1952:392).

Автор первой Российской грамматики обосновал необходимость её создания: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению» (Ломоносов 1952:392).

Употребление – важнейший учитель. К этой мысли Ломоносов возвращался не раз. Его практические рекомендации к употреблению языковых средств, несмотря на истекшие столетия, остаются актуальными и востребованными. В том случае, если Ломоносов не мог «привести под правила» те или иные явления языка, он рекомендовал их «оставить общему всех учителю, повседневному употреблению» (Ломоносов 1952:471).

Книга чётко структурирована: она состоит из шести крупных разделов, которые разделены на главы, главы – на параграфы. Разделы *Российской грамматики* М. В. Ломоносов называет «наставлениями». В *Словаре русского языка* С. И. Ожегова (Ожегов 1975) слово «наставление» в одном из значений толкуется как 3. руководство, инструкция. Как видим, само слово «наставление», выбранное автором для названия разделов грамматики, свидетельствует об очевидной прагматической направленности «Российской грамматики». «Наставления» проникнуты искренней заботой о предполагаемом читателе (и пользователе!) данного труда.

В Наставлении первом «О человеческом слове вообще» М. В. Ломоносов указывает на коммуникативную и информативную функции языка как на важнейшие: «Слово дано человеку для сообщения своих мыслей» (Ломоносов 1952:394); «Слово дано человеку, чтобы свои понятия сообщать другому» (Ломоносов 1952:406). Эти положения, как известно, нашли дальнейшее развитие и неоднократное подтверждение в трудах лингвистов XIX – XX вв.

Прагматическая направленность «Российской грамматики» усматривается уже в самой классификации частей речи, в их делении на знаменательные и служебные. Слова, которые «всегда вещь или деяние знаменуют», М. В. Ломоносов называет знаменательными. «Сии знаменательные части слова должны иметь между собой соответствие, чтобы мы изобразить могли наши мысли» (Ломоносов 1952:406). Для этой цели мы используем такие служебные части речи, как союзы и предлоги. Просто и доступно обосновывает автор «Российской грамматики» появление других частей речи: «Множество понятий и поощрение к скорому и кра-

ткому их сообщению привело человека... к способам, как бы слово своё сократить и выключить скучные повторения одного предложения. Так появились местоимение, наречие, междометие» (Ломоносов 1952:406).

В «Российской грамматике» Ломоносов описывает грамматические категории как свойственные всем языкам, так и не имеющие аналогов в других языках. Так, общей категорией для всех языков он считает категорию падежа, называя именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный. Ломоносов пишет, что «по самой натуре человеческого слова все сии падежи потребны, притом и довольны. Однако на то не смотря, некоторые языки имеют в них недостаток: и для того им один падеж вместо двух служит. Иные имеют в том избыток; и что у прочих один падеж изображает, то в два разделяют». Сравнивая греческий, немецкий, французский, итальянский, латинский языки, он делает вывод, что «российский язык избыточествует перед прочими, для некоторых предлогов, седьмым особливым падежом, который без них нигде не употребляется. Например, *городе, городах, руках, победах* просто сказать нельзя, но с предлогами: *в городе, при городах, на руках, о победах*. В Славенской грамматике назван сказательным; но свойственное назван быть может Предложным» (Ломоносов 1952:412).

Он подчёркивает, что некоторые «свойства имён суть общи всем языкам», так как «в самой натуре своё основание имеют. Прочие многия, понеже от случая и от собственной склонности каждого народа происходят, не всем общи» (Ломоносов 1952:412). К подобным «не всем общим» свойствам он относит, например, наличие в русском языке «умалительных» и «увеличительных» форм (в современных грамматиках они именуется соответственно «диминутивами» и «аугментативами»).

Ломоносов посвящает целую главу «увеличительным» и «умалительным» формам. Вероятно, потому, что «...умалительных имён, как *дворик, платьице...*, не во всяком языке равное довольство. Российский и итальянский весьма оными богаты, немецкий скуден, французский – ещё скуднее». Об «увеличительных» Ломоносов пишет: «...имена, представляющие вещь огромную, отменою окончания коренного имени у россиян и у итальянцев весьма многие производятся: *casa, cassaccia, casone; двор, дворина, дворище*». Как утверждает Ломоносов, «немцы и французы таковых имён не имеют» (Ломоносов 1952:412). Он поясняет, что увеличительные имена существительные имеют «три рода: на *-ище*, на *-ина*, на *-ищице*: *стол, столице, столица, столицице*. ...Все сии значат вещь грубую» (Ломоносов 1952:473).

Интересно, что Ломоносов отмечает среди увеличительных прилагательных такие, которые «нежное знаменование имеют»: *белёхонек, белёшенек, малёхонек, малёшенек, белёхонька, малёшенька* (Ломоносов 1952:474).

«Умалительные» у Ломоносова разделяются на «ласкательные и презрительные» (в современных грамматиках «уменьшительно-ласкательные» и «уничижи-

тельные»). «Ласкательные умалительные кончаются в мужеском роде на -ик, -ец, -юк, -ок, -чик: *столик, кафтанец, кулёк, посошок, зубок, кафтанчик*. В женском на -ка, -нька, -ушка: *голова, головка, головонька, головушка; рука, ручка, рученька, ручушка*; в среднем – на -ко, -цо, -чко, -ушко: *слово, словечко, словечушко, сердечко, серденько, сердечушко*» (Ломоносов 1952:473).

«Презрительные умалительные кончаются на -ишко и -енцо, и роду суть сомнительного. То есть, иные сочиняют с ними прилагательные по родам имён, от коих умалительные происходят: *наш столишко, наша скатертишко*; некоторые со всеми прилагательными в среднем роде употребляют: *дряхлое стариченцо, старое бабенцо, утлое суднишко*» (Ломоносов 1952:474).

Он рассуждает также «и о тех, которые умалительную силу потеряли, только по всему видно, что они бывали некогда умалительными: *горшок, сверчок, мешок*».

По мнению Ломоносова, не только существительные, но и «прилагательные российские имеют немало умалительных и увеличительных»: «Умалительные кончаются на -ват и -нек: *красен, красноват, красненок, плох, плоховат, плохонек, сыр, сыроват, сыренек, сыровата, сыровато, плохонька, плохонько*. Все значат некоторую малую часть тех свойств, которые сами имена изображают». Ломоносов констатирует, что «умаление прилагательных нередко чрез имена существительные с некоторыми предлогами изображается: *чёрный, чернь, впрочернь, впробел, впрохмель*». Они употребляются как наречия.

Сравнительная степень прилагательных («рассудительный степень» – по Ломоносову) «имеет умалительные с предлогом по-: *покрепче, подороже*» (Ломоносов 1952:474). Наречия «также принимают умаление: *пониже, поране, немного подале, несколько попозже, попрежде, поздноват, рановато, поздненько, раненько, ранёшенько, низёшенько*» (Ломоносов 1952:551).

Не по правилам, как считает Ломоносов, образуются «умалительные» от имён собственных: «*Ванька, Ивашко, Ваня, Ванюшка* и другие многочисленные, которым не по правилам, но по употреблению учиться должно» (Ломоносов 1952:476).

Подобных форм в русском языке «великое количество», и, по мнению Ломоносова, «в том великом количестве бесчисленные должны быть отмены и изъятия», поэтому формулировка обстоятельных правил их образования, как признаётся великий учёный, «силы превосходит» (Ломоносов 1952:470). Такое признание на страницах научного труда просто подкупает.

Интересно сравнить, как изменилась языковая ситуация с диминутивами в современном русском языке. Они перестают обозначать только «умалительность», обнаруживая дополнительную смысловую нагруженность и приобретая многие функционально-прагматические значения (см. работы Шмелёва 2008, Кузьменкова 2007, Милославский 2010 и др.).

В наставлении 6 («О сочинении имён») Ломоносов приводит некоторые правила употребления языковых средств с позиций синтаксиса и стилистики русского языка. Так, он замечает, что «числительные двое, трое, четверо, десятеро и прочие во всех падежах требуют существительного в родительном множественном: *двое мещан, трое беглецов, десятеро разбойников*. Но сие употребляется только о людях, и то по большей части низких. Ибо неприлично сказать: *трое бояр, двое архiereев; но три боярина, два архiereя*» (Ломоносов 1952:558).

При употреблении личных местоимений он предлагает руководствоваться следующими правилами: «я, ты, он могут быть умолчаны перед временами глаголов, которых лица окончаниями различаются, что к украшению и к важности слухит: *Вижу восходящую брани тучу*».

Рамки данной статьи не позволяют нам подробно остановиться на теме «Глагол», а между тем автор посвящает глаголу целое «Наставление 4». Пользователь «Российской Грамматики» может получить детальную и исчерпывающую информацию о русском глаголе, о том, как трансформировалась его временная система, каковы способы образования и правила употребления причастных и деепричастных форм, о страдательном залоге, о возвратных глаголах и т.д.

Интересно заметить, что Ломоносов обратил внимание на описательные предикаты как способ различения значений глаголов – омонимов: «...*расписался*, происходящее от *расписываюсь*, то есть *даю расписку*, должно различать от *расписался*, то есть *отчасу стал писать охотнее и проворнее*». Подобным образом *договорился* от *договариваюсь*, то есть *вступаю в договор*, различать должно от *договорился до стыда, до ссоры и проч.*» (Ломоносов 1952:532).

Ломоносов сожалеет о том, что «из обычая употребления вышло славенское в сочинении глаголов свойство, когда вместо деепричастий дательный падеж причастий полагался, который служил в разных лицах: *ходящу мне по пустыне, показался зверь ужасный*. В высоких стихах можно, по моему мнению, с рассуждением некоторые принять. Может быть со временем общий слух к тому привыкнет и сия потерянная краткость и красота в Российское слово возвратится».

Причастия, по мнению Ломоносова, «употребляются только в письме, а в простых разговорах должно их изображать чрез возносительные местоимения *который, которая, которое*. Весьма не подлежит производить причастий от тех глаголов, которые нечто подлое значат, и только в простых разговорах употребительны: ибо причастия имеют в себе некоторую высокость, и для этого очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов». И далее следует такой совет: «Которые российский язык не очень твёрдо знают, а притом мало или ничего славенских книг не читали, и затем прямого употребления причастий понять не могут; то безопасно поступят, ежели вместо причастий глагол с возносительными писать будут» (Ломоносов 1952:496). Отдельным комментарием отмечены особые формы спряжения: «Говорят иные: *хочем, хотите, хочут*; однако не пристойно!» (Ломоно-

сов 1952:533). Как можно видеть, замечания Ломоносова не лишены юмора, что делает «Российскую грамматику» увлекательным чтением.

Автор «Российской грамматики» упоминает также «о некотором особливом свойстве простого русского языка, изображающем скорые действия, которые производятся от прошедших неопределённых: *от глядел – глядь, от брякал – бряк, от хватал – хватъ*». Все сии односложные глаголы произведения имеют 1) силу деепричастия: *глядь на меня, молвил; и 2) наклонение изъявительное: хватъ его за руку! Т.е. вдруг хватил его за руку*» (Ломоносов 1952:539). Современная грамматика классифицирует подобные слова как междометия, выполняющие в предложении синтаксическую функцию сказуемого. Они получают контекстно обусловленное значение прошедшего времени совершенного вида и уподобляются глаголам одноактного способа действия (Шведова, Лопатин ed. 1990: 344).

Нельзя не упомянуть о том, как «современно» комментирует Ломоносов одну из функций междометий – служить эквивалентом предложения: «*Семпроний, увидев нечаянно Тиция, молвил: ба! вместо сего: Я удивляюсь, что тебя здесь вижу!*» (Ломоносов 1952:407). В «Русской грамматике» в разделе «Междометия» читаем: «Междометия могут функционировать 1) как эквиваленты предложения, 2) модальные компоненты предложения, 3) члены предложения» (Шведова, Лопатин ed. 1990:343).

Ломоносов находил в живой русской речи отражение глубинной основы и особенностей русского языка, постоянно обращался к ней, и она обрела законные права в «Российской Грамматике».

Вместе с тем, нельзя не сказать о том, что Ломоносова по праву считают основоположником языка русской науки: он перевёл на русский язык многие латинские, греческие, немецкие термины, сформулировал верные принципы создания русской научной терминологии.

Превосходно владея высоким стилем русского языка, Ломоносов создавал прекрасные и торжественные поэтические творения. Будучи несравненным популяризатором научных знаний, он сумел соединить поэзию и науку в таких произведениях, как «О пользе стекла», «Утреннее размышление о Божием величестве», «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния». В самом деле, есть нечто завораживающее в этих строках, звучащих как могучий гимн Вселенной:

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы чёрна тень,
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звёзд полна;
Звездам числа нет, бездне дна (Ломоносов 1986:205).

И, наконец, вспомним о примерах, которые использует автор «Российской грамматики» для иллюстрации тех или иных языковых явлений. По большей части это формулировка неких нравственных законов, в них заключена природная житейская мудрость российского народа, они дают представление о русском менталитете, о русской культуре, без чего немислимо изучение русского языка. Приведём некоторые из них: «*Хотя природное знание языка много может, однако грамматика показывает путь доброй натуре*»; «*На всех вопросы не отвечаю: всякий глупец больше может спрашивать, нежели премудрый и смыслённый отвечать*» (Наставление 2, глава 5, «О правописании»); «*Учение хотя трудно, однако приятно*»; «*Не смерти, но грехов бойся*» (Наставление 5, глава 5, «О союзе»); «*Роскошь погружает землю в злоклучения*»; «*Всяк жelaет чести, не всяк получает*», «*Ищи учения, благополучие найдёшь*» (Наставление 6, глава 3, «О сочинении глаголов»); «*Счастлива та земля, которой премудрая власть повелевает*» (Наставление 6, глава 4, «О сочинении служебных частей слова»).

Читая «Российскую грамматику», не перестаёшь удивляться таланту автора, его интуиции, образности его языка и удивительному свойству его натуры – смотреть далеко вперёд.

Таким образом, «Российская грамматика Михаила Ломоносова» демонстрирует единство формального, функционального и сопоставительного подходов к языку. Она служит также образцом великой преданности русскому языку и русскому народу.

ЛИТЕРАТУРА

- Евтюхин, В. Б., «*Российская Грамматика М. В. Ломоносова*», *Архив петербургской русистики*, online <<http://www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/add02.htm>>.
- Кузьменкова, В. А. (2007), «Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания», in *Язык. Сознание. Коммуникация*, 34 (М.:МАКС Пресс), 38–44.
- Ломоносов, М. В. (1952), *Российская грамматика* in *Полное собрание сочинений*, т.7. *Труды по филологии 1739–1758 гг.* (М.-Л.: Изд. АН СССР), 389–578.
- (1986), *Избранные произведения* (Л.: Сов. писатель).
- Милославский, И. Г. (2010), «Чаёк с вареньем», *Известия*, 1 февраля, online <<http://izvestia.ru/news/357881>>.
- Чернейко, Л. О. (2011), «М.В. Ломоносов и язык науки», *Филологические науки*, 6, 3–14.
- Шведова, Н. Ю., Лопатин, В. В. (ed.) (1990), *Русская грамматика*, изд. 2-е, исправленное (М.: Русский язык).
- Шмелёва, Т. В. (2008), «Диминутив в городской среде и медийных текстах», in *Слово и текст в культурном сознании эпохи*, ч. 1 (Вологда), 367–375.

Галина Ивановна Стрепетова
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
филологический факультет
Волгоград, Россия

СТАРΟΣЛАВЯНИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЗНАКИ ИНОСИСТЕМНОСТИ И ВНУТРИСИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Под старославянизмами в данной работе понимаются элементы лексико-фразеологической системы русского языка, появившиеся в ней под влиянием старославянского (древнецерковнославянского, древнеболгарского, древнеславянского) языка, то есть языка Кирилла и Мефодия, языка IX–XI веков, который пришел в Киевскую Русь после ее крещения князем Владимиром Киевским. Как известно, этот язык был или одним из литературных языков древнекиевского государства (согласно концепциям А. А. Шахматова, отчасти В. В. Виноградова), разделяя эту роль с древнерусским (древневосточнославянским) литературным языком, или единственным литературным языком на протяжении достаточно длительного времени (Н. И. Толстой, Л. П. Якубинский).

Лексика старославянского языка во многом формировала лексику русского литературного языка вплоть до начала XVIII века, обогащая его многочисленными тематическими и лексико-семантическими группами новых слов, способствуя тем самым расширению словарного состава русского языка. Старославянизмы были своеобразными «столпами литературности» в древнерусских текстах, на протяжении длительного времени именно они были основными представителями языковых заимствований в русском языке. Несмотря на последующие многочисленные волны иноязычных влияний, в современном русском языке старославянизмы по-прежнему весьма частотны и в количественном отношении занимают ведущее положение среди заимствованных слов. Современные исследователи отмечают: «Старославянская лексика и элементы этой лексики дали большое число образований в русском языке: собственно лексических единиц, по различным подсчетам, от 10 до 26 %» (Диброва ед. 2001: 301). Стоит напомнить подсчеты Н. М. Шанского, который еще в 60–80 гг. XX в. указывал на то, что старославянизмы в современном русском языке составляют около 90% среди других заимствований.

Однако особое положение старославянизмов в лексике современного русского языка связано с тем, что в языковом сознании современных носителей нашего языка статус заимствований у старославянизмов воспринимается с большим трудом. С этим явлением нам неоднократно приходится сталкиваться в преподавательской деятельности. Семантически и стилистически ассимилированные слова,

такие, как «сладкий, одежда, главный, здравствуйте, среда, равный» (Николенкова online) настолько прочно вошли в языковой обиход именно как слова нейтральные, не несущие никакой экспрессии иноязычности, т. е. иносистемности, что для объяснения факта их заимствования даже филологам-русистам IV курса, уже изучавшим старославянский язык, все-таки необходимы разъяснения и комментарии. Отчасти изучение старославянизмов как генетически единой группы в лексике современного русского языка сейчас является задачей средней школы, в программы которой вновь введена тема «Старославянизмы». Тем не менее рядовой носитель современного русского языка не всегда осознает иноязычный характер такого, например, топонима, как *Волгоград*, – т. е. слова, образованного по неисконной словообразовательной модели (сложение с интерфиксацией) и имеющего заимствованный второй корень.

Таким образом, с одной стороны, старославянизмы в современном русском языке практически неотличимы от исконно русских слов. С другой стороны, эта неотличимость – лишь следствие привычки, ни в коей мере не знак ассимилированности, так как в каждом из приведенных выше примеров есть примета старославянизма. Это неполногласные сочетания *-ра, -ла, -ре* : *сладкий, главный, здравствуйте, равный* – следствие разных результатов преобразований праславянских сочетаний гласных с плавными типа **tort, *tolt* в южно- и восточнославянских языках; *жд* на месте русского *ж* - *одежда*- результат аналогичных преобразований праславянского сочетания **d+j*.

Знаки иносистемности (то есть то, что «видно и слышно» без специального анализа) у старославянизмов хорошо известны, они входят в традиционный список примет старославянизмов как заимствованных слов в современном русском языке. Это в первую очередь фонетические приметы: 1) *-ра-, -ла-, -ре-, -ле-* на месте русских *-оро-, -оло-, -ере-, -еле-(-ело-)* (*храм – хоромы, младенец – молодой, прибрежный – берег, шлем - ошеломить*); 2) начальные *ра-, ла-* на месте русских *ро-, ло-* (*работа – роба*); 3) сочетание *-жд-* на месте русского *-ж-* (*между – межа*); 4) начальный *e* на месте русского *o* (*единица – один*); 5) *щ* на месте русского *ч* (*освещать – свеча*); 6) начальный *e* на месте русского *o* (*единица – один*); 7) начальный *a* на месте русского *я* (*агнец – ягненок*); 8) начальный *ю* на месте русского *у* (*уродливый – урод*). Именно по фонетическим приметам в первую очередь опознаются старославянизмы, это наиболее яркие маркеры иносистемности. Перечень фонетических признаков старославянизмов практически остается неизменным – от первой их систематизации А. Х. Востоковым в начале XIX в. (Востоков 1977: 59) до соответствующих разделов в учебных пособиях начала XXI в. по современному русскому языку и истории русского литературного языка (см., например, Диброва ed. 2001: 299–300; Камчатнов 2005: 58).

Фонетический облик старославянизмов не изменялся на протяжении многих веков их существования в русском языке, хотя, будучи одними из древнейших за-

имствований, лексические старославянизмы должны бы были быть подвержены процессу ассимиляции больше других заимствованных слов. Одна из причин стабильности, неизменности внешнего облика старославянизмов в русском языке связана с внутрисистемными факторами: ни один из приведенных фонетических элементов в приметах старославянизмов не противоречит фонетической системе русского языка, сложившейся после завершения процесса падения редуцированных. В лексических элементах древнерусского и великорусского языка имелись исконные, идущие от праславянского языка сочетания плавных с гласными, подобные тем, которые дали разные преобразования сочетаний **tort*, **tolt*, но которые не являются параллельными неполногласными сочетаниями: *плакать*, *слепой* (Фасмер: 3: 272, 669); после падения редуцированных стало возможным сочетание *жд* (*ждать*), слова с которым (*жажда*, *рождение*) после XV в. «начинают употребляться русскими книжниками как стилистическое средство» (Камчатнов 2005: 58); в фонетической системе древнерусского языка существовал звук *щ* из общеславянского **st+j*, **sk+j* (*прощать*, *роща*, *площадь*) (Фасмер: 3: 387, 509, 287; Черных: 2: 124); некоторые из начальных гласных элементов появились в результате заимствований из неславянских языков: *аршин* (из тюркских языков, с XVI в. [см. Черных: 1: 55]), *армия* (из франц. , с XVIII в. [Черных: 1: 52]), *юбилей* (из латинского, с начала XIX в; первоисточник – из новолатинского церковного) [Черных, т. 2: 457]), *юрист* (из латинского, с начала XVIII в.) (Черных: 2: 460), *юстиция* (из латинского языка, с начала XVIII века, первоначально в значении «казнь») (Черных: 2: 462). Вследствие подобных явлений фонетические приметы перестают быть яркими маркёрами иносистемности, внешний облик слова-старославянизма уже не осознается как чужеродный.

Причиной вхождения большого количества старославянизмов в русский литературный язык без их фонетического переоформления явились также и другие внутрисистемные факторы.

Во-первых, это наличие в русском языке явления вариантности слова, в силу которого могли возникать варианты старославянизм/русизм при минимальном фонетическом изменении слова (*умение – уменье*; *воскресение – воскресенье*) и непривычный или стилистически окрашенный старославянский вариант легко мог быть заменен нейтральным или разговорным, более естественным для говорящего.

Во-вторых, это развитая лексическая парадигматика и система синонимических отношений в лексике, в которой синонимические пары старославянизм/русизм со времен М. В. Ломоносова и его теории «трех штилей» являются основой стилистического размежевания высокой и нейтральной лексики, что закрепляет особое положение старославянизмов в русском языке, поддерживает развившимися внутрисистемными отношениями законность отведенного данным иносистемным элементам места в языке. При этом соотношение элементов в паре старославянизм/русизм не является жестко закрепленным: *страж* и *сторож*, *врата* и *во-*

рота в современном русском языке – стилистические синонимы, *здравие* и *здоровье*, *нрав* и *норов* – семантико-стилистические, а *главный* (*главный врач*, *главный инженер*) и *головной* (*головное предприятие*, *Главной совет по защите диссертаций*) можно считать абсолютными синонимами, обладающими одинаковой семантикой и общей стилистической окраской книжности.

В-третьих, важным внутрисистемным фактором, закрепившим устойчивое положение старославянизмов в русском языке, было формирование в российском языке грамматической системы, включающей в себя формообразующие старославянизмы – причастные суффиксы. Древнерусские причастия с суффиксами *-уч/-ач-* (*колючий*, *горячий*) стали прилагательными, глагольные формы с суффиксами *-ущ/-ащ-* (*колющий*, *горящий*) – русскими действительными причастиями настоящего времени, в результате чего иносистемные по происхождению суффиксы стали внутрисистемными элементами, заняв свое «законное место» в системе аффиксов русского языка.

Таким образом, генетическая близость, многовековое сосуществование соотносимых элементов пар «старославянизм/исконно русское слово» и их включенность во внутрисистемные отношения делает положение старославянизмов в языковой системе современного русского языка прочным и устойчивым, в отличие от положения других, более новых слов-заимствований, переживающих процессы конкуренции с исконным словом или другим иноязычным заимствованием.

ЛИТЕРАТУРА

- Востоков, А. Х. (1977), «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам», in Березин, Ф. М. (ed.), *Хрестоматия по истории русского языкознания: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов*, изд. 2-е, испр. (М.: Высш. школа), 58–61.
- Камчатнов, А. М. (2005), *История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений* (М.: Издательский центр «Академия»).
- Николенкова, Н. В. «Старославянский язык», *Образовательный портал Слово*, online <http://www.portal-slovo.ru/philology/37376.php?ELEMENT_ID=37376&SHOWALL_2=1>.
- Диброва, Е. И. (ed.) (2001), *Современный русский язык, Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч., ч. 1: Диброва, Е. И., et al., Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология, Лексикография. Морфемика. Словообразование*, (М.: Издательский центр «Академия»).

- Фасмер, М. (1986–1987), *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–4, 2-е изд., стер. (М.: Прогресс).
- Черных, П. Я. (1993), *Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов*, т. 1–2 (М. : Рус. яз).

Биљана Марић
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
Београд, Србија

ДЕВЕРБАТИВНЕ КОНСТРУКЦИЈЕ СА УСЛОВНИМ И СЛИЧНИМ АДВЕРБИЈАЛНИМ ЗНАЧЕЊИМА (У РУСКОМ У ПОРЕЂЕЊУ СА СРПСКИМ ЈЕЗИКОМ)*

1. Основне поставке

Условно значење се заједно са узроком, циљем, уступком и последицом у литератури разматра као део категоријалног комплекса *каузативности* (Пипер et al. 2005), односно *обусловленности* у руској литератури (Бондарко ed. 1996). Оно што дата значења зближава јесте биситуативност или бипредикативност (в. Бондарко ed. 1996), тј. сложен однос између двеју ситуација заснован на узрочно-последичној вези (независно од тога чиме се однос изражава: двома независним или зависним предикацијама у сложеној реченици или нереченичним предикативним средствима у оквирима просте реченице).

*Борили су се да би освојили злато.
Освојили су злато јер су се борили.
Ако се буду борили, освојиће злато.
Иако су се борили, нису освојили злато.
Борили су се, па су овојили злато.*

Условна (бипредикативна, као и све друге из овог комплекса значења) конструкција састоји се од два узајамно чврсто повезана дела: услова и последице. Типове условних конструкција, њихово значење и форму веома темељно, премда не и потпуно представио је В. С. Храковски у (Бондарко ed. 1996).

Условно значење се, осим зависносложеном условном (кондиционалном) реченицом, као основним и најјаснијим средством, у руском и српском језику може изразити и средствима просте реченице – одређеним предлошко-падежним конструкцијама. С обзиром на чињеницу да дато, као и горе наведена адвербијална значења (узрок, циљ, допусност...), представља сложену ситуацију стварности, тачније сложене односе између обавезно две ситуације, логично је да ће се оно

* Овај рад је настао у оквиру пројекта 178021 *Опис и стандардизација српског језика*, који финансира Министарство за просвету и науку Републике Србије

изражавати предикативним именом, именом ситуације (тј. девербативном или глаголском именицом, ређе деадјективном именицом) или ситуативно прочитаном предметном именицом (*Због тебе сам закаснила – због тога што ти ниси дошао, због тога што си ме задржао, зато што ми ниси дозволио да кренем...*).

У овом раду ћемо указати на предлошко-падежне конструкције с девербативном (ређе, деадјективном) именицом (в. и наше радове: Марић 2010; Марић 2012) којима се у руском у поређењу са српским језиком изражава условно значење. Обратићемо пажњу и на оне случајеве када долази до преклапања двају значења – када једна иста конструкција у зависности од одређених услова може имати једно или друго значење. Најчешће долази до преклапања значења унутар категоријалног комплекса каузативности, мада су могућа и другачија пресецања.

2. Руски

Кондиционално значење се на нивоу прости реченице може изразити уз помоћ следећих предлошко-падежних веза:

1. *при* + локатив

*Вот и у меня задумки, которые надеюсь осуществить **при поддержке** начальства.*

***При желании** браслет можно слегка раздвинуть, чтобы увидеть время более чётко.*

Најчешће су у овој предлошко-падежној вези налази именица *nomina actionis* или девербатив са значењем догађаја или стања (о девербативима са значењем процеса, догађаја или стања в. Падучева 1991).

Ова предлошко-падежна конструкција није јако средство изражавања услова, јер се њоме још може изразити и временско или ситуационо значење, као и допушно (значење уступка).

*...**при вливании** нужно размешивать соус лопаткой во избежание образования комков*

Када је девербатив процес, конструкција с предлогом *при* има чешће временско значење.

Када је девербатив догађај, могуће је на два начина разумети дату конструкцију – као временску или условну. На условно читање као могућно указује облик глагола у предикату: будуће време, потенцијал као и употреба модалних глагола и предикатива.

Ответ на этот вопрос может быть получен при продолжении наблюдений. (если/когда продолжатся наблюдения)

Ответ на этот вопрос получен при продолжении наблюдений. (когда продолжились наблюдения)

При продолжении наблюдений мы сталкиваемся со следующим фактом.

Ако девербатив или деадјектив има значење стања или особине, онда се конструкцијом с предлогом *при* изражава условно значење.

*...сколько глупого народа так сослепу-то очертя голову бросилось по всяким медвежьим углам, чтобы рано или поздно заметить о Петербурге, как о рае волшебном, где **при изворотливости** можно кое-что и достать...*

На условно, а не временско значење, чини нам се, указује присуство девербатива/деадјектива с модалним значењем (*желание, необходимость, возможность*), као и некаква квалитативна компонента као атрибут уз девербатив (чешће) или деадјектив која саопштава специфичније моменте услова за изршење главне радње. Кад је временско значење у питању, таква врста спецификовања није нужна.

Наша даља анализа показала је да се условно значење (изражено датом конструкцијом) не преклапа само с временским, већ веома често и са допусним, па и квалитативним значењем.

*Нельзя не учитывать такие особенности этого оружия, как исключительная массовость поражения **при скромности** финансовых затрат и производственных мощностей для его создания...* (квалитативно значење);

*Всё это и подобное, по-видимому, является разновидностью тех скрепов, которые создают органичное единство гуманитарных наук **при многоликости и своеобразии** их областей.*

Квалитативно значење се зближава са допусним у овим примерима, јер су особине изражене деадјективним именицама супротстављене неким другим (*массовость поражения versus скромность финансовых затрат; органичное единство гуманитарных наук versus многоликость и своеобразие их областей*).

*Лицо признаётся невиновным, если **при той степени заботливости и осмотрительности**, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло всё меры для надлежащего исполнения обязательства* (квалитативно и допусно).

Допусно се маркира лексичким средствима која појачавају јаз између двеју ситуација (в. у примерима доле: *даже, любой, всей своей, любых*).

Но даже при такой его доступности злоупотреблять им не имеет смысла.

Поэтому при любой скорости движения колеса траектория точки О относительно дороги останется неизменной.

При всей своей убедительности и логичности она не стала последней.

Голос истинного гения (а другим вообще незачем братья за перо) сумеет достичь слуха своей целевой аудитории при любых превратностях истории (...)

2. в случае + генитив:

Видимо, это связано с тем, что у родителей есть свой дом или квартира, где старшеклассники будут жить в случае возвращения после окончания вуза или учёбы в родном городе.

Конструкция представља јако средство изражавања услова, јер лексичко значење именице *случай* није постало непрозирно, као што се неретко дешава с предлозима именичког или неког другог порекла.

У литератури се обично среће податак да се ова условна конструкција употребљава чешће у званичном и пословном језику. Уз њу обавезно долази девербативна именица са значењем догађаја (*кража, пожар, наводнение, бегство...*), в. (Величко ед. 2004).

3. без + генитив:

Прогресс в лечении симптомов наследственных дефектов без искоренения самих дефектных генов (...) будет неизбежно приводить к накоплению вредных генов в человеческой популяции и, следовательно, к деградации генофонда в будущем.

У условној конструкцији с предлогом *без* у генитиву се обично налази девербативна именица са значењем процеса. Може се наћи још и именица конкретног значења предмета или лица. Ако се конструкција разумева као условна, њен пун пропозициони облик садржи негацију уз глагол: *без очков – если нет очков, без мужа – если нет мужа, без подготовки – если не готовился, не готовясь.*

Я сдала экзамен без подготовки.

Без подготовки (если ты не готовился) ты не сдашь экзамен.

Без подготовки я не сдам экзамен.

Без подготовки нельзя сдать экзамен (Никто не сдаст (сможет сдать) экзамен, если не готовился).

Можно сдать экзамен без подготовки? (Можно сдать экзамен, если ты не готовился?)

Без тщательной подготовки она не смогла бы сдать экзамен.

Из наведених примера се види да се предлошко-падежна конструкција *без подготовки* може прочитати условно као: *если не готовился* само у случајевима изражене иреалне модалности (уз помоћ модалних глагола или потенцијала у главном предикату) и негације. У првој реченици (која је реалне модалности) конструкција *без подготовки* не може се никако схватити као услов, већ искључиво као начин или допусно (*хоть не готовилась*).

3. Српски

Кондиционална (условна) значења у српском језику могу се изразити како зависносложеном условном клаузом (с везницима *ако, уколико, кад, да, у случају да*), тако и предлошко-падежним конструкцијама, с девербативним, ређе деадјективним именицама (*у случају* и *без* с генитивом, *за* и *уз* с акузативом, као и инструменталом без предлога) (Пипер et al. 2005). Осим првог наведеног предлога с лексички експлицираним условним значењем, сви остали предлози имају, осим условног, и друга значења: *без* и *уз* – квалитативно и допусно, *за* – и циљно, а инструментал без предлога може имати и узрочно значење.

У свим набројаним случајевима, посебно у случају смрти вољеног бића, наше осећање идентитета озбиљно је угрожено – у случају да умре, ако / уколико умре / би умрло;

Дакле, саме предлошко-падежне конструкције нису довољан услов условног значења (осим предлога *у случају*), оно мора бити потцртано и модалном компонентом у саставу управне клаузе (некаквим модалним глаголом).

Уп. исту предлошко-падежну конструкцију с условним и допусним значењем:

Без труда се тешко можемо надати икаквом успеху. – ако се не будемо трудили;

Без труда је постигао добар успех. – не трудећи се, иако се није трудио;

Из другог примера види се да допусно и квалитативно значење не захтева различите услове употребе.

Отишао је у град без одобрења родитеља. – иако му родитељи нису одобрили;

Без одобрења родитеља не могу да идем у град. – ако ми родитељи не одобре;

Посао бисмо могли уз твоју помоћ да завршимо у најскорије време. – ако нам помогнеш, ако би нам помогао (услов);

Уп. са следећим примерима допусног и квалификативног значења:

Уз све поштовање за Никанорово подвижништво, ја нисам у стању да видим његове разлоге за бекство под земљу. – иако веома поштујем Никанорово подвижништво (допусност);

Онолико колико сам се разумевао у писање и слова, а знао сам толико да могу прочитати, додуше уз натуцање, оно што је написано, закључио сам да тај усукани калуђер пише сасвим добро, али да је Димитрије бољи. – натуцајући (начин/допусност);

Кад је у питању конструкција с акузативом и предлогом *за*, тек шири контекст може разрешити дилему између услова и циља:

За конкурисање на то радно место, потребна су следећа документа. – да би конкурисао, ако хоћеш да конкуришеш;

Инструментал без предлога има условно значење једино ако се у главном предикату употреби глагол у садашњем, будућем времену или потенцијалу.

Његовим избацавањем из тима не бисте ништа добили. – ако њега избаците...

Оријентација на прошлост омогућује узрочно читање исте конструкције:

Његовим избацавањем из тима нисте ништа добили – тиме што сте га избацили...

4. Закључак

Условно значење се у простој реченици у оба језика најчешће изражава девербативним конструкцијама (о осталим средствима в. у Пипер et al. 2005). У оба језика је уочена недовољно јасна диференцираност условног значења у односу на друга адвербијална значења, а која се манифестује преклапањем значења, па се тако *при* у руском употребљава у временским, условним, допусним и квалификативним, *без* – у условним, допусним и квалификативним конструкцијама, док се *уз* и *без* у српском користи такође у условним, допусним и квалификативним, *за* – у условним и циљним, а инструментал без предлога – у узрочним и условним. Услов-

но се значење маркира присуством модалног предиката или некаквом лексичком јединицом с условним значењем.

Наша анализа показује да су нефинитне конструкције које смо испитивали с правом смештене на периферију категоријалног поља каузативности, јер недовољно јасно и недовољно једнозначно упућују на одређено категоријално значење. Уочено је да се условно значење изражено предлошко-падежним конструкцијама у руском и српском језику веома често преклапа са другим адвербијалним значењима из истог, каузативног категоријалног комплекса, што говори и о њиховој неспорној блискости. Међутим, испоставило се да су одређена формална средства изражавања услова блиска и временском значењу, а нека и квалификативном. О томе да постоје тачке пресецања услова и времена пише и Храковски, говорећи о услову с типолошког аспекта (у језицима света услов се веома често изражава истим средствима као и време) (Бондарко ed. 1996). Квалификативно се као могуће појављује у оба језика само онде где постоји и допусно значење (допусност представља бипредикативну ситуацију као различито, тачније супротно оквалификовану).

Иако недовољно изражајно средство условног значења, предлошко-падежне конструкције могу помоћи да се боље уоче разлике и сличности између условног и других категоријалних значења, да се установе услови функционисања одређених категоријалних значења (формално-граматички, лексички, контекстуални).

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко, А. В. (ed.) (1996), *Теория функциональной грамматики. Локативность, бытийность, посессивность, обусловленность* (Санкт-Петербург: Наука).
- Величко, А. В. (ed.) (2004), *Книга о грамматике: Русский язык как иностранный* (Москва: МГУ).
- Марић, Б. (2010), «Причинные девербативные/деадъективные конструкции как средство зависимого таксиса», in *I международный симпозиум «Русское слово на Балканах»*. Шумен: Шуменский университет, 14–16 октября (у штампи).
- (2012), „Девербативне/деадјективне конструкције са временским значењем као средство зависног таксиса (у руском језику у поређењу са српским)“, *Славистика*, XVI (у штампи).
- Падучева, Е. В. (1991), «Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте», *Научно-техническая информация*, серия 2: *Информационные процессы и системы*, 5, 21–29.
- Пипер, П., et al. (2005), *Синтакса савременога српског језика: Проста реченица*, ed. Милка Ивић (Београд: Институт за српски језик САНУ – Београдска књига – Матица српска).

Дмитрий Кириллович Поляков
Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ)
Москва, Россия

НЕКОТОРЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЧЕШСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Перспективы сопоставительного языкознания – при всех известных достижениях в области синхронной конфронтации языков (в том числе близкородственных, в частности славянских¹) – видятся в первую очередь в переходе от выявления и каталогизации фактов межъязыковой асимметрии к ее объяснению. На наш взгляд, большую роль в этом может сыграть привлечение диахронного анализа при параллельном учете взаимодействия сопоставляемых языков как друг с другом, так и с иными языками.

Само по себе обращение к проблеме языковых контактов (под какой бы терминологической оболочкой она ни скрывалась) нельзя считать чем-то принципиально новым. Скорее наоборот: различные внешние влияния на тот или иной язык не раз становились предметом как монолингвальных, так и общетеоретических исследований. Характерны в данном смысле многочисленные работы, посвященные заимствованиям (преимущественно лексическим), проявлениям тенденции интернационализации и прочим процессам, связанным с воздействием, как правило, одного языка на другой / другие. В то же время следует признать, что в сопоставительных исследованиях подобная методика по-прежнему привлекается не слишком широко.

С учетом сказанного мы попытаемся сопоставить два фрагмента номинативных систем чешского и русского языков: чешские составные наименования адъективного типа со структурой «определяющее прилагательное + определяемое существительное», или Adj + Sub (*psací stroj, mrazičí komora, jednací stůl...*), и их русские эквиваленты (*пишущая машинка, морозильная камера, стол переговоров...*). Подобный выбор материала связан с не раз замеченным фактом, что «чешский язык, используя свой неограниченный деривационный потенциал, отдает предпочтение согласованному определению там, где русский чаще предпочитает определение несогласованное <...>: *překážkový běh* – бег с препятствиями, *puntíčkovaná sukně* – юбка в горошек, *časový rozdíl* – разница во времени, *čekací čas* – вре-

¹ Подробнее см. Барнет 1983; Широкова 1998, применительно к словообразованию – Нещименко 1983.

мя ожидания...» (Васильева 2003:13); более того, как будет показано ниже, чешским номинациям указанного типа, действительно наиболее распространенным, в русском языке нередко соответствуют однословные наименования – заимствования или сложные слова.

Наблюденный исследователем «неограниченный деривационный потенциал» чешского литературного языка уже и ранее становился объектом внимания лингвистов. Так, важную оппозицию сформулировал А. В. Исаченко, противопоставив славянские литературные языки, формировавшиеся в период национального возрождения (чешский, словацкий) и в связи с этим склонные к стандартности и прямолинейности деривационных процедур, прежде всего русскому языку, словопроизводственная активность которого гораздо слабее (Исаченко 1958:347–348).

Современное состояние по меньшей мере литературных чешского и русского языков подтверждает эти выводы. Регулярностью обладает в чешском языке образование стилистически нейтральных парных феминативов типа *inženýrka, právnička, lékařka* (в рус. только (женщина-)инженер, юрист, врач), деминутивов, в том числе от абстрактных существительных (типа *radůstka, štěstíčko / štíska* от *radost, štěstí*; в рус. – лакуны), отглагольных существительных, при этом сохраняющих видовую дифференциацию (*zapomínání – zapomenutí, rozhodování – rozhodnutí*, рус. забвение, решение) и т. д., см. (Chlupáčová 1974; Васильева 1998; Васильева 2003). С общей деривационной активностью и стандартностью, характерной для словообразования не только существительных, но и других частей речи², связана и стандартность номинативных механизмов чешского языка.

Как показывает наш материал, русский язык не столь единообразен и регулярно использует большее количество номинативных моделей. Так, русскими эквивалентами чешских аналитических номинаций адъективного типа могут быть (1) изоструктурные чешским номинации: *koncertní síň – концертный зал*; (2) составные субстантивные наименования, в том числе аппозитивные: *kulturní dům – дом культуры, bicí hodiny – часы с боем, členská země – страна-член* (Евросоюза и т. п.); (3) сложные слова (композиции): *popový zpěvák – поп-певец, zdravotní středisko – медпункт*; (4) однословные номинации (суффиксальные дериваты, субстантивированные прилагательные или заимствованные существительные): *záchodová mísa – унитаз, ohřívací láhev – грелка, obývací pokoj – гостиная*.

² Характерны рассуждения А. В. Исаченко о словообразовании прилагательных в русском языке: «Если от названий всех дней недели существуют прилагательные (*понеделничный, четверговый, субботний, воскресный* и т. д.), то от слова *среда* такого прилагательного нет (ср. чеш. *středeční*). Не образуются относительные прилагательные от слова *мир*, в том значении, в каком слово *mírový* употребляется в сочетании *mírové hnutí* (движение сторонников мира), есть прилагательное к существительному *брат* (*братский*), но его нет к существительному *сестра* (чеш. *sesterský*), нет его и к слову *вкус* в значении «чувство изящного» (чеш. *vkusné zařízení*)...» (Исаченко 1958:347).

Разумеется, встречаются и обратные случаи, когда русским составным адъективным номинациям в чешском языке отвечают наименования другой структуры. Так, если отвлечься от отдельных примеров употребления субстантивных сочетаний, в частности генитивных (типа *trest smrti*, *Mezinárodní den žen*, *přechod pro chodce*, *obchod s potravinami* в соответствии с рус. *смертная казнь*, *Международный женский день*, *пешеходный переход*, *продуктовый / продовольственный магазин*), и сложных слов (*knihkupectví* – *книжный магазин*), в целом не влияющих на описанную выше закономерность, высокую стандартность имеют в чешском языке конструкции с предлогом *na* (+ В. п.), обозначающие целевую или функциональную принадлежность определяемого предмета: *prášek na praní* (наряду с *prací prášek*) – *стиральный порошок*, *hadr na podlahu* – *половая тряпка*, *kartáček na zuby* – *зубная щетка*, *šálek na kávu* – *кофейная чашка*, *továrna na automobily* – *автомобильный завод* (см. также Васильева 1998:156). Еще большее разнообразие вносит функционирование в чешском языке значительного числа стилистически нейтральных суффиксальных дериватов-универбов, часто выступающих эквивалентами русских комплексных номинаций, ср. *pračka* (← *prací stroj / stroj na praní*) – *стиральная машина* (при наличии разг. *стиралка*), *tučka* – *посудомоечная машина* (разг. *посудомойка*), *železnice* – *железная дорога* (разг. *железка*). Универбы, возникающая в результате семантической «компрессии» составных наименований первоначально в разговорном языке, могут затем становиться общеупотребительными – и в чешском языке, как видно хотя бы из приведенных выше примеров, этот универсальный процесс проходит быстрее и последовательнее, чем в русском (ср. нейтральное в чешском слово *minerálka* при отчетливо ощущаемой разговорности изоморфной русской лексемы *минералка*). По данным исследований, современные чешские универбы в 87 % случаев возводятся к составным наименованиям именно адъективного типа (Kolářová 2011:410).

Составные номинации в русском и чешском языках могут обладать как полным структурным и мотивационным тождеством (*микроволновая печь* – *mikrovlnná trouba*, *письменный стол* – *psací stůl*), так и различиями на обоих этих уровнях. Мотивационная асимметрия при этом может проявляться и в определяющем члене (*обеденный стол* – *jídelní stůl*, от *jíst* 'есть'), и в определяемом (*кухонный гарнитур* – *kuchyňská linka*, букв. 'кухонная линия', *лестничная клетка* – *schodišťový prostor*, букв. 'лестничное пространство', причем последняя номинация в чешском языке, в отличие от русского, по характеру функционирования относится исключительно к профессиональной сфере).

В плане структурной асимметрии чешских и русских составных наименований обращает на себя внимание тот факт, что чешским адъективным номинациям в русском языке особенно часто соответствуют субстантивные (Sub + Sub), определяющая часть которых может быть выражена:

– родительным падежом без предлога: *zasedací síň* – зал заседаний, *jednací stůl* – стол переговоров, *kulturní dům* – дом культуры, *bítevní pole* – поле битвы, *chřipková epidemie* – эпидемия гриппа, *čekačí čas (doba)* – время ожидания, *programovací jazyk* – язык программирования, *bezpečnostní opatření* – меры безопасности, *věrnostní program* – программа лояльности, *kupní smlouva* – договор купли-продажи, *časovaná bomba* – бомба замедленного действия, *Světový pohár* – Кубок мира;

– предложно-падежным сочетанием: *bicí hodiny* – часы с боем, *šunkový / kaviárový chlebiček* – бутерброд с ветчиной / с икрой, *překážkový běh* – бег с препятствиями; *časový rozdíl* – разница во времени; *starobní důchod* – пенсия по старости; *prospěchové stipendium* – стипендия для хорошо успевающих студентов; *prezidentský kandidát* – кандидат на пост президента;

– аппозицией: *houpačí křeslo* – кресло-качалка, *maškarní ples* – бал-маскарад, *jídelní vůz* – вагон-ресторан, *satelitní stát* – государство-сателлит, *telefonní automat* – телефон-автомат, *kalhotová sukně* – юбка-брюки, *posná raketa* – ракета-носитель.

В русском языке, где номинации субстантивного типа очень продуктивны, наблюдается распространение стилистически маркированных адъективных наименований в разговорной речи при субстантивных (с несогласованным определением) в кодифицированном литературном языке, ср. *жалобная книга* при официальном *книга жалоб / отзывов и предложений* (в чешском *kniha přání a stížností*³), *коллегия адвокатов* – *адвокатское бюро*, *выборы президента* – *президентские выборы*, *премьер-министр России* – *российский премьер*, *культурный атташе*, *экономический атташе* в соответствии с официальными *атташе по культуре*, *по экономическим вопросам* и др. В чешском языке подобная дифференциация не фиксируется – по причине большей частотности стилистически нейтральных наименований с согласованным определением (типа *kulturní / ekonomický atašé*) и слабей распространённости номинаций генитивного типа⁴.

Еще одну область проявления межъязыковой асимметрии представляют собой номинации с личными именами типа рус. *кубик Рубика* – чеш. *Rubikova kostka*. Если в русском языке определяющее предмет имя собственное вводится в родительном падеже (за исключением модели *Пушкинская площадь* – при возможном *площадь Пушкина*), то в чешском здесь в норме выступают притяжательные при-

³ Встречающееся в Интернете сочетание *stížnostní kniha* (ср. также *návštěvní a stížnostní kniha* ‘гостевая и жалобная книга’) относится скорее к виртуальной сфере, чем к предприятиям торговли и обслуживания.

⁴ В русском языке последних десятилетий, напротив, номинации с генитивом получают все большее распространение. Так, закрепились некогда невозможные модели названий магазинов *Мебель Италии*, *Ковры Персии* при узואльном ранее (и сохраняющемся поныне) типе *Итальянская мебель*, *Персидские ковры* (ср. *Польская мода*, *Болгарская роза* и т. п.). В случае неадъективной сочетаемости ожидаема также модель с предлогом (*Мебель из Италии*).

лагательные (т. е. вновь используется модель Adj + Sub): *Ohmův / Archimédův zákon* – закон Ома / Архимеда, *Pythagorova věta* – теорема Пифагора, *Laplaceova transformace* – преобразование Лапласа, *Mendělejevova periodická tabulka prvků* – Периодическая система элементов Менделеева и мн. др.

Некоторое, пусть ограниченное развитие субстантивной модели в чешском языке обычно связывают в том числе с русским влиянием (Исаченко 1958:346), ссылаясь на генитивные сочетания *země lidové demokracie* (при ожидаемом *lidově demokratické země*) – из рус. *страны народной демократии*, *generál armády* (ранее *armádní generál*) – рус. *генерал армии*; появление аппозитивного дублета чешской номинации *dopisující člen – člen korespondent*, ср. рус. *член-корреспондент*, изоструктурного перевода названия советской реалии *город-герой – město hrdina* и т. п.

Регулярный характер имеет также соответствие чешских адъективных составных наименований русским сложным словам (в том числе гибридным) и простым заимствованиям:

– *houpací síť* – гамак, *studijní cesta* – стажировка, *běžící pas* – конвейер, *jídelní lístek* – меню, *pohostinské vystoupení* – гастропро, *polní láhev* – фляжка, *stojací lampa* – торшер, *pochyblivé schody* – эскалатор;

– *tělesná konstrukce* – телосложение, *filmový herec* – киноактер, *tisková konference* – пресс-конференция, *letecká pošta* – авиачелта, *benzínová pumpa* – бензоколонка, *rocková kapela* – рок-группа⁵.

Хотя композиты типа *рок-группа* относятся к новейшему периоду, подобная модель была и прежде широко представлена в русском языке (особенно разговорном), о чем свидетельствует продуктивность преобразования номинаций с согласованным определением в сложные слова в таких случаях, как *спортивный зал* → *спортзал*, *строительные материалы* → *стройматериалы*, *туристическая база* → *турбаза*, *заграничный паспорт* → *загранпаспорт*, *пионерский лагерь* → *пионерлагерь*, *медицинская сестра* → *медсестра*, *телевизионная башня* → *телебашня*.

В недавнее время образование сложных слов еще более распространилось во всех славянских языках в связи с бурным потоком заимствований из английского, в котором такая модель является лидирующей. По нашим данным, однако, в чешском языке такие номинации хотя и присутствуют (подробнее см. Bozděchová 1997:275–276), но тем не менее испытывают мощную конкуренцию со стороны номинаций адъективного типа; отсюда русско-чешские соответствия *рок-группа* – *rocková kapela*, *non-певец* – *popový zpěvák*, *сервис-центр* – *servisní středisko*, *интернет-кафе* – *internetová kavárna*, *веб-страница/caйт* – *webové stránky*, и т. д.

⁵ В рабочих целях мы объединяем здесь разные типы сложных слов, оставляя в стороне вопрос о статусе таких номинаций, как *рок-группа* (сложные слова / словосочетания с аналитическими прилагательными).

Отмеченная выше стандартность номинативных механизмов приводит к возникновению в чешском языке целых гнезд наименований, образованных по одинаковой модели:

	<i>konferenční</i>	конференц-зал		<i>honicí</i>	гончая (собака)
	<i>svatební</i>	зал бракосочетаний		<i>slepecký / vodící</i>	собака-поводырь
<i>siň</i>	<i>zasedací</i>	зал заседаний	<i>pes</i>	<i>pátrací</i>	собака-ищейка
	<i>výstavní</i>	выставочный зал		<i>lovecký</i>	охотничья собака
	<i>koncertní</i>	концертный зал		<i>hlídací</i>	сторожевая собака

Как видно, чешским адъективным номинациям в русском языке соответствуют как изоморфные им составные наименования, так и образования иной структуры: генитивные, аппозитивные, сложные слова. В такие же гнезда объединяются в чешском языке наименования с одинаковой определяющей адъективной частью:

	<i>ruch</i>	туризм		<i>podmínky</i>	условия труда
	<i>pojištění</i>	страхование туристов		<i>tempo</i>	темп работы
	<i>šek</i>	дорожный чек	<i>pracovní</i>	<i>povolení</i>	разрешение на работу
<i>cestovní</i>	<i>taška</i>	дорожная сумка		<i>schopnost</i>	трудоспособность
		заграничный		<i>poměr</i>	трудовые отношения
	<i>pas</i>	паспорт (→ заграничный паспорт)		<i>doba</i>	рабочее время
	<i>kancelář</i>	туристическое бюро (→ турбюро)			

Распространение данной модели в чешском языке, по крайней мере первоначально, было, несомненно, связано с влиянием немецких образцов, в соответствии с которыми, как показывает имеющийся материал, нередко формировались соответствующие чешские структуры. Показательна в данном смысле прежде всего мотивационная соотносимость чешских адъективных номинаций с немецкими композитами, ср. эквиваленты приведенных выше сочетаний: *der Reiseverkehr* 'туризм', *die Reiseversicherung* 'страхование туристов', *der Reiseschek* 'дорожный чек', *die Reisetasche* 'дорожная сумка', *der Reisepass* 'заграничный паспорт', *das Reisebüro* 'турбюро'; *die Arbeitsbedingungen* 'условия труда', *das Arbeitstempo* 'темп работы', *die Arbeitsgenehmigung* 'разрешение на работу', *die Arbeitsfähigkeit* 'трудоспособность', *das Arbeitsverhältnis* 'трудовые отношения', *die Arbeitszeit* 'рабочее время'.

В то же время чешскую модель Adj + Sub, несмотря на ее двукомпонентность и схожесть ее мотивационной структуры с соответствующей немецкой (что

проявляется и во многих других случаях, ср. *mleté maso – das Hackfleisch* 'фарш', *záchodová mísa – die Klosettbecken* 'унитаз', *služební cesta – die Dienstreise* '(служебная) командировка', *studijní cesta – die Studienreise* 'стажировка', *jídelní lístek – die Speisekarte* 'меню' и др.), нельзя считать прямым германизмом. Здесь имела место скорее «переработка» немецкого образца в соответствии с внутренними законами чешского языка как более флективного и обладающего большими словопроизводственными возможностями. Чистыми кальками с немецкого были в свое время такие композиты, как функционировавшие, но ушедшие из чешского языка слова *rychlavlak* (нем. *der Schnellzug*, соврем. чеш. *rychlik*), *parolod'* (*das Dampfschiff*, соврем. чеш. *parník*), *rybotuk* (*der Fischtran*, соврем. чеш. *rybí tuk*) и др. Подобная модель, начиная со времен чешского национального возрождения, подвергалась всеобщему порицанию. Так, Й. Добровский настаивал на замене немецких композитов однословными дериватами или составными наименованиями именно адекватного типа: *der Goldschmied – zlatník* 'ювелир', *das Weizenbrot – pšeničný chleb* 'пшеничный хлеб' (Dobrovský 1809:65, примеры цит. по Jelínek 1998:23).

В этом порицании, безусловно, ощутимо стремление «оттолкнуться» от соседнего немецкого языка, однако отталкивание здесь парадоксальным образом породило в чешской номинации стандартность, почти аналогичную немецкой. С одной стороны, действительно появилось достаточно большое число однословных дериватов, возникших «„по подсказке“ соответствующих немецких слов» (Исаченко 1958:343–344), т. е. имеющих ту же мотивацию (типа *kapelník – der Kapellmeister* 'капельмейстер', *květák – der Blumenkohl* 'цветная капуста'), с другой же, огромную продуктивность приобрела аналитическая двухкомпонентная модель, оформленная в соответствии с принципами славянской грамматики при сохранении в ней определяемой и определяющей частей – как и в немецких композитах⁶.

Распространение в процессе размежевания с немецкими композитами номинаций со структурой Adj + Sub способствовало, далее, развитию собственно чешских деривационных моделей. Весьма показателен здесь один частный случай адеквативной деривации в чешском, а именно образование так называемых «целевых» девербативных прилагательных с суффиксом *-c(i)*. Эти прилагательные характеризуются по существу парадигматическим образованием от глаголов с различными грамматическими и семантическими свойствами (об ограничениях см. Petr ed. 1986:336–337). В русском языке составным наименованиям с ними соответствуют номинации с прилагательными «широкого отношения», не всегда отглагольными

⁶ Интересно в этом плане развитие в верхнелужицком языке, который, как и чешский, в течение длительного времени находился (и продолжает находиться) в ситуации интенсивного контакта с немецким. У некоторых аналитических номинаций интересующего нас типа здесь зафиксирован переход от прямого заимствования через гибридный композит к адеквативной составной номинации: *hawptměsto* → *hlowne město* 'столица' (нем. *die Hauptstadt*, чеш. *hlavní město*; пример из Jentsch 1999).

(*brzdící zařízení* – тормозная установка, *rozlučovací večírek* – прощальный вечер), с действительными причастиями (*příváděcí kanál* – подводящий канал) и с существительными в разных падежах (*bicí hodiny* – часы с боем, *třetí síla* – сила трения, *seznamovací večírek* – вечер знакомства⁷), включая аппозитивные сочетания (*houpací křeslo* – кресло-качалка), однословные наименования (*hasící přístroj* – огнетушитель). Данные прилагательные широко используются в научном стиле языка, наименования с ними часто относятся к той или иной терминологии, ср. *vyklápěcí auto* – самосвал, *řídící panel / mechanismus / blok* – панель / механизм / блок управления, *dodací lhůta* – срок поставки, *programovací jazyk* – язык программирования, *mrazicí / chladičí vůz* – морозильник / рефрижератор, *odpočívací pokoj* – комната отдыха, *stíhací letoun* – самолет-истребитель и мн. др.

При том, что модель Adj + Sub характерна для всех славянских языков, в чешской номинативной системе она имеет гораздо больший вес, чем в русской: рассмотрение русских эквивалентов чешских адъективных составных номинаций показывает, что русский был более терпим к заимствованиям, в том числе к словам гибридного характера, и к номинациям со свободной синтаксической связью (ср. распространение аппозиций типа *слесарь-сантехник*). Это опять-таки связано с особенностями исторического развития русского языка, откуда идет и характерная для него «известная „капризность“, нерегулярность, пестрота лексического состава» (Исаченко 1958:350) – и, добавим, большее разнообразие номинативных моделей.

Разумеется, выбор того или иного способа выражения определяющего компонента в анализируемых номинациях (согласованное или несогласованное определение, приложение, часть сложного слова) может различаться не только в разных славянских языках, но также в пределах одного языка. Это обусловливается как внутриязыковыми, так и экстралингвистическими факторами: словообразовательными (регулярность / нерегулярность образования прилагательных), собственно номинативными (наличие / отсутствие синтаксических конструкций строго определенного функционального назначения, ср. чешские конструкции типа *kartáček na zuby* ‘зубная щетка’), сочетаемостными (чеш. *mistrovství světa*, но *světový šampionát* ‘чемпионат мира’, рус. *показ мод*, но *модное дефиле*), наконец, просто узусом, за счет которого можно отнести, например, появление в русском языке номинации *культурный центр* при ожидаемом *центр культуры* по образцу *дом / дворец культуры* (ср. чеш. *životní styl* ‘стиль жизни’, но *způsob života* ‘образ жизни’). Не последнюю роль в развитии номинативных систем сыграли контакты славянских языков друг с другом и с соседними неславянскими, для чешского языка – прежде всего с немецким. Это взаимодействие, однако, носило сложный характер. Как мы показали, распространение в чешском языке адъективных номинаций, соответ-

⁷ Ср. описательный перевод «вечер, организованный с целью познакомить присутствующих друг с другом» в (Копецкий, Филипец eds. 1976:309).

ствующих русским гибридным словам и заимствованиям, говорит не о том, что чешский последовательно калькировал иностранные (немецкие) наименования, но о том, что первоначальное калькирование усилило системную активность собственной номинативной модели (Adj + Sub), которая впоследствии стандартизировалась и, будучи поддержана уже имевшимися образцами, например, моделью с притяжательными прилагательными, развивалась самостоятельно (что, в частности, привело к становлению номинаций с целевыми прилагательными на *-ci*).

Активность данной модели проявляется в чешском языке и в новейшее время при наименовании реалий, появившихся преимущественно в англоязычной среде, ср. чеш. *kávová přestávka* – рус. *кофе-пауза* (← англ. *coffee break*), чеш. *internetové bankovníctví* – рус. *интернет-банкинг* (← англ. *internet banking*), чеш. *webová stránka* – рус. *веб-страница* (← англ. *web page*) и др. По данным Э. Лотко, обследовавшего двухтомный словарь чешских неологизмов, номинации адъективного типа составляют более 90 % всех новых составных наименований (Lotko 2009:251). Так как при этом на образование новых наименований в современном чешском языке не оказывает такого влияния деятельность кодификаторов, как это было во времена чешского национального возрождения, подобное оформление новых заимствованных наименований говорит уже не о стремлении «оттолкнуться» от иноязычного типа, но о самостоятельной внутренней силе данной номинативной модели.

ЛИТЕРАТУРА

- Bozděchová, I. (1997), „Vliv angličtiny na češtinu“, in Daneš, F. a kol., *Český jazyk na přelomu tisíciletí* (Praha).
- Dobrovský, J. (1809), *Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache* (Prag).
- Chlupáčová, K. (1974) „Některé otázky konfrontační charakteristiky pojmenování“, *Bulletin ruského jazyka a literatury*, XVIII.
- Jelínek, M. (1998), „Boj o kompozita ve spisovné češtině“, in *Přednášky a besedy z XXXI. běhu Letní školy slovanských studií* (Brno).
- Jentsch, H. (1999), *Die Entwicklung der Lexik der obersorbischen Schriftsprache vom 18. Jahrhundert bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts* (Bautzen).
- Kolářová, I. (2011), „Univerbizace“, in Štícha, F. (ed.), *Kapitoly z české gramatiky* (Praha).
- Lotko, E. (2009), „Nová víceslovná pojmenování a frazeologická spojení v češtině“, in Lotko, E., *Srovnávací a bohemistické studie* (Olomouc).
- Petr, J. (ed.) (1986), *Mluvnice češtiny*, 1 (Praha).
- Барнет, В. (1983), «К проблеме межъязыковой эквивалентности при сравнении», in Грабье, В., Широкова, А. Г. (eds.), *Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками* (М.).

- Васильева, В. Ф. (1998), «Предметная номинация в русском и чешском языках (сопоставительный аспект)», in Широкова, А. Г. (ed.), *Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков* (М.).
- (2003), «Семантическая характерология в контексте сопоставительного изучения языков (на материале чешского и русского языков)», *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2.
- Исаченко, А. В. (1958), «К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков», *Slavia*, 3.
- Копецкий, Л. В., Филипец, Й. (eds.) (1976), *Чешско-русский словарь*, 2 изд., т. 2 (М. – Прага).
- Нещименко, Г. П. (1983), «О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования», in Грабье, В., Широкова, А. Г. (eds.), *Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками* (М.).
- Широкова, А. Г. (1998), «Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков», in Широкова, А. Г. (ed.), *Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков* (М.).

Анна Станиславовна Кейко
Российский университет дружбы народов (РУДН)
факультет русского языка и
общеобразовательных дисциплин
Москва, Россия

О МЕНТАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ

Категория пространства – это одна из основных категорий человеческого бытия. Ещё древние философы пытались понять феномен пространства, окружающий человека, определить его характерные черты и особенности, а также причины и последствия его изменений. Кроме этого, они всегда стремились понять, как устроен мир в целом, и как человек, живущий в нем, приспосабливается к его изменениям и изучает их.

Представления о пространстве являются важным фрагментом как научной, так и наивной картины мира, и каждый язык по-своему их отражает. И если говорить о специфике национально-культурного восприятия пространства, то это «определённым образом нормированный аспект человеческого поведения, так как люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются, по существу, с ним по-разному, в соответствии с принятыми в их стране моделями» (Степанов 1994:18).

В связи с этим, безусловно, необходимо учитывать тот факт, что категория пространства в различных языковых картинах мира, т.е. в сознании различных языков будет включать различные средства для своего выражения.

Поэтому, по-нашему мнению, проблема пространства и пространственных отношений представляет особый интерес. Это является важным не только для учёных-лингвистов, но и для лингвистов-практиков, преподавателей иностранных языков, особенно для преподавателей русского языка как иностранного, так как категория пространства является универсальной категорией для любой языковой системы. Хотя в разных языках эта категория будет выражаться различными языковыми средствами.

При обучении русскому языку как иностранному как значительный интерес, так и значительные трудности вызывают глаголы, которые наряду с другими средствами, обозначают положение в пространстве.

Проанализировав глаголы со значением «положения в пространстве» *стоять, сидеть, лежать и висеть*, можно предположить, что в русской языковой картине мира (ЯКМ) преобладает наиболее древняя, линейная модель пространства, которая характеризуется двухчастным делением мира. В этой модели простран-

ства семантически значимым является не столько горизонтальное или вертикальное положение тела или предмета, а такие критерии, как:

- способ примыкания тела к поверхности (т.е. наличие опоры и ее форма),
- возможность в данном положении осуществлять свои функции (или движение),
- положение относительно поверхности.

Рассмотрим более подробно семантику данных глаголов.

1) стоять – употребление этого глагола всегда предполагает наличие у объекта опоры:

- *человек стоит (на ногах); стол, стул, шкаф*, если у них есть опора;
- *посуда стоит*, если в таком положении в неё можно что-то положить или налить (т.е. она готова к употреблению);
- *чемодан стоит на полу, книга на полке, телефон на столе* – так как эти предметы своей меньшей поверхностью соприкасаются с горизонтальной плоскостью.

Таким образом, опора объекта дает ему возможность осуществлять основную функцию – для человека – движение, а для предметов – функционирование, т.е. выполнение работы. Например, *тарелка стоит на столе* – она имеет опору, поэтому её можно использовать. Если *тарелка лежит на столе* (она перевернута вверх дном) – её нельзя использовать.

2) лежать – значение этого глагола символизирует состояние покоя, гармонии. В то же время у объекта нет возможности в данном положении выполнять свои функции:

- *человек лежит* (в постели);
- *одеяло, подушки, одежда, книги на столе, ковёр на полу* и т.д. *лежат*, так как эти предметы примыкают к поверхности максимально;
- *снег лежит* на земле, вещи *лежат* в чемодане, *лежать* в тени и т.д.

3) висеть – значение этого глагола «быть лишённым взаимодействия с поверхностью, не иметь опоры», что практически не свойственно человеку, а только предметам, так как тело в таком положении лишено взаимодействия с поверхностью, например:

- *часы висят на стене; пальто висит на вешалке; яблоки висят на дереве* и т.д. Человек же может лишь на короткое время оторваться от поверхности (повиснуть на турнике, на ком-то и т.д.)

4) сидеть – означает такое положение объекта, при котором его опора имеет изогнутое положение, при этом действие объекта ограничено, нет возможности передвигаться по поверхности, то есть в этом глаголе имеется пространственная и функциональная ограниченность, а движение возможно только при использовании транспортных средств:

- *человек сидит на стуле, птица сидит на ветке* или: *человек сидит в поезде*. Нужно отметить, что такая ограниченность (в пространстве и в выполнении своих функций) является основной семой этого глагола:

– охотник *сидит* в кустах, студент *сидит* за книгами и т.д.

Кроме этого, в русском языке одни и те же предметы могут находиться в разных положениях, например:

Книга стоит на полке = *Книга лежит на столе*.

Чемодан лежит в шкафу = *Чемодан стоит на полу*.

Платье висит на стуле = *Платье лежит в чемодане*.

Следовательно, в русском языке выбор того или иного предиката зависит не только от позиции субъекта, т.е. её вертикальной или горизонтальной ориентации, например:

На столе стоит чашка. Около чашки лежит ложка.

Можно сделать вывод, что выбор позиционных глаголов зависит как от локализации субъекта в пространстве, то есть от того, в каком положении он находится, но также способа примыкания к поверхности (наличие или отсутствие опоры) и возможности в данном положении осуществлять свои функции, что соответствует восприятию пространства, свойственное русской языковой картине мира.

Такая «особенность» русского языка часто вызывает затруднения у иностранных учащихся при выборе того или иного предиката для обозначения положения субъекта в пространстве. В связи с этим, в речи иностранцев можно отметить такие ошибки:

Книга сидит на полке – вместо: *Книга стоит (лежит) на полке*.

Ручки стоят в ящике стола – вместо: *Ручки лежат в ящике стола*.

Кроме этого, необходимо обращать внимание на ситуативно обусловленную необходимость использования тех или иных глаголов, например:

Тарелки стоят / лежат на столе.

Портфель лежит / стоит на стуле и т.д.

Таким образом, как показывает практика работы с иностранными учащимися, детальная и длительная работа по семантизации русских глаголов положения в пространстве сможет предупредить возникновение в речи иностранных учащихся возможную семантическую интерференцию. А большое количество тренировочных упражнений позволит снять различные трудности, возникающие при изучении данной темы. В целом же, такая работа будет также способствовать повышению уровня языковой компетенции иностранных учащихся при изучении русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Степанов, Ю. С. (1994), «Пространство и миры – новый, „воображаемый“, „ментальный“ и прочие», in Степанов, Ю. С. (ed.), *Философия языка: в границах и вне границ. Международная серия монографий*, т. 2 (Харьков: Око), 3–18.

Маја Крстић
Универзитет у Новом Саду
Филозофски факултет
Нови Сад, Србија

МОГУЋИ НАЧИНИ ЗА „ПОПУЊАВАЊЕ ПРАЗНИХ МЕСТА“ КОД ГЛАГОЛА СА НЕПОТПУНОМ ПАРАДИГМОМ

У реферату ће бити представљене три групе глагола са непотпуном парадигмом у руском језику, односно показаћемо потенцијалне начине којима се могу превазићи потешкоће приликом образовања појединих личних облика код глагола овог типа.

Потрагу за граматичким и другим облицима који су нам потребни за истраживање и проучавање одређених граматичких проблема данас умногоме олакшава коришћење различитих корпуса текстова доступних на Интернету. М. В. Копотев и Г. Б. Гурин посветили су један свој рад овој теми са аспекта проблематике која настаје приликом потраге за нултим јединицама, односно облицима који се из одређених разлога ретко или уопште не користе, али ипак, на неки начин, функционишу и опстају у језику (нпр. нулти облик глагола *быть* у садашњем времену) (Копотев, Гурин 2007). Управо је тај проблем пратио и нашу потрагу за супституцијама, односно елимантемама које би могле да попуне „празна места“ унутар парадигме дефектних глагола.

Глаголе са непотпуном парадигмом, који су предмет нашег истраживања, поделићемо на три групе: 1) глаголи којима недостаје само облик 1. лица једнине (имају петочлану парадигму); 2) глаголи који немају облике 1. и 2. лица једнине и множине (двочлана парадигма) и 3) безлични глаголи (са једночланом парадигмом).

У раду ћемо приказати да је тежња да се у језику употреби форма 1. лица код глагола који тај облик не могу да граде велика и да у зависности од различитих фактора „празна места“ могу бити попуњена на различите начине. Код глагола који имају двочлану парадигму потребе за супституцијом готово да и нема, такође и код безличних глагола.

Један од могућих начина попуњавања „празних места“ унутар парадигме можемо пронаћи у жанровима у којима се непотпуност парадигме превазилази на неметафорички начин – уз помоћ персонификације. То су, пре свега, бајке, басне, анималистичка проза, дејча литература. Илуструјмо то са неколико примера: *Люблю и таю, таю / От сладких чувств любви* (А. Островский, *Снегурочка*); *Разозлюсь я, Мороз, в девяносто полос* (А. Островский, *Снегурочка*); *Я таю* (В. Волков, *Волишебник Изумрудного города*); *Покиплю еще немножко, А когда наскучит мне,*

Сразу выпрыгну в окошко И женюся на луне (Горький, *Самовар*); *Скоро утеку я с крыши, Каплями звеня* (В. Инбер, *Приключения сосульки*); „*Зачем протекаешь с журчаньем долину?*“ – *Сказала Плотина Потоку* (В. Г. Маслович, *Поток и Плотина*); – *А если невпопад залаю, То и побои принимаю* (Крылов, *Две собаки*); – *Что ты себя не бережешь И змей без милости клюешь?* (А. Е. Измайлов, *Орел и Сорока*); *По всем лугам Полюстрова Для графа я полюсь, трава* (Л. А. Мей, *Буриме*).¹

До проширивања личних парадигматских облика у наведеним примерима долази услед персонификације (која је неопходна за овај жанр), тј. због придавања предметима и животињама људских особина. Овакви примери се не срећу често, осим донекле у наведеним жанровима.

Посебну пажњу требало би обратити на облик 2. лица, који често може бити образован од глагола са семантиком својственом животињском свету. У свакодневном говору често се могу чути обраћања животињама: *Чего ты мурлычешь? Зачем ты лаешь на гостей?* Ипак, оваква употреба 2. лица, којом се у одређеној мери превазилази непотпуност глаголске парадигме, у принципу се разликује од уобичајене употребе, односно од обраћања лицу, човеку. Обраћање, наредба животињи, питање упућено њој, не подразумевају заузврат говорну реакцију, мада одређене реакције код животиње могу бити изазване на овакав, квазилингвистички начин. Аналогне форме језичког контакта могу се срести и приликом комуникације „човек“ – „човек“: нпр. мајка, успостављајући језички контакт са својим дететом, које још не говори, може да користи исту стратегију говорног понашања, прилагођавајући своју употребу језика перцепцији детета. Дете најпре користи интонационе ресурсе језика (као и животиња) и не претвара свој глас у говор, тј. нема говорне реакције.

Навешћемо још један случај где је могућа употреба 2. лица код глагола са непотпуном парадигмом. То се одвија приликом употребе стилских фигура реторичког или песничког обраћања, питања, при чему адресант уопште није неопходан: *Что ты вьешься надо мной* (руска народна песма); *Старая песня, звучи надо мной* (А. Фет); *Что ты ржешь, мой конь ретивый* (А. Пушкин); *О домовитая ласточка!... Ты часто по кровлям щебечешь* (Г. Державин); *Горишь ли ты, лампада наша, Подруга бдений и пиров! Кипишь ли ты, златая чаша, В руках веселых остряков* (А. Пушкин).²

Као што се види из наведених примера, овакве су конструкције својствене, пре свега, језику поезије.

Када узмемо у обзир могућности супституције облика који недостају код глагола са непотпуном парадигмом у књижевном или разговорном језику, ситуација је сасвим другачија. Треба најпре истаћи да се супститути пре свега могу појавити

¹ Примери преузети из: Гурин 2000:80.

² Примери преузети из: Гурин 2000:83.

код глагола првог типа, тј. код глагола којима недостаје само једна форма – облик 1. лица једнине. У покушају да се ипак употреби облик који недостаје унутар парадигме, говорници руског језика прибегавају разним средствима.

Одсуство стандардног облика за прво лице једнине најчешће се превазилази употребом аналитичких облика;³ уп.: *победить – одержу победу / стану победителем / должен победить*; *очутиться – могу очутиться*; *ерундить – говорю ерунду*; *разубедиться – могу разубедиться*; *убедить – могу тебя убедить...*; *дерзить – не люблю дерзить старшим*; *чудить – не думаю чудить*; *убедить – попытаюсь убедить / сумею убедить* итд.

Поједини глаголи са негативном конотацијом у говору се не користе у 1. лицу: *бесчинствую, блужу, великодушничая, вздорю, вихляюсь, возжаюсь, гнусавлю, деру* (беру много денег), *крохоборствую* и др. Њихова употреба у 1. лицу могућа је једино у контексту одређеног типа, када говорно лице приговара, замера због особине коју му је неко други дао: „Говорят, я бесчинствую, но это неправда“; „Я не вздорю, а отстаиваю свою точку зрения“; „Нет, я не деру денег с покупателей“.

Напоменимо и то – да се понегде (код читавог низа простонародних глагола) као решење нуде алтернативни облици: *слямзю, сбредню, сбодню, дудю* (Гурин 2000:126). Већ смо видели да је непотпуност глаголске парадигме била предмет жучних дискусија међу лингвистима и много раније, посебно средином XIX века, када је, на пример, А. Х. Востоков предлагао да облике *бдю, дудю, оцутю, борзю, мерзю, слезю, скользю, кудесю, обезопасю, каймю, тмю* треба сматрати изузетима, док је В. И. Чернышев, заузевши супротан став, сматрао да су за „живи руски језик“ потпуно адекватни облици *дужу, оцуцусь, боржусь, скольжу, тужу, обезопасу* (Чернышев 1970:561-564).

Приликом истраживања наишли смо на свега неколико примера са употребом глагола овог типа у 1. лицу: *дудеть – Греюсь и дудю (дуду? дужу?) себе под нос что-нибудь интеллектуальное, вроде «Ах, вы, глазки голубые, мне вас больше не-е-е видеть...»; лихорадить – О состоянии моего здоровья могу сказать, что оно расстроено, подробнее – я сильно кашляю, лихоражду, страдаю бессонницей, аппетит плох; пылесосить – А когда раз в 2 месяца его пылесошу, всегда думаю «и это было бы у меня в легких, какой ужас!»*⁴

³ Тенденција ка аналитизму, који је иначе карактеристичан и за друге словенске језике, посебно је изражена у савременом руском језику; може се, заправо, рећи да је он већ уграђен у систем језика.

⁴ Наведени примери су пронађени у Националном корпусу руског језика (www.ruscorgo.ru). Понекад се у разговорном језику могу срести примери употребе појединих глагола који се, по правилу, не користе у књижевном језику. Уп. пример из преписке (чета) са Интернета (наводимо шири контекст): – *Имеется настоящий немецкий Nokia 3330. Был куплен в Германии. Из языков есть Английский, немецкий, ... даже турецкий. А русского нет. Невозможно создавать записи в телефонной книге на русском языке. Невозможно составлять русские SMSки, но, самое*

Употреба оваквих, «нестандардних» облика 1. лица није занемарљива у разговорном језику, већина глагола који формално немају употребу у 1. лицу, у свакодневном говору се ипак користе у овом облику. Навешћемо низ примера пронађених преко интернета: *бдеть* – *В крупных слезах я бдю уже которую ночь!* (www.ruscopora.ru); *сбрeдить* – *...чем я хуже тебя тоже что нибуть сбрeдню* (Преписка са Интернетa: <http://www.stihi.ru>); *лихорадить* – *Лихоражу обычно с зубовным скрежетом и воплями на все отделение* (Преписка: <http://www.stihi.ru>); *кудесить* – *Спасибо, Василисушка! Вот, кудесю потихоньку. Рада, что понравилась! С большущим теплом...* (Переписка: <http://www.stihi.ru>); *сбондить* – *Сейчас же Сбегу В страну мокассин — Лишь сбондю Рубль и бульдог.* (В. Маяковский – Мексика <http://feb-web.ru>).

Оваквих примера је мноштво, што нам указује на то да је потреба за образовањем облика 1. лица код ових глагола велика и да разговорни језик нарушава границе које намеће норма. Другим речима, употреба 1. лица је могућа, тако да се чак код појединих глагола користе разне варијанте за облик 1. лица: *дудю / дужу; слямзю / слямжу; убедю / убежду; победю / побeжду* итд. Наравно, то може да буде не само одраз несигурности или непознавања књижевне нормe (заправо, „забране употребе“) онога који користи дате форме већ и показатељ могућег развојног варијантног колебања (раслојавања), што, поред осталог, упућује на недовршеност кодификације одређених сегмената употребе књижевног језика.

Из наведеног се може закључити да је тежња да се у језику употреби форма 1. лица код глагола који тај облик не могу да граде велика и да је веома заступљена, те да се у зависности од стила језика, говорне ситуације, узраста, образовања говорног лица и других фактора таква „празна места“ попуњавају на различите начине, тј. не постоји некакво универзално решење. Најзаступљенија је употреба аналитичких облика-конструкција приликом изградње 1. лица код глагола овог типа (уп.: *хочу победить, одержу победу*), као и употреба синонима са потпуном парадигмом (на пример, глаголâ *одолеть /одолею/, преодолеть /преодолею/, побороть /поборю/, справиться /справлюсь/*) или синонимских аналитичких конструкција (уп. *одержу верх*).⁵

Код глагола који имају двочлану парадигму, тј. немају употребу у 1. и 2. лицу једнине и множине, потребе за супституцијом готово да и нема, јер они означавају радњу коју не може да врши лице (човек). Тако, на пример, конструкцију *Часы*

главное, невозможно принимать русские SMSки. Любые русские символы отображаются квадратами. Кто бы из Вас помог мне, за умеренную мзду, прошить русскую версию Firmware? Живу в Питере. // – Приноси, за 250 обрyсю, online <<http://gsmlab.com/forum/hochu-rusficiroBat-Nokia-3330-t14928.html>>.

⁵ Уп. следећи синонимски низ (са различитом формалном, лексичко-граматичком структуром): *одержу победу над противником – поборю противника – одолею противника – справлюсь с противником – одержу верх над противником.*

ударили полночь било би апсурдно заменити конструкцијом *Я ударил полночь*, пошто се глагол *ударить* у оваквом значењу може употребити само на овај начин.

Код безличних глагола такође не постоји потреба за образовањем и реализацијом облика у било ком лицу (осим 3. лица једине), јер, као што и сам назив глагола овог типа говори, радњу не врши лице, већ се она одвија независно од њеног вршиоца.

На крају, ради боље прегледности овог излагања, глаголе са дефектном парадигмом и њиховим могућим супституцијама (који понекад могу да образују дужи синонимски низ са истом коренском морфемом, као носиоцем основног лексичког значења) представимо помоћу следећег табеларног приказа:

глаголи без 1. л. јд. (победить)	глаголи без 1. и 2. л. јд. и мн. (запрещаться)	безлични глаголи (смеркаться)
<p><i>одержу победу</i> <i>стану победителем</i> <i>окажусь победителем</i> (я) <i>должен победить</i> <i>могу победить</i> <i>сумею победить</i> <i>хочу победить</i> <i>мне победить</i></p>	<p>_____</p>	<p>_____</p>

ЛИТЕРАТУРА

- Бешенкова, Е. В. (1988), *Глаголы с дефектной прапарадигмой в современном русском языке. Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук.* (Москва: Институт русского языка РАН).
- Быкова, Г. В. (1998), *Внутриязыковые лакуны в системе языка (на материале русского языка)* (Благовещенск: Изд-во АмГУ).
- Гурин, Г. Б. (2000), *Глаголы с неполной личной парадигмой в современном русском литературном языке. На материале словарей : Дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук.* (Петрозаводск).
- Дунь Н. Л. (2007), «Интралингвальные лакуны в лексической системе русского языка», *Вісник СумДУ. Серія Філологія*, № 1, т. 1, 135–141.
- Копотев, М. В., Гурин, Г. Б. (2007), «Разметка синтаксической неполноты в корпусе», in *Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2007»* (Российский Фонд Фундамен-

- тальных Исследований, Москва, 30 мая –3 июня 2007 г.) : Материалы, [online <<http://www.dialog21.ru/dialog2007/materials/html/46.htm>>], 307–311.
- Крстић, М. (2010), „*Verba defectiva*“ и њихови супститути у савременом руском језику: *Магистарски рад* (Филозофски факултет, Нови Сад).
- Ладисова, О. В. (1999), «Разновидности этнографических межподсистемных лакун в лексике (на материале современного русского народного говора)», *Вестник Амурского государственного университета*, 7; online <http://www.amursu.ru/vestnik/7/12_7_99>].
- Сорокин, Ю. А., Быкова, Г. В. (eds.) (2003), *Лакуны в языке и речи : сборник научных трудов* (Благовещенск: Изд-во БГПУ).
- Марфунина, И. (1996), «О глаголах с неполной парадигмой», in *Kontrastivna jezička istraživanja (V simpozijum)* (Novi Sad: Filozofski fakultet), 163–172.
- Национальный корпус русского языка, online <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Пылаева О. Б. (1999), «К вопросу о разновидностях грамматических лакун», *Вестник Амурского государственного университета*, 7; online <http://www.amursu.ru/vestnik/7/11_7_99.html>.
- Танасова, Т. Г. (2005), *Слова с неполным набором грамматических форм и словообразовательных коррелятов и их элимантемы в художественных текстах : Дис. ... канд. филол. наук* (Краснодар: Кубанский государственный университет).
- Тарланов, З. К. (1979), «Глаголы с неполной личной парадигмой в русском языке», *Вопросы языкознания*, 1, 63–74.

Микита Супрунчук*
Белорусский государственный университет
филологический факультет
Минск, Беларусь

РУССКИЕ И СЕРБСКИЕ НАРЕЧИЯ *МНОГО* И *МАЛО* В «ХАЗАРСКОМ СЛОВАРЕ» МИЛОРАДА ПАВИЧА

Категория количества присутствует во всех языках. В одних она выражается обязательно, с помощью служебных слов, именных или глагольных показателей, а в других – факультативно, по желанию говорящего, в соответствии с коммуникативным заданием.

Как отмечается в новом академическом синтаксисе сербского языка, «у српском језику појам количине заступљен је једном од најразвијенијих семантичких категорија. Том појму су доступни јаче или слабије граматикализовани облици изражавања, који припадају различитим језичким нивоима, а облици за изражавање количине врло често се остварују у говору тако да је количина једна од најфреквентнијих семантичких категорија» (Пипер et al. 2005a:870). Таким образом, число, количество занимает важное место и в системе сербского языка, а значит, и в сознании его носителей.

Для индоевропейских языков характерна четкая оппозиция единственного и множественного числа и регулярная выраженность этого противопоставления. Естественно, такая особенность привлекала внимание философов еще в древности. Так, в изучение количественных отношений особенно большой вклад внес древнегреческий философ Пифагор. По его мнению, чтобы познать мир, нужно познать числа, которые им управляют. Аристотель включил количество в список важнейших понятийных категорий.

Достижения философской и лингвистической мысли компактно изложены в классическом учебнике Г. Корбета (Corbett 2000). Оригинальные современные подходы содержатся также в коллективных монографиях российских (Арутюнова ed. 2005), белорусских и немецких (Jachnow et al. 2001) ученых. В последней монографии профессор Х. Яхнов детально описал количество и градацию в сербском языке.

Настоящая статья посвящена частному вопросу – двум словам, обозначающим количество: *много* и *мало*. Далее будут рассмотрены проблемы нумеративной квантификации. О нумеративной квантификации в сербском см., например, детальные работы (Пипер 1990; Поповић 1979).

* ms@philology.by

Материалом для нашего исследования послужил знаменитый роман Милорада Павича «Хазарский словарь». Милорад Павич – это, пожалуй, наиболее известный за рубежом сербский писатель. Его творчество, конечно, своеобразно и, возможно, будет переоценено будущими поколениями, однако в настоящее время оно очень популярно в разных странах.

Из указанного произведения были отобраны предложения с наречиями *много* и *мало*. Целью исследования является описание способов перевода данных наречий в русском издании «Хазарского словаря», а также поиск мотивации выбора того или иного варианта перевода.

Согласно авторитетным переводным словарям И. И. Толстого (Толстой 2001) и Б. Станковича (Станковић ed. 2009), указанные наречия эквивалентны в двух языках:

– в словаре И. И. Толстого: «мало *нареч.* мало, немного; малость» (с. 248), «много *нареч.* 1) много; 2) очень» (с. 260);

– в словаре Б. Станковича: «мало – *мало, недовольно*» (с. 338), «много – *много*» (356).

Неодинаково, но сходным образом определяются эти наречия и в толковых словарях:

«Большой толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова (Кузнецов 2000):

– много. «I. нареч. 1. В большом количестве, в значительной степени; не мало. *Говорить м. Работать м. М. курить. М. заниматься с детьми.* // Больше, чем нужно, чем следует, чем хотелось бы кому-л. *Кто-л. много говорит. М. запросить за товар. Ребёнок м. шумит. Слишком м. хотеть. Не м. ли тебе будет? Много будешь знать, скоро состаришься* (Посл.). 2. (в сочет. со сравнит. ст.). Значительно, гораздо. *Знать м. больше кого-л. Бросить м. дальше. Росло м. меньше цветов.* 3. в функц. сказ. В большом количестве, значительной степени чего-л.; больше, чем нужно. *Денег м. не бывает. Этого мне слишком много. У меня м. работы.* II. числ. колич. (в сочет. с сущ.). Неопределённо большое количество кого-, чего-л. *Собралось м. народу. В банке ещё м. варенья*» (с. 547);

– мало. «I. нареч. 1. В небольшом количестве, в небольшой степени; немного. *Говорить м. Погода м. изменилась за день. Он курил м. Положить в суп мало мяса.* // Меньше, чем нужно; недостаточно. *Он читает м. Я вас м. знаю. Школьники м. занимаются спортом.* 2. (с местоим. и нареч.). Указывает на недостаточность, незначительное количество, редкость того, что обозначает местоименное слово. *М. что хорошего я услышал (немного). М. где он бывает (в немногих местах). М. какой прохожий остановится у калитки (немногие). М. когда солнце светит с утра (изредка).* // (с частицей *ли*). Указывает на несущественность, неважность для говорящего действительного количества, состава, степени проявления и т.п. того, о чём идёт речь в предложении. *М. ли что он может сказать. М. ли где я был. М. ли*

какие у него дела. *М. ли чудес есть на свете!* 3. в функц. сказ. О недостаточном количестве чего-л.; недостаточно, меньше, чем нужно. *Ему м. было заниматься историей: он хотел быть писателем. Хотеть м., надо ещё и сделать. Посадить дерево м., надо ухаживать за ним.* II. числ. колич. (с сущ.). Небольшое количество кого-, чего-л. *В библиотеке м. книг по истории. В магазине м. народу. В стакане м. воды»* (515).

Речник српскога језика (Николић ed. 2007):

– «мнѡго прил. (комп. више и више) (супр. мало) 1. а. *кад се указује на велики број, количину или обим нечега*: ~ година, ~ људи; ~ новца, ~ оружја. б. *кад се указује на количину, обим неке радње, збивања*: ~ лагати, ~ моћи, ~ причати, ~ хтети. 2. *кад се указује на висок степен или интензитет нечега*. а. *јачо, веома, врло*: ~ ми је жао, ~ лепо певати, ~ учен. б. (уз комп. прид. и прил.) *знатно, осетно*: ~ боље, ~ бољи, ~ више, ~ лепши итд. в. *превише, сувише*: оженити се ~ рано, ~ смешан, ~ строг. 3. *дуго, задуго*: није ~ потом прошло» (с. 721);

– мало «1. прил. а. у *малој количини, у малом, невеликом броју*: у ~ воде, има ~ радника. б. *испод потребне количине, мере и сл., недовољно*: – Чега ти је мало? в. *испод очекиваног, недовољно, незадовољавајуће*. – За њега је мало да буде вратар. 2. *донекле, унеколико, помало, понешто*: пећи при мало јачој ватри. 3. (с ген. им.) *за истицање малог обима, малих размера, мале вредности онога што се казује именицом: нешто*. – Саградићу мало куће. 4. а. *кратко време, краткотрајно, за кратко време, на кратко време и сл.; кратко време за тим, брзо, ускоро*: ~за тим, ~ поћути, ~стати, кад ~, не би ~. б. *ретко (кад)*: ~ се виђа...» (с. 673)

Квантификаторы *много* и *мало* являются релятивными, то есть их семантика содержит отсылку к понятию нормы, средней величины. Эта сема реализуется и в текстах, в эксплицитном или имплицитном виде. Как указывал П. Пипер, «заменички квантификатори, у којима су на најизразитији начин репрезентовани поједини типови нунумеричких квантификатора, обухватају *апсолутне* и *релативне* квантификаторе. Квантификација која се остварује прва не одређује се према некој другој количини у истом исказу или ситуацији., што је обавезно када је реч о релативним квантификаторима. [...] У највећем броју случајева употребе релативних квантификатора у питању је исказивање степена, тј. градуелна квантификација» (Пипер 1988:78). Примером абсолютных могут быть, скажем, *свуда, стално, всегда* и др.

Как отмечала И. Червенкова, «количественное значение определяется положением соответствующего параметра на шкале меры. Общим для всех этих количественных детерминаторов является значение существования, наличия признака в некоторой степени. Данные количественные детерминаторы количественно определяют признак в границах между нулем ('отсутствие признака') и предельной мерой, когда дальнейшее увеличение признака невозможно. Такие количе-

ственные детерминаторы находят место в трехчленном делении слов, выражающих понятие количества, меры, данного О. Есперсенем. Крайние группы имеют соответственно значение 'все' и 'ничего'. Среднюю, промежуточную группу составляют слова со значением некоторого количества между 'все' и 'ничего'. Сюда относятся и количественные детерминаторы со значением наличия признака в некоторой степени. Такое значение ['наличие признака в некоторой степени'] дает основание видеть в этих количественных детерминаторах отражение квантора существования, снабженного дополнительной количественной характеристикой» (Червенкова 1975:123).

Следует заметить, что существуют разные взгляды на частеречную принадлежность названных слов. Обычно они считаются наречиями, однако профессор П. Пипер высказывал и другое мнение: „Релативни квантификатори кумулативног типа, било да је реч о интензификаторима, као што у српскохрватском и руском језику *много*, у польском *wiele*, било да је реч о екстензификаторима, на пример, у српскохрватском језику *мало* (такође *имало*, *иоле*, *иколико*), у руском *немного*, у польском *niewiele*, понашају се у синтаксичком, а неки и у морфолошком погледу као заменички придеви, а не као заменички прилози, на исти начин, као и количински локализатори и егзистенцијални квантификатори, на пример, у српскохрватском језику *толико*, *колико*, *неколико* и њихови функционални еквиваленти у руском и польском“ (Пипер 1988:138; см. также 68–69). Между тем для нашей работы частеречная принадлежность не очень существенна, поскольку мы рассматриваем проблему перевода, а в этой сфере важна смысловая адекватность, в то время как категориальная эквивалентность второстепенна.

В таблице ниже представлены способы перевода сербских наречий *много* и *мало* в русском издании «Хазарского словаря», а также сербские слова и выражения, которые соответствовали русским наречиям *много* и *мало*.

Много и *мало* в сербском и русском текстах романа «Хазарский словарь»

Переводы <i>mnogo</i> на рус.		Исходное для <i>mnogo</i> в срб.		Переводы <i>malo</i> на рус.		Исходное для <i>malo</i> в срб.	
<i>МНОГО</i>	15	<i>MNOGO</i>	15	<i>немного</i>	25	<i>MALO</i>	25
<i>гораздо</i>	3	<i>više</i>	2	пропуск	6	<i>toliko</i>	1
<i>весьма</i>	2	добавлено	6	<i>МАЛО</i>	5	<i>što manje</i>	1
<i>более</i>	1	<i>brojni</i>	1	<i>несколько</i>	2		
<i>большой</i>	1	<i>dugo</i>	1	<i>слегка</i>	2		
<i>вполне</i>	1	<i>puni</i>	1	<i>маленький</i>	1		
<i>другой</i>	1	<i>raznih</i>	1	<i>малочисленность</i>	1		

<i>короткая</i>	1	<i>suviše</i>	1	<i>минутка</i>	1		
<i>множество</i>	1	<i>toliko</i>	1	<i>недолгий</i>	1		
<i>намного</i>	1	<i>vazda</i>	1	<i>несколько (немного)</i>	1		
<i>немало</i>	1			<i>почти</i>	1		
<i>почти не</i>	1			<i>столь</i>	1		
<i>разные</i>	1						
<i>сильно</i>	1						
<i>совсем</i>	1						
<i>часто</i>	1						
Всего	33		30		47		27

Рассмотрим подробнее использование наречий.

И в русском, и в сербском языке выделяется два основных случая употребления наречия *много*: как квантификатор предметов и как квантификатор признака (процессуального, т. е. выраженного глаголом, или непроцессуального, т. е. выраженного прилагательным или наречием).

mnogo – много

1	S tim ciljem osnovali su pre mnogo vekova školu u Basri...	С этой целью много веков назад в Басре была основана специальная школа...
2	Ja mnogo radim.	Я много работаю.
3	Princeza Ateh mogla je doći na san čoveku mlađem od sebe hiljadu godina i bilo koju stvar mogla je poslati osobi koja ju sanja isto tako bezbedno kao skorotećom na konju pojenom vinom. Samo mnogo, mnogo brže...	Принцесса Атех могла войти в сон человека, который моложе ее на тысячу лет, любую вещь могла она послать тому, кто видел ее во сне, столь же надежно, как и с гонцом на коне, которого поили вином. Только намного, намного быстрее...

Между тем, если сочетаемость русского *много* с названиями объектов квантификации не ограничена, то при градации признака такие ограничения есть. Как отмечала И. Червенкова (1975:135), «количественный детерминатор *много* широко сочетается с глаголами несовершенного вида, когда они обозначают не актуальное, а абитуальное, обычное для субъекта действие (состояние), повторяющееся в определенных временных рамках». Эти факторы, видимо, именно и вынудили переводчика выбирать другие слова: *гораздо, весьма, более, сильно, совсем* и др.

mnogo – другие наречия

4	Verujte, mnogo je opasnije, gospodaru, sastavljati od rasutih reči rečnik o Hazarima, ovde u ovoj tihoj kuli, nego ići u rat na Dunav, gde se već tuku Austrijanci i Turci, mnogo je opasnije čekati neku spodobu iz sna ovde u Carigradu nego isukati sablju i jurišati, što vi, gospodaru, bar lepo umete.	Поверьте мне, господин, гораздо опаснее составлять словарь о хазарах из рассыпанных слов здесь, в этой тихой башне, чем идти воевать на Дунай, где уже бьются австрийцы и турки. Гораздо опаснее поджидать чудовище из сна здесь, в Царьграде, чем, выхватив саблю, мчаться на врага, а это дело, господин, по крайней мере вам, хорошо знакомо.
5	Potom je počeo zaboravljati i svoj hazarski defter, reč po reč, i nije bio mnogo ražalošćen kada je jedne večeri neki Brankovićev sluga njegov rečnik bacio u vatru...	Потом он начал забывать и свой хазарский словарь, слово за словом, и ему совсем не было грустно, когда как-то вечером один из слуг Бранковича бросил его в огонь...

Возвращаясь к вопросу о частеречной принадлежности, приведем несколько примеров, в которых, действительно, в русском языке более оправданно использование прилагательного.

6	Strašne su smrti ljudi s mnogo poroda, jer se umnožavaju, pošto život i smrt ne moraju stajati u proporciji jedan prema jedan.	Страшна смерть людей, имеющих большое потомство, потому что она умножается, ведь жизнь и смерть все не обязательно должны соотноситься один к одному.
---	--	---

Между тем в примере (6), думается, был бы возможен и более близкий к оригиналу перевод, т. е.: *много потомков*. И тогда сохранилась бы частеречная и морфемная эквивалентность.

В русском тексте наречие *много* появлялось как на месте сербского *много*, так и в других случаях. В частности заменялись слова как этой же части речи (*више, дуго*), так и других (*бројни, пуни, толико* и др.). Рассмотрим такие примеры.

Исходное – русское *много*

7	...старший сын получал половину книги, а его братья и сестры по четверти – или меньше, если детей было много.	...najstariji sin dobijao je polovinu knjige, a ostala deca po četvrtinu, ili manje, ukoliko ih je bilo više.
---	---	---

8	В те времена в монастырях Овчарского ущелья – Св. Иоанна, Благовещения, Св. Николая или Сретенья – было много молодых монахов-иконописцев, которые расписывали стены и соревновались, как в немой молитве или в пении, кто лучше изобразит своего святого.	U to vreme bilo je po klisuri u manastirima Jovanju, Blagoveštenju, Nikolju ili Sretenju vazda mladih monaha ikonopisaca i zografa koji su skiosali zidove i utrkivali se, kao u nekoj nemoj molitvi i u horu, ko će bolje naslikati svoga sveca.
9	Поэтому на дорогах можно видеть много трупов хазар...	...i drumovi su puni Hazara...

много – другие части речи

10	Есть много сомнений относительно причины этого, но наиболее убедительным мне кажется предположение, которое объясняет переселения циклом бесплодия всего народа, наступавшим как раз с такой периодичностью.	Objašnjenja ima raznih, ali meni izgleda najuverljivije ono što kaže da su postajali neplodni u tom ciklusu i da su se morali seliti da bi održali vrstu i obnovili plodnost.
11	Разница лишь в том, что первую, созданную из чистого и постоянного вещества, имеющего много разных видов, может уничтожить только сам Творец, создавший ее, а животные созданы из вещества, подверженного разным воздействиям, поэтому и мудрость в них подвержена действию жары, холода.	Samo što prvu, načinjenu od čiste tvari koja je postojana pa je više vrste, može da uništi samo Tvorac koji ju je saznao, dok su životinje sazdane od tvari koja je podložna različitim uticajima, pa je i mudrost u njima podložna vrelini, hladnoći i drugom što deluje na njihovu prirodu.

В шести фразах переводчик добавил наречие *много*, т. е. почувствовал потребность явно высказать информацию, присутствие которой в сербском оригинале неочевидно.

Добавлено *много*

12	Он писал стихи еще за много столетий до того, как Аллах создал первых людей, Адама и Еву.	Taj je pisao pesme stolecima pre no što je Alah stvorio prve ljude, Adema i Havu.
----	---	---

13	Евреи же уговаривают нас принять их веру и их обряды, а сарацины предлагают мир и много разных даров и тянут нас в свою сторону...	Jevreji nas, pak, nagovaraju da primimo njihovu veru i obred, a Saraceni s druge strane, nudeći mir i druge darove, vuku nas u svoju veru...
14	У твоего халифа много быстрых кораблей под зелеными парусами и воинов, которые жуют обеими сторонами рта.	Tvoj kalifa ima silne brodove zelenih jedara i vojnike koji žvaju na obe strane.

Как указано выше, для перевода сербского наречия *много* на русский язык может использоваться и наречие *очень*. Наречие *очень* в русском языке более «приспособлено» для выражения интенсивности, степени проявления признака, чем *много*. Примечательно, однако, что при переводе данного романа такая замена («*много* – *очень*») не была осуществлена ни разу.

Итак, употребление наречия *много* в рассматриваемых языках далеко не одинаково, при переводе нельзя следовать простому правилу эквивалентной замены.

Рассмотрим особенности употребления наречия *мало* в сербском и русском текстах романа.

Как было видно в сводной таблице выше, однокоренной аналог *мало* занял лишь третье место по частоте: он был использован пять раз, в то время как в шести случаях наречие было опущено, а в переводе большинства фраз (в 25 из 47) присутствует наречие *немного*. Заметим, что такая возможность перевода предусмотрена в словаре Б. Станковича (Станковић ed. 2009): «*немного* – *мало*» (с. 413). Напомним также, что и в сербском языке есть слово *немного* («немного прил. *мало*, *незнатно*» [с. 817]), однако используется оно редко. Показательно, что *Речник српскога језика* (Николић ed. 2007) объясняет наречие *немного* с помощью *мало*, т. е. считает их синонимами. В то же время в русском языке слова *немного* и *мало* противопоставлены друг другу, так как по-разному соотносятся с понятием нормы. Так, *мало* подразумевает недостаточное количество, то, что меньше нормы. А *немного* не содержит негативной оценки, необязательно трактует имеющееся количество как недостаточное, неудовлетворительное.

Итак, рассмотрим эти три основных типа соответствия: «*мало* – *мало*», «*мало* – *немного*» и «*мало* – пропуск».

malo – *мало*

15	Stišavalo ga je saznanje da malo ko među svim tim ljudima što smrde na isti način sve do Male Azije može biti nesrećniji od njega.	Его утешало сознание того, что мало кто из этих людей, от которых одинаково воняет как здесь, так и в Малой Азии, может быть еще более несчастным, чем он.
----	--	--

16	Ali, to nipošto nije malo – u istini ima mesta za sve.	Но это не так уж мало – в истине есть место для всего.
17	Zamisli koliko dovitljivosti! – uzvikuje ona na tom mestu i videvši da mu je čaša prazna dodaje: Jedna čaša je dosta, dve su malo!	Представляешь, какая пронизательность! – воскликнула она в этом месте и, увидев, что его стакан пуст добавила: – Один стакан хватит, два – мало!

malo – немного

18	Poslednjih godina malo se ugrijao...	Только в последние годы он немного согрелся...
19	Jedan ugao je sunčan, drugi ima malo plodne zemlje sa cvećem, treći je vetrovit, a u četvrtom je uglu jedan kameni bunar i uz njega stub.	Один угол солнечный, в другом – есть немного плодородной земли с цветами, в третьем – всегда ветрено, а в четвертом углу находится каменный колодец и рядом с ним столб.
20	Hazarska molitva je plakanje, jer suze su deo Boga pošto, kao školjka biser, uvek sadrže malo soli na dnu.	Хазарская молитва – это плач, потому что слезы принадлежат Богу – в них, как в ракушке с жемчугом на дне, всегда содержится немного соли.

Пропуск *malo*

21	Mati je mlada i lepa osoba i to je bio razlog da je malo bolje zagledam.	Мать – молодая, красивая женщина, по этой причине я ее более пристально рассматривала.
22	Potom se kao malo zamisli i dodade za sebe...	Потом Никон задумался и сказал сам себе...
23	Možda ja ne sanjam uzalud Carigrad i sebe u njemu kao čoveka sasvim drugačijeg no što sam u stvari – vešta u sedlu i na sablji brza, malo hroma i pobočna na drugi način no što sam.	Может, и я не зря вижу во сне Царьград и себя в этом городе вижу совсем не таким, каков на самом деле, а ловко сидящим в седле, с быстрой саблей, хромым и верующим не в того бога, в которого верую я.

Как и в случае с *много*, возможен перевод сербского наречия разными частями речи:

malo – другие части речи

24	Ostali napreduju brže, jer kagan, koji je i sam Hazar, smatra da mu oni drugi ne mogu biti opasni zato što ih je malo.	Остальные продвигались быстрее, потому что каган, сам хазар, считал, что те, другие, не представляли для него опасности ввиду своей малочисленности.
25	Čučni tu malo!	Присядь тут на минутку!
26	Nema tog progonstva koje se ne može zameniti s malo ležanja u morskim zatvorima.	Нет такой ссылки, которую нельзя было бы заменить недолгим заключением в береговых тюрьмах.

Русскому *malo* практически всегда соответствует однокоренное наречие в оригинале романа. Исключения только два:

malo на месте других слов

27	...хазары, которые обращались в греческую веру, в ислам или принимали иудаизм, начинали коверкать свой хазарский язык так, что он уже мало походил на язык тех, кто оставался в первоначальной вере.	Na isti način Hazari koji bi se preobratili u grčku veru, u islam, ili prihvatili judaizam, počinjali su svoj hazarski jezik izvrtati tako da što manje liči na jezik Hazara koji su i dalje ostali u svojoj prvobitnoj veri.
27	Принцесса Атех каждый год посылала ему через свои сны ключ от двери в свою спальню и, несмотря на то что возможности ее были малы, старалась облегчить его муки, для чего подкупала демонов, чтобы они на короткое время заменяли Аль-Сафера в его клетке другими людьми.	Princeza Ateh slala mu je kroz svoje snove svake godine ključ svoje ložnice, a mogla je samo toliko da mu olakša muke što je podmićivala demone da na kratko vreme zamene nekog od ljudi i poture ga u kavez umesto Al Safera.

В одном случае, по нашему мнению, весьма возможны разные способы перевода.

28	Rečnik je knjiga koja tražeći malo vremena svakoga dana uzme mnogo vremena kroz godine.	Словарь – книга, которая, требуя мало времени каждый день, забирает много времени за годы.
----	---	--

Наряду с *мало* можно было бы использовать и *немного*. Впрочем, вероятно, этот вариант был отброшен с учетом оппозиции (и симметричности), которая все же довольно сильна именно между *мало* и *много*.

Эту связь и оппозицию подтверждают также данные «Ассоциативного словаря сербского языка» (Пипер et al. 2005b) (приведены реакции и количество опрошенных, у которых была выявлена такая пара «стимул – реакция»):

– «мало много 128; пуно 81; недовољно 34; дете 29; велико 24; пара 16; ситно, времена 15; више 14... недостаток 10; ништа 9; немаштина, само 6; довољно 4; довољно 1» (с. 283);

– «много пуно 136; мало 124; пара 39; година, новац 22; превише 21; љубави 19; доста 10; сувише 6; довољно 3» (с. 294).

Согласно *Обратному ассоциативному словарю* (Драгићевић 2011), реакция *много* сильнее всего связана именно со стимулом *мало* (приведены стимулы и количество опрошенных, у которых была выявлена такая пара «стимул – реакция»): «много мало 128; још 60; очекивала 43; коштати 35; више 31; динара 29» (с. 307). Реакция *мало* чуть слабее связана со стимулом *много*, демонстрирует более сильную связь с другими словами, однако эти наречия все же образуют прочную, устойчивую пару: «мало само 230; још 134; дете 131; много 124; динара 25» (с. 286).

Об ассоциациях с наречием *много* в болгарском, русском и сербском см. также в статье (Ристић 2008).

Отношения между сербским *мало* и русским *мало* несимметричны. Можно констатировать, что между ними существуют отношения включения, т. е. русское *мало* всегда можно перевести сербским *мало*, однако обратное неверно, так как для перевода сербского *мало* нужны и другие слова.

Интересны случаи трансформации предложений при отрицании. Как известно, отрицание в сербском языке выражается при глаголе гораздо чаще, чем в русском, т. е. происходит замена общеотрицательных и частноотрицательных предложений. Кроме того, русский глагол *быть* несвободен в своем использовании, а тем более он ограничен в отрицательной форме. Рассмотрим замены при отрицании.

Трансформации при отрицании

30	Nije ih bilo mnogo – koliko za jednu zobnicu.	Книг было немного – все поместились в одном мешке.
31	Međutim, tvoj život nije žrtvovan uzalud: on je iskorišćen da se jedna stvar na svetu proverí. A to nije malo...	Однако твоя жизнь не прошла даром – она послужила тому, чтобы проверить одну из существующих в мире вещей. Это уже немало...

32	Da je rasonode, poslužitelji su doneli princezi jednoga dana dva ogleдала. Nisu se mnogo razlikovala od ostalih hazarskih ogleдала.	Чтобы развлечь принцессу, слуги принесли ей два зеркала. Они почти не отличались от других хазарских зеркал.
33	U toj zbrци bila je još jedna povoljna okolnost. On, doduše, nije imao kad misliti, jer između dva šamara se vrlo malo može misliti, ali ipak je opazio da su šamari ponekad znojavi i da su ga gonili u pravcu crkve Sv. Marka...	Во всей этой неразберихе он отметил одно утешающее обстоятельство, хотя времени для осмысления у него не было, ведь между двумя ударами много не подумаешь. Он успел заметить, что тумачи (от некоторых из них несло потом) гнали его в направлении от церкви Святого Марка...

В одном случае был обнаружен пример, который следует, видимо, считать ошибкой переводчика:

34	Upitao je Daubmanusa da li bi izdao knjigu koja ima malo čudan sadržaj, verovatno takav da se niko neće usuditi da je štampa.	Он спросил Даубманнуса, не хочет ли тот издать книгу, содержание которой столь необычно, что вряд ли кто-нибудь решится ее напечатать.
----	---	--

В этой фразе переводчик изменил степень, интенсивность признака: заменил невысокую степень проявления признака на очень высокую.

Таким образом, тождественность количественных наречий *много* и *мало* в русском и сербском кажущаяся. Во-первых, они различаются значением. Так, в русском языке слабее соотношение с мерой, с нормой, и соответственно, *много* не рассматривается как превышение. Контексты с наречием *мало* заставляют считать, что в его семантике обязательно содержится указание на недостаточное количество. Между тем толкование в словарях указывает на наличие еще одного подзначения – уже без отрицательной оценки, просто как небольшого количества. Данный вопрос требует дальнейшего специального исследования.

В сербском языке наречие *много* совмещает в себе два значения: одно из них указывает на превышение нормы, на количество, которое превосходит средние показатели, а второе значение просто свидетельствует о большом количестве, однако уже без оценки этого количества как необычного, ненормального.

Другая ситуация наблюдается с наречием *мало*. Согласно сербским словарям, в его значении присутствует сема «недостаточное количество», «ниже нормы», «ниже среднего». Между тем примеры из текстов дают основания полагать, что

нередко слово *мало* обозначает просто небольшое количество без отрицательной оценки, т. е. имеющееся количество (или степень) не рассматривается как недостаточное.

Различие между сербскими и русскими наречиями наблюдаются также в сочетаемости: сербские наречия легко выступают в градуационном значении, т. е. служат для указания степени, меры, и тогда свободно сочетаются и с глаголами, и с прилагательными. Русские наречия тоже могут иметь функцию градации, однако ограничены в этом использовании.

В сербском и русском языках различается и порядок слов во фразе с анализируемыми наречиями, однако для получения надежных выводов этот вопрос еще требует исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Corbett, G. G. (2000), *Number* (Cambridge : Cambridge University Press).
- Jachnow, H., Norman, B., Suprun, A. (2001), *Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien* (Wiesbaden : Harrassowitz Verlag).
- Арутюнова, Н. Д. (ed.) (2005), *Логический анализ языка : Квантификативный аспект языка* (М.: Индрик).
- Драгићевић, Р. (2011), Драгићевић, Р., Пипер, П., Стефановић, М., *Обратни асоцијативни речник српскога језика, 2, Од реакције ка стимулусу* (Београд : Београдска књига – Службени гласник).
- Кузнецов С. А. (2000), *Большой толковый словарь русского языка* (СПб. : Норинт).
- Николић, М. (ed.), *Речник српскога језика* (Нови Сад : Матица српска).
- Пипер, П. (1988), *Заменички прилози у српскохрватском, руском и пољском језику (семантичка студија)* (Београд : Институт за српскохрватски језик).
- (1990), „О прилошкој нумеричкој квантификацији у руском и српскохрватском језику“, *Зб. Матице срп. за славистику*, 39, 97–112.
- Пипер, П., Антонић, И., Ружић, В., et al. (2005a), *Синтакса савременога српског језика: проста реченица*, Ивић, М. (ed.) (Београд – Нови Сад: Институт за српски језик САНУ – Београдска књига – Матица српска).
- Пипер, П., Драгићевић, Р., Стефановић, М. (2005b), *Асоцијативни речник српског језика, 1, Од стимуланса ка реакцији* (Београд : Београдска књига – Службени лист СЦГ – Филолошки факултет).
- Поповић, Љ. (1979), „Употреба кардиналних бројева у српскохрватском језику“, in *Југословенски семинар за стране слависте*, 30 (Београд: МСЦ), 3–24.
- Ристић, С. (2008), „Асоцијативно поље граматичких речи у српском, руском и бугарском језику (на примерима прилога: срп. заједно, много, рус. вместе, много и буг. заедно, много)“, *Зб. Матице срп. за славистику*, 73, 367–386.

- Станковић, Б. (ed.) (2009), *Руско-српски речник*, доп. изд. (Нови Сад : Прометеј).
- Толстой, И. И. (2001), *Сербскохорватско-рускији словари*, 7-е, стер. изд. (М. : Рус. яз.).
- Червенкова, И. (1975), «Адвербиалне показатељи степени признака у руском језику», *Годишник на Софијскији универзитет. Факултет на славјанскији филологији*, 58 (3), 121–188.

Олег Анатольевич Семенюк
Кировоградский государственный педагогический
университет им. Владимира Винниченко
Кировоград, Украина

УПОТРЕБЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ С КОМПОНЕНТОМ «ЧЕЛОВЕК» В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

Интеркультурная коммуникация, активное контактирование языков и культур в современном мире определенным образом содействуют интернационализации не только специальной терминологии, но и унификации (как правило – за счет семантических и словообразовательных калек) групп языковых единиц, имеющих давнюю этнокультурную стратификацию. Все выразительнее становится процесс своеобразного интегрирования лексических и фразеологических систем под воздействием социокультурных факторов. Наиболее рельефно такие тенденции выступают в родственных языках.

Фразеологизмы и устойчивые сочетания коммуникативного характера, как известно, являются наиболее национально маркированными языковыми единицами. Они, с одной стороны, есть результат особых ментально обусловленных метафорических переносов, своеобразного этнокультурного взгляда на явление или предмет, а с другой – это единицы, образованные с помощью определенных алгоритмов мышления со всеми логичными и алогичными принципами его процессов.

Устойчивые сочетания вообще – наиболее консервативная часть словарного состава и наиболее стабильная, потому что воспринимается уже вне времени, принадлежит не современному дискурсу, а национальной культуре. Именно устойчивые сочетания разных видов являются неотъемлемой составляющей концептуальной сферы. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты ассоциативных экспериментов. Как отмечают ученые, во-первых, реакция на слово-стимул достаточно часто является сугубо «фразеологической» по своему происхождению; во-вторых, ассоциативное определение слова и список фразеологических атрибутов этого же слова частично или полностью совпадают (Бутенко 1989). Носители разных языков используют соотносимые модели и принципы для вербализации информации. Среди «глобальных» моделей наиболее распространенными являются персонификация и «предметизация». Модели вербализации определяют предикаты. При персонификации, как известно, действует принцип антропометричности. Националь-

ные особенности проявляются иногда на этапе чувственного, эмоционального внутреннего оценивания, потому что его механизм фактически представляет собой сопоставление с прототипами, которые формируются в процессе развития нации и языка. Как следствие, при определенных условиях (ситуация мультилингвизма, контакты с носителями других родственных языков), человек, говорящий и владеющий русским языком, может ассоциативно, непреднамеренно, усваивать схожие устойчивые сочетания из других славянских языков и употреблять их речи.

Для примера мы выбрали устойчивые сочетания с одинаковым центральным компонентом в нескольких языках, которые входят в группу славянских. Принимая во внимание антропоцентрическую парадигму языковой системы и языкового развития, в определенной мере показательным будет сравнение реализованных возможностей фразеологических (устойчивых) образований с центральным именным компонентом русск. *человек – люди*; укр. *людина – люди*; серб. *човек – људи*.

Для формальности скажем, что в современной, особенно постсоветской, лингвистике, существует понимание фразеологизмов в «узком» и «широком» смысле. В первом случае к фразеологическим единицам не относят устойчивые сочетания, поговорки, крылатые выражения, устойчивые сравнения, сложные термины, афоризмы, языковые штампы и клише и под. Во втором – к фразеологизмам относят единицы, существующие на основе воспроизведения в готовом виде и определяющей чертой которых является особенность функционирования в речи. Именно такое понимание фразеологизмов мы принимаем, и, чтобы не давать повода к лингвистическим дискуссиям, будем называть их «устойчивыми сочетаниями». Кстати, большинство фразеологических словарей (особенно – русского и украинского языков) составлены с ориентацией на «узкое» определение фразеологизма, и это следует учитывать при переводе или интерпретации текста для наиболее адекватной его передачи средствами другого языка.

Рассмотрим состав словарных дефиниций, представленных во фразеологических и некоторых других словарях разных родственных языков.

Во фразеологическом словаре русского языка количество сочетаний со словом *люди* невелико – 6.

ЛЮДИ: *идти в люди, пойти в люди* - (устар.) Идти в услужение, на работу, по найму; *выводить в люди* – принимать деятельное участие в судьбе тот факт, что кого-то; *выходить в люди* – добиться прочного положения в свете, обществе; **ЛЮДЯХ:** *в людях* – (устар.) 1. В обществе других, среди людей; 2. В услужении у других людей, на работе по найму; *жить в людях* – (устар.) жить в чужой семье, работая там по найму; *на людях* – (прост.) в обществе других, среди людей (Молотков ed. 1967:234).

Показательным для иллюстрации определенного субъективного взгляда на составление словарей является, по-нашему мнению, тот факт, что фразеологические словари русского языка не фиксируют устойчивые сочетания с компонентом

человек. Только у Р. И. Яранцева находим два фразеологизма, которые обозначают человеческие качества: *человек большого сердца*, *человек с большой буквы* (Яранцев 1997:745). Однако, и в русском, и, например, в украинском языках, употребляют сочетания: *как человек человеку*, *стать человеком*, *сделать человеком*. В одном из толковых словарей русского языка в словарной дефиниции «человек» подано еще несколько фразеологизмов: *Божий человек* (устар. и народно-поэт. Странный, нищий, юридический), *Грешный человек*, *Мил человек*, *Молодой человек*, *(Все) как один человек* (Евгеньева, Разумникова eds. 1988:659).

Фразеологический словарь украинского языка фиксирует намного больше – 18 устойчивых сочетаний с основным компонентом *люди* (в разных падежных формах):

ЛЮДЕЙ: *не з людей* – 1) не такой как все; 2) Не так, как другим; *ні до Бога, ні до людей*; *про людей* – для чужих; *смішити людей*; *як у людей* – 1) такой как нужно, обычный // приличный, хороший, лучший; 2) как обычно должно быть, как надо, хорошо. ЛЮДИ: *будуть (вийдуть) люди*, *вийде людина*, *люди бувають* – кто-нибудь вырастет, сформируется с позитивными характеристиками; *не буде людей* – а н т о н и м; *в люди* – 1) идти, отдавать: На заработки, в услужение; 2) выйти: В окружение других, посторонних; со своего жилища; чтобы видели другие; 3) нести: Для массового ознакомления; *між люди* – в другое окружение, оставить дом; *на люди* – 1) выйти, тянет: В окружение людей; 2) отдать: На заработки, в услужение; 3) появляться, показаться: Чтобы видели, знали другие; *пускати в люди*. ЛЮДЯМ: *людям на сміх*; *ні Богу, ні людям*; *ні собі ні людям*. ЛЮДЯХ: *на людях* – в присутствии кого-нибудь, публично; *по людях ходити*; *у людях* – на заработках, в найме. ЛЮДЬМИ: *тертися між людьми*

Со словом *людина* (русск. *человек*) сочетаний меньше – 5:

ЛЮДИНА: *хоч би тобі [одна] жива людина* – никого нигде не видно; нету абсолютно никого; *як людина з людиною* – на равных, уважая достоинство друг друга. ЛЮДИНОЮ: *стати людиною*. ЛЮДИНУ: *зробити людину*; *не вважати за людину* (Білоноженко et al. 1999:452).

Слово *човек* в сербском языке (по лексикографическим данным) имеет значительно более широкую фразеологическую сочетаемость (сравнительно с русским и украинским языками). В рассмотренных нами словарях (Стевановић et al. eds. 1990:891–892; Трофимкина 2005:208) зафиксировано 16 устойчивых сочетаний с этим словом (в именительном, родительном и звательном падежах).

Бивши *човек човек који је изгубио пређашњи положај и углед* (бывший человек – человек, который потерял прежнее положение и репутацию); *готов човек човек који се материјално спремио за живот*; *одрастао, зрео човек* (готовый человек – человек, который материально подготовился к жизни; взрослый, зрелый человек); *десни човек поуздан, сигуран човек* (правый человек – надежный, верный человек); *други човек постати сасвим се изменити* (стать другим человеком – со-

всем измениться); као човек живети *добро, солидно живети* (жить как человек – хорошо, солидно жить); мали човек *представник масе људи, обичан човек* (малый человек – представитель человеческой массы, обычный человек); никакав човек *нитков, никоговић, нечовек* (никакой человек – негодяй; ничтожный, жалкий человек; изверг); светски човек *човек који добро познаје свет и друштво* (мировой человек – человек, который хорошо знает мир и общество); свој човек *материјално осигуран човек* (свой человек – материально обеспеченный человек); тежак човек *ћудљив човек, ваљан човек* (тяжелый человек – своенравный, прихотливый человек; порядочный, достойный человек); човек од пера *писац, књижевник* (человек от пера – писатель, литератор); душа (хлеб, крух, злато) од човека *врло добар, честит, племенит човек* (душа-, хлеб-, золото-человек – очень хороший, честный, благородный человек); ђаво од човека *враголан* (дьявол-человек – беспокойный человек; озорник; проказник); чудо од човека *човек необичан по својим способностима или настраностима* (чудо-человек – человек с необыкновенными способностями или особенностями); човече (људи) божји *узречица кад се неко жели уверити у што* (человече (люди) божий – присказка, когда кто-то хочет убедить кого-то в чем-то) (Стевановић et al. eds. 1990:891–892). Кроме того, в переводном словаре О. И. Трофимкиной (2005:208) зафиксирована единица *Божји човек*. О религиозном человеке, ведущем аскетический образ жизни и обладающем даром прорицания; юродивый, блаженный.

В издании *Речник српскохрватскога књижевног језика* (Стевановић et al. eds. 1990:891) зафиксировано всего три фразеологизма со словом *људи* (в именительном и винительном падежах).

Божји људи *просјаци* (божьи люди – нищие, попрошайки); људи с коца и конопца *људи свакакве прошлости, скитнице, пробисвети* (люди с кости (?) и веревки – люди всякого («темного») прошлого, бродяги, проходимцы); изићи међу људе *отићи у друштво* (выйти к людям – выйти в общество; начать общаться с другими людьми).

Несмотря на то, что количественные показатели фразеологического потенциала трех сравниваемых языков существенно отличаются, мы видим выразительное семантическое ядро рассматриваемой группы, которое присутствует во всех рассмотренных славянских языках. На семантическом уровне можно выделить несколько общих тематических групп. Доминантным значением, которое реализуют устойчивые сочетания с компонентом *људи* в рассмотренных языках, есть понятие «мир, общество». При более близком взгляде видны рельефные «общие» значения: «Выходить в общество, в свет, быть вне привычного окружения» – укр. *выводити в људи, вийти в људи, виносити в људи, випускати в људи, поміж људи, на људи, пускати у људи*; русск. *в людях, в люди, на людях*; серб. *изићи међу људе*; укр. *вийдуть люди, вийде людина, щоб були люди, люди бувають*; рос. *выходить в люди*; укр. *іти людьми, у людях*; русск. *в людях, выводить в люди*.

Понятно, что есть и различия, обусловленные лингвокультурными факторами. Так, например, не имеет соответствия в русском и украинском языках сербский фразеологизм *људи с коца и конопца* (люди «темного» прошлого, бродяги, проходимцы).

Как правило, именно схожие грамматико-семантические признаки являются определенными формальными свидетельствами общих для славян ментальных, этнических, культурных характеристик. На общем фоне выделяются и черты, отличающие их. Так, особенностью сербского языка, которая обусловлена культурой и психологией народа и связана с определенным состоянием этноса, является значительное количество фразеологизмов (со словом *човек*), акцентирующих внимание на индивидуальных качествах человека как отдельной личности и, в меньшей степени, как члена общества. Большинство этих ФЕ не имеют соответствий в русском и украинском языках: *бивши човек* (человек, который потерял прежнее положение и репутацию); *готов човек* (человек, который материально подготовился к жизни; взрослый, зрелый человек); *десни човек* (надежный, верный человек); *душа (хлеб, крух, злато) од човека* (очень хороший, честный, благородный человек); *ђаво од човека* (беспокойный человек; озорник; проказник); *чудо од човека* (человек с необыкновенными способностями особенностями). Особого внимания заслуживают сербские фразеологизмы, которые имеют в русском и украинском языках соответствия (ФЕ или свободные словосочетания) с другими значениями: серб. *никакав човек* (негодяй; ничтожный, жалкий человек; изверг) – русск. *никакой человек*, укр. *ніяка людина* (безынициативный, бесхарактерный человек); серб. *светски човек* (человек, который хорошо знает мир и общество) – рус. *светский человек*, укр. *світська людина* (человек, который принадлежит к высшему обществу, умеет себя вести в нем); серб. *свој човек* (материально обеспеченный человек) – русск. *свой человек*, укр. *своя людина* (человек, который принадлежит к той же среде, которому можно доверять).

Можно говорить о том, что в приобретении интегральных признаков, определенной семантической тождественности фразеологии современных европейских языков, все большее значение приобретают межкультурные контакты, этносоциальные и культурные факторы (в том числе и религиозные), которые при определенных условиях могут оттеснить на второй план даже лингвогенетику. Так, безусловно, на украинскую фразеологию оказала влияние латынь (в некоторых случаях при посредничестве польского языка), в которой существовало значительное количество устойчивых единиц с компонентом *человек*. И мы говорим сейчас не о крылатых выражениях, а именно о «чистых» фразеологизмах типа *subiugus homo* (человек в ярме), *homo hebes* (ограниченный человек), *homo nullius coloris* (невзрачный человек, незнакомец), *homo nostrae farinae* (человек нашего покроя); *homo Dei* (божйй человек); *homo homini* (человек человеку); *homo novus* (новый человек); *homo torum veterum* (человек старой закалки); *homo oeconomicus* (эконом-

ный человек); *homo omnium horarum* (человек на все случаи); *homo quadratus* (четырёхгранный / сложный человек); *hominculus unus multorum* (человек один из многих) и др. Они, преимущественно, касаются характеристик человека. Понятно, что подобное влияние возможно под воздействием большого количества факторов: письменной и научной традициям, религии, исторических событий, геополитических и географических аспектов и под.

Безусловно, фразеология остается одной из наиболее этнически маркированных языковых подсистем, а в родственных языках можно очертить общее ядро семантически близких устойчивых сочетаний, которые выступают как своеобразное свидетельство общих ментальных характеристик. Можно констатировать, что и фразеология современных европейских языков проявляет тенденции к унификации. В таком случае, создаются условия, когда носители языков, особенно билингвы и мультилингвы, под влиянием разнообразных лингвистических и экстралингвистических факторов, начинают утрачивать чувство «культурной границы».

ЛИТЕРАТУРА

- Skorupka, Stanisław (1974), *Słownik frazeologiczny języka polskiego*, t. I (Warszawa: Wiedza Powszechna).
- Білоноженко, В. М., et al. (1999), *Фразеологічний словник української мови*, 2 вид., кн. 1 (К.: Наукова думка).
- Бутенко Л. С. (1989), *Словник асоціативних значень української мови* (Львів).
- Евгеньева, А. П., Разумникова, Г. А. (eds.) (1988), *Словарь русского языка : в 4-х т.*, т. IV (М: Русский язык).
- Молотков, А. И. (ed.) (1967), *Фразеологический словарь русского языка* (М.: Советская энциклопедия).
- Стевановић, Михаило, et al. (eds.) (1990), *Речник српскохрватскога књижевног језика*, [друго фототипско изд.], књ. 6 (Нови Сад : Матица Српска).
- Трофимкина, О. И. (2005), *Сербохорватско-русский фразеологический словарь* (М. : ООО «Восток-Запад»).
- Яранцев, Р. И. (1997), *Русская фразеология. Словарь-справочник* (М.: Русский язык).

Ирина Витальевна Тяпкина
Ивановский государственный университет
Иваново, Россия

Илья Сергеевич Тяпков
Российский центр науки и культуры
Белград, Сербия

ЭКСПЛИКАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ)

Современные исследователи сходятся во мнении, что каждая национальная культура располагает своим набором разнообразных ценностей, так или иначе отраженных в языковой картине мира (ЯКМ), в которой концепты познания всех уровней, вплоть до общечеловеческих, обретают свою самобытную окраску (Ю. Д. Апресян, Л. Вайсгербер, А. Вежбицкая, Л. Витгенштейн, Ю. Л. Воротников, Ю. Н. Караулов, О. А. Корнилов, В. В. Красных, А. Б. Михалёв, С. Г. Тер-Минасова, Н. В. Уфимцева, М. Хайдеггер, А. Д. Шмелев и др.).

Википедия справедливо отмечает, что «в последние годы языковая картина мира стала одной из наиболее актуальных тем отечественного языкознания». Эта тема к настоящему времени имеет многочисленные вариации и самые разнообразные толкования ее статуса, сферы действия и т.п. (см., например, Miller 1968; Любимова, Бузальская 2011). Не случайно О. А. Корнилов (2003) говорит о необходимости «перенести понятие „языковая картина мира“ из разряда красивых метафор в категорию научных терминов».

В то же время Любимцева и Бузальская сомневаются в возможности окончательной терминологизации картины мира, отмечая, что «колебания в трактовке *картины мира* от понятия к термину и обратно – единственно возможный вариант существования феномена КМ в науке, поскольку антропоцентрическая двойственность (объект сознания и объект культуры одновременно) заложена в ней изначально как неотъемлемая сущностная характеристика. Это относится и к другим элементам категориального аппарата науки, которые связывают бытие человека и объекта окружающего его пространства: языковая личность, языковое сознание, образ, концепт, ментальность и т.п.» (Любимова, Бузальская 2011:18–19). В то же время, антропоцентрический характер использования таких понятий и терминов, как «ЯКМ», «образ мира», «языковая личность», «речевая личность» и др., требуют и от исследователя, и от реципиента учета не только лингвистических, но и духовно-культурных (по В. фон Гумбольдту) аспектов проблемы, ибо «разные язы-

ки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» (Гумбольдт 1985:349).

Это «различное видение вещей» и приводит к созданию ЯКМ в ее подчеркнuto национальном облике. Она не только номинирует национально-культурные свойства и качества ментальной жизни человека (включая и эмоционально-чувственную, иррациональную сторону бытия), но и оценивает обозначаемые фрагменты ЯКМ, придавая ее восприятию отчетливо выраженный антропоморфный характер.

Отмечаемое в ряде исследований наличие духовно-личностного аксиологического аспекта национально окрашенной ЯКМ непременно, на наш взгляд, следует учитывать не только в компаративистском исследовании языков, но и в преподавании языка, особенно на высоких уровнях его изучения.

Отчетливо выраженный индивидуализировано-оценочный аспект следует учитывать и при восприятии такого яркого лингвокультурологического явления, как газетные заголовки, ставшие в последнее время объектом интенсивного изучения многих отечественных лингвистов.¹

Газетные заголовки, призванные в лапидарном виде манифестировать содержание статьи, апеллируют не только к прямой семантике приведенных речевых смыслов, но и к некоему двойнику (назовем его «вторым планом» вслед за Ю. Н. Тыняновым, определившим этим термином пародируемое произведение), прорастающему своим смыслом не напрямую из текста, а из многообразных контекстов, сложившихся не только в синхронии, но и в диахронии, в разное историческое время.

Газетные заголовки, находясь в самом центре актуально действующей национальной культуры, концентрированно выражают не только «злобу дня». Самой природой своей экспрессивной суггестивности они призваны эксплицировать, вывести на поверхность разнообразные архетипы, стереотипы, особенности уклада и т.п., открыто и сокровенно живущие в глубинах народного сознания. Индивидуально-личностная (авторская) окрашенность обобщающих языковых экспликаций подобного рода и придает газетным заголовкам значительную эвристическую, методико-обучающую, тестовую, а порой и художественно-эстетическую ценность.

Уровни и качество рецепции газетных заголовков в силу их уникальных свойств (отмеченные лапидарность, экспрессия, соотнесенность с самыми различными «вторыми планами» национальных культурных контекстов, личная окрашенность и мн. др.) могут становиться весьма богатым материалом в обучении языку и особенно в тестировании уровней постижения учащимися неродного языка.

¹ См. работы: Бухарев 2008; Вахтель 2004; Лазарева 2006:158–166; Лисоченко 2000–2003.

Приведем в этой связи ряд примеров, выделив их «вторые планы». «Вторым планом» газетных заголовков могут быть самые разнообразные явления той или иной национально окрашенной культуры:

– **Пословицы, поговорки, фразеологизмы, идиомы:**

Империя зла полюбит и козла (Любовь зла – полюбишь и козла) / Плох тот губернатор, который не желает стать собственником (Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом) / Без Кремля в голове (Без царя в голове) / Щепки русского леса (Лес рубят – щепки летят).

– **Названия литературных произведений, телепередач, фильмов и цитаты из них.**

Здесь будет город – ад («...здесь будет город-сад» В. Маяковский) / Из широких штанин и достать нечего («Стихи о советском паспорте». В. Маяковский) / Место встречи придется изменить (фильм С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя»).

– **Русские экзистенциально-бытовые и этнокультурные реалии:**

Провайдер Иван Сусанин (Иван Сусанин – герой сопротивления польскому нашествию начала XVII века) / Выставка без достижений (ВДНХ – выставка достижений народного хозяйства) / Бригада «посткоммунистического труда» (телефильм «Бригада»).

– **Сленг, жаргон, инвективная и обценная лексика:**

Крыша мира поехала (сленг: крыша поехала – неадекватное поведение) / Родина – перемать (о запрете на бранную лексику в законе о русском языке) / Прокуратура в законе (Вор в законе).

– **Речевые (орфографические, орфоэпические, словообразовательные) нормы:**

Банкформирование (бандформирование) / Батькономика (Рейганомика – экономическая политика президента США Р. Рейгана) / Просвящение (Просвещение) / Кумсостав (Комсостав) / Глаз божий (Глас божий).

В эпохи *fin de siècle*, аналогичные российскому Серебряному веку или переживаемой нами ныне, обычно наблюдается эсхатологическое возбуждение «поля культуры». Происходит семантический «сдвиг», деформация привычных дефиниций, некогда прозрачные речевые единицы, в том числе и газетные заголовки, обретают зыбкий, мерцающий, личностно окрашенный характер и требуют от постигающего их субъекта уверенного знания «второго плана», привлечения дополнительных (помимо лингвистических) гносеологических ресурсов. Трудности рецепции подобных бинарных речевых конструкций довольно часто обуславливаются не только необыкновенной широтой контекста, в котором может располагаться «второй план», но и значительной удаленностью одной части от другой во временной протяженности.

Проведенный нами в русской, а также иноязычной, в том числе и сербской, аудиториях, психолингвистический эксперимент во многих своих положениях подтверждает основные выводы исследователей о необходимости соотнесения языковых единиц актуально действующей культуры (в нашем случае газетных заголовков) с самыми широкими и разнообразными культурологическими, лингвострановедческими и иными контекстами.

Нами были опрошены 126 русских студентов гуманитарных и технических специальностей и 37 иностранных студентов, магистрантов и аспирантов, изучающих русский язык в Ивановской государственной текстильной академии, готовящихся к сдаче теста второго сертификационного уровня общего владения русским языком как иностранным, а также 28 сербских слушателей курсов русского языка при Российском центре науки и культуры в Белграде высокого уровня владения русским языком.²

Испытуемым были предложены 4 задания по выявлению «второго плана» заголовков русских газет. В задании 1 «вторым планом» являлся фразеологизм или пословица. Мы попросили студентов «восстановить» исходную форму фразеологизма и объяснить его значение, а для иностранных студентов привести фразеологизм из родного языка, совпадающий или близкий по смыслу.

Во втором задании необходимо было «восстановить», эксплицировать цитату из известных литературных произведений и фильмов и, по возможности, назвать ее автора.

«Вторым планом» в третьем задании были социально-политические, культурно-исторические русские реалии.

В четвертом задании были предложены заголовки, построенные на сознательном отступлении от орфографических, орфоэпических или словообразовательных норм русского языка. Требовалось восстановить исходное «звучание» или написание слова, словосочетания, выступающего «вторым планом».

Для носителей русского языка менее всего трудностей вызвала экспликация фразеологизмов или пословиц (задание 1), но только в тех случаях, где «второй план» прозрачен. Например, *Дурной премьер заразителен (Дурной пример заразителен) / Не пойман – не олигарх (Не пойман – не вор) / Империя зла полюбит и козла (Любовь зла – полюбишь и козла)*. В тех случаях, когда экспликация требовала более сложных смысловых ассоциативных трансформаций и синтаксические конструкции не давали «подсказок», «второй план» для большинства испытуемых оставался неузнанным: *Щепки русского леса (Лес рубят – щепки летят) /*

² Мы опускаем подробный количественный анализ результатов эксперимента, он должен стать объектом специального методического исследования. Нас в данном случае интересовала в сравнительном аспекте общая тенденция понимания и экспликации «второго плана» носителями русского языка и носителями другого языка и другой культуры (в случае с сербами – славянской, родственной).

Продажные шкуры неубитых медведей (Делить шкуру неубитого медведя и Продажная шкура (бранное)) / Плох тот губернатор, который не мечтает стать собственником (Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом) / Премьер удержал синицу в руках (Лучше синица в руках, чем журавль в небе).

Иностранные студенты, как показали результаты задания 1, практически не знают паремиологического пласта языка, но при индивидуальных опросах после объяснения значений паремий и фразеологизмов находят близкие по смыслу идиомы в родном языке.

Эти наблюдения намечают компаративистские перспективы в данном вопросе и дают интересный материал для изучения «общих смыслов» в разнонациональных ЯКМ.

Экспликация «второго плана» в задании 2 была затруднена для русских студентов тем больше, чем дальше (стилистически, лексически) располагался от оригинала предлагаемый газетный заголовок. Так, практически все испытуемые «узнали» цитаты и названия фильмов: *Место встречи придется изменить («Место встречи изменить нельзя» – фильм С. Говорухина) / Упал, очнулся, гипс («Бриллиантовая рука» – фильм Л. Гайдая) / Мороз и солнце – день ужасный («Мороз и солнце - день чудесный...» – А. С. Пушкин).*

Однако «второй план», экспликация которого требует значительных трансформаций исходного газетного заголовка (он не является почти прямой цитатой, а лишь «намечает» дискурс ключевыми словами), оставался неузнанным: *Из широких штанин и достать нечего («Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза...» В. Маяковский) / На деревню дедушке... Морозу (На деревню дедушке Константину Макаровичу – «Ванька Жуков» А. П. Чехов).* При этом русские студенты очень часто не знают авторов цитат из «второго плана». Иностранные студенты узнают «второй план», если это произведение предлагалось для изучающего чтения или запоминания наизусть на занятиях по русскому языку (так, «программные» строки А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова «узнали» 19 студентов из 37). Близкие к результатам иностранных студентов, обучающихся в России, показали во втором задании сербские студенты.

В задании 3, где предлагалось эксплицировать социальные, исторические, этнокультурные реалии, мы столкнулись с неожиданным для нас незнанием этих реалий русскими студентами. И только в заголовке «Малевич и его круг» практически не было затруднений в экспликации «второго плана», но даже в таких, на наш взгляд, прозрачных заголовках, как *Выставка без достижений, Безвременное правительство, Не серп, так молот* остаются неузнанными реалии недавнего советского времени и, таким образом, остается закрытым «второй план». Ни один из испытуемых (ни русский, ни иностранец) не увидел «второго плана» в заголовке *Пятый пункт, Беспартийная организация и партийная литература*. Сербские студенты в этом задании также исключительно редко эксплицировали точный

«второй план», либо оставляя задание без ответа, либо приводя некорректные «расшифровки».

Нарочитые нарушения речевых норм газетных заголовков – заметить и исправить их для экспликации «второго плана» смогли большинство русских студентов и 18 из 37 иностранных студентов. Трудновыполнимым оказалось это задание для сербских студентов. Мы связываем этот факт не только с затруднениями в опознании «второго плана», но и с обусловленным существующим в сербском языке принципом фонетического письма слабым развитием у сербских студентов навыков владения орфографически грамотной письменной речью.

Исследование процесса экспликации газетных заголовков подтверждает выводы целого ряда лингвокультурологов о том, что данные суггестивно ориентированные речевые конструкции являются не только достаточно релевантным выразителем национальной ЯКМ в ее индивидуально-личностном преломлении (при этом следует подчеркнуть острую актуальность этих фрагментов ЯКМ), но и вполне корректным индикатором степени, качества и объема освоения «чужой» культуры через постижение ее языка.³

Заметим попутно, что последнее обстоятельство значительно обогащает учебно-методические аспекты осмысления газетных заголовков в преподавании РКИ.

При этом следует отчетливо понимать, что восприятие и интерпретация национально-культурных кодов, ментальных моделей, зафиксированных в языке, требует от реципиента постоянной корреляции данных речевых единиц с контекстами, настолько разнообразными и широкими в своих социокультурных проявлениях, что их непременно следует детально комментировать и расшифровывать в процессе освоения каждой национальной культуры, привлекая к их постижению дополнительные (кроме лингвистических и лингвокультурологических) гносеологические ресурсы. Именно поэтому следует приветствовать то, что преподавание РКИ в последние годы обогащается введением таких, например, курсов, как «Россия и русские», который проиллюстрирован фильмами на русском языке «Русский национальный характер», «Быть русским», «Православие», «Что и как едят и пьют русские», «Сады и парки России» и т. п. (Тер-Минасова 2011).

³ Например, в тесте четвертого сертификационного уровня общего владения РКИ в субтесте «Аудирование» предлагается задание: «Что в большей степени звучит в *игре слов* в разговоре о названиях частей романа? Предлагаются варианты ответа: а) сарказм, б) разочарование, в) недоумение. В субтесте «Лексика. Грамматика» (четвертый уровень) предлагается выбрать вариант фразеологизма, соответствующий предложенному объяснению. При проверке уровня сформированности коммуникативной компетенции в области чтения определяется способность читающего «при знакомстве с художественной публицистикой вникать в подтекстовое содержание, обращая внимание на прецедентные феномены, относящиеся к когнитивной базе носителей языка» (б : 4).

ЛИТЕРАТУРА

- Miller, R. L. (1968), *The Linguistic Relativity Principle and Humboltian Ethnolinguistics* (The Hague – Paris: Mouton).
- Бухарев, Н. Е. (2008), *Структурное развитие заголовков* (М.: ТОО Гендальф).
- Вахтель, Н. М. (2004), «Речевые акты эмоционального воздействия в позиции газетного заголовка», *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*, 2, 47–49.
- Гумбольдт, В. фон (1985), *Язык и философия культуры* (М.: Прогресс).
- Корнилов О. А. (2003), *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов* (М.: ЧеРо).
- Лазарева Э. А. (2006), «Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия», *Известия Уральского гос. ун-та*, 40, 158–166.
- Лисоченко Л. В. (2000–2003), «Языковая игра на газетной полосе», *Русский языкъ*, Денис Яцутко (ed.), online: <http://www.teneta.ru/rus/sema/semi_stat.htm> (27.12.2007).
- Любимова, Н. А., Бузальская, Е. В. (2011), «„Картина мира“: содержание, терминологический статус и общая иерархия ее составляющих», *Мир русского слова*, 4, 13–20.
- Нестерова, Т. Е., et al. (eds.) (2006), *Лингводидактическое тестирование: Методика проведения и подготовки: Субтесты «Чтение», «Аудирование», «Грамматика. Лексика»: ТРКИ – IV: учебное пособие / Авт. К. А. Рогова, Т. Е. Нестерова, Е. Е. Юрков и др. (СПб.)*.
- Тер-Минасова, С. Г. (2011), «Союз нерушимый языка и культуры: проблематика межкультурной коммуникации в теории и практике преподавания РКИ», *Русский язык за рубежом*, 4.

Димитрина Спасова Лесневска
Университет национального и мирового хозяйства
София, Болгария

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Язык современных СМИ отличается своей богатой выразительностью. Отражая значимые политические события в мире, публицистика влияет на формирование общественного мнения. Так, интернациональная метафора «*арабская весна*» (болг. «*арабска пролет*», фр. *Printemps arabe*, *Reveil arabe*, англ. *Arab spring*, немски *Arabisher fruling*, итал. *Primavera araba*, исп. *Primavera arabe*) символизирует современные революции в Африке, которые потрясли весь мир своими масштабами и ощутимыми результатами.

Сравн. болг. *Последният масиран бежански натиск от Северна Африка (предимно от Тунис и Либия) в резултат на «арабската пролет» през 2011 г. остави впечатление за липса на солидарен европейски подход*; рус. *Премьер-министр Турции Эрдоган посетил уже почти все страны «арабской весны» - и Ливию, и Тунис, и Египет, везде выразил поддержку новым властям*.

Современный подъязык публицистики отвечает потребностям настоящей эпохи глобализации, экономического кризиса, европейской мондиализации и диверсификации. Публицистический дискурс, представленный в СМИ, имеет гибридный характер, сочетая в себе стереотипность публицистического высказывания с богатой языковой образностью рекламного дискурса. Так, посредством терминологических интернациональных неологизмов и метафорических выражений газетные статьи сочетают в себе информацию и воздействие.

В настоящее время наблюдается усиление межъязыковой унификации (гармонизации) политической и экономической терминологии. Происходит интернационализация (взаимное заимствование) национальных политических и экономических терминосистем.

Примером может послужить следующий интернациональный неологизм – акроним по способу образования. Лидеры Германии и Франции – Ангела Меркель и Николя Саркози объединились в подъязыке политики в акроним «*Меркози*». Во время недавних президентских выборов во Франции появились следующие заголовки в СМИ:

англ. *French election could spell end of Merkozy alliance*; фр. *Le duo Merkozy mis en question*; *Adieu Merkozy*; рус. *Дуэт Меркози может распаться*; болг. *Шеметният тандем Меркози отива в историята?*

Неологизм *Меркози* впервые употребил британский журналист Мэтью Линн. Дублетными формами являются перифразы *франко-германский дуэт*, *франко-германский микст*.

Сразу после выбора нового президента Франции, Франсуа Олланда, возник новый интернационализм – акроним *Мерколанд*, сравн. заголовки, опубликованные 7–8 мая 2012 г.: англ. *After Merkozy, Merkoland?; Welcome to Merkoland; Bye, bye, Merkozy, will it be Merkoland*; болг. *Мълния удари по новия евродует Мерколанд; Мерколанд заработи за икономически растеж; Мерколанд иска Гърция в еврозоната*; рус. *Формирование дуэта «Мерколанд» не за горами; «Мерколанд» во благо Европы*. Акронимы подобного рода повышают экспрессивность современной публицистики.

Во время глобального экономического кризиса 2010 г. появился новый экспрессивный акроним *Кимерика* (*Chimerica*), символизирующий взаимодействие экономик Китая и США (дублеты: *большая двойка*, *G-2*).

Сравн.: болг. *В миналото най-голям враг на Китай бяха САЩ, сега има Кимерика*; рус. *Кимерика против всего мира; Китай не тянет в Кимерику; создание «Большой Двойки» (G-2) из Китая и США*; англ. *And it was called Chimerica – China plus America*; фр. *La Chimerica ou l'alliance du G2; Chimerica – la nouvelle alliance globale?*

Неологизм *Кимерика* введен в обиход британским историком Niall Ferguson. Данный акроним, обозначающий симбиоз экономик КНР и США (*диалог «Восток – Запад»*), можно сопоставить с противоположным по значению фразеологическим историзмом *«межблоковое противостояние»*.

Акронимы с двойной мотивацией обладают еще большей экспрессией воздействия, сравн. *GIFT* – 1. *подарок* (англ); 2. *Глобальная инициатива для борьбы с трафиком людей* – англ. *The global Initiative to Fight Human Trafficking*. Напр.: *Стратегическата мисия на GIFT е да мобилизира правителствените субекти*.

В настоящую «турбулентную» эпоху, богатую стремительными и противоречивыми событиями, убедительную иллюстрацию новой терминологии подъязыка политики и экономики дают материалы в интернете, которые необходимо использовать в учебных целях. Метафорическое интернациональное словосочетание рус. *эпоха турбулентности* (болг. *epocha на турбулентност*, англ. *age of turbulence*, фр. *une époque de turbulence*) удачно передает динамику настоящей эпохи бурных перемен, экологических и социально-политических потрясений, сдвигов, финансового кризиса, глобальной экономической нестабильности.

Сопоставительное изучение современной русской и болгарской публицистики в нефилологических вузах в Болгарии имеет целью формирование прочных базовых знаний в области русского языка, достаточных для профессиональной деятельности будущих специалистов – экономистов, политиков, журналистов. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка, сформирован-

ная в современной русистике, включает в себя два подхода при организации учебного материала: функционально-семантический и сопоставительный. Именно сопоставительный подход направлен на преодоление отрицательной интерференции и использование положительной интерференции, имеющей место особенно в преподавании лексического материала благодаря родственной близости русского и болгарского языков. Специализированный перевод включается в учебную программу по русскому языку для студентов-нефилологов.

Мощная выразительность подъязыка публицистики, актуальное содержание с наличием оценочности, интернационализация (унификация и стандартизация) общественно-политической и экономической терминологии, гармонизирование политической и рекламной фразеологической неологии (метафора, перифраза, акронимы, аббревиатуры) – все эти признаки современной функциональной публицистической речи способствуют эффективному обучению русскому языку. Анализ терминосистем в учебных целях проводится на парадигматическом и синтагматическом уровнях, а также в диахроническом и синхроническом аспектах.

Главным стилистическим принципом публицистики является единство экспрессии и стандарта, что классифицирует ее в качестве одного из основных источников учебного текста при обучении русскому языку как иностранного. Обособляются новые русские и болгарские метафорические терминологические сочетания, кальки по своему образованию, такие, как рус. *газовые войны*, *газовые соглашения*, *сетецентричные войны*, *политика «перезагрузки»* (*российско-американские отношения*), *формат пятерки (БРИКС)*, *«арабская весна»*, *«перезгрузка» Германии (в связи с ее постоянным донорством финансовой стабильности в Европе)*, *политика донорства*; болг. *зелена икономика*, *умна икономика*, *валутни войни*, *газова дипломация*, *донорска политика*, *«арабска пролет»* и др.

Сравн.: англ. *donor policy/ donations policy: The impact of donor policies in Europe*; фр. *politique de donation/ politique sur les dons*; болг. *Нарасналата икономическа моц на Китай поставя и въпроса за преосмисляне на донорската политика на ЕС спрямо Китай и излизане от схемата донор-реципиент*; рус. *Новая политика донорства проблемных стран еврозоны весьма напрягло экономики Франции и Германии*.

Другая новая калька – рус. *политика перезагрузки*, болг. *политика на рестартиране*, фр. *la politique de redemarrage* представляет собой перевод с английского языка политической метафоры *Reset policy* (напр. *Obama's «reset» policy*). Указанное неологическое словосочетание приходит на смену таких фразеологизмов прошлого, как *холодная война*, *атомная дипломатия*, *звездные войны*.

Напр.: *Жесткая российская линия может подавить политику перезагрузки Б. Обамы, предусматривающую уступки в целях сотрудничества с Москвой; Приход Президента Б.Обамы и провозглашение политики «перезагрузки» стало «холодным душем»; «Перезагрузка» российско-американских отношений, решение*

о разработке совместной ПРО, принятое на саммите НАТО в Лиссабоне и Советом Россия – НАТО, дало евроатлантическим государствам шанс продвигаться к созданию сообщества евроатлантической безопасности.

Так, термин из области информационных технологий *перезагрузка*, представляющий собой кальку английского слова *Reset*, широко используется в своем переносном значении в современном подъязыке политики, сравн.: рус. *Перезагрузка под угрозой перезагрузки*; болг. *САЩ продължава политиката на «рестартиране» с Русия; «Рестарт» на евроинтеграцията; «Рестарт» за болните партии*; фр. *Redemarrage du dialogue politique*.

Сравн.: газета «Взгляд», 6 марта 2009: «*Перезагрузка*» вместо «*перезагрузки*»: *На первой встрече с Лавровым Хиллари Клинтон подарила ему символическую кнопку с символической ошибкой*; англ. *Clinton's «RESET» button: «OVERCHARGE»* (английское слово «*RESET*» было переведено по ошибке словом «*OVERCHARGE*» – рус. *перезагрузка*) ; *Button gaffe embarrasses Clinton*.

В русской и болгарской публицистике вошли в обиход многие терминологические сочетания с переносным значением типа болг. *среща на върха* – рус. *встреча в верхах* – из англ. *Summit*. Английское слово *summit* имеет два омонимические значения: 1. вершина, верх; 2. совещание на высшем уровне. В русском языке интернационализм *саммит* преобладает в своем употреблении по сравнению с калькой *встреча в верхах*.

Сравн. также перифразы рус. *мягкая сила* – болг. *мека сила* – из англ. *Soft power*; рус. *жесткая сила* – болг. *твърда сила* – из англ. *Hard power*.

Новые термины-слова или терминологические сочетания – варваризмы, передающиеся графическими средствами языка-источника или славянской графикой, получили широкое распространение в русском и болгарском подъязыке публицистики.

Такие перифрастические выражения содействуют экспрессивности публицистического высказывания:

Напр.: рус./болг. *Pax Americana* – мир, созданный Америкой, мир по-американски: рус. *замена Римской империи на Pax Americana*; болг. *невписващи се в Pax Americana варвари*;

нем. *Realpolitik* – трезвая, реальная политика, учитывающая только материальные интересы – рус. *возрождение принципов Realpolitik*, болг. *триумф на Realpolitik; последователите на Realpolitik*.

Высокой продуктивностью пользуются перифразы с числительными, а также различные формулы, напр.: *концепция «3Р» = превенция трафика, протекция жертв, преследование преступников*; *АСЕАН+8*; *G8 – группа восьми*; рус. *большая двадцатка* – болг. *голямата дайсетка*.

Терминологическая метафора, представленная в данных перифразах и перифрастических выражениях, является специфическим стилистическим марке-

ром. Именно общественно-политическая метафора обеспечивает выразительность языка публицистики, что является характерным стилистическим признаком функционального публицистического стиля.

Итак, образность, эмоциональность и экспрессивность подъязыка публицистики, как учебного материала, содействуют более эффективному обучению иностранному языку в специальных целях, в частности обучению русскому языку как иностранному в болгарских экономических вузах.

ЛИТЕРАТУРА

- Кожина, М. Н. (1983), *Стилистика русского языка* (Москва).
- Лесневска, Д. С. (2004), «Новая русская и болгарская политическая терминология в учебно-методическом аспекте», *Болгарская русистика* (София), 3–4, 64–74.
- (2005), «Особенности русской и болгарской политической терминологии», *Болгарская русистика* (София), 1–2, 24–34.
- (2011a), «Новая политическая терминология в учебно-методическом аспекте», in *Сборник докладов юбилейной международной научной конференции. Русистика: язык, культура, перевод* (София: Изток-Запад), 482–487.
- (2011b), „Политическата публицистика в преподаването на чужд език», in *Продуктивни езикови умения за академични цели. Шеста международна конференция. Медицински университет* (Варна), 57–61.
- (2011c), «Выразительность современного политического языка», in *Стереотипность и творчество в тексте*, (Пермь), 15, 152–159.

Татьяна Александровна Кадоло*
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия

ПОЛИЛИНГВИСТИЧНОСТЬ НАИМЕНОВАНИЙ ГОРОДСКИХ ТОРГОВЫХ ОБЪЕКТОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ

Актуальность и теоретические основы исследования. Большинство лингвистических работ последних десятилетий демонстрируют такую тенденцию, как антропоцентризм, предполагающий смещение фокуса исследования с текста на человека, когда слова и тексты рассматриваются как пространство реализации личности. Особую значимость при таком подходе приобретает анализ повседневного речевого материала, например, текстов естественной письменной и устной речи, что позволяет описать языковое сознание – как массовое, так и индивидуальное. Интересными для подобного изучения являются наименования городских торговых объектов (эмпоронимы), с одной стороны, представляющие собой результат деятельности отдельной языковой личности, с другой стороны, ориентированные на массовое сознание и поэтому апеллирующие к своего рода смысловым константам, характерным для определенных культур.

Материалом представленного исследования являются эмпоронимы города Абакана, который, являясь не только республиканской столицей, но и культурным центром для жителей Республики Хакасия и южных районов Красноярского края, несет в себе черты современного российского города, демонстрируя процессы, характерные для изменяющейся России рубежа веков, и представляет собой поликультурный феномен: здесь проживают представители русского, хакасского, немецкого, польского, украинского и др. этносов. В связи с чем представляется чрезвычайно актуальным изучение проявления языковых средств разных языков в городских текстах и наименованиях.

Анализ языковых элементов в эмпоронимах предполагает обращение не только к языковому, но и когнитивному уровню, то есть предметом исследования становятся не только денотативные и коннотативные компоненты семантики наименований, но и культурные смыслы, ими транслируемые. Наименования как речевое явление тоже являются средством отражения и трансляции культурных смыслов, апеллирующим к фоновым знаниям носителей языка, вызывающим ассоциации, имеющие регулярный характер. Такой подход позволяет рассмотреть наименования городских торговых объектов как сложную семиотическую сущность. Мы

* lacriza@list.ru

полагаем, что культурным потенциалом обладают все составные элементы эмпиризма – как на уровне значения, так и на уровне формы.

Описание фактов отражения культуры в языке через интерпретацию языковых явлений связано с тем, что язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры как продукта культуры (К. Леви-Строс). Имеется значительное число работ, посвященных проблеме соотношения языка и культуры.¹ Нам близко понимание языка и культуры как двух автономных семиотических систем, имеющих области пересечения, в которых язык может быть и формой культуры, и самой культурой.

Существуют различные понимания термина *культура*, что обусловлено сложностью, многоаспектностью этого явления: одни исследователи трактуют культуру в русле антропологического подхода как все, что создано человеком, (Л. Бернард, К. Уислер); другие (Б. Малиновский, У. Беккет, А. Радклифф-Браун) – с точки зрения социологического, относя к ней наследуемые изобретения, вещи, технические процессы, идеи, эстетические вкусы, знания, профессиональное мастерство, обычаи, верования, ценности и нормы поведения; третьи осмысливают её в философском аспекте как символическое выражение, коренящееся в подсознательном и привносимое в общественное сознание, где оно сохраняется и остается в истории (Д. Реджин), путь от замкнутого единства через развитое многообразие к развитому единству (Г. Зиммель) и т.д.

Нам близко толкование данного термина, представленное в энциклопедии «Культурология. XX век»: «Культура (от лат. – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – совокупность искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным, заученных форм человеческого поведения и деятельности, обретенных знаний, образов самопознания и символических обозначений окружающего мира» (Флиер 1998). Данное определение позволяет отнести к проявлениям культуры специфические способы человеческой деятельности и её результаты, общепринятые нормы и правила, экзистенциальные ориентации, ценности и оценки, обычаи, ритуалы, социальные стандарты, символы, понятия, знания, представления, идеи и др.

Все указанные формы культуры реализуют определенные *культурные смыслы*, то есть «идеациональные конструкторы, связанные с культурными объектами (денотатами) как со знаками, т.е. являющиеся их информационным, эмоциональным, экспрессивным содержанием (значением)» (Шейкин 1998). Культурные смыслы изучаются в различных отраслях научного знания: в рамках культурной и психологической антропологии, структурализма, герменевтики, неопозитивистской лингвистической философии, гештальтпсихологии, психоанализа, феномено-

¹ См., например, работы: Базарова 2007; Гумбольдт 2000; Карасик 2002; Сепир 1993; Толстой 1995.

логической социологии, семиотики, культурологии, искусствоведения, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и др. Разноаспектные исследования позволили выявить информационное, эмоциональное, экспрессивное содержание культурных смыслов, способы их восприятия, интенциональность, проанализировать их материальное воплощение (языковое и неязыковое) и пр.

Культурные смыслы имеют разную природу и способы трансляции, поэтому многими исследователями отмечается гетерогенность этой области: смыслы характеризуют как совокупность значений, не постижимый разумом феномен, воплощение мысли, нечто статичное и нечто динамичное, постоянное и относительное, общее и индивидуальное, результат и процесс. В современном гуманитарном знании к ним относят также совокупность ценностей, целей и мотивов, идей, образов и т.п. Культурные смыслы существуют одновременно в коллективном и индивидуальном мире человека, во всех его проявлениях – как исключительных, так и повседневных.

Полилингвистичность эмпоронимов города Абакана. В качестве каналов трансляции культурных смыслов выступают денотативные и коннотативные компоненты лексического значения эмпоронима, мотивационные признаки, а также паралингвистические и экстралингвистические элементы (графика, цвет, пиктограммы). Анализ наименований торговых объектов города Абакана показал, что все указанные составляющие демонстрируют явление полилингвистичности и поликультурности. Авторы номинаций обращаются к разнообразным фоновым знаниям, поэтому на вывесках Абакана можно наблюдать элементы разных языков.

Значительная часть наименований включает лексемы и морфемы русского языка: «Улыбка», «Завиток», «Красивые люди», «Радость», «Любимый», «Поляна». Сюда же мы относим иноязычные заимствования, пришедшие в русский язык относительно давно и часто не воспринимаемые как заимствования: «Престиж», «Стиль», «Эстетика», «Гараж», «Парус».

Особую группу составляют слова, вышедшие из активного словоупотребления: «Сибирский купец» (магазин), «Купеческие ткани» (торговый дом), «Русь», «Дока» (деревообрабатывающие компании), «Зодчий», «Зодчие» (строительные компании), «Сударушка» (продуктовый магазин), такие наименования апеллируют к дореволюционной культуре, направлены на создание положительного образа прошлого.

Наименований на хакасском языке в Абакане сравнительно немного: их имеют торговые центры «Палалар» ('дети') и «Агбан» (хакасское название г. Абакан), баня «Мылча» ('баня'), парикмахерские «Чиркеен» ('модница') и «Гасхыл» ('цепь гор, вершина горы, скала'), фотокерамический цех (ритуальные услуги) «Сагыс» ('мысль').

Преобладающее большинство иноязычных лексем в эмпоронимах относится к английскому языку («Бьюти Стайл», «Беби-мир», «Джуниор»). Англицизмы име-

ются почти во всех группах наименований торговых объектов: парикмахерских и салонов красоты («Beauty», «City Studio», «Creative», «New Line», «Remix», «Профи-лайн»), продуктовых магазинов («Минимаркет»), магазинов одежды («GIN TONIC», «Gee Jay», «Jeans», «NEW MEN», «People», «ROCK PILLARS», «SECOND HAND», «UNITED COLORS OF BENETTON», «Sweet Mama»), автосервисов («Vip-motors», «TopGear», «Автокар»), магазинов компьютерной техники («Комлинк», «StarCom», «Mega Sim», «Мультимедиа», «НИКЛАЙН мультимедиа») и др.

Большинство эмпоронимов, включающих лексемы французского языка, являются наименованиями парикмахерских и салонов красоты («Cherchez Ля Фам», «Jolie», «Londa де Люкс», «MON SALON», «ViVien», «Belle», «Ла Ира», «Одэтт», «Рандеву»).

Французские, как и итальянские, лексемы часто используются в силу их благозвучности, как правило, авторы номинаций выбирают слова, связанные с красотой, природой: «Bellissima», «DOLCE» (парикмахерские), «LAVAZZA», «PrimaVera» (кафе)

Использование латинских языковых элементов особенно характерно для наименований аптек («Вита», «Здоровит», «Оидис», «Фарма Вита», «Фармастер», «Ресфармация») и стоматологических клиник («Dentex», «VIVA ДЕНТ ПЛЮС», «Авидент», «Аква-дент», «ВИВАДЕНТ», «ВИВАП-Дент», «Вита-Дент», «Дентал-С», «Дентана», «Нормадент»), в связи с тем, что в заведениях оказываются медицинские услуги, тесно связанные с лексикой, восходящей к латинскому языку.

Японские лексемы используются в наименованиях кафе и суши-баров («Васаби», «Асахи»), автосервисов («Самурай», «Сакура моторс»), что обусловлено спецификой продаваемого товара (блюда японской кухни, запчасти к японским автомобилям).

Таким образом, применение иноязычных лексических средств позволяет апеллировать к разным культурам: западным и восточным, национальным и региональным, профессиональной, художественной и т.п.

Интерес также вызывает формальная сторона наименования, поэтому проводимый нами анализ предполагает рассмотрение и паралингвистических компонентов эмпоронима.

К паралингвистическим элементам мы относим шрифт и графику: в оформлении многих вывесок используется особая графика (например, напоминающая японское иероглифическое письмо – в наименованиях автосалонов «Самурай» и «Япония», сауны «Васаби», суши-бара «Асахи» (см. Рисунок 1)), через имитацию инокультурного написания транслируются культурологические смыслы, название связывается с фоновыми знаниями реципиента-потребителя.

Письменность тоже является результатом сознательной человеческой деятельности и частью культуры, поэтому имитация, например, японского иерогли-

Рисунок 1.

фического письма на вывеске заведения вызывает ассоциации с восточной культурой, готический шрифт – с немецкой средневековой.

Использование лексем и морфем родного и иностранных языков, разнообразных графических средств дает богатые возможности авторам номинаций, и часто в эмпоронимах можно наблюдать такое явление, как контаминацию элементов, относящихся к разным языкам, в пределах одной номинации.

Принцип контаминации в организации языковых компонентов эмпоронимов. В лингвистике последних десятилетий укоренился термин контаминация в связи с попытками систематизации языковых и речевых явлений разного типа. Особенно активно данное понятие разрабатывается в области теории элокуции, в рамках которой классифицируются экспрессивные средства языка/речи на основании системообразующих принципов: симметрии/асимметрии, оппозиции, контраста, контаминации. Актуальным представляется выявление комплекса таких принципов и их систематизация.

И.В. Пекарская определяет контаминацию как «принцип построения вариантной структуры, основанный на совмещении в ней признаков двух (или более) других языковых или речевых единиц, близких друг другу структурно, функционально или ассоциативно» (Пекарская 1999: 9). Данный принцип может рассматриваться как универсальная категория, обнаруживающая себя на различном материале: язык и речь, архитектура, танец, музыка и т.п.

Также нам близко понимание контаминации, сформулированное Г. Паулем: «Контаминацию я понимаю как явление, заключающееся в том, что две синонимичные или в чем-то родственные формы выражения мысли возникают в сознании рядом друг с другом, так что ни одна из них не реализуется в чистом виде, а вместо

этого возникает новая форма, в которой элементы одной формы смешиваются с элементами другой» (Пауль 1960: 191). Данное определение соотносится с идеей языковой игры в понимании Л. Витгенштейна, который относил к языковым играм любые употребления языковых единиц: «Существует и такая языковая игра: избрывать имя для чего-нибудь» (Витгенштейн 1994: п.27). Таким образом, наименования городских торговых объектов тоже являются одним из видов языковой игры, что делает возможным реализовать принцип контаминации на разных уровнях номинации как речевой единицы.

Сложная многоуровневая структура плана содержания и плана выражения эмпоронима как знака делает возможной реализацию принципа контаминации на разных уровнях этой структуры. Нами были выявлены случаи проявления принципа контаминации как на семантическом, так и на формальном уровнях.

Под лексической контаминацией мы подразумеваем соединение двух слов в одно, например, название салона красоты «Floreal» образовано путем соединения слов Floга и L'Oreal (см. Рисунок 2), при этом план выражения не содержит каких-либо указаний на возможность членения лексемы, что приводит к закреплению и усилению принципа контаминации.

Рисунок 2.

К синтаксической контаминации мы относим примеры квазицитации прецедентного текста: «Огни Абакана», «Восьмое желание», в которых происходит трансформация известного выражения за счет наложения на него нового компонента: «Огни Москвы» + «Абакан» = «Огни Абакана».

Разновидностями графической контаминации являются:

- соединение кириллического и латинского алфавитов в одной номинации, что используется для создания выразительности и привлечения внимания: «Cherchez Ля Фам», «MEGA спорт», «Spa-автосауна», «EXTAZи», «EuroДом», «Londa де Люкс», «БИЖУ LAND», «LR ле рой», «ALBA обувь», «Modno и Точка!», «СтилиSSимо», «ФаСон», «ЕВРО MIX», «Галерея JEANS», «Мир Disney», «АКВА ВИТА», «Біном» (см. Рисунки 3, 4, 5);

Рисунок 3.

Рисунок 4.

Рисунок 5.

- написание иноязычного слова кириллицей: «Дискавери», «Глорис», «Никлайн», «Мультимедиа», «Джуниор» (см. Рисунок 6);

Рисунок 6.

- соединение алфавита одного языка с графикой (стилем письма) другого: так, на верхней вывеске автосервиса «АВТО ДЖИНН» используется латинский алфавит в соединении со стилем письма, имитирующим арабскую вязь (см. Рисунок 7); название суши-бара «Асахи» выполнено кириллицей в соединении с имитацией иероглифического письма (см. Рисунок 1), такой прием тоже позволяет апеллировать к фоновым знаниям реципиента-потребителя.

Рисунок 7.

Таким образом, полилингвистичность содержательной и формальной сторон наименований городских торговых объектов позволяет транслировать определенные культурные смыслы: проекции реалий определенной культуры, результаты какого-либо вида деятельности; культурно специфичные ценностные установки; образы, символы, эталоны; мифологемы, архетипы. Выбор языкового элемента может быть детерминирован функцией заведения, спецификой товара, местом его производства. Анализ плана содержания и плана выражения эмпоронимов позволяет описать особенности реализации культурных инвариантов в контексте региональной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Базарова, Л. В. (2007), «К вопросу о соотношении языка и культуры», in *Образование и культура России в изменяющемся мире* (Новосибирск), 72–76.
- Витгенштейн, Л. (1985), «Философские исследования», *Новое в зарубежной лингвистике*, XVI, 79–128.
- Гумбольдт, В. фон. (2000), «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества», in *Избранные труды по языкознанию* (М. : Прогресс), 37–298.
- Карасик, В. И. (2002), *Языковой круг: личность, концепты, дискурс* (Волгоград : Перемена).
- Лотман, Ю. М. (1992), «Семиотика культуры и понятие текста», in *Избранные статьи в трех томах*, т. I, *Статьи по семиотике и топологии культуры* (Таллин: Александра), 129–132.
- Пауль, Г. (1960), *Принципы истории языка* (М.: Иностранная литература).
- Пекарская, И. В. (1999), *Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка. Учебно–методическое пособие и Системный словарь–справочник* (Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова).
- Сепир, Э. (1993), «Язык, раса, культура», in *Избранные труды по языкознанию и культурологии* (М. : Прогресс : Изд. группа «Универс»).
- Толстой, Н. И. (1995), «Язык и культура», in *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике* (М. : Индрик).
- Флиер, А. Я. (1998), «Культура», in Левит, С. Я. (ed.), *Культурология. XX век. Энциклопедия в двух томах* (СПб.: Университетская книга); [электронный ресурс] *Psylib: самопознание и саморазвитие* / Владимир Данченко, online <<http://psylib.ukrweb.net/books/levit01/txt055.htm#36>>.
- Шейкин, А. Г. (1998), «Смыслы культурные», in Левит, С. Я. (ed.), *Культурология. XX век. Энциклопедия в двух томах* (СПб.: Университетская книга); [электронный ресурс] *Psylib: самопознание и саморазвитие* / Владимир Данченко, online <<http://psylib.ukrweb.net/books/levit01/txt103.htm#25>>.

Екатерина Солнцева-Накова*
Софийский университет им. Св. Климента Охридского
София, Болгария

ПРИРОДНЫЕ СИЛЫ В РУССКИХ, ПОЛЬСКИХ И БОЛГАРСКИХ ЗАГАДКАХ (СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

«Загадка, разгадка – да семь верст правды»

По своему происхождению загадки являются одним из самых старинных фольклорных жанров. В то же время загадки представляют собой международный жанр, поскольку у разных народов наблюдаются общие закономерности как в структуре, так и в образной системе. Несмотря на общие закономерности, необходимо подчеркнуть национальное своеобразие этого жанра у отдельных славянских народов. Из-за их многочисленности пришлось ввести 2 ограничения:

1) в исследовании рассматриваются только загадки, связанные с природными силами; 2) сравниваются польские, русские и болгарские загадки.

Загадки, связанные с природными явлениями, считаются одним из наиболее древних видов загадок. В них отражены древние представления народов о вселенной. В этих многочисленных и разнообразных загадках отражена окружающая человека природа и природные явления, которые доступны для наблюдения каждому человеку.

В русском языке встречаются только 2 загадки о небе, без связи с солнцем, луной и звездами. Первая из них имеет соответствие в болгарском языке в двух вариантах (3, 3а). Обе загадки сформулированы в прошедшем времени, что не характерно для этого жанра. К сожалению, польский эквивалент отсутствует.

1. —

2. *Синенька шубенька весь мир покрыла; Сито бито, золотом обито* (Небо) [Митр.]

(2а) *Синенька шубенька покрыла весь мир* (Небо) [Сад.:1879].

3. *Син – зелен лист цялата земя похлупил* (Небето) [Огн.]

(3а) *Зелен лист сву земню поклопил* [Стойкова].

Таким образом, в этих загадках сохранилось средневековое представление о том, что небо является твердой материей, какой-то коркой или крышей которая покрывает землю: напр. *Една плоча покрива цели свет* [Стойкова]; *Златна пшеница в синя паница, паницата не купена, над земята захлупена* [Огн.].

* solnceva@yahoo.com

Обычно человек не замечает движения земли. Он видит, что по небу движется солнце, звезды и луна. Это представление о неподвижности земли и движении небесных светил нашло отражение в польских загадках: *W dzień się chowa i śpi, a kiedy się ciemno robi, to się pokazuje* (Księżyc) [PZL]; *Zawdy chodzi cały las obejdzie, ani listkiem, ani niczym nie ruszy* (Słońce) [PZL].

Создавая загадки о небе и о небесных светилах, человек их сравнивал с окружающим его миром. Небо воспринималось как хозяйство, а хозяином там было – солнце.

Представление о небе как о решетке является довольно старым. Напр. *Cumo vito, gwiazdami obito* [Митр.].

Звезды на небе воспринимались как дырки, через которые бог смотрит на землю.

Загадки, связанные со звездами, довольно разнообразны. В них звезды сравниваются с мелкими предметами, которые рассыпались по всему миру и никто не может их собрать. Чаще всего это горох, зерно, овцы, гвозди и др., напр. в польской загадке о полумесяце и звездах: *Siedzi bochen między grochem* (Księżyc i gwiazdy) [PZL].

В русских и болгарских загадках полумесяц часто сравнивается с пастухом, а звезды – со стадом.

1. —

2. *Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогатый* (Месяц и звезды) [Сад.:1865].

(2а) *Поле не меряно, семя не сеяно* [Митр.].

3. *Поле немерено, овцы неброени, рогат овчар чувач* [Сборник за народни умотворения и народопис, 47 (1956), 372].

В этих загадках переплетаются представления животновода и земледельца.

1. —

2. *Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка* (Месяц) [Митр.].

(2а) *За бабушкиной клетушкой висит хлеба краюшка* (Месяц) [Сад.:1842].

3. *Бела погача над керамида виси* (Месечината) [Вак.:875].

В польских загадках полумесяц сравнивается с волком или со свечой.

1. *Co to za świeca: nikt jej nie zapala, cala noc przyświeca?* (Księżyc) [PZL].

(1а) *Lysy wół przez wrota patrzy* (Księżyc) [PZL].

2. *Лысый бык под ворота глядит* (Месяц) [Митр.].

(2а) *Лысый мерин под ворота глядит* (Месяц) [Сад.:1910].

- (2б) *Лысый вол сквозь воротню смотрит*
(2в) *Белоголовая корова в подворотню смотрит* [Митр.].

Солнце и луну никогда нельзя увидеть вместе на небе. Однако в загадках их образы довольно часто встречаются параллельно:

- Золот хозяин – на поле, серебрян пастух – с поля* [Сад.:1907]
Хоть и видятся, а не сойдутся [Сад.:1908].
Младший уходит, а старший приходит.

Имеется довольно похожая болгарская загадка: *Два брака и денем и ночью се гонят и пак не могат да се стигнат* [БНТ:12].

Многочисленны загадки о солнце, но образ в них более поэтический.

1. *Maluśkie, okrągłuskie, calemu światu mile* (Słońce) [PZL].
- (1а) *Stoi panna we dworze, a jej warkocz w komorze* (Słońce) [PZL].
2. *Красная девушка в окошко глядит* (Солнце) [Сад.:1888].

Значительно реже встречается сравнение солнца с животными:

1. *Ślepy koń, ale wrotami patrzy* (Słońce) [PZL].
2. *Сивый жеребец через прясло глядит* [Сад.:1889].
- (2а) *Белый бык в подворотню глядит* [Сад.:1889а].
- (2б) *Бурая корова через прясло глядит* [Митр.].
- (2в) *Сивенький жеребчик в дверь не пролезет* [Митр.].

Загадки, связанные с ветром, отражают его реальное действие:

1. *Można słyszeć, że leci, a nie można go widzieć* (Wiatr) [PZL].
2. *Никто меня не видит, а всякий слышит* (Ветер) [Митр.].
- (2а) *Слышишь его да не видишь его*
3. *Не се види, а се чуе* [БНТ:12].
- (3а) *Слушаме го, а не можем да го видим* (Вятър) [Стоилов].
- (3б) *То те бие, а ти го не виждаш* (Вятър) [Огн.]
- (3в) *Фучи, ечи, клока, кърши, прах подига, събаря те, чуваш го, а го не виждаш. Що е то?* [Арн.]

Этот короткий вопрос в конце последней загадки характерен для всех болгарских загадок, является их неотрывной частью. Таким образом говорящий призывает слушателей к нахождению правильного ответа. Иногда к польским загадкам добавляется вопрос: *Co to jest?*

1. *Bez nóg, bez rąk, bez głowy i brzucha, kaj się obróci, wszędzie dmucha* (Wiatr) [PZL].
2. *Без рук, без ног, а ворота /дверь/ открывает* [Сад.:1952].
(2а) *Без рук, без ног, а на гору ползет* [Митр.].
(2б) *Без рук, без ног, под окном стучит, в избу просится* [Митр.].
(2в) *Без рук без ног воюет* [Митр.].

Много загадок связано с дождем и со снегом:

1. *Jak mnie nie ma, to mnie zadają, a jak jestem, przede mną uciekają* (Deszcz) [PZL].
2. *Меня частенько просят, ждут, а только покажусь, то прятаться начнут* (Дождь) [Митр.].
3. *Чакат ме, викат ме, когато дойда всеки бяга* (Дъждът) [Вак.:901].

Форма 1 лица единственного числа, которая встречается в трех языках, свидетельствует о более позднем происхождении этой загадки. По мнению В. Митрофановой, она возникла в XVIII в. и, вероятно, распространялась письменно, так как встречается в сборниках этого периода.

Загадки о сильном морозе описывают действие и его результат. Обычно они ассоциативно связаны с образом Деда Мороза из сказок.

1. *Co to za cieśla, co przez jedną noc rzekę zbuduje?* [PZL].
2. *Через реку мост проложил* (Мороз) [Митр.].
(2а) *Без топора, без клинья мост мостил* (Мороз).
3. *Кой прави мостове без да кове?*

Славянские загадки очень поэтичны, богаты образами и сравнениями. Однако у каждого народа имеются своеобразные национальные особенности, специфические сравнения и образы, связанные с местными фольклорными традициями и географическими условиями. Эти различия усиливаются языковыми особенностями как, например, нулевая прономинализация в польском и тенденция к анализирующему в болгарском языке.

Несмотря на яркое национальное своеобразие, славянские загадки обладают значительным сходством, которое проявляется как в отдельных образах, так и в системе их построения, а также и в композиции загадок.

Некоторые виды загадок как загадки-метафоры, загадки-вопросы являются вполне одинаковыми или дословно совпадают у трех народов. Причины сходства между польскими, русскими и болгарскими загадками кроются не в заимствовании, а в похожих условиях уклада жизни, а также в сходстве поэтического мировосприятия и близости художественной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Kasjan, J. M. (1976), *Poetyka polskiej zagadki ludowej* (Toruń: UMK).
- Krzyżanowski J. (ed.) (1965), *Słownik folkloru polskiego* (Warszawa: Wiedza Powszechna).
- Leciejewicz, L. (ed.) (1972), *Mały słownik kultury dawnych Słowian* (Warszawa: Wiedza Powszechna).
- Афанасьев, А. Н., (1865–1869), *Поэтические воззрения славян на природу*, 1–3 (М.: К. Солдатенков).
- Митрофанова, В. В., (1963), «О сходстве русских и болгарских загадок», *Русский фольклор*, VIII: *Народная поэзия славян* [К V международному съезду славистов], 160–174.
- (1966), «Специфика русских народных загадок и их связь с другими жанрами фольклора», *Русский фольклор*, X: *Специфика фольклорных жанров*, 79–102.
- Романска, Ц. (1970), *Славянски фолклор: Очерци и образци* (София: Наука и изкуство).

ИСТОЧНИКИ

- PZL – Folfasiński, S. (1975), *Polskie zagadki ludowe* (Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza).
- Арн. – Арнаудов, М. (1949), *Български пословици и гатанки* (София: Българ. писател).
- БНТ:12 – Арнаудов, М., et. al. (eds.) (1963), *Българско народно творчество*, т. 12, Минков, Ц. (ed.), *Пословици, поговорки, гатанки* (София : Българ. писател).
- Вак. – Вакарелски, Х. (1936), *Български народни гатанки: Снабдени с бележки и речник* (София: Придворна печ.).
- Митр. – Митрофанова, В. В. (1978), *Русские народные загадки* (Ленинград: Наука).
- Огн. – Огнянова, Е. (1970), *Български народни приказки, [пословици, поговорки, гатанки]* (София: Българ. писател).
- Сад. – Садовников, Д. Н. (1876), *Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач* (СПб.).
- Стоилов, Хр. П. (1914), „Класификация на българските народни гатанки”, *Сборник за народни умотворения и народопис*, 30.
- Стойкова, С. (1970), *Български народни гатанки* (София: Наука и изкуство).

Ольга Николаевна Никанорова
Будва, Черногория

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ (К ВОПРОСУ О СЕРБСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАЗДНИКАХ)

...Кто хочет понять народ, увидеть его в истинном свете и справедливо судить о нем, тот не может довольствоваться лишь интересом к «последним новостям» на страницах газет, – он должен заглянуть в его *историю*, попытаться понять способ организации его *труда и хозяйствования*, изучить склад его *характера и дарования его души*, вдуматься в его *культуру*, уяснить себе его *религию и благочестие*...

Иван Ильин

Традиционная национальная культура сербов – это культура православного народа. Выдающийся сербский богослов, проповедник и просветитель святой Николай Сербский, выразитель сербского национального сознания и сербской духовности писал: «По крови мы – арийцы, по фамилии – славяне, по имени – сербы, а по сердцу и духу – христиане... Мы, славяне, хорошо знаем лишь свою крещенную историю. Наше языческое, дохристианское прошлое лишено ясности и славы» (Св. Николай 2004:11).

Православная вера, церковные и народные традиции у сербов тесно взаимосвязаны.

Одно из центральных мест в народной, культурной и религиозной жизни сербского народа занимает Крестная Слава. Каждый православный храм в Сербии празднует свою Крестную Славу (храмовый праздник). Этот праздник празднуют также в сербских семьях. Каждая семья имеет своего святого покровителя, день памяти которого является днем Крестной Славы. Крестную Славу празднует и весь сербский народ, как одна семья, в день святого Саввы Сербского (27 января).

Церковные и традиционные народные обычаи включают в себя прославление православных святых, и таким образом, праздники Крестной Славы, которые посвящены тому или иному святому, объединены годовым циклом православных праздников. В сербской культуре сохраняется традиция народных соборов.

Сербские соборы (собрания)

Давняя традиция сербского народа – народные, державные и церковные собрания – соборы.

Самыми важными по значению когда-то были державные соборы. Судя по всему, державные соборы произошли от собраний племен, которые представляли собой форму общественной жизни в древности. На державных соборах выбирали и короновали властителей, утверждали государственные и церковные порядки. Соборы созывали и для провозглашения законов. Инициатива по созыву собора принадлежала властителю. На соборах провозглашали престолонаследников. На соборах решались вопросы войны и мира. Со времен царя Душана соборы стали созывать для чтения государственных законов (Душанов законник. 1349 и 1354 г.).

Державные соборы проходили в престольном Расе или в церковных резиденциях Жича и Печ. С 1219 года святой Савва Сербский, добившись признания Сербской Православной церкви, ввел церковные соборы. По инициативе церкви собирались и народные соборы.

В различных районах Сербии соборы имели разные названия. *Сабор. Скуп. Збор. Станак.*

Соборы играли важную роль и в средние века, и позднее. Соборы созывались по праздничным дням. И в эти дни проходили не только церковные службы. Люди собирались и для общения, и для торговли. Такие соборы назывались *панаджур*. Название происходит от греческого *панагир*. Это слово означает празднование в честь святого, которому посвящена и имя которого носит церковь. Во время таких праздников проходили торжественные церковные службы. Здесь также шла торговля. Проводились различные увеселения. Не всегда легко было сохранить равновесие между религиозным содержанием праздника и желанием людей повеселиться и заработать.

На праздники съезжались жители отдаленных селений, торговцы и ремесленники, артисты. Все могли принять участие в праздновании, это были многолюдные мероприятия, которые поощрялись властями. При этом власти следили за порядком. Если кто-то затевал драку или какую-то смуту, его наказывали высоким штрафом. Если же кто-то посмел применить оружие, то это рассматривалось как попытка убийства, и за это сурово наказывали.

Панаджури – праздники, которые могли продолжаться от одного-двух до десяти и пятнадцати дней. Они приносили большой доход в казну за счет налогов и штрафов.

Такие праздники проводились и во времена турецкого господства. Тогда они получили название *вашар*, или *саям*.

В наше время традиция соборов видоизменилась. Сегодня проходят разнообразные культурные и развлекательные мероприятия с определенной тематикой, и здесь участники могут познакомиться друг с другом, общаются между собой. Молодежь приходит повеселиться.

Раньше на соборы люди приезжали в красивых национальных нарядах. Они пели песни, играли на народных инструментах, танцевали *коло*. И хотя сейчас такие праздники проходят больше как концерты, тем не менее, по-прежнему можно

услышать народную музыку, увидеть народные танцы и некоторые традиционные обряды. Манифестации национальных обрядов и традиционных элементов народной жизни сохраняются и в современной культуре.

Церковные праздники и народные обычаи

«Религия есть прежде всего состояние души, а потому она *конкретна во времени и разнообразна у народов...* Каждый народ вынашивает свою веру в ходе векового созерцания, борьбы и страданий и имеет неотъемлемое право верить так, как ему дано, как Богом самим предназначено», писал выдающийся русский философ Иван Ильин (1997:9).

Религиозные верования и обычаи являются своеобразным выражением идентичности всякой этнической общности людей. Обычаи как неписанные законы. Они диктуют распорядок жизни как для отдельного человека, так и для целого народа.

Обычаи и верования сербского народа свидетельствуют о драгоценном вкладе сербов в культурное наследие всего человечества.

Календарные праздники и торжества являются основой народной жизни.

Божич (Рождество Христово)

Центральное место в зимнем цикле праздников занимает Рождество (*Божич*). 28 ноября начинается Рождественский пост (*Божични пост*), который продолжается 40 дней до 7 января (по новому стилю). Накануне Рождества (*Божича*) отмечают *Бадни дан*. Обычаи и обряды накануне Рождества представляют собой церемониал в течении целого дня. Женщины готовят разные блюда к Рождеству. Мужчины рано утром идут в лес или рошу, чтобы срубить несколько веток или целое дерево. Это может быть дуб, сосна или ель, в зависимости от края или области. Храст – так называется дерево дубовых пород, которое растет в Сербии. В это время года на дереве сохраняются листья, которые засыхают осенью, но не опадают. В течении дня срубленное дерево стоит у порога дома. К вечеру из срубленных веток и деревьев выкладывают *бадняк* – поленья, приготовленные для костра. В полночь накануне Рождества зажигают большой костер. Огонь горит до утра. Этот огонь называется бадняк, или *баднеданска ватра*.

Божич – это и церковный, и одновременно, семейный культовый праздник, который отмечают в течении трех дней: 7, 8, 9 января.

Васкрс (Пасха)

Подготовка к празднованию Пасхи, или Христова Воскресения (*Васкрс*, или *Ускрс*, по-сербски) складывается из целого ряда обычаев и ритуалов.

Пасхальному дню предшествует Великий пост.

Первая неделя Великого поста называется *Чистая неделя, или Чистая седмица*.

В первые два дня Чистой недели не готовили никакой еды и не ели ложками. По существовавшему поверью это делалось для того, чтобы птицы не клевали посеянное зерно. Девушки не носили украшения. Нельзя было веселиться, петь и танцевать.

Чистый понедельник – первый день Чистой седмицы. В этот день тщательно моют всю домашнюю утварь. Наводят порядок в доме. Весь мусор и хлам выносят из дома, с тем чтобы дом стал совершенно чистым. Мусор сжигали и дымом окуривали участок вокруг дома для защиты от змей. Мужчины чисто брились и подстригали волосы. И обязательно надо было искупаться или помыться в этот день, чтобы оставаться чистым. Подрезалась виноградная лоза в знак того, чтобы и вино было чистым и прозрачным. Первая неделя Чистой седмицы завершается *Тодоровой субботой*. В этот день люди собирались в церкви и причащались.

Вторая неделя Великого поста носит название *Пачиста неделя*.

Затем идет *Крестопоклонная неделя (Крсту поклоньена неделя)*, за ней – *Средопостная неделя (Средопосна неделя)*, которой обозначена середина Поста.

Лазарева суббота предшествует празднику *Цвети, или Врбица (Вербное воскресенье)*. В этот день дети украшают себя зелеными веточками и цветами, что является символом прихода весны. К этому дню выбирались девочки, которые специально готовились к празднику, учили песни. Их называли *лазарицы*. Украшенные цветами, с веночками на головах, они обходили дома сельчан и пели обрядовые песни, желая счастливой и благословенной жизни хозяевам.

Цвети – праздник, посвященный наступившей весне. Освященными веточками зелени украшали дом в знак защиты от весенней грозы. Домочадцы украшали себя поясами, сплетенными из зеленой травы или прутьев, чтобы волшебная сила зеленой природы передалась им. А девушки плели венки и надевали их в этот день, желая выйти замуж в наступившем году.

Великая неделя (Страстная седмица) начинается после праздника *Цвети (Врбица, Вербное воскресенье)* и завершается Пасхальным воскресением, которое по-сербски называется *Васкрс, или Ускрс*. В эту неделю всякая деловая активность затихает, особенно работа в поле, связанная с земледелием. В первые три дня занимаются домашними делами. В Великий четверг и Великую пятницу прекращают все дела. В эти дни можно было только готовить еду, а также варить и красить яйца к Пасхе.

Пасха (Васкрс) относится к древним христианским праздникам. Первые упоминания относятся ко II веку н.э. Но этот праздник сохраняет в себе и дохристианские элементы, хотя народные обряды не столь выражены, как в других праздничных обычаях весенне-летнего цикла. Главный народный элемент праздника – кра-

шение яиц. Крашеные пасхальные яйца люди дарят друг другу, угощают ими гостей. А дети устраивают своеобразное соревнование, разбивая скорлупу. Самое крепкое яйцо оставляют в доме на весь год, оно является символом домашнего очага – *чувар куче (хранитель дома)*.

В некоторых районах Сербии было принято на Пасху ходить на кладбище оставлять крашеные яйца и другую еду на могилах предков за упокой их душ.

Обычаи и верования, связанные с празднованием Пасхи, почитаются с особым вниманием. Люди сохраняют пасхальные обряды из поколения в поколение, веря в то, что они обеспечивают здоровье, благосостояние и процветание. Обряды в народной религии имеют особое символическое значение, в народном сознании им придается глубокий магический смысл (Бандић 2004:324).

Дни памяти христианских святых

Дни памяти христианских святых в Сербии отмечают и как дни покровителей семей, и как народные празднования из годового цикла. Многие дни памяти христианских святых в Сербии имеют свои названия: *Петровдан, 12 июля, день святых апостолов Петра и Павла; Митровдан, 8 ноября, день святого Димитрия; Аранджеловдан, 21 ноября, день святого Архангела Михаила;* и многие другие праздники Православного календаря.

Джурджевдан (день Святого Георгия) 6 мая

В этот день все особенно радуются наступлению лета. Именно этот день в представлении народа является переходным от зимы к лету. Период от Митровдана (память Святого Димитрия ноября) до Джурджевдана считается зимним полугодием, а от Джурджевдана до Митровдана идет летнее полугодие. Эти два периода делятся ровно по шесть месяцев.

Такое деление годового цикла имеет определенное значение и для хозяйственной, и для повседневной жизни.

Джурджевдан в народе праздновался как день начала лета. В этот день закармливали и запекали барашка и подавали к столу с молодым домашним сыром. Вставали рано утром. Девушки и молодые люди еще до восхода солнца шли собирать цветы, умывались и купались в речной воде.

В некоторых селах женщины венками из цветов украшали калитки, двери домов и своих комнат. Дети умывались чистой водой, в которую добавлены были разные травы и цветы.

Все это делалось с пожеланием здоровья и процветания.

На Джурджевдан подводили итоги предшествующего хозяйственного периода (зимнего полугодия). В этот день заключали новые хозяйственные соглашения

на период до Митровдана, т.е. на летнее полугодие. Кроме того, в этот день люди собирались на гулянья, для того чтобы отпраздновать начало лета.

В народных верованиях Джурджевдан был одним из наиболее значимых обрядовых дней.

Приносилась жертва (закалывали ягненка). В обряде омовения речной водой перед восходом солнца выражен был культ водной стихии, в плетении венков – культ растений в знак процветания. Обряды призывали здоровье и достаток в семью.

На Джурджевдан Крестную Славу отмечают те семьи, чьим святым покровителем считается Святой Георгий.

Сербский праздник Крестной Славы

С давних времен сербы почитают того святого, в день памяти которого они принимают крещение. Эта традиция не прерывалась ни во времена турецкого ига, ни во время многочисленных войн и бедствий, и лишь при коммунистической власти во многих сербских домах праздновать Крестную славу перестали. Сейчас многие стремятся вернуться к своим корням, вновь прославляют своих святых покровителей, молятся о благословении дома.

«От святых Кирилла и Мефодия и от Святого Саввы Сербского сербы приняли древнее христианское Святое предание о прославлении Господа в его Святых. Сербы славят Святых в своем приходе, в церкви или монастыре, в дни, которые считаются храмовыми праздниками, отмечая день того или иного Святого, которых чтут христиане всех других народов. Можно сказать, что Слава – прославление Святого Покровителя – это не только сербский обычай; это – общехристианский церковный обычай прославления господа Бога в Его Святых. Сербский святитель, Савва Равноапостольный, благословил сербов на празднование семейной Славы Каждый дом, семья прославляют того Святого, который является их покровителем. Это – сербская Крестная Слава» (Мићић ed. 2001).

«Крестная Слава является одной из главных отличительных особенностей Сербского Православия. Крестной Славы не знает больше ни один из христианских народов. До принятия христианства у сербов, как и у других славянских народов, было многобожие. Помимо верховного божества – Перуна, которого чтили все, каждый дом имел и свое домашнее божество – хранителя очага. Благодаря мудрому пастырскому руководству святителя Саввы, поклонение языческим кумирам постепенно сменилось почитанием истинных святых Церкви Христовой. Эти святые стали защитниками и помощниками сербских домов, церквей и монастырей, семей и племен, сел и городов – да даже и целых окраин и областей. Так появилась Крестная Слава» (Тихомиров 1999–2001).

«Крестная слава — это не только церковное и не только народное празднование. В ней переплелись и культура, и народные обычаи, и особенности народного менталитета и поведения. Эта традиция зародилась в древности, а впоследствии переплелась с церковными и народными обычаями. Долгое время остаются неизменными связь этого праздника со святыми, наследование святого покровителя по мужской линии, сбор в этот день всей семьи и особое угощение» (Тихомиров 1999–2001).

Слава – это праздник, связанный с домом, семьей, с поддержанием домашнего очага, заботой о здоровье и процветании членов семьи. Люди собираются праздновать семейный день – это их праздник. Они говорят о своих повседневных заботах, договариваются о том, что будут делать, как вести хозяйство. Для всех важно здоровье и благосостояние семьи.

Основное торжество в доме проходит перед иконой святого покровителя данной семьи.

Зажигается восковая свеча. На столе главный реквизит Славы: хлебный каравай – *славски колач*, кутья – *жито*, и вино. Хлеб выпекают из пшеничной муки, украшают символикой, в которой присутствуют крест и круг. Жито – это вареное пшено, в которое добавляют молотые орехи, изюм, мед или сахар.

«Праздник Славы продолжается три дня.

Первый день – *навечерье*. Съезжаются гости, идет подготовка к главному церемониалу Славы. Главный – второй день. Третий день Славы называют *патерица*. На третий день праздник постепенно заканчивается, хозяева провожают гостей.

Каждый дом, или семья, на протяжении длительного времени имеет свой день Славы, который не меняется без каких-то особых на то причин. Из поколения в поколение передается традиция, как своего рода наследство.» (Влаховић 2004).

«Святой, которого мы чтим, является нашим заступником и молитвенником перед Богом. Он хранит нас и своим невидимым присутствием помогает нам в жизненных тяготах. Он является нашим учителем, который призывает нас идти по пути духовности, по пути, которым он прошел по земле, угождая своими трудами Богу» (Славарица 2010).

Сербы хранят эту традицию, как предписывает святая Церковь и как делали их предки. Когда сын женится и начинает жить своим домом, в первый год он продолжает традицию Славы отцовского дома. Сын приходит в дом отца для празднования дня Славы. Отец делит праздничный хлеб, *Славски колач*, и отдает четвертину сыну. Сын приносит четвертину праздничного хлеба своей семье. На другой год в доме сына празднуется свой день, своя Крестная Слава.

Накануне Славы приглашают священника, чтобы он освятил воду и благословил дом. К его приходу готовят сосуд для воды, букет базилика, свечу, ладан, раскаляют уголь в кадилнице, ставят праздничную Славскую икону.

При освящении воды священник читает молитвы о здравии всех членов семьи и о упокоении родственников, которых уже нет в живых. После освящения все пьют святую воду, а затем на святой воде замешивают тесто для праздничного хлеба и варят пшеничное зерно.

В день Славы в гости приглашают друзей и родных.

Если день Славы совпадает с днями Поста, то к столу подают только постные блюда. Этот праздник посвящается Святому Покровителю семьи.

«Слава – это, прежде всего, духовное событие.

Важнейшим элементом обряда является молитва священника и преломление праздничного хлеба.

Накануне дня Славы пекут праздничный хлеб. Тесто замешивают из хорошо просеянной пшеничной муки, добавляют воду, соль и немного дрожжей. Хлеб выпекается с украшением – Крест и буквы: ИСХС НИКА, что означает Иисус Христос Победитель. Славский хлеб символизирует хлеб насущный от Господа данный. Славский хлеб – символ прославления Господа Ииуса Христа, ибо он есть Хлеб нашей жизни.

К дню Славы готовится красное вино, две славские свечи, и славская кутья из пшеницы с добавлением орехов и сушеного винограда. Кутью (*жито*) подают к столу во Славу Святых. В день Славы утром вся семья идет в церковь на литургию. Славский хлеб, кутью, вино и свечу берут с собой на службу. В этот день все члены семьи причащаются святых Христовых Таин, подготовившись заранее к Причастию.

По окончании Литургии священник разрезает Хлеб и окропляет его вином. Затем все вместе берут Хлеб и поют церковные песнопения. В завершении священник преломляет Хлеб вместе с хозяином дома со словами: Христос с нами! Хозяин отвечает, повторяя трижды: И ныне и вовеки!

В доме, перекрестив и приложив к устам свечу, зажигают ее, и она горит весь день, символизируя Свет Учения Христа.

Когда в дом приходят гости на праздничный обед или ужин, они поздравляют хозяев с их праздником и принимают участие в праздничной трапезе.

Читается молитва – Тропарь Святому, которого прославляют в этот день. Затем все приступают к трапезе. По окончании трапезы вновь читают молитву» (Славарица 2010).

«Крестная Слава является традицией, которая в себе объединяет народные и церковные праздники, обряды и обычаи, присущие сербской этнической общности. Обычаи и верования являются неотъемлемой частью народного бытия, ими пронизаны все этапы человеческой жизни: рождение, свадьба, правила поведения в семье, правила общения с соседями и т.д. Праздники и обряды годового цикла – это основа народной жизни» (Влаховић 2004:357).

* * *

Сербский обычай «Крестная Слава», своеобразным аналогом которой являются русские именины, в ближайшее время может быть внесен в сербский национальный регистр, а затем стать кандидатом на внесение во всемирный список нематериального культурного наследия Юнеско.

Сербские этнологи, перед которыми поставлена задача изучения известной по источникам с XI века, и очень популярной среди сербов и в настоящее время «Крестной Славы», уверены, что эта традиция празднования дня памяти святого покровителя семьи является не только элементом культурного наследия сербского народа, но и важной составляющей сербской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бандић, Душан (2004), *Народна религија у Срба у 100 појмова* (Београд : Нолит).
- Влаховић, Петар (2004), „Обичаји“, in *Народна култура Срба у XIX и XX веку : во-дич кроз сталну поставку* (Београд: Етнографски музеј).
- Ильин, Иван (1997), *Собрание сочинений*, т. 6, кн. 3 (М.: Русская книга).
- Мићић, Драган (ed.) (2001), *Славе и празнични обичаји* (Линц: Православна црквена општина Линц).
- Св. Николай Сербский (2004), *Сербский народ как раб Божий* (М.: Паломник).
- Славарица : најслављеније крсне славе* (2010), прир. манастир Светог Димитрија, мисионарска установа Знамење (Пирот : Пи-пресс).
- Тихомиров, Павел (1999–2001), «Крестная Слава», in *Крестный путь Косово*, on-line <http://srebro.h1.ru/tihomirov/cosovo/part1_6.htm>.

Лариса Айратовна Калимуллина
Башкирский государственный университет
филологический факультет
Уфа, Россия

ЭМОТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сопоставительный анализ фразеологии разных языков (как родственных, так и неродственных), связанной с той или иной денотативной сферой, представляется очень актуальным, так как он позволяет выявить наиболее типичные закономерности образно-символической интерпретации действительности, регистрация которых может способствовать формулировке либо уточнению семантических универсалий, носящих как абсолютный, так и вероятностный характер. В качестве единого основания для контрастивного исследования фразеосистем разных языков можно рассматривать образность, которая присуща большинству ФЕ и является одним из средств создания экспрессивности как категориального признака данных единиц (Мокиенко 1980:123). При анализе образной составляющей ФЕ очень важным является вопрос о степени их эквивалентности, которая может выявляться в ходе тематической классификации, отражающей специфику мотивирующего основания (внутренней формы) фразеологизмов, как имеющих соответствия в другом языке/языках, так и представляющих собой лакуны. В центре нашего внимания находятся эмотивные фразеологизмы славянских (русского, болгарского, польского, чешского) и тюркских (татарского) языков, которые с семантической точки зрения представляют большой интерес. Обращение к данной фразеосфере является вполне объяснимым, поскольку именно при описании внутреннего психического мира, недоступного для непосредственного наблюдения и восприятия, образные ресурсы языка используются весьма активно. Важно также иметь в виду, что эмоции представляют собой одну из ведущих форм познания и оценки окружающей действительности, поэтому они, несомненно, оказывают определенное влияние на специфику мировосприятия, характерного для того или иного этноса. Достаточно упомянуть, например, отмечаемую многими исследователями исключительную значимость такого чувства, как тоска, для русской культуры и самосознания, Angst – для немецкой и т.д. (Вежбицкая 2001).

Анализ эмотивных ФЕ в указанных славянских и тюркских языках показывает, что для них характерна преимущественная фразеологическая репрезентация таких базовых эмоций, как радость, печаль, страх, гнев, удивление. При этом велик удельный вес фразеологизмов, которые включают в свой состав наименования эмоций. Они отличаются антропоцентричностью семантики, поскольку довольно продуктивным является образное переосмысление эмоций путем их ассоциирования с поступками человека, его действиями (в том числе и по отношению к различным предметам), движениями, волеизъявлениями и т.п. Так, древнейшие анимистические представления об эмоциональной сфере отражают те фразеологизмы, в которых чувства отождествляются с враждебными живыми существами, приходящими из чужого мира (пространства) и проявляющими агрессию по отношению к человеку (Брагина 1999:87): рус. *восторг охватывает/охватил, быть во власти гнева, зло (злость) берет/взяло (разбирает)* и др.; чеш. *jde hrůza (z čeho) 'что-л. внушает страх', hrůza mě obešla 'меня объял ужас', pojal ho strach 'его объял страх', nahnati strach 'нагнать на кого-л. страху'* и др.; тат. *кайгы басты 'постигло горе' (букв. 'горе пришло'), нәфесне жиңу 'преодолеть страсть' (букв. 'побороть страсть')* и т.д. Если в рассмотренных выше фразеологизмах наблюдается своего рода персонификация чувств, то в основе образного значения другой группы ФЕ лежат онтологические (предметные) метафоры, связанные с уподоблением эмоций материальным субстанциям (предметам, веществам, жидкостям и т.п.), а также ориентационные метафоры, отражающие пространственные представления, прежде всего такие, как «верх – низ», например: рус. *загораться/загореться (зажигаться/зажечься) интересом, кипеть гневом (негодованием), впадать/впасть в бешенство (в исступление, в неистовство, в ярость, в изумление, в истерику, в растерянность, в тоску, в отчаяние и т.д.), доходить/дойти до отчаяния, ввергать/ввергнуть в отчаяние* и др.; болг. *изгарям от любов 'сгорать от любви', изливам си мъката 'изливать свою душу (боль)', сея вражда 'сеять вражду', изпадам в отчаяние 'приходить в отчаяние';* пол. *nieść ulgę 'приносить облегчение', zasiać ziarno niezgody (zwątpienia) 'посеять (заронить) семя раздора (сомнения)', nie móc wyjść z podziwu (ze zdumienia) 'не мочь прийти в себя от восхищения (изумления)'* и т.д.; чеш. *vybiti si zlost (na kom, na čem) 'сорвать злость на ком-л., чем-л.', udělati radost 'доставить удовольствие кому-л.', shořeti hanbou 'сгореть со стыда' и т.п.;* тат. *ачу утында 'пылать гневом' (букв. 'в огне гнева'), шатлык ташый 'радость бьет через край' (букв. 'радость переливается через край'), кайгы йоту 'горе горевать' (букв. 'плотать горе'), хафага бату (калу, төшу) 'впадать в отчаяние', гыйшык уты 'пламя любви' и т.д.*

Более широко в анализируемых славянских и тюркских языках представлены эмотивные фразеологизмы, не содержащие в своем составе обозначений чувств. При этом довольно часто в основе внутренней формы рассматриваемых идиом лежат ассоциации эмоциональных процессов с разнообразными аспектами биологи-

ческой жизнедеятельности человека. Так, очень продуктивным является метонимический принцип образно-символической интерпретации чувств. Например, особое место среди эмотивных ФЕ славянских и тюркских языков занимают единицы, включающие в себя имена-партитивы типа рус. *сердце* и *душа*, которые обозначают особые «точки» на наивной анатомической карте человека, символизирующие его эмоциональные проявления; ср.: рус. *бередить/разбередить душу (сердце)*, *брать/взять (забирать/забрать, задевать/задеть, хватить/схватить) за душу (за сердце)* и мн. др.; болг. *падна ми на сърцето* 'пришлось по сердцу', *давам душата си за някого* 'разг. сильно любить кого-л.', *извади ми душата* '(всю) душу мне вымотал' и т.д.; пол. *chwycić za serce, za duszę* 'взять за сердце, за душу', *serce, dusza rośnie* 'сердце, душа радуется'; чеш. *chodit jako tělo bez duše* 'разг. быть вялым, апатичным', *je v něm malá dušička* 'у него душа в пятки ушла' и т.д.; тат. *жәң әрнү* 'болеть душой', *жәң авызга килү* '(его) продрал страх' (букв. 'душа во рту'), *жәң яну* 'душа радуется' (букв. 'душа горит'), *йөрәк уч төбәндә булу (тору)* 'сердце дрожит от страха' (букв. 'сердце в кулаке'), *йөрәкне ут алу* 'сердце огнем горит' и др. Важно подчеркнуть, что при этом отмечается определенное преобладание ФЕ с компонентом типа рус. *сердце*, которое свидетельствует о том, что данной лексеме отводится ведущая роль в символической репрезентации эмоций. По справедливому мнению Е. В. Урысон, душа – это невидимый, нематериальный орган, который представляет собой средоточие внутренней жизни человека, всего первостепенно важного для данной личности (Урысон 2003:22). Сердце же в отличие от души является лишь органом чувств и связанных с ними желаний человека, но не его внутреннего мира в целом; ср.: рус. *с замиранием сердца, с легким сердцем, сердце (на сердце) щемит/защемило, сердце кровью заливаается/залилось (обливается/облилось), сердце дрожит (трепещет) как (будто, словно, точно) овечий (заячий) хвост* и мн. др.; болг. *завладея сърцето на някого* 'покорить чье-л. сердце', *камък ми падна от сърцето* 'у меня отлегло от сердца', *стяга ми се сърцето* 'сердце щемит' и т.д.; пол. *serce pęka z bólu* 'сердце разрывается', *serce krwawi* 'сердце кровью обливаается', *serce podskoczyło (do gardła)* 'сердце выскочило (от радости); сердце екнуло, оборвалось (от страха)', *serce się ścisnęło* 'сердце сжалось', *stracić serce do kogoś, czegoś* 'разлюбить кого-л., что-л.; разочароваться в ком-л., чем-л.' и т.п.; чеш. *nosit (koho) v srdci* 'любить кого-л.', *dobýti srdce* 'пленить, овладеть сердцем', *srdce puká žalem* 'сердце разрывается от жалости' и др.; тат. *йөрәге урынында түгел* 'сердце не на месте', *йөрәге ятмый* 'сердце не лежит', *йөрәкне бозу* 'испортить настроение' (букв. 'испортить сердце') и мн. др.

Как представляется, отмеченный выше метонимический принцип может быть распространен и на те ФЕ славянских и тюркских языков, которые в образной форме интерпретируют эмоции путем «отсылки» к физическим характеристикам человека. Так, многие эмотивные идиомы отражают процесс образной символизации таких составляющих «внешнего» человека, как:

а) части тела и лица: русск. *горло перехватывает/перехватило, крутить носом, глаза на лоб лезут/полезли* и др.; болг. *стигна ми (дошло ми е) до гуша* 'разг. мне надоело до чертиков', *хапя си пръстите* 'разг. кусать локти'; пол. *świecić oczami (oczyma)* 'стыдиться', *wiercić dziurę w brzuchu komuś* 'надоедать кому-л., тянуть душу из кого-л.'; чеш. *horká hlava* 'вспыльчивый человек', *věšati se (komu) na rátu* 'разг. приставать к кому-л.' и др.; тат. *башы түшәмгә тию* 'прыгать от радости' (букв. 'доставать головой до потолка'), *эчен тотә-тотә көлү* 'смеяться, надрывая животики' (букв. 'смеяться, держась за живот'), *йөз жыеру* 'делать кислую мину' (букв. 'морщить лицо'), *куз(ләр) шар(дай) булу* 'делать большие глаза' (букв. 'глаза стали как шары') и т.д.;

б) внутренние органы: русск. *доходить/дойти до печенок, вытягивать/вытянуть (выматывать/вымотать) <все> кишки*; пол. *coś cięży (leży, siedzi) na wątrobie komuś* 'что-л. мучит, терзает кого-л., что-л. не дает покоя кому-л.', *wnętrznosci przewracają się w kimś (komuś)* 'с души воротит кого-л.' и т.п.;

в) жидкие субстанции: русск. *кровь вскипает (закипает/закипела) <в жилах>*, *кровь бросилась (ударилась, кинулась) в голову*; болг. *кръвта му ври* 'у него кровь кипит', *пукна му жлъчка от страх* 'он очень сильно испугался'; пол. *trozić krew (w żyłach)* 'леденить кровь (в жилах)', *burzy się (gotuje się) żółć w kimś* 'желчь поднимается в ком-л.'; чеш. *dělati zlou krev* 'вызывать недовольство', *míti žluč* 'сердиться, быть раздраженным' и др.; тат. *кан йоту* 'пережить тяжелое горе' (букв. 'глотать кровь'), *кан кату* 'кровь стынет/застыла в жилах', *кузгә кара кан саву* 'потерять разум от злобы' (букв. 'в глазах черная кровь') и др.;

г) кожные покровы: русск. *лезть из шкуры <вон>*; болг. *излизам от кожата си* 'разг. выходить из себя', *влизам под кожата на някого* 'втираться в доверие к кому-л.'; пол. *zalać sadła za skórę* 'досадить кому-л., донять кого-л., задеть за живое кого-л.', *wleźć za skórę komuś* 'досадить кому-л.'; чеш. *nebyti ve své kůži* 'быть не в своей тарелке', *div nevyletěl z kůže* 'разг. он чуть не лопнул от злости'; тат. *тиресенә сыймау (сыя алмау)* 'вне себя от злости' (букв. 'не помещаться в свою кожу') и т.д.

Образно-символическое значение приведенных ФЕ отражает традиционные представления, характерные для первобытной магии, в которой метонимический принцип осмысления явлений действительности играл очень важную роль: к примеру, сердцу, печени, почкам, глазам, жиру, костному мозгу приписывалась способность мистическим образом воздействовать на тех, кто их ест; мистической силой наделялись также отверстия тела, волосы, обрезки ногтей, кровь и т.п. (Леви-Брюль 1999:31). Кроме того, древнейшие магические верования отражаются во внутренней форме эмотивных ФЕ, в образной форме описывающих ситуацию выхода из телесной или духовной «оболочки», например: русск. *быть вне себя*; болг. *излизам от себе си* 'выходить из себя', *вън от себе си* 'быть вне себя'; чеш. *jsem celý bez sebe* 'я вне себя', *jsem z toho celý pryč* 'я от этого сам не свой'; тат. *үзен үзе (үз-үзен) белештермичә* 'не владея собой, вне себя, сам не свой' (букв. 'не зная

себя') и т.д. Приведенные параллели, отмечаемые в современных славянских и тюркских языках, позволяют предположить, что многие указанные модели семантического сдвига были актуальны в очень ранние эпохи, доказательства чего могут быть получены в результате углубленного анализа подобных эмотивных ФЕ в языках других семей.

Особого внимания заслуживают те эмотивные ФЕ в анализируемых языках, которые отражают взаимосвязь чувств с биологическими проявлениями человека. Например, процесс символизации затрагивает различные физиологические характеристики человека, при этом источником образного моделирования эмоций являются такие сферы, как:

а) вкусовые ощущения: рус. *прийтись по вкусу*; болг. *това е по вкуса ми* 'это мне по вкусу, это мне нравится' и др.; пол. *przybrać (trafić) do gustu* 'прийтись по вкусу, понравиться', *przykry (cierpki, gorzki) posmak* 'неприятный (горький) осадок' и т.д.; чеш. *přišel tomu na chut* 'это ему понравилось', *dělati (komu) laskominy* 'очень нравиться кому-л.' и т.д.; тат. *ачысын-төчесен тату* 'испытать лиха' (букв. 'попробовать и горькое и пресное');

б) зрительные ощущения: рус. *не верить <своим> глазам* и т.д.; пол. *patrzeć w kogoś jak w obraz* 'обождать, боготворить кого-л.' и т.п.; чеш. *viděti se (v kom)* 'души не чаять в ком-л.' и др.; тат. *уз кузләреңә узең ышанмау* 'не верить (своим) глазам';

в) болевые ощущения: рус. *наступать/наступить на <любимую, больную> мозоль*, болг. *начесвам си краката* 'ублажать свою душеньку, удовлетворять свою страсть к чему-л.', *бъркам в раната* 'бередить душу'; пол. *szlag kogoś trafił* 'кто-л. чуть не лопнул от злости (зависти и т.д.)'; чеш. *zabolelo ho to* 'это его огорчило', *zchladiti (na kom) žáhu* 'выместить свой гнев на ком-л., сорвать зло, досаду' и др. Интересным является и тот факт, что в семантике ряда эмотивных идиом зафиксированы ассоциации эмоциональных явлений с другими психическими процессами, в первую очередь интеллектуальными и волевыми. Так, в качестве языкового репрезентанта своеобразной «константы психики» можно рассматривать лексемы со значением ментальных процессов, которые довольно часто встречаются в составе эмотивных ФЕ, например: рус. *не по мысли*; болг. *взема ума (на някого)* 'ошарашить кого-л.', *загубя и ума и дума* 'растеряться, потерять дар речи, лишиться языка', *изкарам му ума* 'напугал, перепугал его до смерти' и др.; пол. *potieszać zmysły (rozum, w głowie)* 'свести с ума кого-л.'; чеш. *býti dobré mysli* 'быть в хорошем настроении', *je mu to proti mysli* 'это ему не нравится', *pokleslý na mysli* 'упавший духом', *hnutí mysli* 'аффект' и др.; тат. *исе-акылы китү* 'прийти в изумление' (букв. 'ум ушёл'), *ис-акылыны алу* 'привести в изумление' (букв. 'взять ум') и т.д. Указанная ассоциативная связь представляется вполне предсказуемой, если иметь в виду тезис психологов об интегративном характере психической деятельности, который обуславливает неразрывную взаимосвязь эмоциональных и интеллектуальных процессов в ходе познания действительности.

Внутренняя форма многих эмотивных ФЕ в славянских и тюркских языках связана с образной интерпретацией эмоций сквозь призму представлений о природном мире. Так, для мифопоэтического мировоззрения космологического периода (дородовой эпохи) характерно отсутствие четких границ между субъектом и объектом, человеком и природой, в какой-то мере даже отождествление того и другого (Топоров 1982:13). Не случайно еще Ф. И. Буслаев писал о том, что «изобразительность в наименовании духовных способностей произошла не от недостатка в словах и не от ограниченности самосознания: но от свежести воззрений на природу и от веры в тайное с нею общение человеческой души» (Буслаев 1848:66). Например, очень яркая внутренняя форма отличает те ФЕ, которые описывают эмоциональные явления путем их ассоциации со свойствами и признаками различных реалий природного (шире – органического) мира, в том числе:

а) животных, насекомых, растений: рус. *дуться/надуться как (будто, словно, точно) мышь на крупу, как (будто, словно, точно) с цепи сорвался, хуже горькой редьки* и пр.; болг. *животински страх* 'животный страх', *заеишки сърце* 'заячья душа', *досадна муха* 'разг. назойливый человек', *чувствувам се в небрано лозе* 'разг. чувствовать себя не в своей тарелке' и т.п.; пол. *nudzić się jak tops* 'разг. невыносимо (ужасно) скучать', *drzeć koty* 'быть не в ладах, жить как кошка с собакой', *piąć z radości (ze szczęścia, z zachwytu)* 'шумно восторгаться (радоваться)'; чеш. *nasaditi (komu) hada* 'причинить кому-л. беспокойство; растревожить кого-л.', *býti jako pijavka* 'пристать как банный лист', *to je mile jako osina v oku* 'ирон. это приятно, как заноза в глазу', *kousnouti do kyselého jablka* 'разг. испытать неприятность; начать неприятное дело' и др.; тат. *канатланып китү* 'крылья выросли', *аркадан кырмыскалар (тараканнар) йөри* 'мурашки бегают по спине' (букв. 'мурашки (тараканы) бегают по спине'), *койрыкны бот арасына кыстыру* 'прижать хвост' (букв. 'зажать хвост между ногами'), *эт итеп сүгү (ташлау)* '(от)ругать на чем свет стоит' (букв. 'побить как собаку') и т.д.;

б) природных явлений: рус. *как громом (как гром) поразило*; болг. *като ударен от гром* 'как громом пораженный', *като осланен* 'удрученный, потрясенный, сам не свой', *вардя се като от огън* 'бояться как огня' и др.; пол. *patrzeć (wpatrywać się) w kogoś jak w tęczę* 'боготворить кого-л.; восхищаться кем-л.', *ciskać gromy (pioruny, piorunami)* 'метать громы и молнии', *jak rażony piorunem* 'как громом пораженный'; чеш. *míti (z koho, z čeho) luft* 'сильно бояться кого-л., чего-л.', *hned je oheň na střeše* 'разг. он очень вспыльчив' и т.д.; тат. *утлар чәчү* 'рвать и метать' (букв. 'сеять огонь'), *буран туздыру* 'задать жару, метать громы и молнии' (букв. 'поднять метель'), *яшен суккан кебек (суккандай) булу* 'как гром среди ясного неба' (букв. как 'громом поразило') и т.д.

Таким образом, анализ эмотивных ФЕ в славянских и тюркских языках показал, что наибольшей продуктивностью отличается «натуралистическая» модель образной интерпретации эмоций, при этом представления о внутренних пережива-

ниях чаще всего ассоциативно связываются со знаниями о многообразных аспектах жизнедеятельности человека. Это в очередной раз свидетельствует о таком главном эпистемическом свойстве естественного языка, как антропоцентричность, в соответствии с которым он является «субъектно» предопределенным и ориентированным (Рябцева 2005:14).

ЛИТЕРАТУРА

- Брагина, Н. Г. (1999), «„Во власти чувств“: мифологические мотивы в языке», in Агапкина, Т. А. et al. (eds.), *Славянские этюды: Сб. статей к юбилею С. М. Толстой* (М.: Индрик), 86–102.
- Буслаев, Ф. И. (1848), *О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию* (М.).
- Вежбицкая, А. (2001), *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики* (М.: Языки славянской культуры).
- Леви-Брюль, Л. (1999), *Сверхъестественное в первобытном мышлении* (М.: Педагогика-Пресс).
- Мокиенко, В. М. (1980), *Славянская фразеология* (М.: Высш. школа).
- Рябцева, Н. К. (2005), *Язык и естественный интеллект* (М.: Academia).
- Топоров, В. Н. (1982), *Первобытные представления о мире (общий взгляд)*, in Шамин, А. Н. (ed.), *Очерки естественнонаучных знаний в древности* (М.: Наука), 8–40.
- Урысон, Е. В. (2003), *Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике* (М.: Языки славянской культуры).

Анна Пеянович
Черногорский университет
философский факультет
Никшич, Черногория

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *БОГ* С РУССКОГО ЯЗЫКА НА СЕРБСКИЙ

0. Вероятно, нет языка, в котором бы не было номинаций для богов. Теонимы широко засвидетельствованы и во фразеологических единицах многих языков. Фразеологизмы с компонентом *Бог*, согласно нашим предварительным исследованиям, отличаются высокой частотностью во всех славянских языках. По вышеупомянутой причине фразеологические единицы с компонентом-теонимом можно считать фразеологической универсалией. О частом упоминании *Бога* в русском языке косвенно свидетельствует и глагол *божиться*. Сама семантика глагола *божиться* 'клясться именем Бога в подтверждение правильности своих слов; говорить «ей-богу»' (Кузнецов ed. 2004:88) раскрывает его прагматическое содержание и функцию, проясняет происхождение и употребление данной языковой единицы. Глаголы с тем же значением имеются и в сербском языке: *богарати (се)*, *богмати (се)*, правда, они уже устарели и не используются в современном языке.

1. Во фразеологическом фонде и русского, и сербского языков частотны (а этим они не отличаются от других языков) фразеологизмы из жанра присловий, клятв и заклинаний (подробнее о теории фразеологических жанров в Пејановић 2010), содержащие лексему *Бог* в своем компонентном составе. Анализ данных фразеологических единиц способствует реконструкции представления о *Боге* как воплощении Добра, как всемогущего, всеведущего, праведного, милосердного, того, кто дает, того, кто прощает, поэтому и представляет собой высшую ценность. Такая концептуальная картина отражается во фразеологии обоих сопоставляемых языков. Для всех фразеологизмов, содержащих теоним *Бог*, общим является тот факт, что они по своему происхождению представляют собой речевые акты: а) *обращения* к самому божеству с целью просьбы, выражения благодарности и надежды, ожидания положительного результата в исходе событий. Большинство упомянутых фразеологических единиц модального характера (подробнее в Пејановић 2010). А это значит, что они лишены понятийного содержания и денотативного значения, но зато им присущ яркий экспрессивный и эмоциональный компонент значения, выражающий целый диапазон различных эмоций и чувств – удивления, радости, восторга, негодования, разочарования, досады; б) это могут быть исконные *заклинания*, обращенные к адресату либо с целью убедить его в справедливости своих слов, либо воздействовать на адресата, чтобы он совершил какое-либо действие.

1.1. В оригинале романа зафиксировано большое количество единиц с двухкомпонентной структурой. Структурно-семантическая модель данных русских ФЕ состоит из согласованного определения, выраженного притяжательным местоимением *мой* и старославянской формы звательного падежа теонима *Бог*, превратившейся в современном русском языке в междометие.

1. – *Боже мой* – ведь он и вправду. Как же он смел!..

– Что ты? Да ты, кажется, совсем в негодовании, полно. [Подросток:132].

1. – О, *Боже мой* – узвикнух – заиста је тако! Како се онда усудио!

– Шта ти је, ти си изгледа сасвим огорчен, мани! [Дечко I:254].

2. – *Боже мой!* – воскликнул я вдруг, мучительно краснея, – а сам-то, сам-то, что я сейчас сделал: [Подросток:181].

2. – *Боже мой!* – узвикнух наједном, црвенећи од муке – а ја, шта сам ја сад урадио! [Дечко I:342].

3. Ах, *боже мой*, я ведь не сжег «документ»! Я так и забыл его сжечь третьего дня. Ворочусь и сожгу на свечке, именно на свечке; [Подросток:212].

3. – Ах, *Боже мой*, па ја збиља нисам спалио документ. Заборавио сам ето да га прекјуче спалим. Вратићу се и спалићу га на свећи [Дечко II:48].

4. Я был поражен, особенно услышав о Васине. – Да разве он в чем-нибудь замешан? *Боже мой*, что с ними теперь будет? [Подросток:268]

4. Био сам запрепашћен, нарочито кад чух за Васина.

Боже мой, шта ће сад бити с њима [Дечко II:48].

5. „Она и Ламберт – *боже мой!*“ – думал я, в недоумении смотря на нее [Подросток:275]

5. „Она и Ламберт – *Боже ме сахрани*“ – мислио сам гледајући је у недоумици [Дечко II:166].

Приведенные примеры показывают, что русская ФЕ *Боже мой*, используется в различных ситуациях. На сербский язык она переведена абсолютным эквивалентом *Боже мой*, кроме примера 5, в котором переводчик употребил переводный аналог *Боже ме сахрани*, в компонентом составе которого тоже имеется теоним, но по сравнению с ФЕ исходного языка он, помимо недоумения, выражает и дополнительный оттенок дистанцирования героя романа в данной ситуации. Анализ приведенных контекстов употребления ФЕ подтверждает, что данная ФЕ используется в ситуациях, в которых выражается негодование, возмущение, удивление, либо страх и опасение, разочарование, досада. Но фразеологизм выражает не только не-

гативные эмоции и реакции, как это выявлено в нашем материале. Данная ФЕ используется и в контекстах, в которых преобладают положительные чувства и эмоции – удивление, радость, восторг, и т.п. (ср. Меликян 2001:55; Яранцев 1981:27). Как и в русском, так и в сербском языке существует данная структурно-семантическая модель ФЕ. В сербском языке имеются и лексические варианты компонента ФЕ. Помимо определения *мој* встречаются ФЕ с компонентами вариантами: (*Боже*) *драги*, (*Боже*) *један*, (*Боже*) *мили* (ср. Пеянович 2010:112, 121). В русском же языке тоже варьируется определение в составе ФЕ: (*Боже*) *праведный*, (*Боже*) *правый*, (*Боже*) *милостивый* (Федоров 1997:1:38). Все названные варианты определения и в русском и в сербском языках на самом деле являются постоянными эпитетами христианского Бога, в то время как компонент определение *мой*, входящий в состав ФЕ *Боже мой*, по мнению В. М. Мокиенко, отражает языческие представления о богах (подробнее об этом в Мокиенко 1999:205).

1.2. Фразеологизмы, отражающие концепт Бога как того, кто дает, того, кто прощает, кто милосердный, зафиксированы в обоих языках. В основном это ФЕ модального характера, употребляющиеся как реплики при диалоге и придающие эмоциональную оценку предыдущему высказыванию. Все анализируемые фразеологизмы имеют структуру предложения и восходят к речевым актам первоначальным обращениям к божеству, которые выражали добрые пожелания. Среди приведенных примеров только в первом зафиксирована идиома *бог не дал* со значением 'отсутствие чего-либо' (ср. Тихонов 2004:1:65).

1. Вы смеетесь, Катерина Николаевна, вероятно, над моей фигурой; да, *бог не дал* мне фигуры, как у ваших адъютантов [Подросток:100].

1. Ви се, Катерина Николајевна, вероватно, смејете мом физичком изгледу; јесте, *бог ми није дао* физички изглед као вашим ађутантима [Дечко I:193]..

2. – *Дай* ему *бог!* – перекрестилась она [Подросток:369].

2. – *Нека* му *Бог да* сваку срећу – прекрсти се она! [Дечко II:205].

3. – О, *дай* вам *бог* счастья! Я никого не люблю, но я желаю всем счастья [Подросток:369].

3. – О, *нек* вам *Бог да* срећу! Ја никога не волим, али свима желим срећу! [Дечко II:209].

4. – О, *дай бог!* – вскричала она, сложив пред собою руки [Подросток:366].

4. – О, *дај Боже* – викну она, склопивши руке пред собом [Дечко II:282].

5. Может, я и теперь про себя стыдливее, чем в словах и делах моих; *дай-то бог!* [Подросток:26].

5. Можда сам и сада стидљивији у себи него на речима и на делу; *дај Боже*, да је тако! [Дечко I:54].

6. – *Да услышиш же* тебя *бог*, мой милый. Я знаю, что ты всех нас любишь [Подросток:70].

6. – Па *нека* те *Бог чује*, мили мој. Знам да нас све волиш [Дечко I:135].

7. Ну а если от веселия духовного жизнь возлюбил, то, полагаю, и *бог простит* [Подросток:230].

7. А ако је због духовне радости заволео живот, и *Бог ће* му, мислим, *опростити!* [Дечко II:84].

1.3. Структурно-семантические модели сербских фразеологизмов из жанра заклинаний и клятв разнообразнее, чем русские. Самыми употребительными и частотными являются: *кунем се Богом, тако ми Бога, Бога ми* [об этом подробнее в Пејановић 2010]. В отличие от сербского языка, в русском преобладают две конструкции: *клянусь Богом* и *ей-богу*. Заклинания и клятвы значимы в аксиологическом аспекте, так как раскрытие их семантического содержания способствует реконструкции этических и моральных принципов и ценностей этнокультурного общества. В обоих сопоставляемых языках зафиксированы заклинания с теонимом *Бог*, свидетельствующие о том, что Бог представляет собой высшую ценность. Приведем примеры бывшего клятвенного заверения *ей-богу*, которое в современном русском языке, согласно данным словарей (Кузнецов ed. 2004:88), является междометием и вводным словом. Мы увидим, что, используя в диалоге данную ФЕ *ей-богу*, говорящий подчеркивает правдивость своих слов. Только во втором примере наша ФЕ на сербский язык была переведена фразеологизмом *тако ми бога*, который отражает ее исконную семантику и функцию клятвы. Первый же пример употребления ФЕ в обоих языках – явная клятва:

1. О, *свидетельствуюсь богом*, что главного не подозревал! [Подросток:140].

1. О, *Бог нека ми буде сведок*, да оно најважније нисам ни слутио! [Дечко I:269].

2. – *Ей-богу*, забыл, мой друг, и от души виноват [Подросток:70].

2. – *Тако ми бога*, заборавио сам, драги мој, и од свег срца се извињавам [Дечко I:136].

3. – Если б у меня был револьвер, я бы прятал его куда-нибудь под замок. Знаете, *ей-богу*, соблазнительно! [Подросток:45].

3. Знате, *богами*, може човек да падне у искушење! [Дечко I:89].

4. – Я всегда сочувствовала вам, Андрей Петрович, и всем вашим, и была другом дома; но хоть князя мне и чужие, а мне, *ей-богу*, их жаль [Подросток:67].

4. ... али, мада су ми кнежеви туђи, *богами* ми их је жао [Дечко I:131].

5. – Вы говорите об какой-то „тяготеющей связи”... Если это с Версильвым и со мной, то это, *ей-богу*, обидно [Подросток:143].

5. Ако мислите на Версильова и на мене, онда је то, *богами*, увреда [Дечко I:275].

6. – Ты не знаешь, Лиза, я хоть с ним давеча и поссорился, – если уж тебе пересказывали, – но, *ей-богу*, я люблю его искренно и желаю ему тут удачи [Подросток:159].

6. – Али ја га *богами* волим искрено и желим му овде успеха [Дечко I:302].

7. – Послушайте, я, *ей-богу*, стену не буду ломать [Подросток:163].

7. – Чужте, ја, *богами*, нећу зид рушити [Дечко I:309].

Переводный аналог приведенного русского фразеологизма *ей-богу* в остальных контекстах была лексема *богами*. Адекватность перевода ФЕ подтверждает и переводный *Rusko-hrvatski ili srpski frazeološki rječnik* под редакцией Антицы Менац: *ей-богу* (разг.) богами, богме (Менац 1979:I:330). Частица *богами*, а также частица *забога*, являются исконными клятвами именем Бога. Данные частицы еще одно косвенное доказательство высокой частотности фразеологических единиц с теонимом *Бог*, их неосознанного и спонтанного употребления в сербском языке. Упомянутые языковые единицы *Бога ми* и *за Бога* в процессе длительного употребления с помощью лексико-синтаксического способа словообразования, т.е. сращения были лексикализованы и превратились в модальные частицы с функцией интенсификации (об этом подробнее в Пејановић 2012). Такого же происхождения и русская формула этикета *спасибо*, которая появилась в результате сращения 3. л. ед. ч. повелительного наклонения *спаси* и теонима *Бог*, с последующей потерей конечного согласного *г*.

1.4. ФЕ, выражающие усиленную просьбу, мольбу, отражают ситуацию, в которую попадает тот, кому приходится просить, добиваться чего-либо (ср. Яранцев

1981:225, 226). Как мы видим, в нижеприведенных примерах в обоих языках используются фразеологизмы с компонентом теонимом:

1. – Ах да! Я и забыл! – сказал он вдруг совсем не тем голосом, с недоумением смотря на меня, – я вас зазвал по делу и между тем... *Ради бога*, извините [Подросток:40].

1. *Тако вам бога*, опростите [Дечко I:79].

2. – Аркаша, голубчик, прости, *ради бога*, не могла я никак, чтобы не сказать... [Подросток:68].

2. – Аркаша, душо моја, опрости, *тако ти бога*, нисам никако могла да не кажем... [Дечко I:132].

3. – Брат, *ради бога*, пощади маму, будь терпелив с Андреем Петровичем... – прошептала мне сестра [Подросток:65].

3. – Брате, *тако ти бога*, поштеди маму, буди стрпљивији с Андрејем Петровичем... – шапну ми сестра [Дечко I:127].

4. Но садись, *ради бога*, я тебе кое-что пришел сообщить; благодарю, вот так [Подросток:79].

4. Али седи, *бога ти*, дошао сам да ти понешто кажем [Дечко I:153].

5. – О, *ради бога*, не надо, не нужно, не рассказывайте ничего, – протянула она вдруг руку, чтобы остановить меня, и даже с каким-то страданием в лице, но я уже вскочил с места и стал перед нею... [Подросток:297].

5. – О, *забога*, немојте, не треба, ништа немојте причати... [Дечко II:206].

Приведенные примеры показывают, что в сербском языке переводчиком были использованы адекватные переводные фразеологические аналоги русского фразеологизма *ради Бога*: *тако ти бога* и *бога ти*. В одном примере мы имеем и адекватный перевод лексемой *забога*, о происхождении которой мы уже говорили. Выражение *ради Бога* устарело и в современном сербском языке не употребляется. Еще раз подчеркнем, что в современном русском и сербском языках эти ФЕ, которые, без сомнения, появились в речевых актах клятв, теперь имеют статус модальных языковых единиц.

1.5. В сопоставляемых языках имя *Бога* часто упоминается в ситуациях, когда говорящий выражает чувство облегчения, удовлетворения. Очень частотное русское выражение *слава Богу* в сербском языке имеет абсолютный эквивалент *хвала Богу*. Пять примеров текста оригинала и его перевод подтверждают семантику и функцию данных ФЕ в сопоставляемых языках:

1. – Так оно уничтожено, *слава богу!* – проговорила она медленно, вздохнув, и перекрестилась [Подросток:164].

1. – Значи уништено је, *хвала Богу!* – рече она полако, уздахну и прекрести се [Дечко I:310].

2. – Ну и *слава богу!* – сказала мама, испугавшись тому, что он шептал мне на ухо, – а то я было подумала... [Подросток:170].

2. – Па, *хвала богу!* – рече мама... [Дечко I:322].

3. – Ты-то безбожник? Нет, ты – не безбожник, – степенно ответил старик, пристально посмотрев на него, – нет, *слава богу!* – покачал он головой, – ты – человек веселый [Подросток:242].

3. Ниси, *хвала богу!* – климну он главом, – ти си весельак [Дечко II:105].

4. Все ахнули и бросились его поднимать, но, *слава богу*, он не разбился [Подросток:244].

4. ... али се, *хвала богу*, не беше угровао [Дечко II:109].

5. – Кабы умер – так и *слава бы богу!* – бросила она мне с лестницы и ушла [Подросток:316].

5. – Кад би бар умро – рекла бих *Богу хвала!* – добаци ми са степеница и оде [Дечко II:244].

2. Особый интерес представляют собой ФЕ с компонентами *Бог* и *черт/ђаво*, которые в некоторых лексикографических источниках трактуются как синонимы:

1. Приехал он тогда в деревню «*бог знает зачем*», по крайней мере сам мне так впоследствии выразился [Подросток:2].

1. Он је тада дошао у село „*бог те пита због чега*“, барем ми је сам касније тако рекао [Дечко I:9].

2. Она прежде встречалась мне раза три-четыре в моей московской жизни и являлась *бог знает откуда*, по чьему-то поручению, всякий раз, когда надо было меня где-нибудь устраивать... [Подросток:13].

2. Раније сам је једно три-четири пута срео док сам живео у Москви, и искрсавала би *бог те пита одакле*, по нечијем налогу, сваки пут кад ме је требало негде сместити... [Дечко I:29].

3. В мелочах же, в каких-нибудь светских приемах, со мной *бог знает что* можно сделать, и я всегда проклиная в себе эту черту [Подросток:17].

3. А у ситницама, помоћу смицалица уобичајених у високом друштву, *бог зна шта* се са мном може урадити, и увек проклињем ту своју особину. [Дечко I:35].

4. После потрясений (а потрясения с ним могли случаться поминутно, *бог знает с чего*) он обыкновенно на некоторое время как бы терял здравость рассудка и переставал управлять собой [Подросток:21].

4. После узрујавања (а могао се узрујати сваког тренутка *због* свачега) он би обично једно време губио моћ расуђивања и више није могао да влада собом [Дечко I:45].

5. ...за границей он стал покупать совершенно ненужные, но ценные вещи, картины, вазы; дарить и жертвовать *на бог знает что* большими кушамми даже на разные тамошние учреждения [Подросток:43].

5. ... у иностранству је почео да купује потпуно непотребне, и то скупочене ствари, слике, вазе; да поклања и даје као добровољне прилоге *богзна за шта* велике своте новца, чак за разне тамошње установе [Дечко I:86].

6. Выйдя тогда от Дергачева (к которому *бог знает зачем* меня сунуло), я подошел к Васину и, в порыве восторженности, расхвалил его [Подросток:55].

6. Кад онда изађох од Дергачова (*бог зна шта* ме је одвукло код њега), пришао сам Васину и у одушевљењу сам га исхвалио [Дечко I:108].

7. – Однако ж он ужасно набунтовал у ваших соседок, и *бог знает чем* бы могло кончиться [Подросток:106].

7. – Али ипак је направио прави дармар код ваших сусетки, и *Бог зна чиме* се то могло завршити. [Дечко I:204].

8. Жажда благообразия была в высшей мере, и уж конечно так, но каким образом она могла сочетаться с другими, уж *бог знает какими*, жаждами – это для меня тайна [Подросток:247].

8. Жудње за достојанственошћу било је у највишем степену, и то несумњиво, али како се она могла наћи истовремено с другим, *богзна каквим* жудњама – то је за мене тајна [Дечко II:115].

9. – Прости меня! – сказала она вдруг, перестав смеяться и почти с грустью. – У меня *бог знает что* в голове... [Подросток:156].

9. – Опрости! – рече одмах, пошто је престала да се смеје и скоро тужно. *Не знам шта* ми је данас... [Дечко I:296].

10. ... смеялся *бог знает чему* и даже хихикал, чего я от него никогда не видывал [Подросток:178].

10. ... смејао се *свачему* и чак се церекао, што код њега никод нисам запазио [Дечко I:336].

11. – И совсем не придет?

– А *бог* их *ведает* [Подросток:319].

11. – И никако неће доћи?

– А *бог* би га *знао* [Дечко II:248].

1. Он сам, этот мрачный и закрытый человек, с тем милым простодушием, которое он *черт знает откуда* брал (точно из кармана), когда видел, что это необходимо, – он сам говорил мне, что тогда он был весьма «глупым молодым щенком» [Подросток:5].

1. Сам он, тај потиштени и затворени човек, с оном милостивошћу, коју је он узимао *ђаво ће га знати одакле* (као из џепа) [Дечко I:14].

2. – Cher, cher enfant! – восклицал он, целуя меня и обнимая (признаюсь, я сам было заплакал *черт знает с чего*, хоть мигом воздержался, и даже теперь, как пишу, у меня краска в лице), – милый друг, ты мне теперь как родной [Подросток:21].

2. – Cher, cher enfant! – клицао је он љубећи ме и грлећи (признајем и сам сам хтео да заплачем, *ђаво ће га знати због чега*, мада сам се одмах уздржавао [Дечко I:45].

3. – Я не к тому, не к тому. Стебельков принесет сегодня наверно, и на перехватку довольно – будет, но *черт его знает* этого Стебелькова! [Подросток:143].

3. – Не кажем то због тога, није због тога. Стебельков ће сигурно данас донети, и та краткорочна позајмица биће довољна, али *враг би знао* тога Стебелькова! [Дечко I:274].

4. Я уже догнал их, но остановился на секунду перед швейцаром и сунул ему в руку три полуимпериаля, *черт знает зачем* [Подросток:187].

4. Скоро сам их био стигао, али стадох на тренутак са вратаром и тутнух му у руку три полуимперијала, *ђаво би га знао зашто* [Дечко I:353].

5. – И *черт знает, что* вам вздумалось отдавать? – повернулся он вдруг ко мне с страшным вызовом в лице [Подросток:188].

5. – И *ђаво ће знати што* вам је пало на памет да ми враћате новац? – окрену се наједном према мени са страшно изазовним изразом на лицу [Дечко I:355].

Нами было отобрано одиннадцать ФЕ с теонимом *Бог* и пять ФЕ с демонимом *черт*. Их глобальное значение тождественно, но несмотря на тот факт, что и в русских, и в сербских словарях упомянутые ФЕ помещаются в одной словарной статье ср. *бог* <*аллах, господь, леший, черт* итд.> *его знает (ведает)* – (разг.) *бог* (ђаво, враг, тко) *би га знао, враг* (ђаво, тко итд.) *ће га знати* (Менас 1979:1:44; ср. Меликян 2001:54), надо иметь в виду, что внутренняя форма фразеологизмов, содержащих в компонентном составе теоним *Бог/Бог* и демоним *черт/ђаво* все еще прозрачна и таким образом влияет на различную экспрессивность и образность данных ФЕ. По нашему мнению, упомянутые идиомы не следует считать абсолютными синонимами, по причине того, что в конкретном контексте они не всегда могут заменить друг друга в силу различной коннотации и экспрессивности. Нашу точку зрения подтверждает замечание к этой ФЕ в *Словаре-справочнике по русской фразеологии* Р. И. Яранцева: «Возмущение, негодование выражается данным фразеологизмом обычно в варианте со словами *черт* (*бес, леший, дьявол*) и *знает*» (Яранцев 1981:67).

2.1. Из приведенных примеров можно сделать вывод, что фразеологизмы с компонентами *черт/ђаво/враг* имеют тождественное глобальное значение 'неизвестно, никто не знает' и что они являются относительными синонимами фразеологизмов с компонентом *Бог*. В сербском языке преобладающий ФЕ с глагольным компонентом — 3. л. ед.ч. наст. вр. глагола *знати* варьируется формой сослагательного наклонения *би знао* или будущего времени *ће знати*: *bog bi ga [sveti] znao* 'не зна се, перознато је, nitko ne zna'¹ (Matešić 1982:29).¹ Данные морфологические варианты ФЕ и на грамматическом уровне подчеркивают семантику 'неизвестности' фразеологизма.

2.2. В результате сопоставительного анализа фразеологизмов данной структурно-семантической модели в русском и сербском языках, прежде всего на материале текста художественной литературы, а также лексикографических источников мы пришли к выводу, что инвариантом ФЕ является идиомы в русском языке *Бог знает, Бог весть*, т.е. *Бог зна* в сербском языке. На основании варьирования идиомы в сербском языке возникли лексические варианты *сами* (*Бог зна*), *један* (*Бог зна*), *свети* (*Бог зна*). В русском же языке варьируется и главный компонент теоним *Бог, Господь* (*знает*) и *Аллах* (*знает*). Идиомы наподобие русских *Бог весть* и *Бог ведает* с устаревшими глагольными компонентами не встречаются в сербском языке.

Судя по всему, выражение возникло в диалоге как ответ на вопрос, на который участник коммуникативного акта не знает ответа. В.И. Даль в своем словаре

¹ Ср. Менас 1979:1:44 – *бог весть* бог зна, бога питај, бог те питај, бог би га знао, бог свети (један, једини) зна, сам бог зна 'не зна се'.

определяет рассматриваемую ФЕ так: *Бог весть, Бог знает* – я не знаю (Даль 1994:257; ср. Даль 2006:65).

Мы предполагаем следующий процесс фразеологизации: я не знаю → *кто* знает → *никто* не знает → *бог* знает.

В сербском языке идиома имеет инновации с вариантами *бога нитаж* и *бог те нита*. ср. *pitaj boga* 'neizvjesno je, ne zna se' (Matešić 1982:33) и *bog te pitaj (pita) kada (što, koliko i dr.)* 'tko zna, ne zna se, nepoznato je' (Matešić 1982:30).

Любопытно, что структурно-семантическая модель фразеологизма с компонентом демонимом не варьируется ни в русском, ни в сербском языках **черт весть/ведаеть*, **ђавола/врага нитаж*, **ђаво/враг те нита*. Данный факт может быть еще одним доказательством более позднего возникновения единицы.

ЛИТЕРАТУРА

- Matešić, Josip (1982), *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika* (Zagreb: Školska knjiga).
- Menac, Antica (1979), *Rusko-hrvatski ili srpski frazeološki rječnik* (Zagreb: Školska knjiga).
- Даль, В. И. (1994), *Толковый словарь живого великорусского языка* (Москва: Прогресс – Изд. фирма «Универс»).
- Даль, В. И. (2006), *Толковый словарь русского языка: современная версия* (Москва: Эксмо).
- Кузнецов, С. А. (ed.) (2004): *Большой толковый словарь русского языка* (Санкт-Петербург: Норинт).
- Меликян, В. Ю. (2001): *Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи : Словарь* (Москва: Флинта – Наука).
- Мокиенко, В. М. (1999), *Образы русской речи : историко-этимологические очерки фразеологии* (Санкт-Петербург: Фолио-Пресс – СПбГУ).
- Пејановић, Ана (2010), *Фразеологија Горског вијенца: фразеолошки жанрови, културни концепти, руски преводи* (Подгорица: Црногорска академија наука и умјетности).
- (2012), „Фразеолошке јединице као мотиватор творбеног процеса“, in *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима*, Зборник радова Четрнаесте научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта (Београд) 689-700.
- Тихонов, А. Н. (ed.) (2004), *Фразеологический словарь современного русского литературного языка* (Москва: Флинта – Наука).
- Федоров, А. И. (1997), *Фразеологический словарь русского литературного языка*, I–II (Москва: Цитадель).

Яранцев, Р. И. (1981), *Словарь-справочник по русской фразеологии* (Москва: Русский язык).

ИСТОЧНИКИ

Дечко I; Дечко II – Достојевски, Фјодор Михајлович (1992), *Дечко*, прев. Милена и Радмило Маројевић (Београд – Горњи Милановац – Москва: Српски фонд словенске писмености и словенских култура – Дечје новине – Радуга).

Подросток – Достоевский, Ф. М., *Подросток*, online <http://www.modernlib.ru/books/dostoevskiy_fedor_mihaylovich/podrostok/>.

Вера Белокапић-Шкунца
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
Београд, Србија

ТЕРМИНОЛОГИЈА РАЧУНОВОДСТВА И РЕВИЗИЈЕ У РУСКОМ И СРПСКОМ ЈЕЗИКУ

Имајући у виду да се потребе стручњака у свакој области, а тиме и у оквиру обављања привредне делатности, огледају пре свега у прецизној, недвосмисленој семантизацији термилошке лексике, а посебно оних термина који су претрпели значајне измене протеклих двадесетак година, у овом раду изложићемо проблеме у превођењу основних термина из области рачуноводства и ревизије у руском и српском језику, као и данашње тенденције у развоју те терминологије.

Прво ћемо се осврнути на проблеме који дуги низ година постоје у двојезичном руско-српском контакту термилошке лексике у области рачуноводства и ревизије.

На основу лексикографске литературе која је од осамдесетих година прошлог века објављивана на нашим просторима, као и уџбеника руског пословног језика у којима се дају лексичка објашњења или у лексиконима на крају књиге или у оквиру лекција, није било могуће успоставити неопходну еквивалентност чак ни између основних термина рачуноводства и ревизије у руском и српском језику, јер аутори нису узимали у обзир обим семантичког поља термина рачуноводство и књиговодство у српском језику. Наиме, рачуноводство је шири појам од књиговодства, односно књиговодство је само део рачуноводства, као што у руском језику термин бухгалтерский учет означава шири појам од термина счетоводство. То значи да термин бухгалтерский учет означава рачуноводство, а термин счетоводство има значење књиговодство. У руско-српским општим и економским речницима, као и уџбеницима руског пословног језика наводе се неправилна, потпуно обрнута, значења: бухгалтер – књиговођа; бухгалтерия – 1. књиговодство; двойная бухгалтерия – двојструко књиговодство; 2. рачунско одељење, књиговодство; бухгалтерский – књиговодствени; бухгалтерский учет – књиговодство; счетовод – рачуновођа; счетоводство – рачуноводство. Када се ради о терминима из области ревизије, може се приметити да се они у општим руско-српским речницима уопште не наводе. У пословним речницима дају се описна и неадекватна објашњења основних термина – у српско-руском речнику: ревизија – пересмотр; ревизия; ревизирование; проведение ревизии; проверка; ревизор – внутренний аудитор; ревизор, а у руско-српском речнику: аудит – преглед и провера финансијских књига предузећа (да би се утврдила тачност и сагласност са прописима), али се не прецизира ко врши тај преглед и

проверу, а за термин аудиторская служба даје се објашњење: служба провере рачуноводствених књига и евиденција, која прегледа финансијске књиге предузећа (да би се утврдила тачност и сагласност са прописима), али опет без навођења коме припада та служба. У уџбенику пословног руског језика дат је само превод термина аудитор: аудитор – одитор, финансијски инспектор. Међутим, термин одитор у српском језику се веома ретко користи, а у званичној правно-пословној литератури, тј. законима и уговорима се уопште не користи. Финансијски инспектор је државни чиновник, те тај термин никако не може бити еквивалент руског термина аудитор који означава независног стручњака за ревизију, односно ревизора.

И у речнику српскога језика из 2007. године дају се непрецизна тумачења горе наведених термина. „Рачуноводство – адм. вођење трговачких и благајничких књига где се бележи пословање и имовно стање организације, трговачке куће, предузећа и сл.; 2. рачунско одељење какве организације, предузећа и сл.; просторије тога одељења.“ „Књиговодство – фин. а. теорија и пракса вођења пословних рачунских књига у којима се показује имовинско стање, новчани обрт неке привредне и сл. организације. б. Рачунско одељење у неком предузећу, установи и сл. Двојно, дво-струко – систем вођења рачунских књига у два низа рачуна тако што се у једном бележе све промене у новчаном обрту, а у другом стање чисте имовине. Једнообразно – књиговодство државних и јавних установа по унапред утврђеном прорачуну прихода и расхода.“ „Ревизија – 1. преглед рада, контрола, провера пословања у предузећима, установама, организацијама. 2. измена, преиначење, преправка (закона, програма, учења и сл.). ревизија наставних програма. 3. правн. Поновно разматрање, обнова (судског процеса): ревизија процеса. 4. штамп. Последњи преглед коректуре текста сложеног у странице пре одобрења за штампу: коректура књиге.“

На основу датих значења не види се савремено терминолошко значење ових лексема, односно термини рачуноводство и књиговодство нису јасно разграничени, а у објашњењу термина ревизија не види се да је то економски термин под којим се подразумева контрола, провера пословања, али искључиво од стране независних организација. Неопходно је напоменути да се у тексту Закона о рачуноводству и ревизији Републике Србије наводи само термин рачуноводство који обухвата и вођење пословних књига и састављање финансијских извештаја (термин књиговодство уопште се не помиње), као што се у одговарајућим законима Руске федерације Федеральный закон О бухгалтерском учете и Федеральный закон Об аудиторской деятельности наводи само термин бухгалтерский учет (термина счетоводство нема у тексту тог закона). На основу употребе термина у наведеним законима може се закључити и да је једини прави еквивалент руског термина аудит српски термин ревизија.

Област рачуноводства и ревизије се и у нашој земљи и у Русији усклађује са одговарајућим међународним стандардима, будући да данас у свету нису могући економски односи са иностранством, посебно улагање капитала, без обављања ме-

ђународно признате ревизије финансијских извештаја. У горе наведене законе Србије и Русије већ су у великој мери уграђени ти међународни стандарди (Међународни рачуноводствени стандарди, Међународни стандарди финансијског извештавања и Међународни стандарди ревизије) који се издају на енглеском језику, али је и у Русији и у Србији на нивоу влада утврђен само један официјелни превод тих стандарда. То би требало да значи да се у оквиру једног језика и у законима и у стручној литератури увек користе само тачно утврђени термини из званичног превода и да се у двојезичном руско-српском контакту може врло прецизно успоставити еквивалентност термина. Међутим, анализом и поређењем званичних превода стандарда наилазимо на бројне тешкоће.

Међународни рачуноводствени стандарди улазе у састав Међународних стандарда финансијског извештавања и у руском језику сви стандарди ових двеју категорија имају исти назив Международный стандарт финансовой отчетности, али се уз тај назив у загради даје енглеска скраћеница (IAS или IFRS) којом се диференцирају рачуноводствени стандарди и стандарди финансијског извештавања, док у српском језику постоји разлика у називима стандарда ових двеју категорија, а скраћенице се наводе према српском језику. На пример, први Међународни рачуноводствени стандард у руском језику има назив Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 1 «Представление финансовой отчетности», док у српском језику његов назив гласи МРС 1 Презентација финансијских извештаја, тј. у српском језику овај стандард се односи на категорију Међународних рачуноводствених стандарда. То значи да у случају превода датог руског стандарда на српски језик мора бити наведено Међународни рачуноводствени стандард (а не Међународни стандард финансијског извештавања) како би се постигла потпуна прецизност. Из категорије Међународних стандарда финансијског извештавања навешћемо следећи пример: у руском језику четврти стандард се бележи као Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 4 «Договоры страхования», у српском језику такође као Међународни стандард финансијског извештавања са скраћеницом из српског језика: МСФИ 4 Уговори о осигурању. Међутим, када се ради о тумачењима стандарда која су такође део званичног превода, и у руском и у српском језику наводе се енглеске скраћенице, а у руском преводу и руске скраћенице међународних организација које су дале та тумачења. На пример, у руском језику Разъяснение ПКР (SIC) 7 «Введение Евро», а у српском језику SIC- 7 Увођење евра; у руском језику Разъяснение КРМФО (IFRIC) 10 «Промежуточная финансовая отчетность и обесценение», а у српском језику IFRIC 10 Периодично финансијско извештавање и умањење вредности. Примери које смо навели узети су из званичних извора, тј. са сајтова Министарства финансија Руске федерације (Министерство финансов Российской Федерации) и Министарства финансија Републике Србије. Међутим, у стручној литератури и на српском и на руском језику наводе се и варијанте ових званичних назива. Званични назив Међународног рачуноводственог стандарда бр.

10 у руском језику је Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 10 «События после окончания отчетного периода», а у стручној литератури дат је назив Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 10 «События после отчетной даты»; званичном називу рачуноводственог стандарда бр. 11 Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 11 «Договоры на строительство» у стручној литератури одговара назив Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 11 «Договоры подряда». Званични назив стандарда бр. 29 гласи Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 29 «Финансовая отчетность в гиперинфляционной экономике», а у уџбенику о рачуноводству наводи се назив Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 29 «Раскрытие информации в финансовой отчетности гиперинфляции». У српском језику Међународни рачуноводствени стандард бр. 36 носи званични назив МРС 36 Умањење вредности имовине, а у уџбенику о финансијском извештавању наведен је назив Обезвређивање средстава. Званични назив Међународног рачуноводственог стандарда бр. 24 је МРС 24 Обелодањивања повезаних страна, док се у стручној литератури може наћи назив Обелодањивање односа са повезаним лицима или Извештавање о трансакцијама повезаних лица. Када стручњаци дају објашњења стандарда у којима се појављује реч обелодањивање, уместо те речи они користе глаголе приказивати/приказати, објављивати/објавити, одговарајуће именице приказивање, објављивање или синтагме пружити информације, пружање информација (Обелодањивање информација о финансијским инструментима – Циљ обелодањивања које захтева Стандард представља пружање информација... Обелодањивање ризика пословне политике – Предузеће треба да прикаже финансијски ризичне управљачке циљеве и политике... Обелодањивање рачуноводствене политике – Посебно је важно да предузећа објављују своје рачуноводствене политике...). Управо та објашњења стручњака потврђују да реч обелодањивање (у неким стандардима се користи и множина обелодањивања) није уобичајена у стручној терминологији. Међународни рачуноводствени стандард бр. 12 има званични назив МРС 12 Порези на добитак, а у стручној литератури бележи се назив Порези из добитка. У својим објашњењима овог стандарда стручњаци наводе само у називу термин порези на добитак, а у тексту објашњења искључиво користе термин порез на добит, будући да је рачуноводствени термин добит, а не добитак. Званични назив стандарда бр. 39 је МРС 39 Финансијски инструменти: признавање и одмеравање, а у стручним књигама наводи се назив Финансијски инструменти: признавање и мерење. Када стручњаци објашњавају овај стандард, уместо речи одмеравање и мерење користе термине процењивање или вредновање. Док једни стручњаци дају своју варијанту назива овог стандарда (Признавање и процењивање), други сматрају да је вредновање шири појам и да обухвата мерење и процењивање.

На основу наведених примера из званичног превода међународних стандарда у области рачуноводства, односно финансијског извештавања може се закључити

да стручњаци у извесној мери недоследно користе званичне термине – називе међународних стандарда, али и да за то постоји одређено објашњење, посебно када је у питању превод на српски језик. Наиме, јасно је на основу изнетих примера да у процесу превођења стандарда са енглеског на српски језик нису у довољној мери консултовани стручњаци, односно сматрамо непримереним да коначне називе стручних стандарда самостално обликују филолози – преводиоци и то без адекватне помоћи стручњака за српски језик. Превођење терминологије захтева тимски рад стручњака за страни и матерњи језик и, наравно, експерата за област на коју се односи та терминологија.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексић, Б. (1997), *Руски језик за економисте* (Београд : Економски факултет).
- Белокапић, В. (2004), «Русская деловая лексика в сопоставлении с сербской», in *VI международный симпозиум «Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков» : Доклады* (Белград: Славистическое общество Сербии), 25–30.
- Белокапић, В. (2007), „Проблеми семантизације пословних термина у наставној пракси“, *Славистика*, XI, 232–237.
- Белокапић-Шкунца, В. (2008), *Лексичке одлике руског и српског пословног језика* (Београд: Универзитет „Браћа Карић“).
- (2009), „Руска и српска пословна лексика у двојезичном контакту“, in Вучо, Ј. et al. (eds.) *Језик струке: теорија и пракса* (Београд: Универзитет у Београду), 177–183.
- Богдановић, М. (1984), *Руско-српскохрватски и српскохрватско-руски економски речник* (Београд : Савремена администрација).
- Бојић, С. (2002), *Српско-руски пословни речник* (Београд: Просвета).
- Закон о рачуноводству и ревизији, *Службени гласник РС*, 46/06; 111/09.
- Костић, В. (1982), *Руски језик за економисте* (Београд: Савремена администрација).
- Маројевић, М. (1996), *Руски пословни језик* (Београд : Српски фонд словенске писмености и словенских култура).
- Николић, М. (ed.) (2007), *Речник српскога језика* (Нови Сад : Матица српска).
- Петровић, З. (2011), *Финансијско извештавање* (Београд: Универзитет Сингидунум).
- Професионална регулатива у рачуноводству* (2003) (Београд: Савез рачуновођа и ревизора Србије).
- Соколова, Е. С. (2008) *Международные стандарты учета и финансовой отчетности* (Москва: Издат. центр ЕАОИ).

Станковић, Б. (ed.) (1998), *Руско-српски речник* (Нови Сад – Москва: Будућност – Матица српска – Русский язык).

Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»

Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (с изменениями и дополнениями)

Цвејић, М., Коломејцева-Јовановић Л. (1997), *Енглеско-руско-српски и руско-енглеско-српски пословни речник* (Београд: Савремена администрација).

Владимир Манчев
Софийский университет им. Св. Климента Охридского
факультет славянских филологий
София, Болгария

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МИЛИТАРНОЙ ЛЕКСИКИ В ИНТЕРНЕТЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ СТРАНИЦ С ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКОЙ)

Как известно, своим появлением на свет «Всемирная паутина» обязана Министерству обороны США, стремившемуся создать надежное пространство обмена данными, способное выдержать даже ядерный удар. Затем инициатива перешла в руки ученых, что не могло не повлиять на облик Сети – Интернет начинает восприниматься и как место общения интеллектуалов, предоставляющее огромные возможности для обмена знаниями и опытом. На современном этапе, однако, пользователями Всемирной паутины становятся представители самых различных слоев общества и поколений. Сообразно интересам, возрастному, интеллектуальному и социальному статусу пользователей Сети, меняется и ее облик. Соответственно, изменения происходят и в языке электронной коммуникации.

Следствием влияния новой (виртуальной) среды общения на язык пользователей Интернета явилось появление так называемых эмотиконов, призванных компенсировать недостаточную эмоциональность дистантного общения в Сети и формирование компьютерного жаргона как особого подязыка, первоначально использовавшегося узкой группой специалистов в области информационных технологий. Впоследствии жаргон перестал быть достоянием исключительно специалистов-компьютерщиков и нашел широкое применение среди пользователей компьютеров самого различного уровня.

На сегодняшний день коммуникации в Сети как самостоятельному феномену посвящено значительное число исследований (Thurlow et al. 2004; Галичкина 2001; Кондрашов 2004; Трофимова 2004 и др.).

Сейчас уже ни для кого не секрет, что в Интернете существуют самые разнообразные группы пользователей, характеризующиеся различными интересами и неодинаковым уровнем компьютерной грамотности.

Причем характерно, что языковая подсистема большинства этих групп структурирована тремя типами лексических единиц: терминами, профессионализмами и жаргонизмами. В предлагаемой статье рассматриваются лексические особенности электронной коммуникации в рамках одной из групп, а именно: людей, интересующихся военно-исторической тематикой.

Можно отметить ряд специфических особенностей использования военной лексики русско- и болгарскоязычными участниками военно-исторических форумов:

1. достаточно активное использование специальной терминологии;
2. наличие элементов языковой игры и специфического юмора;
3. использование жаргонной лексики;
4. употребление историзмов.

Рассмотрим сначала примеры употребления *особых понятий* и *специальной терминологии* на болгарских и российских форумах. Причем следует отметить, что некоторые из них традиционно связываются с определенным историческим периодом и конкретными событиями (например, немецкое «Blitzkrieg» – молниеносная война, отсылает нас к событиям Второй мировой войны), так и достаточно распространенные, охватывающие более широкий временной интервал, ставшие известными не только узкому кругу специалистов («позиционная война», «стрелковая дивизия», «противотанковая артиллерия», «амбразура», «прямое попадание» и др.).

„Така за 44 дни «мълниеносната война» донася успехи, непостижими за години кръвопролитни битки на «позиционната»” (здесь и далее курсив наш – В. М.) <<http://ostfront.boinaslava.net/index.php?page=gelb>>.

„Т.е., съветските *стрелкови дивизии* разполагат с твърде мощна *противотанкова артилерия*, на която се възлага и тази задача. Към това следва да се добави и *оперативната противотанкова защита*, която се възлага на специализирани *противотанкови съединения (противотанкови бригади* в началото на войната), които разполагат с поне два полка мощна *противотанкова артилерия* (76,2 мм и 85 мм)...” <<http://forum.boinaslava.net/showthread.php?t=5865>>.

«У *дотов* всегда было *боевое охранение*, чтобы нельзя было к нему подбраться в упор (по крайней мере у артиллерийских). Читал в мемуарах Стрельбицкого о боях под Москвой, что немцы для поражения *дотов* вызывали на прямую наводку 88 мм. зенитки. Били в *амбразуру*, не прикрытую *бронешитками* (не успели установить). Стандартный *дот* выдерживал *прямое попадание* 250 кг авиабомбы (сверху)» <<http://www.rusarmy.com/forum/topic5424-20.html>>.

Вполне естественно и широкое использование аббревиатур, среди которых названия различных видов бронетехники (танков Т-18, Т-24, КВ-3, КВ-4, КВ-5 (тяжелые танки «Клим Ворошилов»), СМК (тяжелый танк прорыва «Сергей Миронович Киров»), БМП (боевая машина пехоты) и САУ (самоходная артиллерийская установка), фортификационных сооружений (УР – укрепленный район), артиллерийского (орудия С-1, Ф-34; 45-мм танковая пушка образца 1932 г.) и пулеметного вооружения (спаренный авиационный пулемет ДА-2 (Дегтярев авиационный), что свидетельствует о хорошем владении терминологией и знании предмета:

«Примером массового применения списанных танков перед 2МВ [Второй мировой войной – В.М.] может служить передача в 1938 году 700 советских Т-18 и

22 *T-24* для усиления *УРов*. Предварительно списанные машины подвергались адаптации к фортификационным требованиям. С них демонтировали двигатели, всю ходовую и перевооружали пулеметами *ДА-2* или *45-мм танковыми пушками обр. 1932 г.*» <<http://vn-parabellum.com/fort/turret-pillboxes.html>>.

«*КВ-3, КВ-4, КВ-5* и трехбашенный *СМК* – не производились вообще. *КВ-220, Т-100У, Т-100, СМК* – произведены в единственном экземпляре только лишь для испытаний. Испытания они не прошли, в серийное производство не приняты» <<http://savok.name/201-tanki.html>>.

„Че от тази картинка *БМП*-то е къде по-интересно. Явно е *БМП-2Д* ами с такъв екран на купола не бях го виждал” <<http://forum.boinaslava.net/showthread.php?t=9603>>.

«Но эта проблема была разрешена установкой вместо 76-мм дивизионной пушки специального самоходного 76,2-мм орудия *С-1*. Это орудие было спроектировано на базе конструкции танковой пушки *Ф-34* и было очень дешевым. Оно разрабатывалось для легких опытных *САУ* завода ГАЗ. От *Ф-34* новая пушка отличалась наличием карданной рамки, позволявшей устанавливать его непосредственно в лобовой лист корпуса и освобождавшей полезный объем в боевом отделении» <<http://voiska.ru/forum/index.php?showtopic=460>>.

Характерно, что подчас встречается написание военно-технических терминов и наименований видов оружия на языке оригинала:

«Первоначально башни *Pz V* устанавливались на бронированное основание сваренное из листов толщиной 60 – 65 мм. Затем было разработано стандартное бронированное основание – *Pantherturn I (Stahluntersatz)*. Оно состояло из двух готовых модулей, которые оставалось только установить на месте» <<http://vn-parabellum.com/fort/turret-pillboxes.html>>.

„Ако трябва да я сравняваме по точност трябва да се вземе една *M16* и един *SLR 100 LHMB*, защото ще са с еднакви дължини на цеви и калибри” <<http://forum.boinaslava.net/showthread.php?p=250155#post250155>>.

Важно отметить, что помимо людей, обладающих специальными познаниями в области вооружения, военной техники и истории, во Всемирной сети существует группа пользователей, недостаточно ориентирующихся в данных вопросах. И даже среди пользователей Интернета, интересующихся военно-исторической тематикой, не все в достаточной степени владеют специальной терминологией, что приводит к ошибкам:

«Даладно, один мой 45 летний знакомый переводит *ДЗОТ* как «Долговременная ЗЕНИТНАЯ огневая точка» Бывает...» <<http://www.rusarmy.com/forum/topic5424-20.html>>.

Потому неудивительно, что встречаются пояснения некоторых терминов, расшифровка аббревиатур, приводимые самими участниками форумов:

«У-у-у-у, как всё запущено!!!

ДОТ – долговременная огневая точка.

ДЗОТ – *деревоземляная огневая точка*» <<http://www.rusarmy.com/forum/topic5424-20.html>>

Можно предположить, что достаточно активное употребление специальной терминологии и профессионализмов пользователями как русскоязычного, так и болгарскоязычного секторов Интернета с военно-исторической тематикой, обусловлено не только самой спецификой рассматриваемых интернет-ресурсов, но и определенным (как правило, достаточно высоким) уровнем познаний большинства участников и авторов в интересующей их области, а также их желанием разграничиться от остальных групп пользователей Всемирной паутины.

В речи пользователей интернет-страниц с военно-исторической тематикой можно встретить *элементы языковой игры и специфического юмора*. В качестве примеров можно привести следующие:

«До ранения в январе 1943 года я возил на прицепе к полуторке ГАЗ-АА с кабиной *«прощай здоровье»* 120-мм полковой миномет» (Рем Уланов, «Коломбина», в: <<http://armor.kiev.ua/Tanks/WWII/SU76/kolombina.html>>). Здесь имеется в виду максимально упрощенная, с брезентовым верхом и такими же пологими вместо дверей кабина, которой оснащались выпускавшиеся в 1942–1943 гг. грузовики ГАЗ-АА. Фронтовые шоферы метко называли ее *«прощай здоровье»*.

В свою очередь, приводимое ниже ироничное высказывание переводит диалог из плоскости мирной дискуссии в плоскость вооруженного конфликта:

«Объяснять оппонентам свою точку зрения надо спокойно и методично, вводя поправки на направление ветра, износ ствола и температуру снаряда» <<http://www.waronline.org/forum/viewtopic.php?t=9581>>.

Не отстают в этом плане и пользователи болгароязычного сектора Интернета, обыгрывая известный афоризм «Перекуем мечи на орала»:

„Тези, които изковаха от мечовете си рала, сега орат за онези, които си запазиха мечовете” <<http://forum.boinaslava.net/showthread.php?t=11723>>. В переводе на русский язык данный афоризм звучал бы как «Те, кто выковал из своих мечей орала, теперь пашут для тех, кто свои мечи сохранил».

Здесь было бы уместно привести также примеры перифраз различных известных поговорок, таких как, например, русская «Смелого пуля боится, смелого штык не берет», написанная, что интересно, в болгарском форуме по-русски: «Смелого пуля боится, а в пьяного – хрен попадешь!» <<http://forum.boinaslava.net/showthread.php?t=7918>>.

Или такие перифразы известных фразеологизмов: «Сапер от лопатки недалеко падает», «Заряженному танку в дуло не смотрят» и др. <<http://livinghistory.ru/index.php?showtopic=14>>.

В речи участников военно-исторических страниц и форумов встречаются также уменьшительные, разговорные и даже пренебрежительные названия воору-

жения и военной техники. Например, при наименовании танков БТ (быстроходный танк), Т-26, Т-28, Т-34 и КВ (Клим Ворошилов) используются суффиксы *-шка* и *-ка*:

«Кто же сжег тысячи *БТ-шек*, *26-ок*, *28-ок*... и уже новехоньких десятки *34-ок* и *КВ-шек*? 98 тыс. сожженных наших к 48 тыс. гансов... 2 к 1! Неплохо немцы воевали, очень неплохо... И все-таки мы победили! <<http://savok.name/201-tanki.html>>.

В приводимом ниже примере название немецкой самоходной артиллерийской установки «Фердинанд» заменено разговорно-жаргонной лексемой *фердун*:

«У меня есть информация, что «курский» металл пошел на утилизацию в своей массе после войны. В первую очередь – конечно, рассматривались восстанавливаемые машины (и как правило – наши, что понятно). А «*Фердуны*» – машина очень тяжелая, соотв. тягачей даже у фрицев не было, а у нас и подавно, опять же «близость» дорог, к тому же рядом было полно более доступной по транспортировке техники...» <<http://www.rkka.msk.ru/forum/index.php?showtopic=20>>.

Что касается названий разных видов стрелкового оружия, то здесь мы также наблюдаем использование разговорно-жаргонной лексики. Так, винтовка Мосина при помощи суффикса *-инк*- «превращается» в «мосинку»:

«... Правда вот у меня «*Мосинка*» сама собой среяла» <<http://www.rkka.msk.ru/forum/index.php?showtopic=405>>.

Сходная ситуация и на болгарских страничках, где, например, вместо официального названия 9-мм пистолета Макарова (ПМ) используется жаргонное *макаренко*:

„Руското ИЖ газовия който е копие на *макаренко* мога да кажа че е много корав в сравнение с другите...”

<<http://clubs.dir.bg/showflat.php?Board=oryviq&Number=1947947092&page=0&view=collapsed&sb=5&part=all&vc=1>>.

Следует отметить, что язык участников военно-исторических форумов отличается не только активным использованием военных терминов, но и разного рода *специфических жаргонизмов* так или иначе связанных с военной областью.

Жаргонизмы, используемые авторами и участниками страниц с военно-исторической тематикой, являются не только более выразительными и экспрессивными аналогами терминологических оборотов, подчеркивают развитое чувство юмора большинства пользователей данного рода ресурсов, но и свидетельствуют о процессах изменения в области языка, затрагивающих смежные сферы культуры, мышления, коммуникации.

Говоря об особенностях жаргонизмов в среде участников военно-исторических форумов, можно отметить тот факт, что лексика такого рода образуется на базе общеупотребительных слов и словосочетаний, а также общеизвестных военных терминов. Помимо аффиксации, словосложения и аббревиации одними из наиболее продуктивных способов образования жаргонизмов, связанных с военной

сферой, являются метафорический перенос и языковая игра. Данная тенденция характерна как для русского, так и для болгарского языка.

В составе жаргона, присутствующего на страницах с военно-исторической тематикой, можно выделить две группы лексем:

- 1) группу, объединяющую названия военной техники;
- 2) группу, объединяющую названия вооружения.

Рассмотрим первую группу.

Многие обозначения военной техники и оружия имеют по несколько вариантов, некоторые из которых не выходят за пределы сниженно-бытового пласта лексики. Данное обстоятельство позволяет группе пользователей, интересующихся военной историей, с одной стороны, демонстрировать свою компетенцию, с другой – говорить о сложных реалиях простым языком. Например, вместо официальных названий военной техники (Т-34-76 или Т-34-85, СУ-76 и др.) используются их разговорные варианты:

«„Тридцатьчетверка“ давала нашим танковым дивизиям и корпусам огромное преимущество при переходе в наступление.» (Ю.Е. Максарев «Танки на конвейере», в: <<http://armor.kiev.ua/Tanks/WWII/maksarev/>>).

«Вероятно, машину назвал „Коломбиной“ не чиновник, а человек военный, технарь (возможно, ее создатель), эстет, интеллектуал. Но в солдатском просторечии за ней закрепились грубоватые прозвища („Сучка“, „Голожопый Фердинанд“»)» <<http://armor.kiev.ua/Tanks/WWII/SU76/kolombina.html>>).

„Ето каква била работата! Аз се чудя от два дни какви са тези *Елки* дето бръмчат по цял ден над София, а то какво било! Военен парад с учебни самолети - звучи безобидно и... някак иронично”

<<http://forum.boinaslava.net/showthread.php?p=218220#post218220>>.

В приведенном выше примере имеются в виду чехословацкие учебно-тренировочные и учебно-боевые самолеты Аэро L-29 «Дельфин» и Аэро L-39 ЗА «Альбатрос», которые болгарские пилоты ласково называли «Елки».

Что касается второй группы – названий различных видов вооружения, то она еще более разнообразна:

«Коллеги, у меня вопрос по клеймам *ППШ* и *ППС*. На *ППШ* клейма выбиты, а на *ППС* они нанесены чем-то вроде гравера. По крайней мере клеймо производителя „С“. Почему на *ППС* клейма наносились таким образом?» (gustav71; posted 30-1-2011 12:14 <<http://talks.guns.ru/forummessage/36/657674-7.html>>).

„Прикладът на *АКМ* не е странично сгъващ се. Такъв е на *АК-74С*, *АКСУ*, *АК-74М* и всичките по-нататъшни варианти” <<http://forum.boinaslava.net/showthread.php?t=9603>> (здесь: АКМ – автомат Калашникова модернизированный, а также его разновидности).

Интересно отметить, что и в этой группе лексем встречаются варианты, относящиеся к разговорному стилю речи. Например, вместо официального обозна-

чения пистолетов-пулеметов – пистолет-пулемет Шпагина (ППШ) (советского) и Suomi-konepistooli M/31 (финского) используются их разговорные названия: „Правиш ли разлика между 'шпагин' и 'суоми'?” <<http://forum.boinaslava.net/showthread.php?t=11723>>.

Вне указанных выше двух групп жаргонизмов находится встречающееся в русскоязычном секторе Интернета *самоназвание людей, увлекающихся военной реконструкцией* (реконструкторов):

«... думаю, эта игрушка будет интересна *реконсам* 17 – 18 века. Эх как я ее хотел приобрести... слов нет, теперь выкладываю вам на растерзание, от сердца отрываю..... действуйте, стрельцы!!!» <<http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=13325>>.

Сюда же следует отнести и лексемы, обозначающие людей, увлекающихся восстановкой периода Раннего (*ранятники*) и Позднего (*позднятники*) средневековья:

«Во вторых, если не ошибаюсь, в турнире участвовали представители клубов по Раннему средневековью. Я всегда считал, что было бы очень хорошо, если бы *ранятники* не пренебрегали ролевыми мероприятиями» <<http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id=1255337364000000260>>.

«Для одоспешенного *позднятника*, ограниченного в подвижности, это весьма неудобно, и может спровоцировать его на ответные жесткие действия (типа ударов в открытое лицо)» <<http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id=1255337364000000260>>.

Совершенно очевидно, что одной из важных составных частей военной лексики в Интернете являются *историзмы*. В качестве примеров встречающихся на русскоязычных страницах военно-исторических форумов историзмов можно привести следующие:

«Про сложности со снабжением при *обложении* Выборга – довольно известный факт, но про деньги действительно ничего не пишут» <<http://www.reenactor.ru/lofiversion/index.php?t9242.html>>, где устаревшая лексема «обложение» является синонимом понятия «осада».

«Борь, тут вопрос когда оно в Европе так оплачивалось. В наемных армиях – это понятно, в армии, набранной по *конскрипции* – это вряд ли. Аналогично и у нас» <<http://www.reenactor.ru/lofiversion/index.php?t9242.html>>. Под *конскрипцией* (от лат. conscriptio – внесение в списки, набор) понимается способ комплектования войск, основанный на принципе всеобщей воинской повинности, существовавший в конце 18 –19 вв. во Франции.

Еще один интересный пример находим на странице <www.fieldofbattle.ru>, где приводятся наименования защитного вооружения (*нащечники, антропоморфный панцирь, поножи*), холодного оружия (*махайра*) и его частей (*навершие рукояти*) воинов древности: «Действительно, бронзовый шлем фригийского типа (*нащечники* я реконструировал по ковачевицкому экземпляру) найден на Балканах,

фрагмент нагрудной пластины *антропоморфного панциря* – поблизости от станицы Елизаветинская в Краснодарском крае, а *поножи* – в Керчи. Тем не менее, богатый декор доспехов, центральной деталью которого выступает изображение головы Медузы, а также стилистическая схожесть артефактов, показали мне достаточным основанием для их гипотетического объединения в единый гарнитур. Воин вооружен *махайрой* с характерной рукоятью в виде головы орлиного грифона. Аналогичное *навершие рукояти* было обнаружено в ходе раскопок Семибратних курганов на Кубани...» <<http://www.fieldofbattle.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=564>>.

Можно отметить также использование лексем, обозначающих отдельные части старинных артиллерийских орудий, причем иногда встречается как иноязычный термин (*гандшпуг*), так и русскоязычный вариант (*правило*, с ударением на «и»):

«Вертикальная наводка осуществлялась при помощи двух параллельно закрепленных на нижней балке лафета слегка изогнутых железных полос – *кремельер* (*cremaille* – крюк) и скользящей между ними верхней балки лафета вместе с смонтированным в нее орудийным стволом. Когда достигался необходимый угол наклона, верхняя балка фиксировалась с помощью штифта, который просовывался сквозь одну из 12 пар отверстий в *кремельерах*. Горизонтальная наводка осуществлялась посредством *гандшпугов* или *правил* – двух брусьев, которыми, как рычагами, можно было воздействовать на оконечность нижней балки лафета» <<http://www.fieldofbattle.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=523>>.

Из встречающихся на специализированных болгарских сайтах историзмов наиболее интересны, как нам кажется, историзмы турецкого происхождения:

„В един от консулските доклади във връзка с издирването на Левски се спомнаваше за задържан българин с *шишиане*, обяснението му било, че купил оръжието за защита на стадото си от зверове” <<http://forum.boinaslava.net/showthread.php?12910>>.

„Останалата рая не е имала право да носи оръжие и ако някой обикновен жител на София примерно през 1750 г. си е наумил да се появи на чаршията с *ятаган*, най-вероятно са щели да му забучат *ятагана* в...” (там же).

„Мисля си, че финансовият фактор, поне до към 19 век е бил по-решаващ за това кой има *чифте* и кой не, отколкото разпоредбите на ’властта’” (там же).

Если лексема *ятаган* не нуждается в специальном объяснении, то две другие лексические единицы имеют значение соответственно: *шишиане* – старинное ружье, самопал (Чукалов 1960:1177); *чифте* – двухстволка, двухствольное ружье (Чукалов 1960:1166).

„...За целта са определени двама началници с 50 *бостанджии* (еничари от охраната на султана), които да ръководят акцията по залавянето и ликвидирането на хайдутите. В помощ на наказателните отряди са придадени два отряда *делии*

(особен род горска конница) и кавалерия (*гюню*) от свитата на великия везир...“ <<http://forum.boinaslava.net/showthread.php?t=4739>>. Интересно то, что в последнем примере имеются пояснения исторических военных терминов, данные самим автором сообщения: *бостанджи* – янычары из охраны султана; *делии* – особый род лесной конницы; *гюню* – кавалерия из свиты великого визира <<http://forum.boinaslava.net/showthread.php?t=4739>>.

Безусловно, такая специфическая сфера, как военная история, обладает рядом характерных особенностей и потому неудивительно, что язык пользователей «Всемирной паутины», интересующихся данной областью, имеет свои отличительные черты. Это относится к пользователям как российского, так и болгарского сектора Интернета. Между тем вряд ли можно говорить о существовании особого, достаточно хорошо развитого подязыка участников военно-исторических страниц, подобного компьютерному жаргону профессионалов в области информационных технологий, но, с другой стороны, наличие существенного пласта специфической лексики (военных терминов, жаргонизмов, историзмов) неоспоримо.

В статье удалось затронуть лишь часть пласта военной лексики и рассмотреть лишь некоторые ее особенности. Сопоставляя лексемы данного типа, можно выявить как сходства, объясняемые близостью языков, общностью тематики и влиянием русского языка на болгарский в рассматриваемой сфере (особенно сильным в период после освобождения от османского ига), так и различия. Обращает на себя внимание, например, несколько большее лексическое разнообразие русских текстов данной тематики, наличие некоторых специфических лексем в языке русских пользователей военно-исторических страниц Интернета и сравнительно большая разработанность этого сектора Рунета, что можно было бы объяснить исключительным синонимическим богатством русского языка (Гвоздев 1965), а также тем, что история России изобилует разного рода вооруженными конфликтами (от мировых войн до так называемых «локальных конфликтов»), восстаниями и вооруженными переворотами. Кроме того, А. И. Казанцев отмечает в качестве одной из национально-культурных особенностей россиян то, что «военная служба и военная символика традиционно очень значимы для России» (Казанцев 2008:62). Это подтверждается и наблюдениями над лексикой сайтов с военно-исторической тематикой.

ЛИТЕРАТУРА

Thurlow, C., Lengel, L. & Tomic, A. (2004), *Computer Mediated Communication: Social Interaction and the Internet* (Thousand Oaks, CA: Sage).

- Атабекова, А. А. (2002), «Лингвистический дизайн веб-страниц с социолингвистической точки зрения», in *Социальные варианты языка: Сб статей* (Нижний Новгород), 172–174.
- Бергельсон, М. Б. (2002), «Языковые аспекты виртуальной коммуникации (Языковое поведение в сети Интернет)», *Вестник МГУ*, сер. 19. *Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, 55–67.
- Галичкина, Е. Н. (2001), *Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) : Автореферат на соискание учен. степени канд. филол. наук.* (Волгоград).
- Гачев, Г. Д. (1998), *Национальные образы мира: Курс лекций* (М.: Издат. центр «Академия»).
- Гвоздев, А. Н. (1965), *Очерки по стилистике русского языка*, 3 изд. (Москва: Просвещение).
- Ермакова, О. И. (2001), «Особенности компьютерного жаргона как специфической подсистемы русского языка», in *Труды Международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям*, online <<http://www.dialog-21.ru/digest/archive/2001/?year=2001&vol=22724&id=6683>>.
- Казанцев, А. И. (2008), «Милитарная метафора в современном рекламном тексте», *Вестник Челябинского государственного университета* (Филология, искусствоведение, вып. 18), 3 (104), 58–63; online <<http://www.lib.csu.ru/vch/104/55.pdf>>.
- Карасик, В. И. (2002), *Языковой круг: личность, концепты, дискурс* (Волгоград: Перемена).
- Кондрашов, П. Е. (2004), *Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект*: Дисс. канд. ... филол. наук (Краснодар).
- Котова, О. Е. (2001), «Структура и семантика англоязычного компьютерного жаргона», *Научно-практическая телеконференция «Антропологический подход к исследованию социума: лингвистические, социолингвистические, культурологические аспекты»*, online <<http://www.isuct.ru/etc/antropos/section/3/kotova.htm>>
- Сикевич, З. В. (1996), *Национальное самосознание русских (Социологический очерк)* (М.: Механик).
- Трофимова, Г. Н. (2004), *Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты* (М.: Изд-во РУДН).
- Хейзинга, Й. (1997), *Ното Ludens: Статьи по истории культуры*, пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова (М.: Прогресс – Традиция).
- Чукалов, С. К. (1960), *Болгарско-русский словарь* (С.: «Наука и искусство»).
- Шемакин, Ю. И. (1992), *Начала компьютерной лингвистики* (М.: Издательство Моск. госуд. открытого ун-та АО «Росвузнаука»).

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Guns.ru, форум <<http://talks.guns.ru>>

Бойна слава, военноисторически форумы <<http://forum.boinaslava.net/showthread.php>>

Военно-исторический клуб РККА <<http://www.rkka.msk.ru/>>

Военно-исторический сайт <<http://fotoarmor.narod.ru/>>

Военно-исторический форум <<http://reenactor.ru/>>

Военный коллекционер <<http://www.militaria-centre.com/>>

Поле боя <<http://www.fieldofbattle.ru>>

Сайт «Para Bellum» <<http://vn-parabellum.com/fort/turret-pillboxes.html>>

Сайт российской военной техники Rusarmy.com, форум <<http://www.rusarmy.com/forum>>

СССР наша Родина <<http://savok.name/201-tanki.html>>

Форум военно-исторических реконструкторов <<http://livinghistory.ru/index.php?showtopic=14>>

Христина Дамянова
Шуменский университет им. еп. Константина Преславского
факультет гуманитарных наук
Шумен, Болгария

РОЛЬ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Сопоставления языков строятся на «терциум компарационис» в двуязычных и многоязычных исследованиях, на общем между языковыми явлениями (Легурска 2011:47–49). Эквивалентность языковых единиц, отношение функциональной равнозначности является принципом, на основе которого выявляется основа, эталон сопоставления на основе общих свойств сравниваемых языков. Язык-посредник отождествляется с эквивалентностью. Основой адекватного семантического описания языковых фактов и межъязыковых отношений в некоторых исследованиях является специальный семантический язык (Ю. Д. Апресян) или метаязык в качестве естественного языка.

Системы эквивалентных явлений, формальная корреспонденция и семантическая эквивалентность могут быть разной степени абстрактности в зависимости от различий между языками. «Терциум компарационис» ведет к процедуре исчисления возможных элементов сопоставления (Легурска 2011:53). Предлагается использовать как эталон сопоставления формально выраженные языковые категории, переводческую эквивалентность, прагматическую эквивалентность и другие когнитивные системы при сопоставлении отдельных языков. Объекты должны быть одного логического класса при общем признаке-сравнении.

Специфика сопоставительного языкознания определяется параметрами типа научных исследований. Некоторые авторы рассматривают его как самостоятельную научную дисциплину, другие считают сопоставительные исследования областью типологического языкознания или областью методики иноязычного обучения (Сятковский 1984:49). По мнению С. Сятковского (1984:53–59), сопоставительное языкознание должно считать своим предметом сравнительное исследование пар языков, типы межъязыковых отношений – тождества-соответствия, полные и частичные различия. Методология сопоставительных типологических исследований – от форм данной языковой системы и сопоставление с формами других языковых систем, анализ значений этих форм. По мнению В. Косеска-Тошевой (1999:34–42), необходим язык-посредник при условии описания от анализа плана содержания к формальному анализу рассматриваемых языков.

Расширенная модель контрастивного анализа включает сопоставление не только на системном, но и на речевом уровне (Данчев 1981:49), связь с проблемами

иноязычного обучения, речь в условиях учебных языковых контактов, моделирование процесса речи на иностранном языке. Устанавливаются схема и иерархия функциональных эквивалентов выбранной в родном языке единицы в случаях отсутствия или слабой представленности данной категории в одном из языков.

Полное сходство есть тогда, когда отношение между двумя планами совпадает в ономаσιологическом и семасиологическом направлениях, а языковые средства-соответствия в сопоставляемых языках для данного содержания принадлежат одному и тому же структурному типу (синтаксическому, лексическому, морфологическому, фонетико-фонологическому) (Петков 1984:35–44). В описаниях русского языка в целях преподавания инофонам М. В. Всеволодова (2009:77) указывает, что надо дать правила выбора грамматической единицы в конкретном дискурсе с учетом всех связей и условий дополнительной дистрибуции.

Функционально-семантическая категория (ФСК) в функциональной грамматике А.В. Бондарко как абстрактная содержательная категория языка, выражающаяся средствами явной и скрытой грамматики, может быть основой сопоставления различных языков (Шубина 2003), «терциум компарационис», эталоном сравнения. Она является многоплановой структурой с полевой организацией морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, контекстуальных языковых средств, объединенных инвариантным признаком, семантической функцией взаимодействующих компонентов (Бондарко 1984:55). Для нее характерна стратификация семантики, разграничение смысла и значения единиц, «соотнесение различных уровней и аспектов содержания, выражаемого языковыми средствами, в его отношении к содержанию мыслительному (смысловому)» (Бондарко 1998:51).

ФСК дает возможность представить все языковые средства выражения данного семантического смысла, установить лакуны и тождества в сопоставляемых языках, вариативные стилистические структуры, возможности синтаксической синонимии на уровне предложения, что открывает ей путь и в прикладной функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка. Основой семантических структур являются понятийные категории как неязыковые, универсальные ментальные сущности, приложимые ко всем языкам при двух подходах – семасиологическом (от формы к содержанию) и ономаσιологическом (от содержания к форме). Мыслительные категории относятся к сфере самых абстрактных философских понятий. Семантические категории не тождественны мыслительным, они толкуются на онтологическом признаке, выделяются на основе регулярной представленности в значениях единиц, связаны с определенной языковой формой, морфологическими категориями, синтаксическими конструкциями, комбинацией средств различных типов (Бондарко, А. В. et al. eds. 2001:7). Они базируются на содержательных инвариантах, концептах. По мнению М. В. Всеволодовой (2009:95), основа структурирования семантического уровня – это общезыковые

концепты (логические, понятийные категории) *бытийность, время, действие, состояние, отношения, характеристика*, которые являются категориями самого высокого ранга в смысловой организации языка.

Концептуальное содержание языковых единиц передается на разных языковых уровнях, самое существенное фиксируется в морфологии (Болдырев, Беседина 2007:3–10). Морфологическая репрезентация является категориальным способом структурирования концепта. Логические или понятийные категории, реализующиеся в каждом языке, М. В. Всеволодова (2009: 95) относит к категориям языка и именует категориями семантическими.

А. В. Бондарко (1967:18–31) считает целесообразным термин ФСК в случаях выражения языковой семантики языковыми средствами. Согласно его теории (Бондарко 1967:18–20), каждой ФСК присущи общие черты: общие инвариантные семантические функции, взаимодействие явлений парадигматики и синтагматики, наибольшая специализированность данного языкового средства для реализации определенной семантической функции в центре – меньшая специализированность в периферии, частичные переходы.

Грамматические и неграмматические разнородные средства взаимодействуют и объединяются в ФСК. Такая категория может рассматриваться и как функционально-семантическое поле (ФСП) взаимодействующих и пересекающихся микрополей (частных ФСК в пределах общей) (Бондарко 1972:20). В этой полевой структуре разграничивается конкретно-языковой и универсально-понятийный аспект, сочетание функционально-содержательных и формальных параметров, универсальных и идиоэтнических. М. В. Всеволодова (2009:77) разграничивает ФСП и ФСК. ФСП, по ее определению, национально детерминированная реализация семантических категорий, имеет свой центр, а в каждом ФСП есть несколько типов языковых средств, каждое из которых образует свою ФСК, любое ФСП по определению должно быть полицентричным. Пересечение ФСК с другими ФСП и ФСК происходит в ядерной части ФСК (Всеволодова 2009:78). В других исследованиях (Бондарко 1984:55) устанавливаются моноцентрические и полицентрические поля.

Термин *функционально-семантическая категория* (ФСК) подчеркивает семантико-категориальный аспект ФСП (Ярцева ed. 1990:566–567). ФСП базируется на определенной семантической категории, оно объединяет грамматические и строевые лексические единицы (*прилагательные, существительные, наречия*), комбинированные лексико-синтаксические средства. Критерием концептуализации ФСК, на основе которой структурируется ФСП, является присутствие семантического инварианта в дифференциальных семантических признаках компонентов семантических комплексов. Такая комплексная категория является иерархической структурой взаимодействующих и пересекающихся ФСК, микрополей (Бондарко 1967:18).

Во всех определениях ФСП указывается на тождество семантических функций взаимодействующих элементов разных лингвистических уровней, ср.: «группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» (Бондарко 2005:17); «континуальное сферическое образование с центром / ядром, где его характеристики представлены наиболее однозначно (морфологический доминант с формантами, маркирующими значения данной категории, и ослабевающие к периферии зоны приядерная, ближайшая периферия, отдаленная, более отдаленная и др.)» (Всеволодова 2009:78). Каждое поле включает систему типов, вариантов определенной семантической категории, соотношенной с разнообразными формальными средствами их выражения. Основу структурирования ФСП в конкретном языке составляют категориальные значения, реализующиеся в грамматических категориях и формах, в синтаксических конструкциях, лексико-грамматических разрядах.

Критериями ядерности в ФСП являются выражение семантических функций минимальными языковыми средствами, изосемия, соответствие между категориальным значением структурных компонентов и категориальным значением денотатов в реальной действительности (Сорокина 2003:99). Вариативность в периферии определяется модификацией морфологического статуса компонентов или синтаксической структуры модели.

Микрополя в ФСП составляют субкатегории ФСК, которые участвуют в оппозициях разных рангов. Выявляются эквиполентные и привативные оппозиции по степени маркированности признака, а по степени регулярности проявления – пропорциональные и изолированные (Всеволодова 2009:78). Пропорциональные оппозиции характеризуют грамматические категории, а изолированные – лексические.

На основе ФСК как основы сравнения в сопоставительных исследованиях можно объяснить аналитические тенденции континуальности, проникновения лексической семантики в грамматическую, вариативность грамматических и лексических значений, разные способы выражения категориальных значений, их передачи лексическими средствами и контекстом. Вариативность категориальных и некатегориальных средств наблюдается и при сопоставлении ФСК «пассив» в русском и болгарском языках. Эта категория структурируется разнородными структурами. Она представляет интерес и для скрытой грамматики, которая исследует традиционные грамматические значения в семантике лексических структур.

ФСК «пассив» в двух языках строится на грамматической категории морфологического пассива. Моноцентрический тип структуры ФСП представлен морфологическим ядром – пассивными причастными и возвратными формами, концентрирующими специализированные реализации семантической категории. Пассивность как исходно-объектная ориентация действия предиката связывается с семантическим объектом в позиции подлежащего, испытывающего внешнее со-

знательное или несознательное преобразующее воздействие (Бондарко 2005:22; Ван Валин, Фоли 1982:386), с устранением субъекта-агенса с центральной позиции первого ранга подлежащего в структуре предложения и занятием периферийного положения субъектного дополнения или другой синтаксической позиции. Основной синтактико-семантический признак пассивных конструкций – соответствие подлежащего или другого носителя предикативного признака семантическому объекту (Бондарко 1991:130). По определению В.С. Храковского (1991:157), единственное, необходимое и достаточное условие пассивности конструкций заключается в том, что партиципant с гиперролью субъекта не занимает позицию подлежащего. Согласно концепции залога и залоговости А.А. Холодовича и В.С. Храковского пассивной является каждая предикативная или атрибутивная конструкция, диатезная структура которой исключает соответствие подлежащего или главного члена определительного сочетания агенсу, производителю действия, субъекту на семантическом уровне (Леч 1991:181; Бондарко 1991:130; Givon 1995:244).

Разграничиваются конструкции пассивной предикации и пассивной перспективы в ФСП пассивности. Пассивная перспектива охватывает категориальные и некатегориальные средства, означающие, что любое лицо, предмет в контекстуальном центре предложения затрагивается внешним воздействием. Л. М. Медведева (1983:20) вслед за В. Матезиусом принимает несколько типов пассивной предикации: *собственно пассивный* (формы возвратного, причастного пассива), *номинативно-квалификативный* (*быть/ стать предметом критики*), *адвербиальный* (*быть под наблюдением /в ремонте*), *посессивный* (*получить награду, иметь связь/ продолжение с чем-л, принять поздравления*), *перцептивный* (*испытывать давление, пережить, вытерпеть обиды*).

Пассивная предикация, представленная пассивными формами глагола, является категориальным, формально маркированным способом выражения пассивного значения (Медведева 1983:23). Остальные типы для выражения категориального значения «пассив» (лексические, синтаксические, словообразовательные) Л. М. Медведева (1983:19) относит к некатегориальным, факультативным, лексическим средствам ФСК «пассив» при сохранении пропозитивного содержания высказывания. Категориальные и некатегориальные способы (*существительные, прилагательные, наречия с семой „пассив”*) представления грамматических значений относятся как эксплицитные и имплицитные. Некатегориальные средства являются приблизительными функциональными эквивалентами собственно пассивных (Леч 1991:183–185), ср. отглагольные прилагательные модально-пассивной семантики на -ем, -им, (*мыслимый, доказуемый*); предложно-падежные, фразеологические сочетания (*быть в почете, попасть на скамью подсудимых, попасть на замечание*), отглагольные прилагательные (*подцензурный* – контролируемый цензурой), отричастные прилагательные (*вареный, сушеный*); субстантивированные прилагатель-

ные (*любимый, обвиняемый*), отглагольные существительные (*воспитанник, приемши, баловень*); наречные конструкции (*как видно, как слышно, невыносимо скучный*) и др. Устанавливается семантическое родство категории пассива с отдельными разрядами производных словарных единиц. Существует ряд словообразовательных средств с выражаемым признаком пациентивных отношений (Габдуллин 2006:12).

На основе критерия пассивности А. А. Холодовича и В. С. Храковского, Р. Леч (1991:187) относит к некатегориальным конститuentам ФСК «пассив» в научном стиле русского языка устойчивые глагольно-именные структуры типа *находить применение, требовать уточнения, быть/ являться, становится предметом рассмотрения, поддаваться/ влиянию, допустить /допускать/ объяснение, интерпретацию, подлежать рассмотрению, защите, заслуживать внимания и др.* С. Габдуллин (2006:10) называет структуры типа *Книга находит признание лексическими аналитизмами*. Основное лексическое значение в них представлено отглагольными существительными, которые соотносятся семантически с полнозначным глаголом. Грамматическое отношение выражается десемантизированным в разной степени функциональным глаголом. По сравнению с собственно пассивными они характеризуются одним и тем же денотативным значением и различным сигнификативным, выражают немаркированную пассивность (Бондарко 1991:129–138). Актив трактуется как беспризнаковый член оппозиции *активность – пассивность*. Беспризнаковость активной конструкции предполагает выражение собственно активности и немаркированной пассивности, т.е. неграмматическими средствами передается семантика, близкая к значению пассивных конструкций (Бондарко 1991:134); Леч 1991:187).

На основании данного определения пассива можно привлечь к сопоставлению и другие конструкции, частотные в художественной литературе и в публицистических текстах: *подвергнуться анализу, пройти подготовку, нести наказание, поддаться уговорам/ на уговоры, подлежать вакцинации, пользоваться уважением, получить обвинение/ штраф, благословение, отведать/ отведывать кулаков чьих, получить огласку, получить пулю в лоб/ пожизненный срок, избежать/ избегать суда/ наказания, лишиться/ лишиться поддержки, терять /потерять признание, уважение и др.; ФЕ получить взбучку/ выволочку, головомоюку, получить по заслугам/ свое, получить/ получать раза, получить по шапке, получить сдачи, получить трепку и др.*

В болгарском языке существуют аналогичные по структуре и семантике сочетания: *получа/ получавам, обвинение/ глоба, имам благословията на няк, получавам компенсации/ доживотна присъда, получавам си заслуженото, намеря/ намирам утеха, приложение, преживея/ преживявам обиди, изтъряя/ търяя критика, отнеса/ отнасям наказание, ползвам протекция; понеса/ понасям санкции, приемам ударите на съдбата, получавам възнаграждение, губя/ изгубвам /доверие, уважението, избегна/ избягвам/ съд, наказание, лиша се/ лишавам се от подкрепа и др.*

Пассивная семантика раскрывается при помощи метода компонентного анализа, парадигматических и синтагматических связей, трансформаций, субституций, параллельного перевода: *Борис забелязваше с тревога множество признаци, че тия дружества се кредитираха тайно от немския папиросен концерн* (Д. Димов, Тютюн) – *Борис замечал множество признаков того, что эти общества втайне получают кредит от Германского папиросного концерна; ... где тот дождался допроса ...* (Л. Леонов, Вор) – ... *където онзи очаквал да бъде разпитан.*

В языках, в которых нет грамматического пассива (бирманский), используются аналогичные лексико-синтаксические способы выражения пассивного значения, ср. буквальные переводные фразы с бирманского на русский язык типа *обманывание претерпел, баловству не подвергается, испытывает угнетение и обманывание* (Омелянович 1979:145–157). Реализация ФСК «пассив» связывается с проблемой синонимии на уровне предложения, с синтаксическими трансформами грамматического пассива. Конструкции с лексической номинацией пассива являются субститутами ядерных грамматических пассивных форм с залоговой номинацией (Медведева 1983:32). Сопоставление данного конституента ФСК «пассив» в русском и болгарском языках выявляет аналогии и расхождения. Для близкородственных языков характерны отношения частичных различий. ФСК в качестве «терциум компарационис» служит способом объединения всех языковых средств с тождественной семантической функцией, эталоном сопоставления семантических комплексов в разных языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Givon, T. (1995), *Functionalism and grammar* (Amsterdam–Philadelphia: J. Benjamins).
- Болдырев, Н. Н., Беседина, Н. А. (2007), «Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке», *Известия РАН, СЛЯ*, 66 (1).
- Бондарко, А. В. (1967), «К проблеме функционально-семантических категорий. Глагольный вид и „аспектуальность“ в русском языке», *ВЯ*, 2.
- (1972), «К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка)», *ВЯ*, 3.
- (1984), *Функциональная грамматика* (Л.: Наука).
- (1991), «К определению понятия залоговость», in Бондарко, А. В. et al. (eds.), *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость* (СПб.: Наука).
- (1998), «О стратификации семантики», in Бондарко, А. В. (ed.), *Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона* (СПб.: Наука – С.-Петербург. изд. фирма).

- (2005), «Введение. Залог. Полевые структуры в системе функциональной грамматики», in Ахапкина, Я. Э. et al., *Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры* (СПб.: Наука).
- Бондарко, А. В. et al. (eds.) (2001), *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*, 2 изд. (М.: УРСС).
- Ван Валин, Р., Фоли, У. (1982), «Референциально-ролевая грамматика», in *Новое в зарубежной лингвистике*, 11 (М.: Прогресс).
- Всеволодова, М. В. (2009), «Поля, категории и концепты в грамматической системе языка», *ВЯ*, 3.
- Габдуллин, С. С. (2006), *Функционально-семантическое поле залоговости в немецком и русском языках*. Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. фил. наук (Уфа).
- Данчев, А. (1984), „За посоката на съпоставителния анализ”, *Съпоставително езиковедение*, 4.
- Косеска-Тошева, В. (1999), „Из проблематиката на съпоставителното езиковедение и типологията”, *Съпоставително езиковедение*, 2–3.
- Легурска, П. (2011), „Терциум компарационис”, *Съпоставително езиковедение*, 1.
- Леч, Р. (1991), «Неканонические средства выражения пассивности: глагольно-именные конструкции типа *находить / найти применение, быть, являться, становиться предметом рассмотрения*», in Бондарко, А. В. et al. (ed.), *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость* (СПб.: Наука).
- Медведева, Л. М. (1983), *Части речи и залог* (Киев: Вища школа).
- Омельянович, Н. В. (1979), «О пассиве в современном бирманском языке», in Солнцева, Н. В. (ed.), *Языки Юго-Восточной Азии. Вопросы морфологии, фонетики и фонологии* (М.: Наука).
- Петков, П. (1984), „За характера на сходствата и различията при съпоставителното описание на езиките с оглед на тяхната комуникативна функция”, *Съпоставително езиковедение*, 6.
- Сорокина, Т. С. (2003), «Функциональные основы теории грамматической синонимии», *ВЯ*, 3.
- Сятковски, С. (1984), „За същността на съпоставителното езиковедение”, *Съпоставително езиковедение*, 5.
- Храковский, В. С. (1991), «Пассивные конструкции», in Бондарко, А. В. et al. (eds.), *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость* (СПб.: Наука).
- Шубина, О. Ю. (2003), «Семантические и понятийные категории как основа сопоставления различных языков», *Вестник КРСУ*, 1; online <<http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2003/v1/a11.html>>.
- Ярцева, В. Н. (ed.) (1990), *Лингвистический энциклопедический словарь* М.: Советская энциклопедия).

Тања Гаев
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
Београд, Србија

ЛЕКСИЧКО-СЕМАНТИЧКИ ПОТЕНЦИЈАЛ НАЗИВА ЗА БРОЈ ТРИ У РУСКОМ И СРПСКОМ ЈЕЗИКУ

С етимолошког и поредбеног аспекта бројеви остају најмање проучавана врста речи у историјској русистици и србистици. У историјској славистици настало је уверење да су бројеви као самостална врста речи у словенским језицима плод касног развоја и до XVII века о тој врсти речи може се говорити само условно. У прасловенском језику бројеви нису образовали јединствени систем, одликујући се морфолошком неистородношћу и шаренилом синтаксичких веза. Вероватно је то подстакла претходна научна традиција, у којој се издвајање бројева, према суштини, темељило на генетској типологији и поредило са граматичким поистовећивањем бројева са придевима и именицама. Илузија о неразвијености бројева као врсте речи код Словена своје коренове вуче от тога што нису биле разјашњене њихова функционално-семантичка усмереност и морфосинтаксичка природа које су одређивале све њихове следеће граматичке трансформације. У складу са новим теоретским представама, самосталност бројева као врсте речи приписује се њиховим парадигматским и синтагматским својствима, међу којима је најизраженија особина строга регулативност и хијерархија семантичке организације. Тако велико достигнуће човечанства, као што је разумевање бројева и бројчаних веза одражава се у језику сасвим својеврсно и индиректно преноси постигнуто мишљењем. За сваки језик то је непоновљиво на свој начин. Као и свуда и свугде, у језицима то идиоматски и зависи од општег карактера граматичког устројства језика.

Првим бројем у читавом низу традиција, укључујући и старокинеску, сматра се број *три*. Он отвара бројчани низ и квалификује се као савршени број. Три није само представа апсолутног савршенства, надмоћи (на пример: улога броја три као суперлатива: тресвети, треклети, итд.), већ и основна константа митско-поетског макрокосмоса и социјалне организације, укључујући и норме стандардног причања. На пример: три сфере васељене, три највише вредности, божанска тројица, или троипостас, три јунака бајке, три члана социјалне структуре и три социјалне функције, тројни принцип композиције и уметничких дела. На пример: облик трилогије, триптиха или терцина (Топоров 1982:630).

Број *три* се такође пореди с идејом времена. Број три је у космогонији повезан са трочланом поделом света. Том броју одговара идеја три света и три стихије, као и вертикална оса времена, где се просторни оријентир изједначавају са временским.

Пошто број три представља идеални модел сваког процеса који претпоставља три етапе: стварање – развитак – нестајање (почетак – средина – крај), он је постао синоним сваке жељене промене. Осим времена, број три обележава и простор – архаична представа васељене исказана је у тростепеној подели (ваздух – земља – подземни свет), што у различитим видовима сликовно исказује дрво света (Топоров 1981:79).

Модел личних заменица: ја – ти – он, може бити изражен и првим трима основним бројевима. На тај начин броју три би одговарала заменица он, односно оно о чему се говори а није присутно. То је била погодна основа да се тим бројем исказује табу, који је спречавао ступање у директан однос човека са боговима или демонима. Такав облик забране види се у замени имена демона или бога бројем три (Раденковић 1996:335).

Појам броја као апстракције настајао је веома полако. Он је од јединице прешао на два, а од два на три. На овом степену људско мишљење се задржало веома кратко. Многи језици првобитних народа не знају за бројеве веће од три. Три је означавало „*много*“, толико, колико се може избројати. Три је постао свети број, он игра посебну улогу у религијама читавог света, самим тим и у хришћанској, где не постоји један бог, већ постоји троједино божанство, тројица, која се састоји од оца, сина и светог духа. И не само на примеру светог тројства, већ и на свему што је немогуће поделити и што без сва три дела не може да постоји, не би било потпуно. Периоду рачунања по десетицама претходио је веома дуг период рачунања до три. Сижеи бајки настајали су управо у овом периоду. Све то донекле објашњава постојање сталних утројавања у бајци. Све радње у древном фолклору представљене су као веома интензивне, као оне које не обавља обичан човек. Али нема средства да се исказе та интензивност. Једино средство је да се радња понови неколико пута. Понављање исказује интензивност радње, као и снагу емоционалне напетости говорника. Понављање радњи у фолклору има исто значење као и хиперболизам.

Проп примећује да је рачунање у фолклору исто тако условно, као што су условни простор и време (Проп 1976:96). Са концепцијом простора и времена у фолклору је уско повезано рачунање. Тројност у индоевропском фолклору представља проблем. Њено решење своди се на то да је број три некада био граница изван које рачун дуго времена није излазио. Рачунање по пет и по десет (на прсти-ма руку) већ је далека тековина. «*Три*» је некада означавало «*много*», а «*много*» је означавало исто што и «*јак*», «*веома*», то јест, путем мноштва је означаван интензитет. Зато се тешкоћа подухвата и победе, повећано интересовање за приповедање, узбуђење, које оно изазива, изражавају понављањима, ограничено због наведених разлога путем броја три. У фолклору неких других народа ту исту улогу, коју у руском језику игра утројавање, игра рачунање по четири и пет. За бајку, као најстарији од свих жанрова карактеристично је утројавање. Родитељи имају три сина,

цар три ћерке, принцеза поставља три задатка, трипут се одиграва борба са змајем, три змаја имају по 3, 6, 12 глава, итд. Само утројавање је обележје далеке прошлости. Његово објашњење треба тражити у историји бројчаног система, бројања и рачуна.

Ако се удубимо у утројавања у бајкама, донекле можемо да приметимо противречност. Савремено мишљење не захтева трократно понављање. Зато у бајкама од три величине по схеми 2+1, три етапе утројавања нису равноправне. Пресудно је једно – последње. Од тројице браће само је један јунак приповедања. Двојица друге браће су ту како би били контраст за њега. Од три задатка принцезе, трећи је најтежи, од три борбе са змајем најтежа и пресудна је трећа. У свим овим случајевима постоји схема 2+1 (главе змаја – 3, 6, 9 = 3x1, 3x2, 3x3 или – 3, 6, 12 = 3x1, 3x2, 3x2x2), понекад се среће схема 3+1. Не постоји схема 1+1+1. Другим речима понављање има карактер појачавања. То појачавање је каснији додатак, када тројица прерастају у јединство. Према суштини, главну улогу има само једна етапа, а то је последња. Утројавање је једно од питања стила бајке (Пропп 1984: 199-200).

Посебно нам се интересантно представља улога најмлађег од тројице браће, који учествује у бајци. Велики део народних бајки, пратећи обичан епски пријем, почиње тако да је отац имао три сина: два паметна, а трећег глупака. Три брата понекад расправљају о праву првог, испробавају своју снагу. Право првог увек добија најмлађи брат (Пропп 1984:177–178).

У бајци се срећу три различите врсте вештица. То су: вештица-дародавка код које долази јунак. Она га испитује, од ње он (или јунакиња) добија коња, вредне поклоне, итд. Следећи тип је вештица-крадљивица. Она краде децу и покушава да их испече, после чега следи бекство и спас. И, још се у бајци спомиње вештица-свађалица. Она долеће код јунака у колибу и узима од њих каиш, итд. (Пропп 2002:36)

Постоје три добра савета. Несрећни се жени паметном девојком. Она везе три скупа тепиха. Јунак продаје те тепихе за три савета: *прежде смерти ничего не бойся, при радости не радуйся, замахнись да не ударь и др.* Следећи те савете, јунак иза мора стиче огромно богатство. Вративши се кући, види да жена има дете. Сетивши се последњег савета, он не жури да казни жену и сазнаје да је дете његов син, који се родио у његовом отсуству.

Код Афанасјева срећемо: *«Раз спросил – бояре молчат, а другой – не отзываются, в третий – никто ни полслова».* Овде је обичан тренутак обраћања настрадалог са молбом за помоћ, при чему се она обично исказује трипут. Најпре је молба упућена слугама, затим бојарима, а трећи пут јунаку бајке. Сваки члан тријаде са своје стране такође може још да се утројава. На тај начин, пред нама се не налази свакодневни живот, већ амплификација и спецификација фолклорног елемента (Пропп 1976:160).

Осим у бајкама, број три, који симболизује завршеност и потпуност неког редоследа, које има почетак, средину, и крај, најчешће фигурира у упутству да се трипут обави нека магијска радња (обилажење, крштење, кађење, изговарање бајалице и др.). Трећи члан неког низа често се тумачи као највиши, савршени, а први и други у том низу као редоследно приближавање правом, главном: *первая радость – зеленое платье, вторая радость – дорогой кубок, третья радость – золотой перстень* (Толстая 2002).

Понављање броја три среће се и у руским свадбеним обредима. Трочланост је типична црта источнословенског митолошког система која је широко представљена у песмама младенаца руског становништва Средњег Поволжја. Марамница којом треба да се обрише младожења (у постсвадбеном обреду) везана је *три шелкам браныем / три шелкам разным*. Младожења има три сестре, три лепе девојке – *три красны девицы*. На кући младожење су три прозора са капцима и сви су решетки – *три окошечка, / да три косячатые, / да все решетчатые*. Избор обредне хране и пића у младеначким песмама у различитим местима је традиционалан и такође трочлан (Толстая 2002).

Број три је био, и често остаје и до данас важна компонента не само свадбених обреда. Он се такође среће, мада знатно ређе, у обичајима и обредима, повезаним са рођењем детета и сахрањивањем. Тако, код Руса у просторије у којима се обављао порођај није било дозвољено да се улази три дана. У Псковској губернији бабица и породила доносиле су из купатила три камена и стављале су их на шпорет. Требало је да породила трипут обиђе око стола.

Када би човек умро, блиски рођаци, опраштајући се од њега, тражили су опроштај, понављајући формулу трипут. Исто тако човек на умору трипут моли да му опросте и одговор се такође понавља трипут. Сахрана се по обичају обављала три дана после смрти. Приликом изношења сандука њиме су трипут ударили о праг, у другим рејонима, напротив, трудили су се да не додирну праг.

Број три често фигурира у различитим начинима лечења, које препоручује народна медицина. Тако су болесника од туберкулозе купали у води са три бунара, где су бацали смеће са три места, препечену глину из три пећи и маховину са три крова. Код жутице је било потребно сваког јутра током три дана пити кокошије жуманце. Против урока се препоручивало да се трипут прекорачи преко детета које се налазило на прагу. Преко три прага би прелазили, како би олакшали болове приликом порођаја. У Тулској губернији децу оболелу од туберкулозе купали су у води са три бунара, у коју би још сипали три прегршта земље, а у Рјазанској губернији давали су да пију воду, у коју би пре тога накапали три капљице воска са три свеће. На Северу Русије код упале уха сматрали су да су ефикасна бајања: требало је да се трипут понове речи бајања, а затим да се трипут изговоре речи које терају болест, понекад је такође требало трипут дунути у болесно ухо. У неким местима у циљу излечења деци су давали по три пупољка врбе, освештане на Врбицу (Толстая 2002).

Обавезно постоје три добре ствари. Трипут куцнувши у дрво, рачунамо на успех у неком послу, сматрамо, да то треба да донесе срећу. Три је број среће и успеха.

У случају двоумљења којим путем треба кренути, или у ком се смеру окренути, обичај је био да се човек трипут окрене око себе и да након трећег окрета одабере смер у коме је окренуто лице. Та три окрета симболишу не само потпуну довршеност која је повезана с бројем три психомагијска поступка, већ и учешће у невидљивом свету надсвесног, који одлучује о неком догађају на начин сасвим стран чисто људској логици.

Обожавајући предмете и појаве средине која га окружује, првобитни човек је приписао и броју три, његовом количинском атрибуту магичну снагу. О овоме говоре бројни језички обрти са бројем три, који показује хиперболизовани, интензивни израз неког обележја: *подчиниться три раза* – приморати некога да буде покоран, обуздати строгим притисцима; суровост, веома унаказити; *гнать, выгнать (прогнать) в три шеи* – истеривати однекуд; *драть (рвать, сорвать, роздирать, снимать), сдрать (снять) (по) три шкуры* – веома бирати, притискати; *под три черта (ветра)* – прогањати некога или изражавати осећање великог незадовољства; *работать (делать) в три пота* – веома тешко, исцрпљујуће, не дижући главу; *в три ряда купаться (лечь, струиться) пот* – о прекомерном знојењу од врућине или тешког рада; *наговорить, наболтать, намолоть три мешка гречишной шерсти* – испричати много глупости, будалаштина; *за тремя замками* – о нечему што је веома добро сакривено, недоступно, итд.

Посебан тип фразеолошки условљених значења броја *три* чине читаве номинације постојаних група речи – сложених термина. Променљива особина природе терминолошког значења лежи у томе, што је оно само одраз одговарајуће појаве реалне стварности у том облику, у коме ова стварност постоји у одређеном систему знања (Арполенко et al. 1980:64).

У језику руских народних бајки и билина назив за број *три* спаја се с именицама, које могу бити класификоване према њиховој корелацији с екстралингвистичким реалијама на следећих 10 група: одређен временски период, бића, квантитативна јединица, елементи фауне, елементи флоре, делови тела, разно: апстрактна и предметна сфера, производи човекове делатности, елементи топоса, хронотоп. Наводимо преглед свих лексема из лексичко-семантичких поља са којима се спаја број *три* у руским народним бајкама и билинама.

1. Одређен временски период:

– год, день, сутки, месяц, час, ночь, неделя, минута, лето, зима

2. Бића:

– сын, дочь, брат, богатырь, мама, баба, сестра, человек, девица, молодец, щенок, царевич, мужик, царевна, черт, змей, детенок, девушка, снаха, старец,

красавица, купец-хозяин, богатейший купец, зять, мальчик, ребята, боец, поученец, товарищ, отрок, трехлетний младенец

3. *Квантитативна јединица:*

– раз, верста, сажень, шаг, бутылка вина, пудик, аршин, бутылка спирта горячего, фунт орехов, фунт свинцовых пуль, пучок свеч, сороковка говядины, банка молока, баночка золота, фунт хлеба, котел пива, ведро вина, коврига хлеба, стог сена, короб блинов, костра пирогов, колода карт

4. *Елементи фауне:*

– корова, жеребец, яичко, сокол, голубица, табун, кобыла, утица, медведь, конь, петух, перо, ворон, конь трехлеточек

5. *Елементи флоре:*

– зерно, яблочко, дуб, куст, поддубовик

6. *Делови тела:*

– голова, волосок, нога, пара рук, брюхо, сердце, глаз, кожа, ступня

7. *Производи човекове делатности:*

– корабль, ремень, просвира железная, плетка трехрядная, трехвосткая; копеечка, невод, колпак железный, цепь, кольцо, двери, сани, щелчик, платье, черная печать, деньги, сухарь, винт, бревно, грядка, этаж, чудный ковер, монетка, закром, труба, лепешка, пара башмаков железных, посох чугунный, каменный просвир, тарелочка, железный обруч, куля, лыжи, топор, жердина, кол, хворостина, денежка, ковш, петля, чарочка, застава великая, погреб, пуговка, угол

8. *Елементи топоуса:*

– дорога, терем, местечко, дорога, река, поприще

9. *Хронотоп:*

– царство, встреча, сторона

10. *Разно: апстрактна и предметна сфера:*

– прут, слово, сорт, диковинка, заря утренняя, волшебная вещь, утеха, рана, заря вечерняя, худо, бриллиантовый камыш, высота до трех сажень, земной поклон, свадьба, речь, перевоз, голос, задача, золотое блюдо, война, смерть, рогожа дырявая, снопуха, полено, полк, дружина, быстра струя, столбик дубовый, росстань

На основу истраживања спојивости броја *три* с именицама према корелацији с екстралингвистичким реалијама дошли смо до закључка да све лексичко-семантичке варијанте значења за број три можемо условно разврстати на следеће групе: примарно номинативно значење; номинативно значење; пренесено значење и симболичко значење.

Значења броја три:

1. Примарно номинативно значење – 'број три, према староруском *трие*; старословенско *трие*; (*τρεῖς*); прасловенски **trъje*, према староиндијском *trayas*, авеста *vrāyō*, литвански *trys*, летонски *trīs*, грчки *τρεῖς* (**treyes*)' (Фасмер 1964:101–102)

2. Номинативно значење – 'непаран, 2+1': ...у *царя* было три сына; ...снял у змея три головы и погнал стадо домой; У него было три прута: один железный, другой свинцовый, а третий чугунный...

3. Пренесено значење – 'целовит, који чини јединство': У старика со старухою было три дочери; В одной семье было три брата; Пришли три черта и хвастаются

4. Пренесено значење – 'количински исцрпан, интензиван': прикажите мне дать три колоды карт, три бутылки вина сладкого да три бутылки спирту горячего, три фунта орехов, три фунта свинцовых пуль да три пучка свеч воску ярого.

4а Пренесено значење – 'временски исцрпан, дуг период': а я в то время три дня ничего не ела; Дня через три сидит да ест себе кишочки; дождитесь меня ровно три месяца, а не буду через три месяца – и ждать нечего!; А царская погоня плавала три дня, три ночи; оставайся-ка у меня в гостях дня на три; сотворили трехдневный пир

4б Пренесено значење – 'квантитативно исцрпан; вредан (само у саставу сложеница) / јефтин (посебно уз новчану јединицу *копейка* – пара)' – Я не пью простого вина, подайте мне трехгодовалого; трехкопеечный калачик

5. Пренесено значење – 'вишекратан' – три раза пропела, а петух все молчал; Только три раза по росе покатаются; Три раза медведь догонял, три раза бычок залеплял ему глаза.

6. Пренесено значење – 'троједини' – И стало их трое; Вот однажды все они трое пошли в лес;

7. Симболичко значење – 'свет, свечан, свето Тројство у хришћанству – изведеница' – она заболела в самый троицын день; святая троица

8. Симболичко значење – 'несвакидашњи, редак, непотпун (само у саставу сложеница)' – трехногая кобыла; трехстенная крепость; трехэтажный дом; а тут и пишет к нему трехглавый змей; Триглазка матери рассказала...

Број три се врло често јавља код Срба: веровање да три суђенице одређују судбину детета после његовог рођења; три обредна купања у људском животу – кад се роди, пред венчање и кад умре; са три зовине или дренове гранчице шара се чесница; о слави се палила трокрака свећа; веровало се ако у кући умре у току године двоје, те године ће умрети и трећи, итд. (Кулишић et al. 1970:457).

Симболика броја три дошла је до изражаја у народним бајањима, бајкама и епским песмама. По правилу, бајања се сваки пут изводе најмање по три пута, што је чак ушло као саставни део једне басме, где се каже „*Ја трипут рекох, тебе од-макох, / ја опет дођох, тебе не нађох*“.

У Војводини се бајало крај бунара са три струка траве, три пута у недељи, и свако се бајање понављало три пута (Туцаков 1960:84). У Левчу, да не би „ноћнице“ нашкодиле детету стуцали би на преврнутој треножној столици три чешња белог лука, живи угљен и маст и тиме га мазали по одређеним местима.

Често главни јунак доживи три авантуре или реши три тешка задатка пре него што постигне циљ. Утростручавање је и иначе омиљени поступак у композицији бајке. У смишљено компонованој бајци „Чардак ни на небу ни на земљи“ главна лица су три брата – од којих је најмлађи, као и иначе у бајкама и сродним умотворинама, у свему најбољи, затим њихов отац, њихова сестра и змај (чобанче је епизодична личост), дакле опет троје. Најмлађи брат доживљава три авантуре: пењање на „чардак“, убијање змаја и кажњавање браће. Змај је убијен тек трећим ударцем. Свог најмлађег брата, пошто је убио змаја, сестра у два маха уводи у по три собе, у прве три – била су три добра коња, у друге три – три лепе девојке. Да би казнио браћу и чобанче, најмлађи брат три пута силази са „чардака“ на земљу. Интересантна је и сама улога чардака. Њега можемо упоредити са дрветом света и тростепеном поделом васељене (ваздух – земља – подземни свет). Чардак овде има функцију подземног света, али он левитира и смештен је горе, изнад, а не испод земље. Тројство је, дакле, доследно спроведено.

У бајци „Златоруни ован“ главни јунак мора да изврши три задатка: да засади виноград који ће узрети за седам дана, да сазида двор од слонове кости и да из неког далеког царства доведе цареву кћер. Да би извршио трећи задатак мора претходно да купи три чудотворне животиње: орлушину, рибу златне крљушти и голуба: царева кћи трипут покушава да се спасе. И Змија младожења у истоименој бајци мора да изврши три задатка, па тек онда да добије цареву кћер за жену.

У бајци „Права се мука не да сакрити“ у поток бацани новчић који слуга добија за награду два пута тоне и тек трећи пут заплива поврх воде.

„Девојка бржа од коња“ три пута измиче цареву сину и осталим такмичарима који је јуре на коњу (пушта мала крила, баца длаку из главе из које „израсте страшна гора“ и пушта сузу од које „букнуше страшне ријеке“), и измакла би да је царев син не закле *три пута именов божјим да стане*.

У овом погледу изузетно је занимљива врло сложена композиција бајке „Баш челик“. Од тренутка када три царева сина пођу да траже три своје сестре, бајка би се могла поделити на три дела: убијање аждаје на путу, подвиг најмлађег брата и његов живот на царском двору и тражење Баш-челика. У оквиру ова три дела епизоде су опет засноване на тројству: три су аждаје убијене; живот најмлађег брата у царском двору дели се на троје: убијање девет (три пута по три) дивова, налажење

њихова победника и женидба царевом кћери. У борби са Баш-челиком најмлађи царевих је три пута губио живот.

У добро испрличаним бајкама трочлани низови дати су у градацији. Скоро у свим наведеним примерима градација је одржана. У првој од три собе са коњима у бајци „Чардак ни на небу ни на земљи“ коњ има сребрну опрему, у другој златну, у трећој од драгог камења. У првој соби девојачкој „*дјевојка је сједила за златнијем ћерћефом и златном жицом везла*“, у другој је „*дјевојка златне жице испредала*“, у трећој „*бисер низала, и пред њом на златној тепсији од злата квочка с пилићима бисер кљуцала*“. На градацију се нарочито пази при излагању задатака које главни јунак треба да изврши или препреке које треба да савлада да би постигао циљ („Златоруни ован“, „Змија младожења“, „Дјевојка бржа од коња“).

Наводимо преглед свих лексема са којима се спаја број *три* у српским народним приповеткама и епским песмама.

1. Одређен временски период:

– година, дан, ноћ, мјесец дана, јутро, недеља

2. Бића:

– српски војвода, брат рођени, син, дјевојка, тројица, шићарџија, кћер, сестра, змај, побратим, мачад, ћеца, жена, Мрљавчевић, друг, снаја, јунак, младожења, бербер млади, вјерни слуга, другарица, цар, чељад, човјек

3. Квантитативна јединица:

– пут, половина, мах

4. Јединица мере:

– товар блага, ћемер блага, чизма дуката, балчак златни, аршин платна, купа дуката, ока вина, хат хаљина, шатор платна, комат дара, аков вина, пећка хлеба

5. Елементи фауне:

– коњ, витез, прасе

6. Елементи флоре:

– лоза, ружа

7. Делови тела:

– глава, зуб, лакат, прст, срце јуначко, ребро, длака

8. Производи човекове делатности:

– копље, златан прстен, ствар, књига, лист артије, дукат жут, пламени мач, трострука канџија, трегодишње вино, чаша златна, совра, манастир, мек душек, танка ћечерма, низ дуката, дробни ћердан, марама, во печен, сирац

9. Елементи топоса:

– шибљика, царев град

10. Разно: апстрактна и предметна сфера:

– златна јабука, камен драги, сахат, оченаш, Тројица, слово хришћанско, трпеза, живот, вијек, венац бисерни, обиљеже, реч, нечовештво, страна, добро, ред, киша, шарапод, белега, трољетна грозница.

Значења броја три:

1. Примарно номинативно значење – 'балтословенски, свесловенски и прасловенски главни број. Одговара: ведски *tri*, тохарски *trī*, латински *tri* (*ginta*), ирски *tri*, албански *tre*, староцрквенословенски *trije* – **treies*, санскрт *trayas*, латински *tres*, литвански *trīs*, лотишки *trīs*' (Skok 1973:500).

2. Номинативно значење – 'количински исцрпан, интензиван': *...кад тамо, а то три вола печена, три пећке хлеба и три акова вина.; ...и од свакога узми по три длаке репне...; Ништа не манка оће до само три ствари: тица што збори, дрво што пјева и вода зелена.; ...да нађеш у твоме царству три човјека: једнога сиромаша, који ништа на свијету нема; једнога слијена, који ништа не види и једнога богаља, који нема ниједне ноге, него само труп...*

2а Пренесено значење – 'временски исцрпан, кратко, непотпун, несавршен; дуго, целовит, савршен': *Али ко хоће да добије од бабе коња, ваља да служи у ње три дана.; ...на ту кобилу и ждребе ваља чувати три ноћи, ко за три ноћи сачува кобилу и ждребе...; И тако прођу три године дана...*

2б Пренесено значење – 'квантитативно исцрпан, вредан' – *...износићу трегодишње вино...*

3. Пренесено значење – 'непаран, 2+1': *...на онда све три ђевојке сваку с њезинијем радом, једну за другом...; Био један цар па имао три сина; ...и у оној рекавици имају три шибљике...*

4. Пренесено значење – 'целовит, који чини јединство': *Био један цар, па имао три сина и једну кћер...; ...али му не смедне казати да је имала три кћери па да их је нестало...; Има њих три брата змаја...; Бијаше један цар, и имађаше три сина и три ћерке.*

5. Пренесено значење – 'несвакидашњи, редак, непотпун' – *... и под бором тророги кам..., ...и кад дођеш на једну тророгу главицу..., ...ал' ето се помоли аж-даха са три главе, па на браћу јуриши, да их сва три прождере; ...већ ме бију тро-струком канцијом,/ нагоне ме да им лице љубим...*

За руски и српски језик посебно је интересантна улога назива за број *три*, његових деривата и сложених бројева који увек прати закономерност догађаја, понављања радње, број задатака и јунака на путу ка остварењу веома захтевног циља, углавном на веома удаљеном месту, (у руском језику) на самом крају света који је тридесето царство, држава, земља. Он има функцију заштите и правилност употребе у фабули бајке, редоследу понављања поступака, градацији тежине пре-прека које јунак савлађује до остварења свог коначног циља. Он је добар, срећан, савршен, завршен, јединствен, у себи садржи збир бројева *један* и *два*. У руском фолклору *три* представља збир бројева *два* и *один* који су несавршени, незавршени, и увек се комбинују да би се постигло савршенство и склад који у себи садржи

број *три*. Лексичко-семантички потенцијал овог броја чине лексичко-семантичке варијанте: 'добар, успешан'; 'срећан, позитиван'; 'градиција: најлепши, најбољи, најстарији, најмлађи, последњи, крајњи'; 'оноземалски'; 'чудесан фантастичан'; 'скуп, изузетно вредан, редак'. У српском језику најчешћи лексичко-семантички потенцијал назива за број *три* чине лексичко-семантичке варијанте: 'добар, успешан'; 'срећан, позитиван'; 'најмлађи, последњи, крајњи'; 'редак, несвакидашњи'; 'скуп, изузетно вредан'. У оба језика *три* управо има функцију заштите, па самим тим и добру, позитивну конотацију, магијски значај и симболичку употребу.

ЛИТЕРАТУРА

- Skok, P. (1973), *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili sprkoga jezika*, 3 (Zagreb: JAZU).
- Арполенко, Г. П., Городенська, К. Г., Щербатюк, Т. Х. (1980), *Числівник української мови* (Київ: Наукова думка).
- Кулишић, Ш., Пантелић, Н., Петровић, П. Ж. (1970), *Српски митолошки речник* (Београд: Нолит).
- Латковић, Видо (1991), *Народна књижевност*, V изд. (Београд: Научна књига – Требник).
- Пропп, В. Я. (1976), *Фольклор и действительность: Избранные статьи* (Москва: Наука).
- (1984), *Русская сказка* (Ленинград: Изд-во ЛГУ).
- (2002), *Исторические корни волшебной сказки* (Москва: Лабиринт).
- Раденковић, Љ. (1996), *Симболика света у народној магији Јужних Словена* (Ниш: Просвета – Балканолошки институт САНУ).
- Толстая, С. М. (2002), «Счет и число в народной традиции: семантика, оценка, магия», *Семиотика и информатика*, 37, 43–58.
- Топоров, В. Н. (1981), «Число и текст», in Иванов, В. В., Судник, Т. М., Цивьян, Т. В. (eds.), *Структура текста-81: Тезисы симпозиума* (Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР), 76–88.
- (1982), «Числа», in Токарев, С. А. (ed.), *Мифы народов мира: Энциклопедия*, 2 (Москва: Советская энциклопедия), 629–631.
- Туцаков, Јован, Кнежевић, Сребрица (1960), „Жене народни лекари и апотекари у Војводини“, *Зборник Матице српске за друштвене науке*, 27, 77–91.
- Фасмер, М. (1964), *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–4 (М.: Прогресс).

Анжела Прохорова
Универзитет у Новом Саду
Филозофски факултет
Нови Сад, Србија

ПРАВДИВОСТЬ И ПРАВДА У РУСКОМ ЈЕЗИКУ (КОНЦЕПТУАЛНА АНАЛИЗА)

Правдивост и *правда* су етички концепти који представљају константе у једној култури. Ове константе настале су у дубокој прошлости нација и одражавају поглед на свет језичке личности (Степанов 1997).

У раду који следи поставили смо за циљ одређивање структуре и садржаја концепата *правдивост* и *правда* у руском језику, као и утврђивање сличности и разлика међу датим концептима. Основни циљ нам је био да утврдимо да ли је *правдивост* одвојени концепт или припада концептуалном пољу *правда*.

При одређивању структуре концепата кренули смо од претпоставке да се сваки концепт састоји од језгра и периферије. Језгро концепта чини значење лексеме дато у речницима, етимологија и значења која формира унутрашња форма лексеме (метафоричка слика). Периферију концепта чине различите конотације, асоцијације, оцене и слично (Маслова 2008:42). Ми смо све елементе који чине периферују концепта посматрали, с једне стране, кроз зоне реализације концепта које су предложили И.А. Стернин и З.Д. Попова, а са друге стране, анализирали смо и специфичне конструкције кроз које се дати концепти реализују. Ове конструкције поделили смо у три типа: именичке, придевске и глаголске. Поред тога, истраживали смо контекстуалне антониме и синониме кроз речи које се појављују у истом контексту са речима *правдивост*, *правдивый*, *правдиво*, *правда*.

Што се тиче зона реализације, укупно има шест оваквих зона: зона оцене (укључује когнитивне особине које исказују оцену предмета или појаве); енциклопедијска зона (укључује особине концепта које захтевају одређено знање, искуство, обуку и сл.), утилитарна зона (знања о концепту која омогућавају одређену практичну примену); регулативна зона (особине које регулишу човеково понашање везано за одређени концепт); социјално-културна зона (упућује на везу концепта са свакодневним животом и културом народа); паремиолошка зона (одраз концепта у пословицама, изрекама и афоризмима). Ово је посебна зона у структури концепта, јер одражава историјске представе једног народа о датом концепту (Стернин, Попова 2007:111–113).

Језгро концепта *правдивост*. Значење именице *правдивост* је изведено од значења придева *правдивый*. Најопширнију и, са наше тачке гледишта, најкомплекснију дефиницију значења проналазимо у речнику Т.Ф. Јефремове. Она је следећа:

правдивый – 1.а) онај који тежи истини (*правди* у руском значењу); б) онај који реалистично приказује животне појаве (о писцу, уметнику); 2. онај који у себи садржи истину и који одговара стварности.

Етимолошки гледано, значење речи *правдивость* уско је повезано са значењем речи *правда*. У основи је исти корен *прав-* који је општесловенског порекла и има два значења: 1. Прав, гладак, раван (о површини) и 2. Прав, без неравнина, без отклона улево или удесно. Последње значење је временом стекло и метафоричка значења која су утицала на формирање посебне семантичке подгрупе са семантичком основом коју срећемо у речи *правда* (оно што је правилно, праведно). Ова основа је актуелна и у речи *правдивость* (Цейтлин 1973:145–146).

Периферија концепта *правдивость*. Истраживање различитих зона реализације концепта *правдивость* дало нам је податке о периферији концепта. Укупно је анализирано 453 примера са облицима *правдивый*, *правдивость* и *правдиво*. Број анализираних примера за сва три облика, бираних по принципу случајности, приближно је исти, и ову разлику нисмо разматрали као релевантну за наше истраживање.

Највећи број примера, укупно 257, пронашли смо у зони оцене. На пример: *Как раз звезды Серебряного века разглядели в некрасовской поэзии не актуальность тематики, но правдивость музыки* [Бек, Татьяна (2002), «Поэзия и гражданственность», *Знамя*].

У енциклопедијској зони смо пронашли 24 примера. На пример: *Значит, всё предусмотрено и всё подготовлено тем миропорядком, который выразил себя всем суцим и в том числе — биномом Ньютона, правдивым, честным, безвариантным.* [Азольский, Анатолий (1998), «Лопушок», *Новый Мир*, 8].

У регулативној зони смо пронашли 75 примера. На пример: *Без фокусов остаться с собою наедине— и просить себя кое о чём, не боясь огорчить правдивым ответом.* [Кю, И. Э. (1999), *Иллюзии без иллюзий* (М.: Вагриус)].

У утилитарној зони је 50 примера. На пример: *Все и так ясно нашей полиции, которая верно и правдиво служит верховной и исполнительной власти!* [Комаровский, Владимир (2003), «Когда и как завершится судебная реформа?», *Отечественные записки*].

У социјално-културној зони је 47 примера. На пример: *Словом, вещь художественно правдивая попадет в политику и контрреволюцию.* [Варламов, Алексей (2002), «Пришвин или Гений жизни», *Октябрь*].

У паремиолошкој зони са облицима *правдивость*, *правдивый*, *правдиво* нисмо забележили ни један пример.

Структуру концепта *правдивость*, поред различитих зона реализације, чине именичке, придевске и глаголске конструкције. Поред ових конструкција истраживали смо и појмове који се срећу у истом контексту са појмом *правдивость*.

Супстантивне конструкције смо поделили у неколико подгрупа:

1. Конструкције у којима се *правдивост* односи на писану или вербалну информацију. Примери: *правдивое информирование, правдивые слова, правдивый рассказ, внутренне правдивое общение с аудиторией* итд.

2. Конструкције у којима се *правдивост* односи на различите појаве из света уметности. Примери: *правдивость песен, вещь художественно правдивая, правдивая картина церковной звукозаписи, правдивая картина русского общества, фильм – правдивое жизнеописание* итд.

3. Конструкције у којима се *правдивост* односи на живо биће. Примери: *правдивый человек, правдивость американских хирургов, правдивость собеседника, правдивые люди, правдивый старик* итд.

4. Конструкције у којима се *правдивост* односи на различите ситуације из свакодневног живота. Примери: *правдивое обозначение, правдивое действие польского правительства, правдивость признания, правдивость обещаний* итд.

Највећи број глаголских конструкција везан је за облик *правдиво*. Анализа примера је показала да се могу издвојити три контекстуална значења датог облика: 1. Реално, „онако како јесте“; 2. Искрено или истинито; 3. Оправдано.

1. У групи глаголских конструкција које се односе на прво значење (реално, онако како јесте) издвајамо две групе конструкција: а) које се односе на одређени вид уметности (осим писане речи) и б) које се односе на вербални или писани исказ.

а) Конструкције које се односе на одређени вид уметности. Најчешћи глагол у овим конструкцијама је *изобразить*, на пример: *правдиво изобразить животное, изобразить с трагической правдивостью, правдиво изобразить гнев, татары были изображены правдиво, правдиво изображать мальчика*. Следећи по фреквентности је глагол *играть*, на пример: *в кино он играл правдиво*. Следећи по фреквентности је глагол *показать*, на пример: *в фильме правдиво показана боль, показать войну правдиво, нищета показана правдиво*. Нешто мање фреквентни су глаголи *отражать* и *передать*. Примери: *открытка правдиво отражает кусочек английской действительности, музыка правдиво передает духовное состояние молодежи, мирозерцание передано правдиво*. Глаголи које срећемо најређе су следећи: *правдиво раскрыть образы, выразить истину с правдивостью, правдиво живописующего ужасы эпохи Ивана Грозного, деталь, правдиво подчеркивающая мою человеческую незрелость* итд.

б) У другој подгрупи глаголских конструкција су конструкције које се односе на вербални или писани исказ. У оквиру ове групе издвојили смо два типа конструкција: оне које се односе на књижевни текст (*правдиво воспроизводит события великой битвы, Бек писал более сурово и правдиво, правдиво описать различные типы со всеми отрицательными сторонами, писатель должен изобразить жизнь правдиво* итд.) и конструкције које се односе на било који облик некњижевног израза (*правдиво излагать, правдиво сообщать, правдиво объяснить* итд.)

нять, правдиво сказать, правдиво рассказать, правдиво описать/обрисовать ситуацию.

2. У другој групи глаголских конструкција су конструкције са контекстуалним значењем *искреност*. У датој групи наилазимо на следеће глаголе: *ответить* (*администратор ответил правдиво*), *рассказать* (*правдиво рассказать о человеке*), *сказать* (*правдиво сказать молитву*), *удостовериться* (*удостовериться в правдивости*), *верить* (*верить в правдивость*). Дати глаголи су најфреквентнији, мање фреквентни су следећи: *заявить*, *проповедовать*, *служить* (*власти*), *объяснить*, *признаться*, *доложить*, *захныкать*, *выглядеть оглушенной*, *сделать*, *взглянуть в душу* итд.

3. У трећој групи су глаголске конструкције у којима је контекстуално значење „с правом“. Примери: *правдиво клеветать*, *правдиво отмечается*, *добавить в заявления совершенно правдиво*, *правдиво недоумевать*, *правдиво подвергнуть критике* итд.

У оквиру придевских конструкција издвајамо три групе. Првој групи, са највећим бројем примера, припадају конструкције са придевима који указују на степен и квалитет особине *правдивость/правдиво/правдивый*, на пример: *очевидная правдивость*, *беспримерная правдивость*, *окончательная правдивость*, *полная правдивость*, *безусловная правдивость* итд.

У другу групу смо сврстали конструкције у којима се *правдивость* односи на личну, уметничку, научну или неку другу сферу. На пример: *личная правдивость*, *мхатовская правдивость*, *жизненная правдивость*, *психологическая правдивость*, *историческая правдивость*, *метафизическая правдивость*.

У трећу групу адјективних конструкција уврстили смо специфичне сложене конструкције у оквиру којих се прилог *правдиво* или придев *правдивый* употребљавају уз друге прилоге и придеве у оквиру сложених конструкција. На пример: *правдиво-органичный*, *правдиво-мифологичный*, *художественно-правдивый*. Приметили смо да се овакве конструкције срећу најчешће у уметничком контексту, са значењем придева „реални, који одговара стварном стању ствари“.

Најфреквентније речи које се помињу у истом контексту са појмовима *правдивость/правдивый/правдиво*, према опадајућем степену фреквентности, су следеће: *честь/честно/честный*, *искренно/искренный*, *достоверный*, *порядочность/порядочный*, *ясно/ясный*, *некорумпированный*, *интересно/интересный*, *верно*, *убежденно*, *прямота/прямой*, *жизненно*, *простота/простой*, *истинный/истинно*, *не наврано*, *совесть/совестливый*, *беспристрастность*, *талантливо*.

Посебној групи припада неколико речи и конструкција које сматрамо значајним, јер дају информације културолошке природе – показују однос руске језичке личности према концепту *правдивость*. У првом реду то су прави антоними: *правдивый-неправдивый*, *правдивый-ложный* као и контекстуални антоними, као на пример: *не подражательно-стадное* и *не мечтательно-созерцательное*, а *правдивое*.

Из датих примера видимо да су појму *правдивост* супротстављени појмови *неправдивост* и *лаж*. Такође видимо да је *правдивости* супротстављено све што није конкретно, оригинално и засновано на реалним чињеницама.

Однос *правдивост* – *правда*. У већини речника *правдивост* представља једно од значења лексеме *правда*: „то, што исполнено истини, правдивост». Ово значење није забележено једино у речнику С.И. Ожегова и Н.Ј. Шведове. Остала значења *правде* су следећа: *Правда* – «то, што соответствует действительности» (оно што одговара стварности). *Правда* – справедливость, порядок, основанный на справедливости“ (праведност). У неким речницима помиње се значење правде у саставу законика («Русская правда»). *Правда* као прилог у значењу „заиста“. *Правда* као модална реч. *Правда* као везник.

Анализа примера са лексемом *правда* (укупно је анализирано 700 примера) показала је да се у датом значењу (*правда* као *правдивост*) реализује свега 3% примера (укупно 22 примера).

Слика реализације концепата *правда* и *правдивост* према фреквентности примера по зонама реализације је следећа:

ПРАВДА

1. Зона оцене
2. Паремолошка зона
3. Социјално-културна зона
4. Енциклопедијска зона
5. Регулативна зона
6. Утилитарна зона

ПРАВДИВОСТЬ

1. Зона оцене
2. Регулативна зона
3. Утилитарна зона
4. Социјално-културна зона
5. Енциклопедијска зона

Анализа различитих типова конструкција у којима се реализује лексема *правда* дала је следеће резултате:

У оквиру именичких конструкција *правда* се односи на различите социјалне групе, на пример: *правда комунизма*, или је присутна „парцелација“ правде, на пример: *часть правды, доля правды, половина правды, полуправда*.

Придевске конструкције са лексемом *правда* су бројне. Оне се могу поделити у три групе: 1) правди се придају позитивне особине (*единственная, чистая, правда в последней инстанции*); 2) правди се придају негативне особине (*горькая, неприятная, ненавистная правда*); 3) правда се односи на појаве из свакодневног живота (*повседневная, иллюзорная, правда жизни*).

Глаголске конструкције су везане за изражавање правде кроз различите медије. Примери глагола: *сказать, написать, пропеть правду* итд.

Са рецепцијом правде у руском језику су повезани разум и емоције. Правда се може и „сазнати“ и „осетити“ (*узнать, почувствовать правду*). О повезаности

правде и сфере чула нам говоре и популарни устаљени изрази типа: *Правда глаза колет, Смотреть правде в глаза, Резать правду-матку*.

Упоредивање концепата *правда* и *правдивост* према зонама реализације указује на већу везаност концепта *правдивост* за практичну страну живота и конкретне животне ситуације. У том смислу *правдивост* је нека врста „правде на делу“. Са друге стране, концепт *правда* је више подложен спекулацијама и осмишљавању типичним животним ситуацијама, што је нашло свог одраза у богатој паремиолошкој зони и бројним пословицама које, кад је *правдивост* питању, уопште нису присутне.

Ако упоредимо валентност лексема *правдивост* и *правда* кроз различите типове конструкција, примећујемо следеће разлике: *правдивост* није подложна «парцелацији» као правда (*правдивост* постоји само као целина, а правда може имати и свој «део»).

Правдивост није толико подложна оцени као правда. За разлику од *правде* којој се приписују и позитивне и негативне особине, *правдивост* има, углавном, позитивне особине (*безукоризненно, совершенно, безусловно правдивый*). Негативне особине су више метафора која се користи из експресивних разлога, да би се дочарао степен *правдивости*, а не њен квалитет (на пример, *ужасно правдиво, трагическая правдивост, беспощадная правдивост*).

Правдивост има значење које се везује за уметничке медије, док *правда* ових значења нема.

Правдивост је више од *правде* везана за писани или вербални исказ и човека као медијума информације (*сказать, написать, объявить правдиво*).

Правдивост има контекстуално значење „искреност“ (на пример, *Администратор ответил правдиво. Правдиво сказать молитву*) и «с правом» (*Правдиво заявить*). Оба ова значења одсуствују код *правде*.

Заједничко значење за *правду* и *правдивост* је «реално, онако како јесте». Дато значење је присутно у речнику за оба појма, док су претходна два контекстуална.

Анализа примера са лексемама *правдивост* и *правда* према речничком значењу, етимологији, зонама реализације и различитим типовима конструкција указује да *правдивост* није одвојени концепт, већ припада концептуалном пољу *правда*. Докази који нас наводе на овај закључак су следећи: 1. У речнику је једно од значења *правде* – *правдивост*. Мала процентуална заступљеност овог значења *правде* у односу на друга значења, као и самостално речничко и контекстуално значења лексеме *правдивост*, указује да *правдивост* није толико у оквиру значења лексеме *правда*, колико је самостални огранак концептуалног поља *правда*, који поред заједничких семантичких елемената има и своја специфична значења (*искрено, оправдано*). 2. На сродност *правдивости* и *правде* упућује нас етимологија и заједнички корен *-прав-* који се код ових лексема развијао у два различита *правца*:

у првом случају актуелно је буквално значење, настало из значења *правилан, раван, без отклона*. У другом случају, актуелно је пренесено значење, око којег се формирала посебна семантичка подгрупа у којој је *правда* била основна лексема. 3. Антоним за обе речи – *правдивост* и *правда* је *ложь*. 4. *Правдивост* и *правда* имају заједничко значење – „реално, онако како јесте“.

Разлике у употреби лексема *правдивост* и *правда* тичу се области у којима оне функционишу. *Правдивост* је више везана за практичну страну живота, док је *правда* више предмет спекулација и осмишљавања. Појмови, блиски појму *правдивост* су *част, савест, искреност*, док је *правда* ближа аксиолошком вредновању типа *добро/зло*. И *правдивост* и *правда* су етичке категорије, али *правда* има и додатну сферу утицаја – она је ближа чулној и емоционалној сфери човековог унутрашњег света. На то упућују бројне метафоре, посебно присутне у пословицама и изрекама (*правда „боде очи“*, „говори се у очи“, када се говори, то је као да се нешто „сече“ оштрим предметом). Сматрамо да ове разлике не представљају довољан аргумент да *правдивост* и *правду* разматрамо као одвојене концепте.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова, Н. Д. (1995), «Истина и этичность», in Арутюнова, Н. Д., Рябцева, Н. К. (eds.), *Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке* (М.: Наука), 7–23.
- Ефремова, Т. Ф. (ed.) (2006), *Толково-энциклопедический словарь* (СПб.: Норинт).
- Маслова, В. А. (2008), *Введение в когнитивную лингвистику* (М.: Флинта).
- Николић, М. (ed.), *Речник српскога језика* (Нови Сад : Матица српска).
- Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2007), *Когнитивная лингвистика* (М.: Восток-Запад).
- Степанов, Ю. С. (1997), *Константы: Словарь русской культуры* (М.: Школа – Языки русской культуры).
- Фасмер, М. (1986–1987), *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–4, 2-е изд., стер. (М.: Прогресс); online <<http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer>>.
- Цейтлин, Р. М. (1973), «Характеристика лексических и словообразовательных средств старославянского языка (их семантика и стилистические функции)», in Бернштейн, С. Б. (ed.), *Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов: Варшава, август 1973 г.: Доклады советской делегации* (М.: Наука), 414–434; online <<http://nkslav.ru/library/files/ssl-vii-1973-jazykoznanije.pdf>>.

Мирјана Адамовић
Институт за српски језик САНУ
Београд, Србија

ПРОСТОРНА ЗНАЧЕЊА ПРИДЕВА *ВЕРХНИЙ/ГОРЊИ – НИЖНИЙ/ДОЊИ* У РУСКОМ И СРПСКОМ ЈЕЗИКУ

Семантичка категорија спацијалности издваја се међу другим категоријама семантичке синтаксе у српском, као и у другим језицима, како разноврсношћу облика и сложеношћу семантичког система у који су значења појединих просторних израза организована, тако и високом учесталостју јављања многих просторних израза у говору (Пипер et al. 2005:717).

Конститутивни елементи које разликујемо приликом изражавања просторног односа су *објекат локализације, локализатор и оријентир* (Пипер 1977–1978:5–6; Пипер 2001:21–23). Објекат који се просторно одређује је објекат локализације, објекат којим се просторно одређује објекат локализације је локализатор, а однос у простору између објекта локализације и локализатора је оријентир.

У овом раду ћемо анализирати придевски нестепеновани разнокоренски (лексички) антонимски пар са значењем просторног односа и то просторне супротстављености по вертикалној линији без усмерености¹ *верхний/горњи – нижний/доњи* у руском и српском језику. Дати придеви увек се односе на *оријентир* као конкретизатор односа између објекта локализације и локализатора.

У овом раду настојаћемо да опишемо примарна просторна значења наведеног пара придева у руском и српском језику, затим да опишемо и објаснимо како ове лексеме које се односе на вертикалну димензију у физичком простору проширују своја значења на апстрактни простор, у првом реду у социјални простор, односно како се тај домен концептуализује путем појмовног пресликавања вертикалне димензије просторне оријентације.

Вертикална димензија, у простору вишеструко наглашена силом гравитације и човековим усправним ходом, и у руском и у српском представљена је великим бројем лексичких јединица које су уједно упадљиво вишезначне. Лексеме вокабулара вертикалности, изузев предлога, сразмерно су ређе обрађиване (Rasulić 2004:13).²

¹ О лексичким антонимима, њиховој подели и типовима, укључујући и придевске антониме детаљно је писала Рајна Драгићевић (1995:25–39)

² О досадашњим истраживањима лексема вокабулара вертикалност (попут придева: висок, низак, предлога: изнад, под, преко и других, релационих именица врх, дно) пише у својој докторској дисертацији Катарина Расулић, бавећи се сегментом појмовно-значењске структуре енглеског и српскохрватског језика који подразумева вертикалну димензију у простору (Rasulić 2004:9–14).

На основу речничких дефиниција³, али и корпусног материјала⁴ издвојили смо следећа основна значења придева *верхний/горњи – нижний/доњи* у руском и српском језику:

1. Физички простор

<p>Верхний 1/Горњи 1 'Находящийся наверху, выше других, расположенный вверху' / 'Који се налази горе, изнад нечега' (<i>верхний этаж, горњи део тела</i>)</p>	<p>Нижний 1/Доњи 1 'Находящийся, расположенный внизу' / 'Који је доле, испод нечега другог' (<i>нижняя ступенька, доњи спрат</i>)</p>
<p>Верхний 2/Горњи 2 'Близкий к истоку реки' / 'Који је ближе извору' (<i>верхнее течение, горње воде</i>)</p>	<p>Нижний 2/Доњи 2 'Расположенный ближе к устью реки' / 'Који је ближе ушћу' (<i>нижнее течение реки</i>)</p>
<p>Верхний 3/Горњи 3 'Надеваемый поверх какой-нибудь одежды' / 'Који се облачи преко друге одеће' (<i>верхняя юбка, горње хаљине</i>)</p>	<p>Нижний 3/Доњи 3 'Носимый под платьем или непосредственно на теле (об одежде)' / 'Који се облачи испод друге одеће' (<i>нижняя юбка, доње пелене</i>)</p>

Опис просторних ситуација

1.1. Верхний 1/ Нижний 1

1.1.1.

<p>Верхний 1.1 наверху = на површини, являющийся наиболее удалённым от поверхности земли (о границах предметов)</p>	↔	<p>Нижний 1.1 являющийся наиболее близким к поверхности земли (о границах предметов)</p>
---	---	--

У овој ситуацији придеви и у руском и у српском језику указују на следеће: налази се на горњој / доњој површини, граници неког објекта, површински, спољашњи. Просторна класификација се врши узимајући у обзир вертикалну димензију. Означава се она граница, линија објекта/предмета која је најудаљенији од површине земље, односно најближа земљиној површини.

³ РСАНУ, БТС, ТСД

⁴ Corpus savremenog srpskog jezika na Matematičkom fakultetu Univerziteta u Beogradu, Национальный корпус русского языка

Примери: При этом *верхняя* кромка хребта описывала ровенькую дугу длиной не менее полукилометра (Е. Сартинов. Золото на крови)

Она, приближаясь, исчезала за *нижним* краем окошка. (Д. Вересов. Крик ворона)

Верхние слои кокосового ореха волокнисты, а под ними череп. (ТСД)

Ољушти им (главицама црног лука) горњу љуску. (Поп. К. 1, 27, РСАНУ)

Очемушај горње лишће са главица купуса.... (Ускоци, Станић Мил., РСАНУ)

1.1.2.

Верхний 1.2 находится вверху = выше других частей	↔	Нижний 1.2 ниже других частей при вертикальной ориентации предмета
---	---	--

Горњи, виши, највиши део неког објекта/предмета; који је на узвишици (о крају, насељу, делу насеља и сл. ↔ Доњи део, слој, половина, на мањој висини, нижи, најнижи део неког објекта/предмета на вертикалној оси оријентације; који је у низини (у називима неких места, градова, земаља)

Примери: В *верхних* слоях атмосферы появляется дополнительный источник энергии, вызывающий вертикальную неустойчивость воздушных масс, их смещение и нагрев. (Б. Лучков. Ураганы — вечная проблема? // «Наука и жизнь», 2006)

В этот моментв оконце показались тупоносые ботинки и *нижняя* часть брюк в жилочку. (М.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Права разбојничка пећина, та *горња* варош. Мали, врло тесни, црни сокачићи. (Грол, Звезда 2, 289, РСАНУ)

Она иде у *дојну*⁵ махалу. (НП Шаул. 3, 146, РСАНУ)

Објекти локализације су најразличитији; придев одређује онај део предмета који је по вертикалној линији најудаљенији од земље.

1.1.3.

Верхний 1.3 находится вверху = выше других таких же объектов или выше всех таких объектов	↔	Нижний 1.3 находящийся ниже других частей
---	---	---

У овој ситуацији посматрач не само да оцењује положај објекта према површини земље, већ указује и на његово место на вертикалној скали у поређењу са другим истим/сличним предметима.

Имамо два типа употребе:

⁵ Дијалекатски облици придева доњи: дојњи, долњи, дољни и дољњи. (РСАНУ)

– локализација објекта/предмета који је на највећој висини од свих других, односно који је најнижи;

– локализација објекта/предмета који је на већој висини од неког другог исте врсте/сличног, односно који је на мањој висини, нижи или најнижи у поређењу са неким другим исте врсте.

Примери: И вот *нижня* строчка: В Америке еше в 1935 году инженер Грин запатентовал дом с *нижним* сейсмоизолирующим этажом. (Наука и жизнь, Г2 8, 1989)

У самоубулачкој намери скочио је са *горњег* ката кроз прозор. (Лаза Л 2, 91, РСАНУ)

Од прве лове долази мајстор и поправља рерну, *горњи* грејач скоро да не ради, јеси видела синоћ да ти је одоздо загорело а одозго ... (Ђурђевић, Мирјана. Трећи сектор. Београд: Загор, 2002.)

Сишао је на *доњи* спрат. (НЈ 2, 188, РСАНУ)

Штангист Дудко торопливо застегнуо *верхнюю* пуговицу на брџаках. (Сергей Довлатов. Чемодан, 1986)

У српском језику придеви *горњи* и *доњи* имају и значења 'северни' и 'јужни', тј. онај који је на северу и онај који је на југу⁶:

Када је краљ Вукашин пошао са одабраном војском на Једрене...кнез Лазар није ни макнуо из својих *горњих* области да му дође у помоћ. (Игњ. Ј. 3, 120, РСАНУ)

Неколико путника ишчекиваху пароплов, који је за Пешту и Беч из дољњих земаља долазио. (Ат. Б. 3, 205, РСАНУ)

За руски језик у анализираном корпусу немамо потврде за овај тип значења.

1.2. Верхний 2/ Нижний 2

Који је ближе извору (о води, о реци и сл.) ↔ Који је ближе ушћу (о реци, потоку)

Примери: Гдје гдје су се видели нови мостови преко потока, који теку у Лаборец, чијим је *горњим* током прелазила пруга. (Јонке 3, 162, РСАНУ)

Горњи ток Темзе обилује таквим ископинамаа па је зато моја претпоставка била врло вероватна. (Џером, К. Џером. Три човека у чамцу)

Настену в Атамановку судьба занесла с *верхней* Ангары (В. Распутин. Живи и помни)

Ещё раньше, во второй половине I в. до н. э., пшеворское население распространилось на верхнем Днестре и в западной части Волыни. (В. В. Седов. Этногенез ранних славян // «Вестник РАН», 2003)

⁶ У РСАНУ налазимо следећи пример: Владислав наследи доњу (северну) Херцеговину као велики војвода, а млађи Влатко...горњу (јужну) Херцеговину као херцег (Вукић М. 4, 113), у коме придев *горњи* има значење *јужни*, а *доњи* значење *северни*.

Онај крај, одакле вода долази, зове се у Привлаки горња вода, а камо вода отиче, долња вода. (РСАНУ)

У српском језику срећемо и једно застарело значење – који је преко Саве и Дунава (у односу на некадашњу Србију):

Наши трговци који са горњим местима тргују нису рачунали на неродне године...Бечког трговца не тиче се што је у нас неродна година. (Јед. 1873, 117, САНУ)

Свршио је права у Београду, а био је две године у «горњим местима». (Ком. 1, 253, РСАНУ)

1.3. Верхний 3/ Нижний 3

Који се облачи преко друге одеће. ↔ Који се облачи испод друге одеће, који је уз тело.

Примери: Прямо в сапогах и *верхнем* одеянии на кровати лежал Осип, слуга Хлестакова. (М. Булгаков. Необычайное происшествие)

Кад је Вокулски ушао у предсобље, седокоси вратар, с црвеном траком, дубоко му се поклонио и отворио врата гардеробе, где је центлмен у црном фраку скинуо с Вокулског горњи капут. (Б. Прус. Лутка)

Необыкновенно грязные полотняные кальсоны и *верхняя* рубашка-ковбойка с продраным локтем. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Произнесла девушка, спокойно вздергивая на пажи свою *верхнюю* юбку. (Н. Лесков. Островитяне)

Ноги ее жалко болтались в полах короткого платья, из-под которого торчал конец *нижней* юбки. (Г. Брянцев. По тонкому льду)

Доње одело од лана праве сами, а горње купују. (Прот. Љ., ГлЕМ 1937, 43, РСАНУ)

На основу примера закључујемо да придеви одређују одевне детаље којих је најмање два на човеку: *верхняя* рубашка, *верхняя* юбка, *верхняя* футболка, *горње* хаљине.

У овом значењу срећемо и примере где је дошло до супстантивизације *придева*:

Вошли, сбросили *верхнее* на руки швейцарам, и тут Эраста Петровича ждал сюрприз. (Б. Акуњин. Декоратор)

Устаљена синтагма: *нижнее белье* у којој *бельё* означава 'изделия из тканей, трикотажа, носимые непосредственно на теле', те је у неком смислу *придев* овде и сувишан. Међутим, имамо и пример у коме је управо изостављена именица *бельё*:

Проснется утром и давай ходить по коридору в одном, извините, *нижнем*. (Чехов, В номерах)

2. Нефизички простор

<p>Верхний 1`/Горњи 1` 'Относящийся к высшим, привилегированным слоям населения, общества' / 'Који има у рукама власт, који се сматра важнијим' (<i>верхнее начальство</i>)</p>	<p>Нижний 1`/Доњи 1` 'Относящийся к низшим, непривилегированным кругам общества, организации и т. п.' / 'Који је на нижем ступњу друштвене лествице' (<i>доњи дом</i>)</p>
<p>Верхний 2`/Горњи 2` 'Высший, предельный, крайний' / 'Крајњи, највиши' (<i>горњи лимит</i>)</p>	<p>Нижний 2`/Доњи 2` 'Низший, предельный' / 'Доњи, најнижи' (<i>нижний уровень</i>)</p>

2.1. Верхний 1` ↔ Нижний 1`

а) који се сматра важним, значајним ↔ који се сматра мање важним, значајним
 Одмах затим почела је у првој од двију соба у приземљу гозба. За *горњим* столом сједели су кум и кума. (РСАНУ) /горње чело – прочеље, почасно место у врху стола ↔ доње чело – део супротан прочељу (о софри, столу, кревету)/

У *горњем* челу тога друштва сеђаше поручник Васиљевич, а у *доњем* апотекар Катанић. (Лаз. Л. 2, 24, РСАНУ)

Сједе у *доње* чело свога креветића. (Крешић С. 2, 184, РСАНУ)

И таинствено добавил, что самое *верхнее* начальство пока - по соображенијам, которые Миньке знать не полагается, - не заинтересовано в нём. (Бр.Вайнеры. Евангелие от палача)

С другой стороны, судя по тому, что судьба картины складывается хорошо, в *верхних* инстанциях нам все-таки позволили ее сделать (Огонёк, № 17, 2001).

б) главни, врховни

У књизи живота мога *горње* је правило: служити верно и совестан бити. (РСАНУ)

с) усавршен, префињен

У савременој нашој лирици има пјесничких остварења за која се тражи посебна развијеност или тзв. „*горња* писменост“. (Кркл. 5, 183, РСАНУ)

д) застарело у српском – старији, виши (о разреду, школи) ↔ млађи, нижи по рангу

Књига је удешена за *доње* и *горње* гимназије. (Жив. Ј., БК 1907, 1489, РСАНУ)
Дољна четири разреда тога лицеја не могу се сматрати вишом дјевојачком пучком школом. (Напр. 1901, 128, РСАНУ)

е) који има у рукама власт, средства за производњу, владајући (о сталежу, класи и сл.) ↔ који је на нижем ступњу друштвене лествице, нижи, сиромашан

Горња, капиталистичка класа повећава своје капитале. (СК 1937, 33/8, РСАНУ)

Дикенс је познавао прости народ, али не и *горњу* класу. (Бух., Књиж. 1, 586, РСАНУ)

Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому примкнуть к *верхнему* разряду людей. (Ф.Достоевский. Подросток)

Устаљене синтагме са разматраним придевима у којима имамо метафоричко преосмишљавање:

рус. *верхняя палата, срп. горњи дом* / Представништво у парламенту које се састоји од наследних, именованих или бираних чланова посланика из виших гласа./

рус *нижн.палата, срп. доњи дом* / Представништво у парламенту које се састоји од посланика изабраних општим правом гласа/

Естествено, *нижняя* палата считается с мнением *верхней*. (Огонёк, №81, 2001)

Если проект прошел *верхнюю* палату, его подписывает президент. (Огонёк, № 39, 2000)

рус. *нижний чин – војници у царској армији*

Отец не хотел, чтоб я пользовался этим правом; я начал службу с *нижних* чинов. (Л. Толстой. Война и мир)

2.2. Верхний 2` ↔ Нижний 2`

Примери: Это была *верхняя* точка моего кипения. (Огонёк, № 27, 1997)

При этом *верхняя* ставка подоходного налога должна составить около 20%. (Неделя 22.08-2000.08.28 // «Коммерсантъ-Власть», 2000)

Влада је дужна да сваке године, приликом припреме предлога годишњег буџета Републике, одреди вредност која представља *горњи* лимит у буџетској години испод којег наручиоци могу спроводити поступак јавне набавке мале вредности. (Закон о јавним набавкама. 026_3711–01.zip)

Пример диаграммы *верхнего* уровня функциональной модели инновационного образования в АУиП (Информационные технологии в образовательной среде вуза // «Информационные технологии», 2004)

Придеви одређују апстрактне појмове. Не ради се о физичком простору кога човек перцепира својим чулним органима, већ о метафоричном простору, о преношењу својстава конкретних предмета и појава на апстрактне појаве.

Придеви *горњи* и *доњи* и у руском и у српском језику јављају се и као саставни део многих географских назива.

Реч је о синтагматском моделу «согласованное определение + определяемое слово».

На пример: Горњи Ибар, Горњи Милановац, Горње поље.

Нарочито велики број оваквих назива имамо у оквиру ојконима насталих према називима за хидрониме (дегидронимне ојкониме): Нижняя Дуванка, Нижний Ломов, Нижний Тагил, Верхние Серьги, Верхний Ломов, Горњи Ибар.

Српски придев горњи – срећемо у корпусу и у ендофорској функцији упућивања у оквиру текста. Према тексту као целини овим придевом се прецизира позиција једног сегмента према другом у оквиру стабилног, формално и дискурсно затвореног локализатора. У руском језику у анализираном корпусу немамо придеве у овој употреби.

Из *горњег* је излагања очито, да је феудалним друштвом потпуно доминирала католичка црква. (РСАНУ)

Постоје торпеда којима се управља....., *горњи* закључак се наметнуо сасвим природно. (Ђурић, Војислав М. Научници (Тесла, Миланковић). 1967)

У руском језику у употреби је прилог «*выше*»: Смотри выше. Как было выше упомянуто.

3. Анализирајући примарна значења разматране групе придева у руском и у српском језику – просторна локализација на вертикалној линији – можемо закључити да су подједнако заступљена у оба језика и можемо издвојити следеће просторне ситуације које се овим придевима изражавају у оба језика:

'А локализується вертикально выше Б' 'А локализується выше Б, между А и Б есть контакт' 'А локализується на поверхности Б'	'А локализується вертикально ниже Б' 'А локализується под поверхностью объекта Б, между А и Б есть контакт' 'А локализується на нижней поверхности Б'
--	---

Када је реч о апстрактном простору који се може изразити паром придев *верхний/горњи* – *нижний/доњи* у руском и у српском корпусу налазимо велики број примера и различита значења, али је придев *горњи* чешћи у оба ова случаја, а особито када је реч о српском језику где имамо значења 'главни, врховни', затим 'усавршен, префињен' и застарело значење 'старији, виши (о разреду, школи)' за која у руском језику нисмо нашли примере употребе.

ЛИТЕРАТУРА

- Piper, Predrag (2001), *Jezik i prostor* (Beograd: Biblioteka XX vek).
Rasulić, Katarina (2004), *Jezik i prostorno iskustvo: konceptualizacija vertikalne dimenzije u engleskom i srpskohrvatskom jeziku* (Beograd: Filološki fakultet).

- Драгићевић, Рајна (1995), „О правим именичким и придевским антонимима“, *Јужнословенски филолог*, ЛП, 25–39.
- Пипер, Предраг (1977–1978), „Обележавање просторних односа предлошко-падежним конструкцијама у савременом руском и савременом српскохрватском књижевном језику“, *Прилози проучавању језика*, 13–14, 1–51.
- Пипер, Предраг, Антонић, Ивана, Ружић, Владислава, Танасић, Срето, Поповић, Људмила, Тошовић, Бранко (2005), *Синтакса савременог српског језика. Проста реченица* (Београд – Нови Сад: Институт за српски језик САНУ – Београдска књига – Матица српска).
- Пономарёва Н. В. (2007), *Семантический и словообразовательный потенциал имён топологических зон ВЕРХ / НИЗ: на материале русского литературного языка: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук* (Иркутск), 2007.

ИЗВОРИ

- Korpus savremenog srpskog jezika na Matematičkom fakultetu Univerziteta u Beogradu*, online: <<http://www.korpus.matf.bg.ac.rs>>.
- БТС – Кузнецов, С. А. (ed.) (2000), *Большой толковый словарь русского языка* (Санкт-Петербург: Норинт).
- Национальный корпус русского языка*, online: <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (1995), *Толковый словарь русского языка* (Москва: АЗЪ).
- РСАНУ – *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, III–IV (Београд: Институт за српскохрватски језик).
- РСЈ – Николић, М. (ed.), *Речник српскога језика* (Нови Сад : Матица српска).
- РСКЈ – *Речник српскохрватског књижевног језика*, 1–5 (Нови Сад: Матица Српска).
- ТСД – *Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля*, online <<http://slovardalja.net/>>.
- Ушаков, Д. Н. (2006), *Большой толковый словарь современного русского языка* (Москва: Альта-Принт).

Наталия Брайкович
Университет Черногории
философский факультет
Никшич, Черногория

ЦЕЛЬ И МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Язык является организованной и продуктивной целостностью. Это система символов, в которой реализуются разнообразные комбинации собственных языковых единиц. Язык появился как реакция общества, он помогает взаимопониманию и координации всех видов общественной деятельности. Это форма творчества, свойственная человеческой природе, где постоянно и беспрепятственно возникают новые языковые единицы.

Овладение другими языками, помимо родного, помогает лучше познать мир и его модель, развивать чувство родства и общности, укреплять отношения между людьми, создавать действительное и воображаемое, обогащать общественную и личную жизнь.

Изучение иностранного языка – это далеко не простой и весьма не легкий процесс. Он подразумевает овладение новой, совершенно иной и неизвестной языковой системой, через которую будут выражаться мысли, желания, чувства. Человек, изучающий иностранный язык, должен овладеть до автоматизма целым рядом новых способностей, знаний и навыков. Он должен принять и осознать структуру иностранного языка как особую, самостоятельную и единую целостность, которую необходимо усвоить через формы родного языка. Для достижения этого одним из важнейших факторов является выбор самого компетентного и адекватного метода, который потребует от ученика минимальных затрат времени и энергии и который обеспечит ему солидный уровень знаний в области иноязычной структуры, которую он должен усвоить.

Чтобы степень усвоения знаний из области иностранного языка была на соответствующем и ожидаемом уровне, важно обеспечить ученику успешную и неприужденную коммуникацию на данном иностранном языке. Качество овладения иностранным языком зависит от качества планирования и организации учебного процесса. Насколько преподавание является важным и необходимым звеном в процессе передачи знаний иностранного языка, говорят нам основные цели:

1) предоставить ученикам возможность овладения иностранным языком, с помощью которого они смогут на достойном уровне общаться с носителями этого языка;

2) дать возможность ученикам познакомиться с духовной и материальной культурой народа, чей язык они изучают, что в большой степени влияет на формирование их культуры и эрудиции (Nikolić, Mežinski 1984).

Целями преподавания иностранных языков в рамках *основного образования* является овладение разговорными и письменными навыками, формирование социокультурного и коммуникативного этикета, развитие интеллектуального и образовательного профиля ученика. В процессе изучения русского языка в начальной школе ученики стремятся получить элементарные знания для самого процесса понимания, который в дальнейшем образовании будет расширяться, углубляться и обогащаться. На данном этапе усвоения иноязычной структуры необходимо добиться, чтобы ученики овладели простейшими речевыми формами, усвоили правила орфографии, произношения, грамматики и чтения, могли понимать несложные тексты, познакомиться с культурой и традициями народа, язык которого они изучают. Таким образом, изучение иностранного языка в начальной школе должно иметь *практическое значение*. Цель современного обучения русскому языку на данном возрастном этапе состоит в том, чтобы ученики овладели активными знаниями о структуре данного языка, получили коммуникативную компетенцию, также следует провоцировать их к процессу мышления на этом иностранном языке. Для овладения неродным языком ученик должен выстроить для себя ясное представление об общей языковой системе, которую он усваивает со всеми ее специфическими формами, получить представление о функционировании „*новой*“ языковой структуры, равно как и сформировать необходимые речевые и письменные умения и навыки, чтобы изъяснение на данном иностранном языке было полностью адекватным, правильным и компетентным (Брайкович 2008).

Обучение иностранным языкам должно давать ученику общее образование и воспитание. С помощью умело, профессионально и адекватно подобранных художественных и других текстов, оказывающих на ученика эмоциональное и другое воздействие, дается представление о новой культуре, происходит знакомство ученика с культурой народа, язык которого он изучает в качестве иностранного; ученики изучают, воспринимают и знакомятся с культурным наследием, историей, общественными событиями другого народа, получают представление о великих идеях, достижениях и т.д. Обучение иностранному языку, таким образом, расширяет кругозор ученика, воспитывает и поддерживает в нем любовь к окружающим, развивает патриотизм и любовь к своему народу. Знакомя учеников с иностранной культурой, следует воспрепятствовать их возможному идолопоклонству перед другой страной и всему, что она несет: нельзя недооценивать свой народ, страну и собственную культуру (Šamić 1959).

Итак, обучение иностранным языкам не является тем средством воспитания личности ученика, которое всего лишь расширяет его познания в области научной и художественной литературы, но и развивает его способности к творчеству, способность мыслить, развивает эмоциональный мир, умение правильно и критически рассуждать, делать выводы, расширяет языковое чутьё. В связи с этим вспомним утверждение методиста Юлиуса Шмидта о том, что: «...правильно проводимое обучение языку уже само по себе является уникальной школой ума» (Schmidt 1932:4; Šamić 1959:20).

В отличие от обучения на других этапах, обучение русскому языку в начальной школе не имеет никаких установок на то, чтобы ученики овладели знаниями из области лингвистики и философии языка, или чтобы требовать от них более глубокого изучения русской литературы.

Обучение иностранному языку включает ряд трудностей. Здесь мы подчеркнем специфический способ представления данного материала, который достаточно не только зафиксировать в сознании, но и перенести и трансформировать в те языковые структуры, через которые формируется мышление на данном иностранном языке. Любой вид механического перевода языковой материи данного иностранного языка через формы мышления родного языка представляет собой грубое нарушение внутренней гармонии мыслительных и структурных целостностей в изучаемой языковой структуре (Kostić 1968).

Русский язык преподается в начальных, средних и средних специальных школах, в высших учебных заведениях, на филологических и нефилологических факультетах. Его изучают почти в 120 странах, в настоящее время число изучающих достигает 20 миллионов учеников, студентов и слушателей курсов.

Из вышесказанного следует, что *преподавание русского языка в современной начальной общеобразовательной системе* имеет следующие цели и задачи:

- практическое овладение самыми простыми видами речевой деятельности;
- усвоение правильного произношения, навыков чтения и понимания несложных текстов, законов и норм правописания;
- приобретение прочной основы для дальнейшего расширения умений, знаний и навыков в области усвоения данной языковой структуры;
- ознакомление с культурой народа, язык которого изучается в качестве иностранного;
- формирование и более компетентное становление характера ученика;
- осуществление воспитательно-образовательной функции, так как преподавание должно способствовать развитию логического мышления, умению делать выводы, провоцировать у ученика желание трудиться, развивать память и чувство языка, способность выражать мысли, углублять знания о народе, который пользуется данным языком как родным.

Ученик, окончивший среднюю школу, должен быть способен:

– с легкостью понимать письменный и разговорный язык, свободно изъясняться устно и на письме, хорошо владеть всеми нормами, правилами и законами в области грамматики, и в связи с этим достойно, грамматически корректно и правильно формулировать свои мысли, знания и умения;

– обогатить познания из области родного и иностранного языка с целью развития мыслительного процесса и других психических функций;

– шире и детальнее познакомиться с культурой народа, язык которого он изучает, разнообразить свое моральное и эстетическое образование, внести свой вклад в процесс интеллектуализации, ценить чувство патриотизма и любви к человеку.

Цели обучения русскому языку и учебник

Цели обучения иностранному языку занимают особое место среди всех компонентов процесса преподавания, так как они определяют структуру и содержание учебника, выбор и применение метода, решают вопросы выбора и распределения содержания преподавания: как построить урок, какие формы и структуры следует объяснить, закрепить, повторить (Дамьянович 1998).

А. Р. Арутюнов понимает цели как методическую интерпретацию общественно-социальных нужд, их передачу на язык учебника, программы, процесса обучения (Арутюнов 1990:69; Дамьянович 1998:47). И.Л. Бим считает, что целями обучения иностранному языку является система, состоящая из ряда подсистем (Бим 1977:153–154; Дамьянович 1998:48).

Для коммуникативных учебников характерно формулирование целей обучения через ряд коммуникативных и вербальных задач. В отечественной и русской методиках наиболее частым является разделение целей обучения иностранному языку на воспитательную, образовательную, практическую и развивающую. К. Кончаревич, подчеркивая важность и автономность указанных целей обучения, отмечает, что все цели «с системно-структурной точки зрения равнозначны и реализуются синхронно. Практическая цель заключается в овладении языком как средством коммуникации, формировании определенного уровня, объема и содержания коммуникативной компетенции. Образовательная цель понимается как комплекс лингвистических, лингвокультурологических и общеобразовательных задач. Воспитательная цель включает в себя формирование системы ценностей, этическое, трудовое воспитание и т.д. Развивающая цель заключается в формировании лингвистических способностей, психической функции речевой деятельности, умения общаться, мотивировать к общению» (Кончаревич 1997:93–94).

Собрав воедино все цели процесса обучения иностранному языку, авторы учебников ставят на один уровень коммуникативную и общеобразовательную

цели. Коммуникативные цели ориентированы на усвоение элементов умения, способности и навыков аудирования, говорения, чтения и письма на иностранном языке. Общеобразовательные цели обеспечивают знакомство с историей, политикой и культурой страны, современными процессами жизни и т.д. (Дамљановић, 1998, 62-64).

Учебник – это «гармоничная дидактическая реальность, в которой сегодня заключена вся теория» (Nikolić, Mežinski 1984:25). У нас и во всем мире особое внимание уделяется разработке и пониманию теории учебника по иностранным языкам.

Если говорить об учебнике русского языка и его применении в сербской языковой среде, необходимо особо подчеркнуть необходимость акцентирования различий между сербскими и русскими языковыми элементами, необходимость указания на различия между данными языковыми системами. По этой причине следует активно использовать сопоставительный метод изучения родственных и схожих сербской и русской языковых систем. Поэтому очень многое зависит от школьного учебника, в котором необходимо обратить особое внимание на те иностранные языковые элементы, которые из-за своей видимой схожести с родным языком вызывают у ученика ошибочные ассоциации и тем самым препятствуют самому процессу изучения русского языка как иностранного (речь идет о так называемой *межъязыковой интерференции*). Структура учебника должна содержать тексты на конкретные темы, относящиеся к современной жизни, которые бы помогали и развивали хорошую языковую компетенцию, способствовали достижению адекватного и ожидаемого уровня грамматического и лексического изъяснения на иностранном языке. Основные цели и задачи всех языковых факторов русского языка в учебнике должны быть представлены ясно, понятно и четко. «Новый материал надо умело сформулировать в правила, а упражнения помогают творчески применить эти правила» (Nikolić, Mežinski 1984: 25). Нельзя не подчеркнуть и то, что авторы учебника должны особо исследовать природу типичных ошибок ученика в процессе овладения русским языком.

Проблематикой структуры учебника иностранного языка занималась, в частности, русский автор Инесса Л. Бим. Она указывает на следующие основные идеи учебника (Бим 1981):

1) учебник представляет собой модель системы обучения настоящего исторического периода, и он, с одной стороны, должен соответствовать современному уровню науки, а с другой – обобщать практический опыт;

2) учебник представляет собой систему, в которой реализуются многие основные методические категории: цели, содержание, средства и основные методы, применяемые в процессе обучения;

3) учебник меняет процесс обучения, но, с другой стороны, подстраивается под него. Учебник – это не прочная, замкнутая и неизменная система, он должен

содержать структуру, которая будет преобразовываться, меняться и двигаться в зависимости от внешних факторов и условий, в которых осуществляется процесс обучения. Далее И. Л. Бим приводит основные функции, которые должен выполнять учебник: информативную, мотивационную, прагматическую и контрольную. Под «информативностью» учебника подразумевается «все то, что снижает уровень незнаний и отсутствия навыков в овладении иностранным языком и экстралингвистической информацией, получаемой с его помощью» (Бим 1981; Nikolić, Mežinski 1984:26). Мотивационная функция учебника иностранного языка заключается в воссоздании несуществующей языковой среды, в развитии внутренней и внешней мотивации и желании узнавать новое. Прагматическая (т.е. коммуникативная) функция учебника иностранного языка состоит в том, чтобы спровоцировать и дать возможность применить полученные умения, знания и навыки из области данного иностранного языка, тогда как контрольная функция должна обеспечить необходимый уровень проверки, коррекции, самоконтроля и самокоррекции.

Далее И. Л. Бим, занимаясь понятием современного учебника иностранного языка, подчеркивает, что он имеет комплексную внешнюю структуру, так как включает в себя и книгу для ученика (т.е. сам учебник), книгу для преподавателя, рабочую тетрадь, сборник текстов (*книгу для чтения*) и аудиовизуальные наглядные средства.

Особое значение И. Л. Бим придает упражнениям в процессе обучения, о которых говорит, что они представляют собой «любую форму взаимодействия учителя и ученика, выраженную учебным материалом по иностранному языку» (Бим 1981; Nikolić, Mežinski 1984:26).

Содержание учебника охватывает лексический, фонетический и грамматический минимум, тексты и работу над этим всем материалом с целью обретения достойной коммуникативной компетенции. В связи с этим И. Л. Бим уточняет: «Учебник – это не только склад слов, текстов, правил, но и разветвленная ступенчатая программа работы учителя и ученика, которая осуществляется посредством упражнений» (Бим 1981; Nikolić, Mežinski 1984:26).

Учебник – это достоверный, целостный, последовательный, полный и систематический источник, в котором самым компетентным образом изложено и представлено содержание процесса обучения. Он помогает направить в нужное русло, оформить и сориентировать процесс обучения, способствует развитию ментальных способностей ученика, формированию интеллектуальной культуры, знаний, умений и навыков, осуществлению как можно более качественного и лучшего взаимодействия элементов «*дидактического треугольника*»: ученика, учителя и самого содержания процесса обучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Kostić, S. (1968), *Metodika nastave ruskog jezika* (Sarajevo: Zavod za izdavanje udžbenika).
- Nikolić, V., Mežinski, M. (1984), *Metodika nastave ruskog jezika sa praktikumom* (Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva).
- Šamić, M. (1959), *Metodika nastave i tehnika učenja živih jezika* (Sarajevo: Svjetlost).
- Schmidt, J. (1932), *Methodik des französischen Unterrichts*, 2. erw. Aufl. (Jena – Leipzig: Gronau).
- Арутюнов, А. Р. (1990), *Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев* (Москва: Русский язык).
- Бим, И. Л. (1977), *Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника: опыт системно-структурного описания* (Москва: Русский язык).
- (1981), «Ключевые проблемы теории учебника: структура и содержание», in *Содержание и структура учебника русского языка как иностранного* (Москва: Русский язык), 9–17.
- Брајковић, Н. (2008), *Међујезичка хомонимија и паронимија у настави руске лексике* (Подгорица: Унирекс).
- Дамљановић, Д. (1998), *Уџбеници руског језика у Србији до 1941. године: Докторска дисертација* [Филолошки факултет, Београд].
- Кончаревић, К. (1997), *Структура и садржај уџбеника руског језика за основну школу: Докторска дисертација* [Филолошки факултет, Београд].

Светлана Голяк
Белградский университет
филологический факультет
Белград, Сербия

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ СОЧИНЕНИЮ-ОПИСАНИЮ (на материале русского и сербского языков)

1. Обучение иностранных студентов письменной речи объективно является одной из наиболее сложных проблем в методике преподавания РКИ. Овладение письменной речью предполагает актуализацию знаний, умений и навыков, полученных студентами на предшествующих этапах обучения, а также формирование умения самостоятельно составлять тексты разных жанров. Одним из главных факторов, препятствующих грамотной продуктивной письменной речи, является межъязыковая интерференция.

Понятие межъязыковой интерференции приобретает особое значение в связи с необходимостью дальнейшей разработки методики обучения русскому языку как инославянскому, на что неоднократно указывал профессор Б. Станкович (1998). Выявление наиболее распространенных случаев интерференции в рамках определенной темы и сопоставительный анализ языковых единиц позволяют сформировать лексико-грамматический минимум, необходимый для успешного обучения данной теме.

В настоящей работе анализируется процесс обучения сербских студентов составлению сочинений в композиционно-речевой форме «описание» (в частности, «описание человека»). Целью работы было выявление частотных случаев межъязыковой интерференции, а также разработка практических рекомендаций для подготовительного этапа обучения сочинению-описанию на русском языке. Правильная организация данного этапа значительно повышает эффективность обучения.

Подготовка к сочинению-описанию человека включает, с одной стороны, актуализацию полученных ранее знаний: повторение композиционно-содержательных характеристик сочинения (трехчленная структура, необходимость выражения отношения к описываемому и др.), применение художественных приемов в сочинении-описании человека (прием фотографирования, или словесное рисование, оживление текста сравнениями и т.д.), а также повторение частотных слов и лексических групп, используемых в данных сочинениях («внешность», «характер» и др.).

С другой стороны, обязательным компонентом подготовительной работы должен стать анализ наиболее частых случаев межъязыковой интерференции в подобных текстах, что предупреждает возможные ошибки учащихся.

Для выявления частотных ошибок был проведен анализ около 200 сочинений студентов-русистов III курса Белградского университета. Работа велась в течение нескольких лет как со студентами, изучавшими русский язык ранее в школе, так и с теми, кто начал изучать русский язык на факультете. Студентам предлагались темы, стимулирующие выразить свое отношение к описываемому человеку («Человек, который произвел на меня сильное впечатление» и т.п.). Ошибки студентов были рассмотрены в рамках двух основных групп: 1) лексико-стилистические; 2) грамматические. Также анализировались другие виды ошибок: орфографические (во многом обусловленные последовательно применяемым фонетическим принципом письма в сербском языке), содержательные, логические и т.д., однако в центре внимания были две указанные группы. Особое внимание обращалось на лексико-грамматические конструкции, которые обычно представляют трудность при усвоении русского языка сербскими учащимися. На основании проведенного анализа был сформирован перечень лексем, конструкций и грамматических правил, составляющих лексико-грамматический минимум, который следует включить в работу с сербскими учащимися при подготовке к сочинению-описанию человека; также данные правила и соответствующие упражнения можно применить в корректировочном курсе РКИ (см. Владимирский ed. 1981; Баш et al. 1981).

2. Коррекция или предупреждение частотных лексико-стилистических ошибок студентов в сочинении-описании человека включает сопоставление следующих групп слов:

1) Сопоставление русских лексем *человек*, *особа*, *персона*, *лицо* и сербских *човек*, *особа*, *лице*.

При указании на наличие определенных качеств у человека в сербском языке используются лексемы *човек* (чаще для мужчин) и *особа* (для женщин): ср. *Он је поштен човек*; *Она је поштена особа*; *Она је таква особа...* В русском языке в таких случаях им соответствует лексема *человек*: *Он / Она порядочный человек*. *Он / Она талантливый человек* и т.п. Самой распространенной ошибкой сербских учащихся является употребление в подобных предложениях слов *особа* и *персона*: **Она порядочная особа*; **Она талантливая персона* (здесь и далее знак * указывает на неправильные формы из студенческих сочинений). На данном этапе работы с учащимися важно приучать их проверять значение и употребление слов по толковым словарям русского языка, т.к. переводные словари имеют другие задачи и не могут охватить все нюансы употребления слов (так, серб. *особа* в «Сербско-хорватском словаре» И. И. Толстого имеет следующие переводные эквиваленты: рус. *особа*, *лицо*, *персона* (Толстой 1970:353)). Следует обратить внимание сербских учащихся на маркированность многих сочетаний русских лексем *особа*, *персона* с определением: напр. *персона* 'с определением: книжн. устар., теперь ирон.

особа, личность' (МАС:III:154); *особа* 'с определением: лицо женского пола (когда не хотят назвать по имени или выражают свое к ней отношение': *Вздорная особа. Дело касается одной молодой особы* (МАС:II:892). Для обозначения индивидуальности употребляется рус. *личность* – серб. *личност*: напр., рус. *яркая личность* – серб. *маркантна особа, личност*.

2) Сопоставление русских лексем *имя, название, сокращенное имя, прозвище, кличка* и сербских *име, назив, надимак*, а также глаголов рус. *звать, зваться, называться* и серб. *звати, звати се, називати се*.

Наряду с повторением уже знакомых учащимся правил употребления слов и словосочетаний *имя, кого-л. зовут...* по отношению к человеку и *название, называется* по отношению к предметам, явлениям (в отличие от серб. *име, звати се* с общим употреблением), следует обратить внимание обучаемых на следующие нюансы использования лексем.

В сербской речи при обращении к другу, близкому человеку чаще используется сокращенное и видоизмененное имя – серб. *надимак*: *Миодраг – Мики* или *Мика, Петар – Пера, Светлана – Цеца*. При указании на это можно использовать фразы *Мы зовем его/ее...; Друзья зовут его...* Переводной словарь И. И. Толстого приводит два эквивалента серб. *надимак*: *прозвище, кличка* (Толстой 1970:275). Следует обратить внимание обучаемых на содержательные и стилистические различия указанных слов: *прозвище*, как правило, используется как 'название, данное человеку в шутку, в насмешку и т.п. (обычно содержащее в себе указание на какую-л. заметную черту его характера, наружности, деятельности и т.п.)' (МАС:III:657), тогда как *кличка* употребляется по отношению к животному.

Глагол *называть* употребляется с тв. падежом существительных, глагол *звать* – с им. пад., тогда как сочетание тв. падежа с глаголом *звать* имеет книжный характер: (Владимирский ed. 1981:81): ср. *Меня зовут Сергей* и *Меня зовут Сергеем*.

3) Сопоставление лексем *черта характера, качества, свойство, особенность* и *особина, одлика, црта*.

В рамках данной лексической подгруппы необходимо указать на правильные русские аналоги сербской лексемы *особина* в контексте описания характера человека: *качество, черта характера*: *Мне нравятся такие его черты характера, как трудолюбие, сильная воля...* Следует обратить внимание обучаемых на то, что рус. лексема *качество* характеризует 'существенный признак, свойство, отличающее... одно лицо от другого' (МАС:II:53), тогда как *особенность* используется при описании нюансов: ср. *Честность – его лучшее качество* вместо **Честность – его лучшая особенность*.

4) Трудности для учащихся представляют некоторые слова, служащие для описания степени выраженности признака: напр., употребление серб. *сасвим* и

русских аналогов, приводимых переводным словарем: *совсем, вполне, полностью, совершенно* (Толстой, 532). Вместо дословного перевода серб. *сасвим* – рус. *совсем* нередко требуется другой эквивалент или его отсутствие. Напр., серб. *Он је сасвим сигуран у себе* – рус. *Он полностью уверен в себе*; серб. *Она је сасвим природна* – рус. *Она вполне естественна*; серб. *Скоро сасвим обична прича* – рус. *Почти обычная история*. Русским лексемам *очень/не очень, такой* в подобных контекстах соответствуют сербские *много, не баш* и др.: *Она не очень умна* – *Она није много паметна*.

Рассмотренные явления не охватывают все случаи различного употребления сравниваемых русских и сербских лексем, однако это не было целью работы, ориентированной на выявление наиболее частотных ошибок в контексте описания человека.

3. Важной частью подготовительного этапа является повторение лексических групп «внешность» и «характер». Поскольку речь идет о родственных славянских языках, особое внимание следует обратить на межъязыковые омонимы и грамматические отличия слов с похожими корнями.

3.1. В группе слов, описывающих внешность и физические характеристики человека, необходимо проанализировать следующие пары слов:

- рус. *волосы* на голове (мн.ч.) – серб. *коса* (ед.ч.): напр., рус. *светлые волосы* – серб. *плава коса* (серб. *плав* '1) голубой; 2) светлый'); рус. *волосы* на теле – серб. *длака*; рус. *коса* – серб. *плетеница*;
- серб. *брада* – рус. *борода* и *подбородок*; серб. *подбрадак* (в 1м из значений) – рус. *двойной подбородок*;
- серб. *јагодице* – рус. *скулы*, а также *подушечки пальцев*; рус. *ягодицы*
- серб. *задњица* (анат. *гуз, дебело месо*);
- рус. *возраст* – серб. *узраст, старост*.

Также следует показать учащимся следующие особенности употребления слов: серб. *линија* со значением 'фигура' в выражениях серб. *чувати линију* – рус. *беречь фигуру*; серб. *она има лепу линију* – рус. *у нее хорошая фигура*; серб. *уво* 'ухо' со значением 'слух' в выражении *он има добро уво* – *у него хороший слух* и др. Особое внимание обращается на слова со связанным значением (фразеологические сочетания): *карие глаза*.

Ошибки могут быть вызваны грамматическими различиями переводных аналогов: ср. русские слова ж.р. ед.ч. *спина, поясница, десна*, а также *грудь* (чаще ед.ч.) и *рот* м.р. ед.ч. и их сербские аналоги, относящиеся в группе слов *pluralia tantum*: *леђа, крста, груди, десни, уста*.

Ряд ошибок вызван неправильным употреблением предлогов: напр., **И с двадцать лет он не верил в любовь*; ср. серб. *са 20 година* – рус. *в 20 лет*.

3.2. В группе слов, описывающих психо-эмоциональные, ментальные черты, способности и характер человека, следует сопоставить следующие пары межъязыковых омонимов:

- серб. *памет* – рус. *ум*, ср. *человек большого ума – человек великой памяти*;
рус. *память* – серб. *памћење, меморија*; серб. *интелигентан* – рус. *умный, сообразительный*; при этом следует обратить внимание обучаемых на 2 значения русского слова *интеллигентный*: 1) 'прил. к интеллигент..., свойственный интеллигенции' (интеллигенция 'социальная прослойка, состоящая из лиц, обладающих образованием и специальными знаниями в области науки, техники, культуры и профессионально занимающаяся умственным трудом'); 2) 'образованный, культурный' (МАС:І:927), отсюда варианты перевода рус. *интеллигентный* – серб. *фин, културан*, рус. *интеллигенция* – серб. *културна елита*, иногда *интеллектуалци*, с учетом указанных нюансов;
- серб. *прост* – рус. *грубый, невоспитанный*; рус. *простой человек* – серб. *једноставан човек, обичан човек*;
- серб. *вредан* – рус. *трудолюбивый*; рус. *вредный* (о человеке) – серб. *накостан, шкодљив*;
- серб. *безобразан* – рус. *наглый*; рус. *безобразный* – серб. *ружан*;
- серб. *писмен* (о человеке) – рус. *грамотный*, ср. *Он был письменным человеком;
- рус. *хитрый* – серб. *лукав*; серб. *хитар* – рус. *быстрый, проворный* и др.;

Серб. *таленат, талентован* может не только указывать на особый дар, как рус. *талант, талантливый*, но и употребляться в более нейтральном контексте при указании на некоторые способности, склонности: ср. серб. *дете је талентовано за математику* – рус. *у ребенка способности к математике* (не *он талантлив в математике; тогда как рус. *талантливый математик* говорит об уже состоявшемся специалисте). В этом же контексте используется серб. *смисао* 'смысл', а также 'способность понять что-л., способность к чему-л., склонность к чему-л.' (РСМ:V:886): серб. *он има смисла за језике* – рус. *у него способности к языкам*, серб. *смисао за хумор* – рус. *чувство юмора*.

Сложности у обучаемых вызвали некоторые многозначные слова и устойчивые выражения: рус. *подозрительный* – серб. *сумњичав* 'подозревающий, сомневающийся' и *сумњив* 'подозреваемый': напр., *подозрительная личность – сумњиво лице*; серб. *воља* '1) воля; 2) желание, охота', смешение значений привело к ошибочному **Ей часто говорят, что ей бы сниматься в кино, но у нее для этого нет воли*. Ср. также серб. *бити добре/зле воље* – рус. *быть в хорошем/скверном настроении*; серб. *воља* – рус. *сила воли* в контексте *он/она има слабу вољу – у него/нее нет силы воли, слабая сила воли* и т.п.

В рамках данной подгруппы также следует обратить внимание обучаемых на способы перевода сербских генитивных выражений с предлогом *od* на русский (родит. падежом без предлога или прилагательным): серб. *човек од речи* – человек слова, *жена од стила* – стильная женщина; с другой стороны, ср. также ряд русских выражений с родит. падежом: рус. *человек дела* – серб. *иницијативан човек*; рус. *человек долга* – серб. *савестан човек*.

4. Наряду с лексико-стилистическими, не менее распространены грамматические ошибки, вызванные межъязыковыми различиями. Грамматические особенности ряда слов и словосочетаний были проанализированы выше. Грамматическая работа при подготовке к сочинению-описанию человека должна включать повторение ряда следующих правил (нередко тесно связанных со стилистикой):

1) употребление творительного падежа в составном сказуемом: ср. **Он стал профессор* вместо *профессором*, **Он был человек высокого роста* вместо *человеком*;

2) использование полных и кратких форм прилагательных: так, при характеристике лица в предикате обычно употребляется краткая форма. Студенты ошибочно использовали полные формы при описании сиюминутного состояния: **В тот момент я была такая взволнованная* или образовывали их в тех случаях, когда это было невозможно: **Она была совсем не дурна, даже хорошенька*;

3) употребление слов *так* и *как* с краткими формами прилагательных и *такой*, *какой* – с полными формами: напр., *так прекрасна* или *такая прекрасная*, но не **Незнакомка была так прекрасная*; **Она так была добродушной*; **Морщины делали его как-то нелепым*;

4) стилистически правильное использование степеней сравнения: так, формы с суффиксами *-айш-*, *-ейш-* несут оттенок книжного стиля, отсюда их неуместность в рассказе о друге, выполненном с элементами разговорного стиля: ср. **Мой друг – красивейший мальчик во всей школе. Все знают этого пацана*;

5) использование ряда местоимений: так, в русском языке, в отличие от сербского, не используется местоимение *что* в контексте человека, только *кто*: ср. серб. *Шта си по струци?* – рус. *Кто ты по специальности?*; серб. *он ни на шта не личи* – рус. *он неизвестно на кого похож*.

Сербскому выражению *онај који* соответствует рус. *тот, кто* (не *который*): **Те, которые не пришли...*;

6) характерное для русского языка употребление личных местоимений в функции субъекта, в отличие от тенденции опускать их в сербском: **Когда улыбается, у него на щеках появляются маленькие ямочки* вместо *Когда он улыбается...*;

7) трудности нередко вызывает употребление ряда предлогов. Так, сербские беспредложные словосочетания с родит. падежом *девојка плавих очију*, *човек седе косе* и т.п., описывающие свойства наружности, переводятся на русский язык словосо-

четаниями с творит. падежом и предлогом *с*: рус. *девушка с голубыми глазами, человек с седыми волосами*. Следует сказать, что и в современном сербском языке существует тенденция употреблять в таких случаях сочетания с предлогом *с*: *девојка са плавим очима*. С другой стороны, в ряде выражений, указывающих на аксессуары, в сербском используется предлог *с*, тогда как в русском – *в*: серб. *човек са наочарима* – рус. *человек в очках*, серб. *жена са шеширом* – рус. *женщина в шляпе* (однако: *девојка са бисерном минђушом* – рус. *девушка с жемчужной сережкой*). Смешение конструкций приводит к ошибкам, напр. **Девушка с длинным носом и очками*.

Русский творительный падеж сравнения не имеет такого же эквивалента в сербском языке: ср. рус. *ноги иксом* – серб. *икс-ноге*, рус. *ноги колесом* – серб. *криве ноге (у облику слова о)*, а также ряд русских фразеологизмов, отсутствующих в сербском языке: *заливаться соловьем* и др.

Следует указать на ряд крайне распространенных в письменной речи сербских студентов ошибок, которые не связаны непосредственно с темой описания человека, но в силу их частотности можно рекомендовать работать с соответствующими правилами и заданиями практически на каждом занятии. Наряду с уже упомянутым употреблением личных местоимений в роли субъекта, сюда включаются:

- многие конструкции времени: прежде всего сербские генитивные сочетания, которые не переводятся на русский родит. падежом: серб. *тог дана* – рус. *в тот день* и др.;
- место частицы *не*, которое в русском, в отличие от сербского языка, не привязано к глаголу: напр., **Я его не буду помнить, потому что он научил меня жить и общаться с людьми. Он показал мне, что никогда не надо отречься от своих принципов* вместо *Я буду помнить его не только потому...*;
- обязательная отнесенность глагольного сказуемого и связанного с ним депричастия к одному субъекту в русском языке: **Выходя из магазина, меня остановила девушка* вместо имевшегося в виду *Когда я выходил из магазина...*;
- перевод сербского *то* с абстрактным значением русским *это*: серб. *то је немогуће* – рус. *это невозможно*, серб. *уместо тога* – рус. *вместо этого*.

5. Проведенный анализ лексических, стилистических и грамматических ошибок сербских студентов, обусловленных влиянием родного языка, позволил сформировать перечень лексем, конструкций и грамматических правил, которые требуют соответствующей работы при подготовке к сочинению-описанию человека и в рамках корректировочного курса РКИ. Правильно проведенная подготовительная работа по заданной теме поможет избежать наиболее распространенных ошибок учащихся и повысит грамотность их письменной речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Баш, Е. Г., et al. (1981), *Корректировочный курс русского языка для преподавателей-русистов из ЧССР* (М.: Русский язык).
- Владимирский, Е. Ю. (ed.) (1981), *Корректировочный курс русского языка для преподавателей-русистов из НРБ* (М.: Русский язык).
- Крючкова, Л. С., Мощинская, Н. В. (2012), *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному* (М.: Флинта – Наука).
- Станкович, Б. (1998), «Состояние и перспективы изучения славянских языков в инославянской среде», in Станковић, Б. (ed.), *Изучавање словенских језика, књижевности и култура у инословенској средини* (Београд: Славистичко друштво Србије), 7–12.

ИСТОЧНИКИ

- МАС – Евгеньева, А. П. (ed.) (1957–1961), *Словарь русского языка, I–IV* (М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей).
- Морковкин, В. В., Саяхова, Л. Г., Хасанова, Д. М. (2000), *Тематический словарь русского языка* (М.: Русский язык).
- РМС – Стевановић, М., et. al. (eds.) (1967–1976), *Речник српскохрватског књижевног језика, I–VI* (Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска).
- Толстой, И. И. (1970), *Сербскохорватско-русский словарь*, (М.: Русский язык).

Нона Гурамовна Бобохидзе
Государственный университет Акакия Церетели
Кутаиси, Грузия

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ГРУЗИНСКОЙ АУДИТОРИИ

При обучении русскому языку в грузинской аудитории наблюдаются особые сложности, обусловленные тем, что русский и грузинский языки относятся не просто к разным языковым группам, но и к разным языковым семьям. Это обуславливает значительные отличия между двумя языками на всех лингвистических уровнях. Там, где языковые явления и речевые навыки языков совпадают, происходит процесс транспозиции, значительно облегчающий усвоение материала и способствующий закреплению навыков русской речи. Но там, где такое совпадение отсутствует, грузинский язык «подделывает под себя», «затушевывает» русский, то есть происходит процесс интерференции. В современной методике рассматривается и анализируется множество работ взаимодействия и взаимовлияния языков именно с точки зрения поисков путей устранения интерферирующего влияния родного языка на изучаемый. Конечно, важно и то, что само знание одного языка позитивно для изучения второго. В некоторых случаях положительное влияние системы родного языка преобладает над интерферирующим влиянием. Правда, такое положение, в основном, справедливо при изучении родственных языков, поскольку транспозиция в данном случае оказывает более сильное воздействие из-за структурно-типологических сходжений в обоих языках. В условиях обучения русскому языку в грузинской аудитории явление транспозиции также заслуживает внимания, потому что значительно облегчает усвоение русского. Основанием для подобного утверждения является наличие у обучаемых определенного лингвистического опыта, поскольку одним из основополагающих принципов составления учебных программ по русскому языку для грузинской аудитории является учет опережающего обучения аналогичным явлениям не только в родном языке, но и в английском (начинают изучать в 1 классе). Таким образом, в процессе обучения русскому языку используются некоторые возможности положительного межъязыкового переноса. В случае с обучением русскому языку мы имеем дело с учащимися, имеющими опыт изучения языка, обладающими определенными грамматическими и речевыми навыками. Изучение русского языка связано с особенностями родного и английского и уровнем их усвоения. Безусловно, в такой ситуации возникает методическая необходимость использовать предыдущий лингвистический опыт учащихся для формирования грамматических знаний, умений и навыков русского языка, чтобы овладение им происходило по проторенным каналам в соот-

ветствии с лингвистическим опытом овладения родным и первым иностранным языками.

Усвоенные в грузинском языке понятия при изучении русского языка выступают в новой функции: они сами становятся конкретной опорой. Это относится и к лингвистической терминологии, к таким понятиям, как части речи, члены предложения, различные грамматические категории и т.д. Сформулированные на материале родного и первого иностранного языка понятия переносятся и находят подкрепление в обучении русскому языку, в чем и состоит суть транспозиции. Иногда, проводятся параллели между двумя первыми и изучаемым языками, а иногда между родным и двумя иностранными языками. Например, в грузинском и английском языках в 3 лице единственном числе у глаголов наблюдается -s на конце, чего нет в русском языке, или принадлежность кому-то выражается таким же окончанием -s как в грузинском, так и в английском. В свою очередь, в русском и английском языках в склонении существительных участвуют предлоги, которых вообще нет в грузинском – все эти примеры иллюстрируются перед аудиторией и учащиеся не только легче воспринимают новый материал, но и повторяют пройденный. Если педагог правильно подбирает упражнения и примеры, внимание обучаемых непроизвольно сосредоточивается на многократно повторяющейся форме, что дает богатый материал для наблюдения, анализа и обобщения. Здесь необходимо остановиться еще на одной проблеме. Известно, что современные школьники вообще мало или совсем не интересуются языком и чтением как таковыми. По остроумному замечанию В. Г. Костомарова, «нелингвисты от природы, они не могут наслаждаться парадигмами, любоваться вариантами, окончаниями и читать словарь вместо приключенческого романа» (Костомаров 1963:38), который они, впрочем, также не хотят читать. Положение осложняется еще и неразвитым чувством языка у билингвов, что создает дополнительные сложности. Решать эту проблему необходимо на этапе презентации языкового материала. Известно, что чем больше повторов форм – тем легче они усваиваются. Предложенная преподавателем речевая ситуация должна вынудить учащихся многократно повторять ту или иную форму, подходящие для ситуации выражения. В таком случае имплицитность грамматического задания является само собой разумеющейся, поскольку билингвы теоретически пока могут быть не знакомы с предложенной формой. Предотвращение возможных ошибок происходит путем первоначального вовлечения в выполнение упражнения более сильных учащихся, задача остальных при составлении ответной реплики облегчается тем, что от них в соответствии с установкой в каждом конкретно-ситуативном упражнении требуется применение структурно однородных грамматических форм. Последующий анализ ранее практически использованной формы создает у учащихся восприятие ее как «знакомой», изученной, поскольку они уже использовали ее на примерах. Такое использование отдельных языковых фактов, речевых ситуаций, ориентированных на многократную активацию

грамматической формы, предоставляют учащимся возможность самостоятельной систематизации языкового материала, что значительно повышает уровень осознания теоретических сведений и постепенно совершенствует их языковое чутье. Попытаемся на основе некоторых грамматических категорий раскрыть фактор схождения русского и грузинского языков как основу положительного взаимодействия языков в сознании учащегося, а также раскрыть возможные пути учета языковых контактов в системе презентации грамматического материала. Как было уже выше сказано, русский и грузинский языки относятся к разным языковым семьям, что определило их значительное различие на всех уровнях грамматики. Тем не менее, при обучении русскому языку в грузинской аудитории преподаватель не должен забывать о необходимости включения уже имеющейся у учащихся лингвистической информации в процесс обучения, потому что определенное сходство, например, в морфологической системе наблюдается: одинаковый перечень частей речи, тождественная система членов предложения и некоторые другие. Конечно, такого рода элементы одинаковы для многих языков, но их использование в процессе обучения оправдано как минимум психологически, так как создает ощущение одинаковости грамматической системы. Опора на транспозицию может стать одним из способов интенсификации процесса обучения.

Каковы возможности использования транспозитивного переноса при обучении русской грамматике в грузинской аудитории? Мы говорили, что различий намного больше, чем сходства. При обучении грамматике русского языка на всех уровнях нет необходимости специально останавливаться на характеристике каждой отдельной части речи, поскольку они аналогичны. Эти части речи характеризуются хотя бы частично одинаковыми грамматическими категориями (частично, – поскольку, например, категория рода отсутствует в грузинском языке). Необходимо отмечать моменты сходства. Например, одним из основных средств выражения грамматических значений в русском языке является флексия, – то же наблюдается и в грузинском: *tsigni – tsignma – tsigns* – книга, книги, книге или использование префиксов: *kerva, shekerva* – шить, сшить и др. Следовательно, в том случае, когда грамматические значения внутри какой-либо морфологической категории в русском языке выражаются несколькими средствами, начинать обучение следует со знакомого учащимся из родного языка средства, даже тогда, если в изучаемом языке это средство является не самым основным. Например, грамматическое значение вида у глагола выражается несколькими средствами – суффиксацией, префиксацией, чередованием, ударением и т.д. Обычно научная грамматика начинает характеристику видообразования с суффиксального способа, а именно с имперфективации, поскольку имперфективация – процесс универсальный среди приставочных и бесприставочных предельных глаголов, и в системе русского глагола существуют специальные суффиксы имперфективации (-ива-, -ыва-, -ва-, -а-, -я-). Видовые же пары с чистовидовыми приставками – явление избирательное по

отношению к самим приставкам и бесприставочным глаголом: почти все приставки могут выступать в чистовидовой функции, но лишь в определенном значении и в сочетании с глаголами определенной семантики, т.е. в системе русского глагола нет специальных префиксов, выражающих только видовое значение (совершенного вида). Например: писать – написать (вид), говорить – наговорить (накопительный СД). Несмотря на то, что приставочное видообразование в русском языке с точки зрения семантической нагрузки сопряжено со значительными трудностями для билингов, мы приступаем к обучению способам видообразования именно с приставочного, поскольку в грузинском языке это единственное средство образования совершенного вида от несовершенного. Избежать фактической научной ошибки (т.е. образования невидовой пары) мы сможем, не упоминая на первых парах о видовой корреляции или же предложив в качестве такой готовые примеры.

Гораздо большие возможности для транспозитивного переноса содержит обучение неизменяемым частям и частицам речи (наречиям, предлогам и др.), поскольку они не обладают способностью словоизменения, а общее значение их в языках совпадает.

Через аспектно-ситуативные упражнения происходит реализация поискового, эвристического метода получения языковой информации уже на этапе знакомства с грамматическим явлением. Хотя здесь мы должны заметить, что в методике есть мнение, что коммуникативная направленность курса русского языка в иноязычной аудитории сужает сферу применения поискового метода обучения по двум причинам: из-за сугубо прикладного характера преобладающей части языковых знаний и из-за неэкономности самого метода (Успенский ed. 1986:141). Действительно, современная методика ставит целью не знакомство с языком как с неким лингвистическим феноменом, а утилитарное его усвоение как средства коммуникации. Однако это не снижает значимости грамматических знаний, являющихся залогом автоматизированной речевой деятельности, поскольку «получение информации о грамматическом строе русского языка в условиях национальной школы не роскошь и не излишество, а необходимое условие практического овладения языком» (Величук 1969:71). Следовательно, по возможности глубокое осознание языковой информации помогает предотвратить ошибки в структурно-грамматическом оформлении высказывания.

Поскольку овладение грамматикой неродного языка происходит в условиях тесного взаимодействия языков в сознании обучаемого, в процессе усвоения похожего грамматического материала вместо повторного изучения известных определений и некоторых знаний и умений возможно использование приема сопоставления терминов и создания ориентировочной основы «как в грузинском языке», в результате чего происходит перенос сведений. Использование приемов стимулирования управляемого межъязыкового переноса облегчает усвоение материала, дает возможность сохранить объем теоретического материала, освободить память

учащихся для запоминания несходных явлений. Высвобожденное время позволяет усилить работу по активизации материала второго языка, то есть оставляет больше времени для тренировочных и коммуникативных упражнений, которые в общей системе обучения неродному языку должны занимать доминирующее положение. Чтобы осознать и обобщить ряд языковых фактов, нужна не просто мыслительная, а активная речемыслительная деятельность. Поэтому при грамматическом анализе изучаемых форм нужно требовать от учащихся мыслить вслух. Постоянное внимание к логически завершенному стройному высказыванию заставит их критично относиться к собственной речи и тем самым снимет другую проблему – неэкономности поискового метода в обучении русскому языку в иноязычной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

- Величук, А. П. (1969), «К вопросу о лингвистических основах теории учебной грамматики», *Русский язык в азербайджанской школе*, 11.
- Костомаров, В. Г. (1963), «Несколько слов по поводу „грамматических упражнений“», in Дегтярева, Т. А. (ed.), *Как подготовить интересный урок иностранного языка: Сб. статей* (М.: изд-во ВПШ – АОН при ЦК КПСС), 48–60.
- Успенский, М. Б. (ed.) (1986), *Урок русского языка в национальной школе* (М.: Педагогика).

Јелена Михајловић
Београд, Србија

О МЕСТУ И УЛОЗИ КОМУНИКАТИВНЕ ФУНКЦИЈЕ ЈЕЗИКА У НАСТАВИ РУСКОГ ЈЕЗИКА ЗА ТУРИЗМОЛОГЕ

Циљ свеукупног наставног процеса на Високој туристичкој школи саображен је актуелним потребама туристичке привреде, како на домаћем, тако и на иностраном туристичком тржишту. За развој туризма као привредне делатности све већу компаративну предност у односу на природне ресурсе и јефтину радну снагу има образовање и технологија. Зато и наша земља треба да гради позицију усавршавања квалитета технологија, као и подизања нивоа квалитета туристичких услуга. То се може постићи подизањем нивоа образованости и укупне професионалне оспособљености запослених у предузећима туристичке привреде. Звање економиста у туризму које сваки студент по завршетку ове школе добија подразумева и оспособљеност кадрова за средњи управљачки ниво.

Имајући све ово у виду, као важан принцип програмског осмишљавања и извођења наставе руског језика на Високој туристичкој школи може се издвојити развијање говорних способности студената. „Само језичка способност, узета у најужем смислу речи, без *комуникативне способности*, не може да задовољи сложене захтеве језичке комуникације“ (Hymes 1972:69). Исти аутор у студији *Етнографија комуникације* предвиђа: „Овакав пројекат етнографије комуникације проистиче из уверења да се може очекивати да ће се установити нова дескриптивна наука која би се језиком бавила тако што би, уз постојећу лингвистику, напоскон – и укључујући је у себе, свој предмет схватила не само као апстрактну форму или као апстрактан корелат друштва, него као *део процеса* и *образаца* кроз које се *комуникативни догађаји* одвијају. Она би *комуникативну форму* и *функцију* проучавала у укупности њихових међусобних односа. На тај начин би се и у потпуности разликовала од досадашњих поимања лингвистике и њених преокупација.“ (Хајмз 1980:17).

У ранијим разматрањима наглашавали смо значај комуникативне функције језика у домену туризмологије. Сада је помињемо у оквиру циљева наставе страног/руског језика. У свом истраживању уџбеника руског језика са културолошког и лингвокултуролошког аспекта, Р. Маројевић (Marojević 1982:112) даје критички осврт на избор текстова у уџбеницима уочавајући да је у њима занемарена дијалогска форма „која је свакако прикладнија за продуктивно усвајање лексике“. С тим је у вези и следеће мишљење: „Циљеви наставе страних језика данас су најчешће усмерени ка стицању способности вештине говора; а у ствари, говор је по правилу главни, а не тако ретко и једини циљ наставе. Тако се данас уџбеници страних јези-

ка и пишу, тј. њихов примарни циљ је управљен ка развијању говорних способности ученика.“ (Димитријевић 1982:71).

На узрасном нивоу нашег истраживања развијање комуникативне функције језика посредством наставних планова и програма има примарни циљ. Ако размотримо програмску усмереност осталих предмета струке (менаџмент туристичке дестинације, пословање туристичких агенција и организатора путовања, пословање хотелских предузећа, маркетинг у туризму, селективни облици туризма, управљање квалитетом туристичког производа...) уочавамо да је фактор *услуга у туризму* веома значајан. То можемо и показати на неколико примера из туризмолошко-економске стручне литературе.

Најпре ћемо представити неке релевантне ставове о значају *међуличносне комуникације*, што је иманентни део *услуга у туризму*. Александар Колка истиче значај страних језика у контексту интензивирања глобалне комуникације: „Присутност страних језика у друштву није обиљежје нашег доба, но никада до сада она није имала тако велике размере. Због техничких проналазака попут радија, филма, телевизије, грамофона, магнетофона (и ми бисмо додали компјутера, интернета), те интензивне међународне размене производа привреде и масовне културе појединци и заједница запљуснути су страним ријечима и текстовима. Страни су језици већ традиционалан садржај наставних програма школа свих ступњева. Уче се, дакле, обавезно, али и слободним одабиром, па је на тржишту *услуга* подука из страних језика стекла итекако добру прођу.“ (Kolka 1988:5). О персоналној димензији интеркултурне комуникације читамо: «Приступая к исследованию основ межкультурной коммуникации, следует всегда помнить, что она имеет место не между культурами, а между индивидами, которые в той или иной степени являются носителями различных культурных ценностей. Иными словами, межкультурная коммуникация проявляется в форме межличностной коммуникации. Межличностная коммуникация понимается как процесс одновременного взаимодействия коммуникантов и их воздействия друг на друга. Для неё характерен целый ряд особенностей, отличающий её от других видов коммуникации. Межличностная коммуникация может осуществляться в различных формах, специфика которых определяется числом участников, их социорольевым статусом, коммуникативной установкой, особенностями пространства и времени коммуникации.» (Грушевицкая et al. 2003:104).

Због таквог карактера међуличносне комуникације посебна улога припада *култури говора*, што поставља и задатке пред образовне структуре у сваком модерном друштву. «Продуманная лингвистическая программа работ в культуроведческом просвещении должна предусматривать многостороннее совершенствование культуры речи каждого человека. Личностный аспект выдвигается на первый план не только в работе школы, но и в деятельности всех обучающих структур общества. Справедлива мысль Ю. Н. Караулова: „Норма, учитывающая как системный, так и эволюционный аспекты языка, невозможна без третьей координаты – лич-

ностной, т.е. языкового сознания. Обратная связь, однако, неизбежна. Понятие общерусского языкового типа мертво без включения в него языковой личности, но оно одновременно теряет смысл вне системы и эволюции.“» (Граудина, Ширяев eds. 2002:11–12).

Неки аутори у својим публикацијама из домена туризмологије истичу да је једно од битних подручја за питање квалитета у туристичким услугама интеракција купца и продавца 'лицем у лице', где је посебно важно да запослени својим особинама као што су разумевање, предусретљивост, знање и комуникација утичу на квалитет производа/услуге. Очигледно, у услужном/хотелском предузећу битно је на прави начин разумети важност контакта са потрошачима, с једне стране, али и чињеницу судбинског утицаја запослених на квалитет. Интеракција купца (туристе) и продавца код хотелске услуге је та која одређује димензију квалитета тзв. 'moment of truth' и није ништа друго до испорука одређеног квалитета од стране продавца на место и на време купцу (туристи). Практично, због симултаности процеса производње и потрошње услуге у хотелијерском пословању, 'moment of truth' произилази из интеракције купца (туристе) и продавца. Непостојањем интеракције губи се потрошач (туриста), испоруком испод просечног (лошег) квалитета потрошач (туриста) се може изгубити, а испоруком натпросечног квалитета се очекује да потрошач (туриста) постане и лојалан.

Неки пак аутори указују на неколико основних категорија које одређују квалитет туристичких услуга:

- „1. Поузданост – као способност да се услуга пружи;
2. Осетљивост – као спремност и вољност особља да се услуга пружи;
3. Компетентност – као поседовање знања и вештина у пружању услуга;
4. Приступачност – као лакоћа у конзумирању услуга;
5. Куртоазност – као респект и поштовање у опхођењу са гостом;
6. Комуникативност – као јасноћа и прецизност у комуницирању са потрошачима;
7. Кредибилитет – као израз поверења и веродостојности;
8. Сигурност – као облик безбедности и поверљивости потрошача;
9. Разумевање – као напор да се изађе у сусрет жељама купца;
10. Опиљивост – као појава физичких доказа (опрема, ентеријер и сл.).

Јасно је да услужно предузеће (хотелијер) мора водити рачуна о овим категоријама квалитета и полазећи од њих дизајнирати своју услугу.“ (Бакић et al. 1998:78).

Из овога се може јасно сагледати да је комуникативност као једна од основних категорија можда најшира по обухвату. Категорија комуникативности заправо овде има двоструку улогу. Са аспекта туризмолошке науке она јесте претпоставка подизања нивоа квалитета својеврсних услуга у туризму, док је са аспекта лингвистике једна од основних функција језика. Поред когнитивне или сазнајне функције

у оквиру које језик има значајну улогу у процесима мишљења и обликовања света, комуникацијска функција језика јесте основна и најшира, која обухвата већину других, у њој утемељених језичких улога.

Интересантно је напоменути да је, између осталог, и овде као заједнички имитељ истакнута друштвена основа. Заправо све побројане основне категорије које одређују квалитет туристичких услуга, те и десета *опитљивост* на посредан начин кроз појаву физичких доказа (опрема, ентеријер), подразумевају одређено друштвено понашање. Друштвена подлога језичког општења у оквиру комуникативне функције језика, у нашем случају сведене на језичке поруке из домена туристичких услуга, такође је увек присутна (Михајловић, 2007:238–243).

Поузданост – прва набројана категорија, у оквиру непосредног контакта продавца и туристе, под способношћу да се услуга пружи, у једном значајном делу подразумева језичку комуникацију.

Осетљивост као друга поменута категорија, наведену спремност и вољност особља да се услуга пружи, изражава и кроз својеврсну језичку комуникацију.

Компетентност – трећа категорија, поменуто поседовање знања у пружању услуга се управо испољава кроз облик језичке комуникације између продавца и купца (туристе).

Приступачност – категорија под редним бројем четири, која одређује квалитет туристичке услуге, под лакоћом конзумирања услуга подразумева једноставност комуникацијског општења.

Куртоазност – као респект и поштовање у *опхођењу* са гостом, јесте заправо синоним језичке етикецијске комуникације.

Комуникативност – као шеста категорија у оквиру одређивања квалитета туристичких услуга, осим наведене јасноће и прецизности у комуницирању са потрошачима јесте, како смо то већ навели, по обухвату много шира, што се из досадашње и даље анализе закључује.

Кредибилитет – седма категорија, исказана преко међусобног поверење продавца и госта/туристе и веродостојности, управо се обликује и кроз језичку комуникацијско општење.

Сигурност – исказана безбедношћу и поверљивошћу потрошача/туриста је заснована на међусобној језичкој комуникацији продавца и потрошача/туристе.

Разумевање – као девета категорија у одређивању квалитета туристичких услуга, представљена у виду напора да се изађе у сусрет жељама купца/туристе у средиште свакако ставља интеракцијску језичку комуникацију између даваоца и примаоца услуга.

Опитљивост – десета категорија назначена као појава физичких доказа (опрема, ентеријер) је посредована језичким комуникацијским општењем.

Или, можемо навести и следећи пример из области туризмолшке литературе, везано за специфичности радног процеса у туристичким агенцијама и организато-

рима путовања. Аутори објашњавају да је „битно обележје ових активности њихов услужни карактер што потенцира *улогу живог људског рада*. За активности на пружању услуга карактеристична је истовременост процеса стварања и коришћења самих услуга, односно неопходност присуства потрошача у току пружања услуга. За услужне делатности је карактеристично успостављање *интерперсоналног контакта* као саставни део процеса пружања услуга из чега проистиче и пресудан утицај људског фактора на постизање сатисфакције потрошача. Такву улогу имају запослени у туристичким агенцијама и организаторима путовања... Заправо, само извршење пакет аранжмана као јединствене комбинације различитих туристичких услуга заснива се највећим делом на услугама које *непосредно* пружају саобраћајна, хотелска, ресторанска и друга предузећа.“ (Спасић 2006:61–62). Парафразираћемо, даље, из туризмолошке литературе чињеницу да се теорија маркетинга у прошлости углавном фокусирала на то „како продати“ (Живковић 2009:4). Међутим, данас се маркетинг у туризму фокусира на потрошаче, померајући границе деловања, од трансакцијског размишљања до изградње *односа* на релацији пружалац услуга – прималац услуга/потрошач/туриста.

За ова разматрања значајан је и став С. Елаковића: „Једино шире социолошко-хуманистичко сагледавање примјерене платформе отвара ослобађајућу перспективу рађања туризма и могућности плодних социолошких (а ми бисмо додали *и лингвистичких*) истраживања у овој важној домени. С друге стране, да би ова ослобађајућа перспектива могла бити остварена неопходна су конкретна емпиријска истраживања као комплементарни пар јединственог знанственог процеса. Штавише, испитивања су, поготово код нас данас, неизбежна потреба тренутка кад се осећа стагнација у развоју туризма, и када се, још увијек уопће нису темељније испитале економске, социокултурне и друге промене које је развитак туризма у поратном периоду узроковао на нашем подручју. Колико смо урадили на хуманизацији нашег рецептивног туристичког 'погона'? Да ли у задовољавајућој мери користимо шансу да се захваљујући изванредној природној и повјесно-културној привлачности Југославије и новума нашег социјалног преображаја у нашим туристичким подручјима и 'погонима' (хотелима, агенцијама, саобраћајним средствима) одиграва сусрет где је човјек човјеку потреба. Сусрет човјека с човјеком (подвлаче Маркс и Dapoud) најдрагоценија је значајка туризма, те је отуд главни задатак туристичке економије да буде на висини човјекове потребе: да човек открива сам себе тиме што открива другог.“ (Елаковић 2007:96).

Пошто је наше истраживање у првом реду лингвистичког карактера, из претходних навода нарочито издвајамо чињеницу да се употребом језика у области туризма (конкретно услуга) ствара и учвршћује веза међу припадницима „путујућег човечанства“ који су њоме обухваћени. „Та досегнута култура дијалога једина је заиста примерена ослобођеном друштвеном бићу човека.“ (Шкиљан 1989:34). Зато је тврдња Карела Косика да је одбрана језика равна „ослобађајућем чину“,

чину слободe сасвим оправдана. Као резултат тога, постиже се осећање блискости међу људима, као и осећај заједништва који су битна претпоставка друштвеног живота. Имајући све ово у виду можемо закључити да првенство припада комуникацијској функцији језика, као темељној и најширој, из које се могу извести све друге. Та њена темељност и ширина потврђују и не дозвољавају да се заборави да ми као људска бића имамо цео спектар психолошких потреба које могу да нам задовоље само други људи и да је за нашу менталну стабилност неопходна топлина људског контакта, топлина људске речи.

Из ове суштинске улоге комуникативне функције језика произилази узајамно зависан однос између друштвених потреба и области струке – наставног процеса, плана и програма руског језика и уџбеника високошколског туризмoлошко-економског профила. У таквом контексту могуће је представити комплементарност наставни час – уџбеничка лекција кроз дијалошку форму увођења и неговања продуктивног усвајања руског језика одређеног нивоа. Навешћемо примере из различитих уџбеника високошколског туризмoлошко-економског профила који покривају различите интензитете, тј. нивое у изучавању руског језика, али у први план истичу комуникативну функцију језика:

- Ах жалко, нижнее место занято.
- А вы не беспокойтесь. Я вам его охотно уступлю.
- Да что вы, что вы, не надо.

[Николић, В., Станојевић, Р. (1978), *Руски пословни језик* (Београд: Савремена администрација), 12].

- Вы не можете сказать, где находится бюро обмена валюты?
- Советую обменять деньги в аэропорту. Сейчас уже поздно, и бюро обмена валюты в гостинице уже закрыто.
- Благодарю вас.

[Милинковић, Љ. (1995), *Руски језик за економисте са пословном кореспонденцијом* (Београд: Савремена администрација), 14].

- Извините, (вы не знаете), где находится концертный зал «Октябрьский»?
- В центре, недалеко от станции метро «Площадь Восстания», почти сразу за гостиницей «Октябрьская». Вы знаете, где находится эта гостиница?
- К сожалению, нет. Я приезжий.
- Тогда вам лучше от станции метро ехать на трамвае (номер) двадцать пять. Он останавливается как раз напротив концертного зала.
- И сколько остановок (мне нужно ехать)?
- Всего одну остановку.
- Спасибо.
- Пожалуйста.

- Извините, (вы не знаете), на этом трамвае я доеду до Мариинского театра?
- Да, доедете. Вам нужно выходить на Театральной площади.
- А это далеко?
- Не очень (далеко). Остановки три-четыре.
- Спасибо.
- Пожалуйста.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

- Андрей, добрый вечер.
- Джеймс, здравствуй. Где ты находишься? Мы все тебя ждём.
- Я, кажется, заблудился. Сейчас я стою у книжного магазина на Лиговском проспекте.
- Тебе нужно перейти на другую сторону (проспекта) и повернуть налево. Иди вдоль проспекта, а я тебя там встречу.
- Хорошо. Я понял. Спасибо.
- До встречи.

[Михајловић, Ј. (2007), *Руски језик за факултете и високе школе економско-туристичко-угоститељског смера: Почетни ниво учења – интензивни курс* (Београд: Завод за уџбенике), 37, 38, 39].

АГЕНТСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Агент: Нам хотелось бы обсудить вопрос о размере оmissionsонного вознаграждения.

Принципал: Мы предлагаем комиссионные в размере 5% от общей стоимости годовых продаж.

Агент: Я думаю, что 5% будет недостаточно при том объёме услуг, которые мы предоставляем. К тому же конкуренция со стороны других фирм будет острой.

Принципал: Но мы обязуемся представить все рекламные материалы, персонал для работы демонстрационного зала и оплатить его работу.

Агент: Значит, все расходы по рекламе будут за ваш счёт?

Принципал: Около 80% процентов. Материалы будут представлены на русском и английском языках...

[Маројевић, М. (1996), *Руски пословни језик* (Београд : Српски фонд словенске писмености и словенских култура), 188].

В РЕСТОРАНЕ (РАЗГОВОР С ОФИЦИАНТОМ)

- Здравствуйте. Нас двое.
- Проходите, выбирайте столик.
- Я хотела бы сидеть около окна.

- Садитесь, пожалуйста. Вот столик на двоих. Вот меню.
- Принесите, пожалуйста, пепельницу.
- Одну минуту.
- Здесь меню только на русском языке. Вы должны мне помочь, я не знаю некоторые слова.
- Конечно, я Вам с удовольствием помогу. Так закуски: салат из свёклы с орехами. А вот ещё, блины с икрой, красная рыба, пирожки с мясом, с капустой. Вот и салат «Оливье». Когда-то это был французский салат, но теперь он наше русское национальное блюдо...

[Раичевић, В. (2005), *Руски језик за пословне људе у области спољне трговине и туризма* Београд: Institute of Economic Diplomacy), 66].

ИНФОРМАЦИЈА О СТРАНЕ ОТДЫХА И РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ТУРОВ (клијент и менаџер греческой турфирмы)

- Здравствуйте, меня зовут Елена. Присаживайтесь. Слушаю вас.
- Здравствуйте. Очень приятно. Мы хотели бы отдохнуть в Греции.
- Очень хорошо. Греция – одно из основных наших направлений. У нас очень широкие возможности в Греции. Когда вы хотите поехать?
- Во второй половине августа. На две недели. Нас четверо. Двое взрослых и двое детей.
- Вы знаете, это высокий сезон для отдыха в Греции, и поэтому самый дорогой. Кстати и самый жаркий.
- Что делать! У нас нет выбора, это время, которое устраивает всех.
- Вы уже выбрали конкретное место, куда хотите поехать?
- Вы знаете, мы уже были на Крите, нам очень понравилось. Хотелось бы недельку там провести ещё раз и неделю где-нибудь ещё. Может быть, вы что-то посоветуете?
- Как вы предпочитаете отдыхать?
- Ну, конечно, купаться в море, но не только. Мы привыкли много ездить, смотреть всё, что можно.
- У нас в Греции очень много вариантов отдыха. Прекрасные возможности сочетать море, солнце с экскурсиями по интереснейшим местам. Островная Греция, материковая. Есть, что посмотреть. Можно взять Пелопоннес или классический пятидневный тур с размещением в Афинах, можно совершить однодневный круиз на теплоходе или по островам. Всё по вашему желанию.
- Мы предпочитаем передвигаться сами и, честно говоря, не любим коллективных экскурсий.
- Это ещё проще. В любом месте в Греции аренда автомобиля – не проблема. Если позволяют средства, возьмите машину напрокат, купите карту местности, и вы сможете поехать, куда захотите.

- Да, именовано так мы, как правило, и делаем.
- Тогда вам имеет смысл посетить остров Родос. Он небольшой. Его можно объехать на машине за два дня, увидеть удивительную по красоте природу, исторические памятники.
- Хорошо. Нам нужно подумать, посоветоваться. Можно взять ваш каталог? Мы посмотрим дома, выберем что-нибудь, и потом я буду готова разговаривать с вами более конкретно.

[Михајловић, Ј. (2009), *Руски језик за факултете и високе школе економско-туристичко-угоститељског смера: Завршни ниво учења* (Београд: Завод за уџбенике), 32].

*

У мери у којој је наставни процес/час руског језика усклађен с друштвеним потребама, исполњеним у друштвено-свакодневној, социокултурној и научно-стручној сфери, односно, у мери у којој кореспондира с уџбеником/лекцијом руског језика – у тој се мери, истицањем у први план комуникативне функције језика, наставни процес саображава циљевима наставе руског језика за туризмологе.

ЛИТЕРАТУРА

- Hymes, D. H. (1972) "On Communicative Competence", in J. B. Pride and J. Holmes (eds.), *Sociolinguistics: Selected Readings* (Harmondsworth: Penguin) 269–293.
- Kolka, A. (1988), *Strani jezik i društvo* (Zagreb: Školska knjiga).
- Marojević, R. (1982), „Udžbenici ruskog jezika za srednje usmereno obrazovanje sa kulturološkog i lingvokulturološkog aspekta“, in Stojnić, M. (ed.), *Jezik i kultura u nastavi stranih jezika* (Beograd : Zavod za udžbenike i nastavna sredstva).
- Бакић, О., Љубојевић, Ч., Живковић А. (1998), *Менаџмент услуга у савременој економији* (Београд: Економски факултет).
- Граудина, Л. К., Ширияев, Е. Н. (eds.) (2002), *Культура русской речи, учебник для вузов* (Москва: Норма).
- Грушевицкая, Т. Г., Попков, В. Д., Садохин, А. П. (2003), *Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов* (Москва: Юнити-Дана).
- Димитријевић, Н. (1982), „Савремени правци методике наставе страних језика и концепција уџбеника“, in Митић, В. (ed.), *Уџбеник као предмет научних истраживања* (Београд : Завод за уџбенике и наставна средства).
- Елаковић, С. (2007), *Пословна етика и комуницирање* (Београд: Универзитет Сингидунум – Факултет за туристички и хотелијерски менаџмент).
- Живковић Р. (2009), *Понашање и заштита потрошача у туризму* (Београд: Универзитет Сингидунум – Факултет за туристички и хотелијерски менаџмент).

- Михајловић, Ј. (2007), „Језик и туризам у контексту друштвених прилика“, *Славистика*, XI, 238–243.
- Спасић, В. (2006), *Менаџмент туристичких агенција и организатора путовања* (Београд: Универзитет Сингидунум – Факултет за туристички и хотелијерски менаџмент).
- Хајмз, Д. (1980), *Етнографија комуникације* (Београд: БИГЗ).
- Шкиљан, Д. (1989), *Лингвистика свакодневице* (Нови Сад: Књижевна заједница Новог Сада).

Маријана Папрић
Земунска гимназија
Београд, Србија

ПРИМЕНА МАТЕРЊЕГ (СРПСКОГ) ЈЕЗИКА НА НАСТАВНОМ ЧАСУ СТРАНОГ (РУСКОГ) ЈЕЗИКА: СТАВОВИ НАСТАВНИКА

Познато је да је принцип поштовања матерњег језика ученика један од водећих у савременој методици наставе руског језика као страног.

Међутим, током историјског развоја лингводидактичке мисли и смењивања једних метода другима, долазило је до честих спорова и неслагања у погледу примене овог принципа.

Традиционална – граматичко-преводна метода која се активно примењивала у учењу старогрчког и латинског језика, као и други когнитивни методи који су настали на њеној основи (свесно-практични, когнитивно-контрастивни, програмирали, индивидуализовани, итд.) проглашавали су овај принцип водећим у настави. Примена овог принципа била је у складу са циљем постављеним у настави класичних језика – развијањем опште културе и способности размишљања и анализе (Точанац-Миливојевић 1997:9; Капитонова, Шукин 1987:34–35). Према традиционалном моделу страни језик се усвајао читањем, превођењем и учењем граматичких облика.

Директна метода радикално мења циљеве, а самим тим и приступ учењу страних језика. Основни принцип директне методе је принцип иманентности, односно директног усвајања страног језика уз апсолутно искључивање матерњег. Циљ учења је успостављање непосредних, директних асоцијација између лексичких јединица и граматичких облика страног језика и њиховог значења без посредовања матерњег језика ученика. За разлику од традиционалне методе која је развијала пасивна језичка знања и разумевање писаних текстова, директну методу карактерише практична усмереност наставе, интуитивност (на супрот свесном усвајању језика), принцип усмене антиципације и коришћење средстава очигледности (Леонтјев 1988:36; Капитонова, Шукин 1987:83–119).

Покушај да се превазиђе раскорак између когнитивног и директног приступа у настави страних језика довео је до стварања нове – синтетичке или комбиноване методе која је обухватила елементе оба приступа. У зависности од принципа који је био доминантан, комбиновани приступ могао је бити ближи првој или другој групи метода. Међу варијантама комбиноване методе издвајају се комуникативна, интегрална, културолошка и др. (детаљније в.: Капитонова, Шукин 1987:138–152).

У савременој методици наставе руског језика као страног која се заснива на комбинованом – когнитивно-комуникативном моделу учења, принцип поштовања матерњег језика ученика није споран. На значај овог методског принципа указују руски и српски методичари. Поменућемо само неке: В. Г. Костомаров, О. Д.

Митрофанова (Костомаров, Митрофанова 1988:40–48; Митрофанова, Костомаров 1990:110–124), А. А. Леонтјев (Леонтјев 1988:30–32), Ј. И. Пасов (Пасов 1989:114–115), А. Н. Шчукин (Шукин 1990:34), О. А. Јерјомина (Еремина 1994:83), К. Кончаревић (2004:115–116). Неслагања постоје једино на плану практичне примене овог принципа, те се у већини случајева питање о његовом могућем уделу решава индивидуално.

Дакле, имајући у виду актуелност овог питања, као и чињеницу да оно још увек није довољно истражено у савременој лингводидактици, покушали смо да са практичног аспекта сагледамо основне дидактичке функције и улогу матерњег (српског) језика на наставном часу руског језика и дамо компаративну анализу његове могуће заступљености у разним етапама структурне организације наставног часа у основношколском и средњошколском образовном профилу.

При писању овог рада руководили смо се потребама наставне праксе, науке, али и личним афинитетима, односно професионалном ангажованошћу у организацији и извођењу наставе руског језика у гимназијском образовном профилу. Практична вредност рада огледа се у давању конкретних препорука и сугестија у вези са применом матерњег језика на наставном часу са циљем побољшања квалитета наставе руског језика у основним и средњим школама.

С тим у вези спровели смо анкету у којој је учествовало 56 наставника руског језика; по профилима: 31 наставник основних школа, 17 наставника средњих стручних школа и 8 наставника гимназија.

Учесници анкете су вредностима од 0–6 означавали у којој мери, односно када, у којим ситуацијама, тј. етапама наставног часа прибегавају матерњем језику. Анкета садржи 17 питања о употреби матерњег језика у одређеним фазама наставног процеса (на часу), и то:

- 1) у успостављању почетне комуникације са разредом;
- 2) приликом пружања увида у обим и структуру градива које ће се обрађивати;
- 3) приликом мотивисања и стимулисања ученика;
- 4) приликом успостављања и одржавања дисциплине;
- 5) приликом обнављања градива;
- 6) при увођењу новог градива;
- 7) приликом семантизације лексике;
- 8) у објашњавању граматичких законитости и правила;
- 9) у обради фонетике;
- 10) у обради графиције и правописа;
- 11) у обради материјала из стране културе;
- 12) приликом увежбавања градива;
- 13) приликом задавања домаћег задатка;
- 14) при провери домаћег задатка;
- 15) при резимирању резултата часа;

- 16) приликом исправљања (кориговања) ученика;
17) при образлагању оцене.

Оцене у скали од 0 – 6 означавају:

0 – апсолутну искљученост матерњег језика; 1 – минимално присуство матерњег језика; 2 – присуство мање од присуства страног језика; 3 – уједначено присуство матерњег и страног језика; 4 – присуство веће од удела страног језика; 5 – максимално присуство матерњег језика; 6 – искључиво присуство матерњег језика. Поље означено звездицом (*) показује у ком проценту наставници нису одговорили на поједина питања.

У нашем истраживању послужили смо се методом статистичке анализе као и компаративне анализе резултата добијених путем анкетања. У анализи смо се руководили искључиво највишим вредностима, односно оним решењима за које се определио процентуално највећи број наставника. Све вредности изражене су у процентима и у оквиру коментара сведене на једну децималу.

Матерњи језик на часу руског језика у основној школи

Табела 1 приказује употребу матерњег језика на часу руског језика према процени наставника основних школа. Резултати показују да процентуално највећи број анкетираних наставника (преко 30 %) минимално користи матерњи језик на часу. Више од две трећине питања (чак 13 од 17) означено је оценом 1 (минимална заступљеност матерњег језика).

Оцене	0	1	2	3	4	5	6	*
1 Успостављање почетне комуникације са разредом	22,58	32,26	3,23	19,35	3,23	0,00	6,45	12,90
2 Пружање увида у обим и структуру градива које ће се обрађивати	3,23	29,03	16,13	19,35	6,45	6,45	3,23	16,13
3 Мотивисање и стимулисање ученика	22,58	32,26	6,45	22,58	6,45	3,23	6,45	0,00
4 Успостављање и одржавање дисциплине	22,58	25,81	19,35	22,58	3,23	3,23	3,23	0,00
5 Обновљање градива	16,13	32,26	25,81	16,13	9,68	0,00	0,00	0,00
6 Увођење новог градива	9,68	35,48	16,13	29,03	0,00	3,23	6,45	0,00
7 Семантизација лексике	12,90	38,71	19,35	12,90	6,45	3,23	0,00	6,45
8 Објашњавање граматичких законитости и правила	0,00	6,45	25,81	41,94	9,68	12,90	3,23	0,00
9 Обрада фонетике	12,90	32,26	6,45	19,35	3,23	25,81	0,00	0,00
10 Обрада графиције и правописа	3,23	32,26	16,13	25,81	9,68	9,68	3,23	0,00
11 Обрада материјала из стране културе	9,68	25,81	12,90	32,26	19,35	0,00	0,00	0,00
12 Увежбавање градива	35,48	35,48	12,90	3,23	9,68	0,00	0,00	3,23
13 Задавање домаћег задатка	19,35	41,94	9,68	25,81	3,23	0,00	0,00	0,00
14 Провера домаћег задатка	29,03	32,26	6,45	22,58	9,68	0,00	0,00	0,00
15 Резимирање резултата часа	32,26	29,03	16,13	16,13	3,23	3,23	0,00	0,00
16 Исправљање (кориговање) ученика	29,03	38,71	19,35	12,90	0,00	0,00	0,00	0,00
17 Образлагање оцене	3,23	32,26	3,23	35,48	0,00	12,90	12,90	0,00
Укупно	16,70	31,31	13,85	22,20	6,07	4,93	2,66	2,28

Табела 1

Више од 30% испитаника сматра да матерњи језик треба потпуно искључити при увежбавању градива и резимирању резултата часа (оцена 0), а нешто мањи проценат (29%) да га треба искључити и при провери домаћег задатка, односно приликом кориговања ученика.

Ниједан анкетирани наставник не искључује сасвим матерњи језик при објашњавању граматичких законитости и правила, а чак 41,9% употребљава га у истој мери као руски (оцена 3). Оцена 3 доминира и у обради материјала из стране културе (32, 2%) и образлагању оцене (35,4%).

Оцена 5 (максимално присуство матерњег језика) заступљена је са 25,8% , и то углавном у обради фонетике, мада се већина наставника определила за оцену 1 (минимално присуство матерњег језика у настави фонетике).

Веома мали проценат анкетираних наставника користи искључиво матерњи језик (оцена 6), и то приликом образлагања оцене (12,9%), успостављања почетне комуникације са разредом, приликом мотивисања и стимулисања ученика, увођења новог градива (6,4%), приликом пружања увида у обим и структуру градива које ће се обрађивати, приликом успостављања и одржавања дисциплине, у објашњавању граматичког материјала и обради графије и правописа (3,2%).

Известан проценат наставника није одговорио на питања о уделу матерњег језика у успостављању почетне комуникације са разредом (12,9%) и пружању увида у обим и структуру градива (16,3%), што говори о томе да не поклањају сви довољно пажње организацији самог почетка наставног часа.

Дакле, матерњи језик се минимално користи у успостављању почетне комуникације са разредом, приликом пружања увида у обим и структуру градива које ће се обрађивати, у мотивисању ученика, при одржавању дисциплине, обнављању градива, увођењу новог градива, семантизацији лексике, у обради фонетике, графије и правописа, увежбавању градива, при задавању и провери домаћег задатка и приликом исправљања (кориговања) ученика. Матерњи језик се најчешће уопште не користи при увежбавању градива и резимирању резултата часа. Матерњи језик се користи у истој мери као руски при презентацији граматичког и лингвокултуролошког материјала и образлагању оцене. Максимална и искључива употреба матерњег језика су веома ретке, и то углавном у образлагању оцене. Матерњи језик се никада апсолутно не искључује из наставе граматике.

Општи је утисак да су одговори наставника основних школа у складу са очекиваним. Матерњи језик се у примењује минимално, што је у складу са општим захтевима и принципима савремене наставе страних језика (Еремина 1994:86). Такође сматрамо методички оправданим употребу матерњег језика у истој мери као руског при објашњавању граматичких правила и законитости и у обради материјала из стране културе. Чак сматрамо да је у настави лингвокултурологије могућа и већа, а на почетној етапи чак и максимална, па и искључива употреба матерњег језика. У овој фази ученици први пут долазе у додир са страном културом, која је важан фактор мотивације, стога је изузетно важно да лингвокултуролошка ин-

формација буде психолошки доступна, што се лакше постиже средствима матерњег језика. Такође се слажемо да је матерњи језик готово немогуће сасвим искључити из наставе граматике, нарочито на нижем основношколском узрасту када лингвистичко предзнање ученика још увек није довољно утемељено.

Међутим, мишљења смо да је матерњи језик недовољно искоришћен у мотивацији ученика (користи се минимално или мање од руског) и резимирању резултата часа (користи се минимално или је сасвим искључен). Резимирање и оцена резултата часа одвијају се у завршној етапи часа када су се ученици већ психолошки припремили за предак, стога је ове последње минуте могуће искористити за похвале или евентуалне примедбе, као и краћи неформални разговор на матерњем језику. Такође се залажемо за већу употребу матерњег језика у образлагању оцене, како би ученик био сигуран да је оцена поуздан показатељ његовог знања, а не резултат произвољности.

Матерњи језик на часу руског језика у средњој стручној школи

Нешто другачију слику о употреби матерњег језика дају резултати анкете наставника средњих стручних школа (табела 2). У њиховим одговорима оцене варирају у скали од 0 до 3.

Оцене	0	1	2	3	4	5	6	*
1 Успостављање почетне комуникације са разредом	17,65	17,65	23,53	0,00	5,88	0,00	5,88	29,41
2 Пружање увида у обим и структуру градива које ће се обрађивати	17,65	17,65	29,41	0,00	0,00	0,00	11,76	23,53
3 Мотивисање и стимулисање ученика	11,76	35,29	35,29	11,76	0,00	0,00	0,00	5,88
4 Успостављање и одржавање дисциплине	17,65	23,53	17,65	35,29	0,00	0,00	5,88	0,00
5 Обнављање градива	29,41	29,41	29,41	5,88	0,00	0,00	5,88	0,00
6 Увођење новог градива	23,53	23,53	23,53	23,53	0,00	0,00	5,88	0,00
7 Семантизација лексике	5,88	47,06	11,76	29,41	5,88	0,00	0,00	0,00
8 Објашњавање граматичких законитости и правила	5,88	11,76	17,65	47,04	0,00	11,76	5,88	0,00
9 Обрада фонетике	11,76	23,53	17,65	41,18	5,88	0,00	0,00	0,00
10 Обрада графиције и правописа	11,76	23,53	11,76	41,18	11,76	0,00	0,00	0,00
11 Обрада материјала из стране културе	0,00	17,65	47,06	23,53	11,76	0,00	0,00	0,00
12 Увежбавање градива	41,18	23,53	23,53	5,88	0,00	0,00	5,88	0,00
13 Задавање домаћег задатка	41,18	11,76	23,53	11,76	0,00	5,88	5,88	0,00
14 Провера домаћег задатка	47,06	17,65	17,65	11,76	0,00	0,00	5,88	0,00
15 Резимирање резултата часа	29,41	29,41	29,41	5,88	0,00	5,88	0,00	0,00
16 Исправљање (кориговање) ученика	29,41	29,41	29,41	5,88	0,00	0,00	5,88	0,00
17 Образлагање оцене	5,88	29,41	17,65	41,18	0,00	0,00	5,88	0,00
Укупно	20,42	24,22	23,88	20,07	2,42	1,38	4,15	3,46

Табела 2

Више од 40% анкетираних наставника не користи матерњи језик (оцена 0) приликом увежбавања градива, задавања и провере домаћег задатка, а 47% користи га минимално (оцена 1) при семантизацији лексике.

47% испитаника користи српски језик мање од руског (оцена 2) у обради материјала из руске културе, а више од 40% користи српски у истој мери као руски (оцена 3) у објашњавању граматичких правила, обради фонетике, графици и правописа и приликом образлагања оцене.

Само 11,7% прибегава матерњем језику у већој мери него руском (оцена 4), и то у обради графици и правописа и материјала из руске културе.

Максимална употреба матерњег језика (оцена 5) је ретка и среће се у настави граматике (11,7%), приликом задавања домаћег задатка (5,8%) и резимирања резултата часа (5,8%).

Искључивој употреби матерњег језика (оцена 6) такође прибегава врло мали проценат наставника и то приликом пружања увида у обим и структуру градива које ће се обрађивати (11,7%), у успостављању почетне комуникације са разредом, одржавању дисциплине, увођењу, обнављању и увежбавању градива, објашњавању граматичких правила, приликом задавања и провере домаћег задатка, кориговања ученика и образлагања оцене (5,8%).

Наставници средњих стручних школа у знатно већем проценту него наставници основних школа нису одговорили на питања о успостављању почетне комуникације са разредом (29,4%) и пружању увида у обим и структуру градива (23,5%), што говори о већој запостављености ових компонената у средњој стручној школи него у основној.

Мишљења смо да је и овде потребно интензивирати коришћење матерњег језика у обради материјала из руске културе, тим пре што је у средњим стручним школама настава културе присутна у много мањем обиму него у гимназијама. Такође допуштамо могућност веће употребе матерњег језика од руског у кориговању ученика и образлагању оцене. Међутим, искључива примена српског језика (па чак и од стране веома малог процента наставника) у успостављању почетне комуникације са разредом, увођењу, обнављању и увежбавању градива, задавању и провери домаћег задатка, као и кориговању ученика чини нам се методички једностраним и нерационалним – матерњи језик не сме бити доминантно, већ само секундарно и помоћно средство у наставном процесу.

Матерњи језик на часу руског језика у гимназији

Табела 3 приказује примену матерњег језика у појединим етапама наставног часа у гимназији. Анализа одговора гимназијских наставника даје нову слику о месту и улози матерњег језика у наставном процесу – овде се ситуација драстично мења у корист руског језика. У готово свим одговорима анкетираних наставника доминира оцена 0 (апсолутна искљученост матерњег језика), а веома ретко и оцена 1 (минимално коришћење матерњег језика).

Оцене	0	1	2	3	4	5	6	*
1 Успостављање почетне комуникације са разредом	50,00	12,50	0,00	0,00	25,00	0,00	0,00	12,50
2 Пружање увида у обим и структуру градива које ће се обрађивати	37,50	25,00	0,00	12,50	12,50	12,50	0,00	0,00
3 Мотивисање и стимулисање ученика	37,50	37,50	0,00	0,00	0,00	12,50	0,00	12,50
4 Успостављање и одржавање дисциплине	37,50	25,00	0,00	25,00	0,00	12,50	0,00	0,00
5 Обновљање градива	37,50	50,00	0,00	12,50	0,00	0,00	0,00	0,00
6 Увођење новог градива	62,50	12,50	12,50	0,00	12,50	0,00	0,00	0,00
7 Семантизација лексике	12,50	50,00	25,00	12,50	0,00	0,00	0,00	0,00
8 Објашњавање граматичких законитости и правила	37,50	25,00	0,00	12,50	12,50	12,50	0,00	0,00
9 Обрада фонетике	37,50	37,50	0,00	12,50	0,00	12,50	0,00	0,00
10 Обрада графиције и правописа	37,50	37,50	0,00	12,50	0,00	12,50	0,00	0,00
11 Обрада материјала из стране културе	25,00	37,50	25,00	12,50	0,00	0,00	0,00	0,00
12 Увежбавање градива	50,00	37,50	0,00	12,50	0,00	0,00	0,00	0,00
13 Задавање домаћег задатка	50,00	37,50	0,00	0,00	0,00	12,50	0,00	0,00
14 Провера домаћег задатка	62,50	25,00	0,00	0,00	12,50	0,00	0,00	0,00
15 Резимирање резултата часа	50,00	12,50	0,00	25,00	12,50	0,00	0,00	0,00
16 Исправљање (кориговање) ученика	50,00	12,50	12,50	12,50	0,00	12,50	0,00	0,00
17 Образлагање оцене	62,50	12,50	0,00	12,50	0,00	0,00	0,00	12,50
Укупно	43,38	28,68	4,41	10,29	5,15	5,88	0,00	2,21

Табела 3

62,5% анкетираних наставника при увођењу новог градива, провери домаћег задатка и образлагању оцене примењује искључиво руски језик (оцена 0), 50% наставника примењује га као искључиво средство приликом успостављања почетне комуникације са разредом, увежбавања градива, задавања домаћег задатка, исправљања (кориговања) ученика и резимирања резултата часа, а 37,5% готово у свим осталим етапама часа такође користи искључиво руски језик.

Изузетак представљају обновљање градива и семантизација лексике где 50% испитаника дозвољава минималну употребу матерњег језика (оцена 1) и настава лингвокултурологије где 37,5% примењује руски језик минимално, а 25% примењује га мање него руски (оцена 2).

25% анкетираних наставника примењује матерњи језик у подједнакој мери као руски (оцена 3), и то приликом успостављања и одржавања дисциплине и резимирања резултата часа.

Оцена 4 (матерњи језик се користи више него руски) је веома ретка и доминира у почетној етапи часа – успостављању почетне комуникације са разредом (25%).

Оцена 5 (максимално коришћење матерњег језика) процентуално је веома мало заступљена (12,5%), и то у следећим етапама: приликом пружања увида у обим и структуру градива, успостављању дисциплине, мотивисању ученика, настави граматике, фонетике и ортографије, задавању домаћег задатка и исправљању (кориговању) ученика.

Интересантно је да наставници гимназија никада не прибегавају искључивој употреби матерњег језика (оцена 6 – 0%).

Известан проценат наставника гимназија је неодређен у погледу примене матерњег језика, и то: приликом успостављања почетне комуникације са разредом (12,5% што је знатно мање него у средњој стручној школи), мотивисања и стимулisaња ученика (12,5%) и образлагања оцене (12,5%).

Дакле, према резултатима анализе коју смо спровели употреба матерњег језика у гимназији сведена је на најмању могућу меру, а чак више од 40% наставника сматра да га треба потпуно искључити из наставног процеса. Ми се у начелу слажемо са ставом да је у условима гимназијског образовања, у коме је лингвистичко предзнање и интелектуални потенцијал ученика углавном изнад просека, могуће чак и потпуно искључити матерњи језик из наставног процеса. Ипак, не треба заборавити да разред чини нехомогена група ученика са различитим предзнањем, способностима и афинитетом према страном језику, те стога, поштујући принцип индивидуализације, сматрамо да је минимална, али рационална примена матерњег језика сврсисходнија од његове апсолутне искључености из наставе.

Према нашем мишљењу матерњи језик није неопходно сасвим искључити при увођењу новог материјала (које се може базирати и на контрастивној анализи), исправљању (кориговању) ученика, корекцији домаћег задатка, образлагању оцене и резимирању резултата часа. Такође сматрамо да је елементе матерњег језика могуће у већој мери укључити у обраду материјала из стране културе (нееквивалентна лексика и лексика фона, говорна етикеција, фразеологија), као и при мотивисању и стимулisaњу ученика. Не прихватамо ни став оних наставника који у успостављању почетне комуникације са разредом прибегавају више српском него руском језику. Сматрамо да је на самом почетку часа веома важно непосредно, иницијално обраћање ученицима на руском језику које ће их увести у атмосферу комуникације и створити повољне услове за успешно одвијање часа.

Наш утисак је да су наставници руског језика основних, средњих стручних школа и гимназија углавном добро уочили и оценили улогу матерњег језика на наставном часу. У одговорима наставника основних школа изразито доминира оцена 1, а тек понегде оцена 3, за разлику од наставника средњих стручних школа у чијим одговорима оцене варирају од 0 – 3 и наставника гимназија, у чијим одговорима изразито доминацију има оцена 0, а само изузетно оцена 1.

Дакле, резултати анализе показују да матерњи језик има највећу примену на часу у средњој стручној школи, што је по нашем мишљењу методички оправдано с обзиром да је у овом профилу акценат више на рецептивном усвајању страног језика, овладавању основном терминологијом везаном за струку и развијању навика читања и разумевања стручних текстова.

У гимназији се, напротив, инсистира на извођењу наставе искључиво на руском језику, уз минималну примену матерњег што је и разумљиво с обзиром на другачији састав аудиторijума, већи афинитет према учењу страног језика и циљ

наставе – овладавање страним језиком у сва четири вида говорне делатности: говорењу, читању, писању и слушању.

У основној школи само мали проценат анкетираних наставника инсистира на искључивој употреби руског језика на часу. Матерњи језик се примењује углавном минимално, мада је у појединим етапама (објашњење граматичких правила, материјала из стране културе и образлагање оцене) допуштена подједнака употреба матерњег и руског језика. Овакав положај матерњег језика у нашим основним школама у складу је са основном комуникативном стратегијом коју препоручује О. А. Јерјомина (Еремина 1994:86) – минималном, али функционалном употребом матерњег језика у настави.

Ипак, сматрамо да је на нижем основношколском узрасту, а нарочито на почетној етапи када ни знање матерњег језика још увек није довољно лингвистички утемељено, нити постоје одговарајућа предзнања о руској култури, могуће и активније укључивање матерњег језика у обраду и објашњавање граматике, фонетике и материјала из руске културе. Матерњи језик је у овој етапи важно средство организације часа, мотивисања ученика и успостављања позитивног контакта на релацији ученик – наставник.

ЛИТЕРАТУРА

- Акашина, А. А., Каган, О. Е. (2005), *Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного* (Москва: Русский язык. Курсы).
- Еремина, О. А. (1994), «Когда преподавателю-русисту нужна помощь родного языка», *Русский язык за рубежом*, 3, 82–86.
- Капитонова, Т. И., Щукин, А. Н. (1987), *Современные методы обучения русскому языку иностранцев* (Москва: Русский язык).
- Кончаревић, К. (2004), *Савремена настава руског језика: садржаји, организација, облици* (Београд: Славистичко друштво Србије).
- Костомаров, В. Г., Митрофанова, О. Д. (1988), *Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам* (Москва: Русский язык).
- Леонтьев, А. А. (1988), *Методика: заочный курс повышения квалификации филологов русистов* (Москва: Русский язык).
- Митрофанова, О. Д., Костомаров, В. Г. (1990), *Методика преподавания русского языка как иностранного* (Москва: Русский язык).
- Пассов, Е. И. (1989), *Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению* (Москва: Русский язык).
- Точанац-Миливојев, Д. (1997), *Методы у настави и учењу страног језика* (Београд: Завод за уџбенике и наставна средства).
- Щерба, Л. В. (2002), *Преподавание языков в школе* (Москва: Академия).
- Щукин, А. Н. (1990), *Методика преподавания русского языка как иностранного*, (Москва, Русский язык).

Наташа Ајдановић
Универзитет у Новом Саду
Филозофски факултет
Нови Сад, Србија

О НЕКИМ ТИПОВИМА ВЕЖБАЊА ЗАСТУПЉЕНИМ У РАДНИМ СВЕСКАМА ИЗ РУСКОГ ЈЕЗИКА ЗА ОСНОВНУ ШКОЛУ

С обзиром на то да су у одабрани корпус ове емпиријске анализе ушле само радне свеске, велика пажња усмерена је на испитивање система вежбања и то на проблеме инвентаризације и класификације вежбања, али и на процену њихове квантитативне и квалитативне валидности. Према Арутјунову репрезентативност и рашчлањеност видова вежбања један је од најбитнијих параметара за процену валидности уџбеника страног језика (исп. Арутјунов 1987:44). Слободно бисмо могли додати и радних свезака, јер оне и постоје ради лакшег и трајнијег изграђивања умења и навика. У њима се кроз систем вежбања понављају и утврђују они садржаји који су изнети у уџбенику, али се стичу и нова знања. Систем вежбања обухвата, између осталог, питања и задатке који се по правилу заједно разматрају, јер је у суштини свако питање истовремено и задатак који тражи одговарајуће решење. Питања и задаци су структурни елемент школског уџбеника, а радне свеске поготово, ако узмемо у обзир њену намену. Уз помоћ питања и задатака, као и система вежбања уопште, постиже се најцелисходнија и најпродуктивнија прерада уџбеничког градива у свести ученика, интелектуално и емоционално активирање у процесу самосталног усвајања знања. Овај структурни елемент раније је био намењен утврђивању знања и репродуковању наученог, док се сада у великој мери користи за изграђивање логичког мишљења и развијање стваралачке активности ученика. Појављују се све више и специјална вежбања усмерена на формирање умења потребних за организацију усвајања знања; на пример, вежбања усмерена на формирање умења рада са уџбеником и другим приручницима.

Према Е. Ј. Сосенку, одабир најефикаснијег система вежбања представља један од централних проблема методике. Вежбањима можемо назвати „често извршавање одређених видова делатности са циљем њиховог усвајања, које је праћено свесним (намерним) контролисањем и корекцијом“ (Сосенко 1979).

У мноштву различитих класификација, као основу за аналитичко сагледавање и евалуацију радних свезака одабрали смо: 1) класификацију вежбања према степеноу ученикове самосталности у оперисању материјалом који се увежбава, коју смо за потребе нашег истраживања преузели из (Кончаровић 2002:123–136), а која је конструисана као модификација постојећих подела Е. Ј. Сосенко (1979:116–133) и Л. Л. Вохмине (Вохмина 1993:95–159). Још бисмо такође напоменули да је кла-

сификација вежбања према степену ученикове формалне и садржајне самосталности у оперисању језичким материјалом одабрана као основа за валоризацију радних свезака пре свега због њене теоријске валидности, а затим и због њене иновативности у односу на традиционалне поделе, као и због њене изузетне практичне применљивости. Наиме, за разлику од бројних других класификација уџбеничких вежбања, она се заснива на „јединственом и непротивречном критеријуму који допушта и довољно широку лепезу за градирање и серијацију материјала, од нулте до потпуне самосталности, односно од максималне задатости свих неопходних елемената за продукцију говора до потпуне самосталности у избору свих јединица за конструисање исказа“ (Кончаревић 2002:123). Напомињемо да смо за потребе ове анализе грађу ексцерпирали из радних свезака два уџбеничка комплекта за основну школу и то *Орбита* (Орбита 1, 2, 3, 4, П. Пипер, М. Петковић, С. Мирковић, Завод за уџбенике, Београд) и *Родничок* (Родничок 1, 2, 3, 5, 6, 7, Љ. Поповић, Ј. Гинић, Завод за уџбенике и наставна средства, Београд; и Родничок 4, Ј. Гинић, А. Тешић, Завод за уџбенике и наставна средства, Београд).

Делатност ученика на овладавању комуникацијом, у складу са концепцијом И. А. Зимње (Зимняя 1989:169–174), поделили смо на две основне етапе: А. етапа припреме самосталног везаног исказа и Б. етапа реализовања самосталног везаног исказа. Држаћемо се, дакле, класификације по којој је већ рађена валоризација уџбеника руског језика у студији К. Кончаревић (2002).

У оквиру прве етапе, тј. етапе припреме самосталног везаног исказа можемо разликовати три групе вежбања:

Прва група

У прву групу вежбања уврстили смо имитацију, посматрање и уочавање везе између облика и садржине. У овој врсти вежбања ученици добијају готов образац лексичко-граматичког обликовања говора, те се на тај начин искључује могућност граматичке грешке, што је у почетној фази оперисања језичким садржајима од велике важности. У оквиру ове групе вежбања могли бисмо издвојити следеће типове:

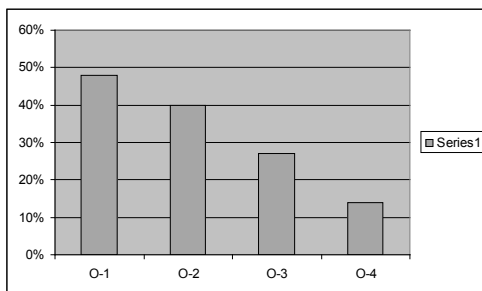
1. Први тип представљаће имитација у ужем смислу, што подразумева понављање језичког материјала без икакве могућности избора или варирања у односу на образац ради усвајања синтаксичког модела, облика речи и интонације.
2. Читање текста по улогама
3. Посматрање језичких појава и елемената, а у оквиру овог типа могли бисмо разликовати неколико подтипова:
 - а) Обраћање пажње на језичке чињенице, њихово уочавање и запамћивање;

- б) Упоређивање и објашњавање појава и елемената језичког система;
 - в) Идентификовање граматичког облика;
 - г) Самостално извођење правила или закључка;
 - д) Извођење закључка из теоријско-спознајног текста;
 - ђ) Разврставање језичких појава и елемената у граматичке класе и категорије;
4. Опсервирање праћено превођењем на матерњи језик
 5. Индиректно опсервирање. Под овим термином подразумевамо да је опсервирање праћено или прикривено екстралингвистичким – графомоторним, ликовним, спознајним – операцијама у вези са језичким материјалом. У ову групу спадају и укрштене речи, па и оне праћене сложенијим захтевом, на пример увођење брзине решавања као релевантног параметра, затим ребуси и сви задаци праћени визуелним стимулусима, као и разни задаци типа дидактичке игре који су усмерени на активизацију лексичког материјала.
 6. Одређивање адекватности језичког знака ситуацији.
 7. Састављање реченица по обрасцу или без њега.
 8. Обједињавање делова дијалога у дијалошко јединство, или повезивање простих у сложену реченицу.
 9. Избор једног од понуђених језичких облика, адекватно смислу реченице (са ослонцем на контекст или визуелну очигледност).
 10. Условно-комуникативна вежбања. У оквиру овог типа вежбања разликовали смо три подтипа:
 - а) Вежбања у којима је лексичко-граматички материјал понуђен у иницијалној реплици или проистиче из задатка;
 - б) Вежбања у којима је лексичко-граматички материјал понуђен у обрасту или у посебним репликама за реаговање, који су специјално предочени ученику;
 - в) Вежбања у којима је лексичко-граматички материјал задат у опису говорне ситуације.
 11. Одговори на општа питања с ослонцем на визуелну очигледност или на текст.

Имитативна вежбања представљају једну од кључних етапа у формирању навика оперисања како језичким тако и говорним материјалом, па тако од њиховог квалитета, квантитета и разноликости умногоме зависи даље овладавање језиком. Анализа вежбања заступљених у радним свескама два поменута уџбеничка комплета показала је да су имитативна вежбања у њима веома добро заступљена. Практично не постоји ниједна врста имитативних вежбања описаних код Е. Ј. Сосенко (Сосенко 1979:116–119) и Л. Л. Вохмине (Вохмина 1993:100–120) која није заступљена у анализираним радним свескама. Веома је добро и са становишта

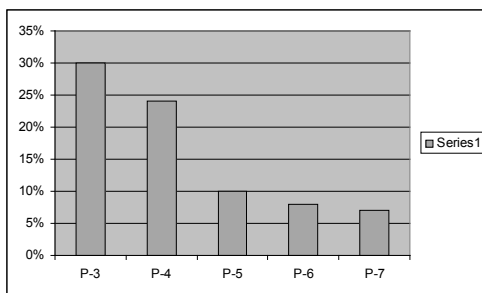
мотивације веома корисно што су у радним свескама за први и други разред основне школе из уџбеничког комплета *Родничок* ови типови вежбања осмишљени као дидактичке игре. Наиме, ученици, заокупљени и забављени игром, уједно и усвајају одређене изразе и фразе. Дакле, наставне радње усмерене на имитацију структуре која се усваја су скривене.

Графички приказ заступљености имитативних вежбања у радним свескама уџбеничког комплета *Орбита* изгледа овако:

Посматрајући графикон, јасно уочавамо да су вежбања из групе имитативних вежбања најбројнија управо у радној свесци за пети разред те да број имитативних вежбања опада са бројем година учења језика. Оваква дистрибуција заступљености посматраних вежбања према нашем мишљењу сасвим је оправдана с обзиром на то да са бројем година учења страног језика расте и комуникативна компетенција оних који тај језик усвајају.

Ситуација је иста и са радним свескама из уџбеничког комплета *Родничок*, при чему се графички приказ заступљености овог типа вежбања у радним свескама поменутог комплета даје у следећем графикону:

Друга група

У ову групу уврстили смо делимично лексичко-граматичко структурирање са унапред задатим садржајем. У овом типу вежбања од ученика се очекује да само-

стално обликују део исказа са унапред одређеним садржајем. Пажња је при томе усмерена само на формалне, морфолошке и синтаксичке, одлике исказа. Овај тип вежбања везује се за стадијум генерализације у усвајању језичких чињеница. Њихов циљ је, како наводи Сосенко, „трансфер навика употребљавања граматичког облика који се усваја са ограниченог броја речи на све могуће речи којима у датом моменту влада ученик, а ако је реч о обради конструкција – овладавање њеним могућим варијантама (у оквирима на које указује програм)“ (Сосенко 1979: 121).

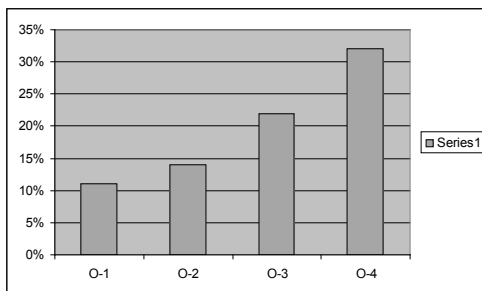
1. Обликовање граматичке структуре реченице. У оквиру ове групе разликујемо два подтипа:
 - а) Дописивање наставка
 - б) Постављање глаголске или именске речи дате у свом основном облику, инфинитиву или номинативу, у одговарајући облик.
2. Избор потребне речи у реченици. У оквиру овог типа разликујемо следеће подтипове:
 - а) Одабир граматички обликоване речи
 - б) Одабир речи и њено граматичко обликовање
3. Замена једне речи другом без измене структуре реченице.
4. Замена цртежа или броја речима. Ту такође разликујемо неколико подтипова:
 - а) Цртеж замењује једну лексему
 - б) Замена броја израженог цифром речју
 - в) Цртеж замењује синтагму, део реченице или целу реченицу
5. Састављање реченица према обрасцу и кључним речима. У оквиру овог типа вежбања разликујемо четири подтипа:
 - а) Састављање реченица са граматичким обликовањем реченичних чланова на основу визуелне очигледности.
 - б) Састављање реченица са граматичким обликовањем реченичних чланова без визуелне очигледности.
 - в) Трансформација реченица са променом граматичке структуре
 - г) Обједињавање више реченица у једну са пратећом изменом граматичке структуре
6. Условљени говорни чинови у прецизно одређеним ситуацијама. Ту још убрајамо и следеће подтипове:
 - а) Састављање једне реплике
 - б) Састављање дијалога.
7. Условно-комуникативне вежбе.
 - а) Овај подтип подразумева да је материјал за одговор дат у полазној реплици.

- б) У овом пак подтипу материјал за одговор проистиче из инструкције и из визуелне очигледности.
- 8. Одговор на парцијално питање.
 - а) Одговор на основу визуелне очигледности без решавања когнитивног проблема.
 - б) Одговор на основу текста без решавања проблема.
 - в) Одговор на основу решавања проблема (логичког закључивања).

Вежбања из ове групе веома су добро заступљена у радним свескама оба анализирана комплета. Примећујемо, међутим, да је у раним свескама уџбеничког комплета *Родничок* овај тип вежбања нешто бројнији него у радним свескама уџбеничког комплета *Орбита*. Исто тако, по нашем мишљењу, у радним свескама уџбеничког комплета *Родничок* прибежавало се, додуше не увек, и донекле инвентивнијим решењима, тако што су се аутори трудили да у неким случајевима прикрију граматички садржај задатка и да га претворе у проблемски задатак. Тако „прикривена“ вежбања, чини нам се, веома су подстицајна и веома повољно утичу на мотивацију ученика за учење. Овој групи вежбања додали бисмо још један тип који је веома добро заступљен у овим радним свескама, а који није описан у типологији на коју смо се приликом ове анализе ослонили. То су вежбе превођења. Наиме, у радним свескама оба посматрана комплета наилазимо на знатан број задатака чији је циљ превођење. У радним свескама уџбеничког комплета *Орбита* вежбе превођења оријентисане су само на превођење са руског на матерњи језик, док су у радним свескама уџбеничког комплета *Родничок* заступљене вежбе превођења у оба смера, тј. и на руски и на матерњи. Примећујемо, међутим, да су аутори уџбеничког комплета *Орбита* много инвентивнији кад су у питању инструкције управо за овај тип вежбања и мислимо да то умногоме може утицати на мотивацију ученика за израду оваквих задатака. Док су аутори уџбеничког комплета *Родничок* инструкцију свели на *Занимаемся переводом*, аутори *Орбите* су то радили на следећи начин: *Перед самым концом попробуй перевести на русский язык этот маленький текст. Может быть, ты сам(а) не знаешь, что в тебе таится будущий переводчик. При переводе ты можешь воспользоваться «Словарём русского языка» для учеников восьмилетней школы* (*Орбита* 3, стр. 67, зад. 20).

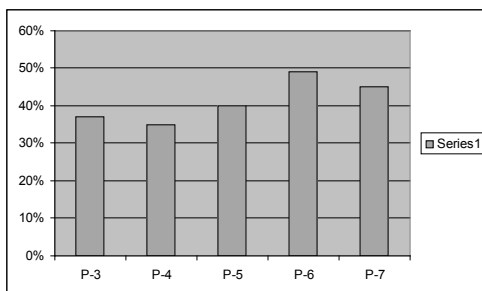
Сматрамо да је јако добро да вежбе превођења буду заступљене у радним свескама, будући да радећи на превођењу ученици врло лако проверавају своја знања и умења служења страним језиком и на тај начин овладавају комуникативном компетенцијом.

Графички приказ заступљености вежбања из друге групе која се односе на делимично лексичко-граматичко структурирање са унапред задатим садржајем у радним свескама уџбеничког комплета *Орбита* – представљен је следећим графоном:

Као што видимо, овде је ситуација управо обрнута у односу на претходни тип вежбања. С обзиром на то да се овај тип вежбања везује за стадијум генерализације у усвајању језичких чињеница, одосно да се од ученика очекује да самостално обликују део исказа са унапред задатим садржајем, и овакав распоред сматрамо оправданим и логичним.

Слична ситуација је и са радним свескама уџбеничког комплета *Родничок*, али растући низ није толико очигледан као у претходном графикану и од њега се, додуше у малим процентима, одступа. Наиме, овај тип вежбања најзаступљенији је у радној свесци за шести разред, а најмање заступљен, не у радној свесци за трећи, како бисмо очекивали, него у радној свесци за четврти разред. Одговарајући графикон изгледа овако:

Трећа група

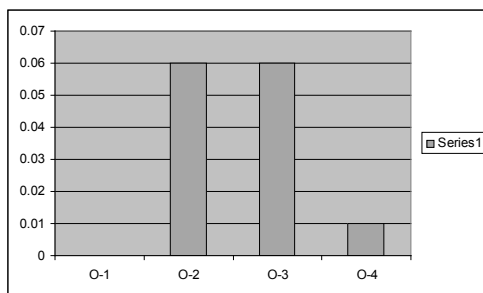
У трећу групу вежбања уврстили смо вежбања са непотпуном лексичко-граматичком задатошћу са самосталним тражењем елемената садржаја. У оквиру ове групе разликујемо пет типова вежбања:

1. Постављање речи у реченици по слободном избору, али у правилном морфолошком облику.
2. Самостално тражење довршетка ситуације предочене у основним контурама (довршавање реченице сложенијим синтаксичким конструкцијама).

3. Састављање реченица.
4. Условно-комуникативне вежбе.
5. Одговор на парцијално питање са самосталним тражењем информације.

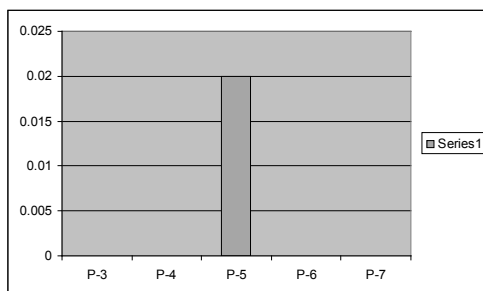
Када се ради о вежбањима из ове групе, имали бисмо неколико напомена. Наиме, прво што смо приметили јесте да у радним свескама ниједног од два анализирана комплета нисмо успели да идентификујемо све типове преткомуникативних вежбања. У радним свескама уџбеничког комплета *Родничок* пронашли смо само вежбања која се односе на прву, четврту и пету врсту, док се у радним свескама уџбеничког комплета *Орбита* могу наћи вежбе које се односе на прве четири врсте, а пета није заступљена. Примећујемо такође да се условно-комуникативне вежбе приближавају комуникативним вежбама са тенденцијом прерастања у њих.

Графички приказ заступљености вежбања која се односе на непотпуну лексичко-граматичку задатост са самосталним тражењем елемената садржаја у уџбеничком комплету *Орбита* изгледа овако:

Заступљеност овог типа вежбања је, као што смо већ приметили, боља и разноврснија него у уџбеничком комплету *Родничок*, али и овде, ипак, недовољна по нашем мишљењу.

Графички приказ заступљености овог типа вежбања у радним свескама уџбеничког комплета *Родничок* представљен је у наредном графикону:

Као што можемо приметити, вежбања из ове групе заступљена су само у једној радној свесци и то у оној за пети разред. Заступљеност вежбања овог типа оцењујемо као недовољну и сматрамо да би вежбања овог типа требало више заступити у радним свескама.

На самом крају истакли бисмо да је проблематика конструисања и експертизе уџбеничке литературе једно од научно и практично најрелевантнијих подручја методике наставе руског језика у српској говорној и социокултурној средини. У овом домену до сада су вршена истраживања махом срачуната на анализу базичних категорија основног уџбеника (структуре, садржаја, функција) са становишта савремене науке и уз примену системско-структурног и функционалног приступа са пратећим методама квалитативне и квантитативне усмерености. Међутим, заснивање теоријских основа концепирања приручника и у њима примењених конструкцијских решења такође може битно допринети проширивању и продубљавању дескриптивних и нормативних спознаја које би биле од великог значаја за конструисање и експертизу уџбеничког комплекта за наставу и учење. Сматрамо да у томе значајну улогу има и истраживање радних свезака као полифункционалних приручника намењених превасходно индивидуалном раду ученика, који се по потреби могу користити и у фронталном и групном, односно раду у паровима.

Конечно, после анализе вежбања у двама посматраним уџбеничким комплетима, могли бисмо приметити и закључити да оба комплекта у мањој или већој мери задовољавају основне захтеве који се постављају пред овакав тип приручника, али и то да у степену испуњавања тих захтева постоји одређена неједнакост међу њима, која се читава у дистрибуцији неких типова вежбања. Ово, према нашем мишљењу, није само последица донекле различите циљне групе ових двају комплекта већ и различитог приступа аутора.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнов, А. Р. (1987), *Конструирование и экспертиза учебника* (Москва: Русский язык).
- Вохмина, Л. Л. (1993), *Хочешь говорить – говори: 300 упражнений по обучению устной речи* (Москва: Русский язык).
- Зимняя, И. А. (1989), *Психология и обучение неродному языку* (Москва: Русский язык).
- Климентенко, А. П. (1982), «Принципы создания учебно-методического комплекса по иностранным языкам», *Советская педагогика*, 10, 38–44.
- Кончаревић, К. (2002), *Савремени уџбеник страног – руског језика: структура и садржај* (Београд: Завод за уџбенике и наставна средства).

- Пассов, Е. И. (1989), *Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению* (Москва: Русский язык).
- Сосенко, Ю. Е. (1979), *Коммуникативные подготовительные упражнения* (Москва: Русский язык).

Евгения Андреевна Смолковская
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
филологический факультет
Москва, Россия

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОМ СТИЛЕ РЕЧИ

(Фрагмент работы над темой «Обсуждение условий поставки товара»
в сербской аудитории)

Одними из главных особенностей официально-делового стиля речи, наряду с объективностью, лаконичность, точностью и аргументированностью изложения, являются стандартизированность и подготовленность. «С точки зрения языкового оформления этот стиль характеризуется сочетанием нейтральной лексики и специальной, терминологической» (Будильцева et al. 2010:154).

Поскольку «использование устойчивых языковых моделей и текстовых формул» – это важная черта официально-делового стиля, для него характерна такая языковая модель, как описательный предикат (далее ОП) (Будильцева et al. 2010:163).

Изучение ОП в русском языке имеет давнюю историю. О них писали еще Ф. И. Буслаев («описательные сочетания»), Ш. Балли («перефразы простых глаголов»), В. В. Виноградов («фразеологическая единица»), Н. Н. Прокопович («синтаксическое слово»), П. А. Лекант («особая синтаксическая единица») и др. В нашей работе мы придерживаемся термина, введенного в работах В. А. Белошапковой, расширенного и дополненного М. В. Всеволодовой (Кузьменкова 2000; Лагузова 2003).

Коммуникативная важность ОП состоит в том, что он может выполнять следующие функции в речи: образование семантической парадигмы предложения (*взглянуть – бросить взгляд*) и пассивных форм (*дать ответ – получить ответ*), выражение фазисности действия и комментирование его протекания (*вступить в беседу, завязалась беседа, беседа затянулась*), а также возможность номинации при отсутствии в языке глагольной формы (*наносить ущерб, дать отпор*) (Кузьменкова 2000:11–12).

В нашу задачу входит определить, какие ОП следует изучать на базовом уровне в рамках занятий, посвященных теме «Обсуждение условий поставки товара», входящей в тематический блок «Купля-продажа товара», и на какие языковые явления стоит обратить особое внимание в сербской аудитории.

В приложении к лексическому минимуму базового уровня владения русским языком профессионального общения (Журавлева et al. 2007) имеется «Учебный

словарь сочетаемости тематической лексики», в котором названы следующие конструкции, относящиеся к теме «Обсуждение условий поставки товара» (Журавлева et al. 2007:44–55): *отправить / доставить груз по железной дороге, морским транспортом, автотранспортом, доставка груза автотранспортом, по железной дороге, заниматься автоперевозками, доставлять-доставить груз / партию товаров, отправлять-отправить груз / продукцию / товар, поставлять-поставить партию товара (в кредит), перевозить-перевезти грузы, автомобильная, морская перевозка, перевозка грузов автомобильным транспортом, железнодорожным транспортом (по железной дороге), морским транспортом, речным транспортом, оказывать / предлагать транспортные услуги.*

В учебном пособии *Деловая поездка в Россию*, ориентированном на студентов и стажеров экономических специальностей, имеющих подготовку в объеме первого сертификационного уровня, даны также этапы поставки, а именно *погрузка, отгрузка, разгрузка* (Лебедев, Петухова 2002:57–58).

Рассмотрим эти конструкции по порядку:

1. *Поставка*. Этот термин используется для определения момента, когда продавец выполнил свое обязательство, т.е. передал товар покупателю (Инкотермс 2000), поэтому именно это понятие вынесено в название темы.

Поставлять товары (В.п. – прямое дополнение) (*партию товара*) = *заниматься поставками* (Тв.п.) *товара* (Р.п.) (ОП-1), *осуществлять / производить / выполнять поставки* (В.п.) *товара* (Р.п.) (ОП-1); *поставка* (И.п.) *грузов* (Р.п.) *производится / осуществляется / выполняется* (ОП-2) (ср. серб. *бавити се испоруком робе, реализовати / вршити / обављати испоруку робе – испорука се реализује / се врши / се обавља*).

Если покупатель дает указание продавцу поставить груз какому-либо лицу, например, экспедиционному агентству, которое не является перевозчиком, то считается, что продавец выполнил свое обязательство по поставке товара с момента, когда он окажется на хранении у этого лица. Организация имеет право осуществлять / производить поставку (заниматься поставкой) только своей продукции. Поставка осуществляется / производится автотранспортом.

Данные конструкции «неполнозначный глагол+отглагольный дериват», замещающие одиночный предикат, входят в ядерную группу ОП (Кузьменкова 2000:46–48; 63–101). Эти глаголы (*заниматься чем, производить / осуществлять что*) могут образовывать ОП со всеми отглагольными существительными, обозначающими этапы поставки товара.

Глагол «*заниматься*» (чем?) используется в вопросе о роде деятельности компании, притом в ответе может быть как конструкция с тем же глаголом, так и с глаголом «*осуществлять*» (что?): – *Чем занимается ваша компания? – Наша компания осуществляет / производит / выполняет прямые поставки в регионы России*

/ Мы занимаемся поставками товара в Европу (аналогично в сербском). При описании этапов поставки товара возможно использование ОП с любыми из приведенных глагольных компонентов, ведь, как отметил еще Ю. Д. Апресян, свобода перефразирования тем больше, чем меньше маркированы слово и контекст (Апресян 1974:344). Та же ситуация наблюдается и в сербском языке, что значительно упрощает работу над данной темой в сербской аудитории.

Поставщик выполняет операцию отправки груза, в широком смысле технически включающую в себя отгрузку товара (оформление всех необходимых документов и передача товара со склада перевозчику) и погрузку товара в контейнеры или транспорт (Инкотермс 2000; Глоссарий 2004; Райзберг et al. 2007). *Отгрузка* товаров со склада – конечная операция складского технологического процесса. В общем виде она состоит из сбора необходимых наименований (подбора заказа) в соответствии с накладной, проверки количества продукции и ее качества, а также оформления отгрузочных документов.

2. *Отправка, отгрузка, погрузка. Отправлять / отгружать / погружать товар = осуществлять / производить / выполнять отправку / отгрузку / погрузку товара (ОП-1); заниматься отправкой / отгрузкой / погрузкой товаров (ОП-1); отправка / отгрузка / погрузка товаров осуществляется / производится / выполняется как? кем? (ОП-2)* (ср. серб. *бавити се отпремом / утоваром робе, реализовати / вршити / обављати отпрему / утовар робе – отпрема / утовар се реализује / се врши / се обавља*).

Наша фирма занимается погрузкой оборудования, которое подлежит вывозу за границу. При этом мы сами осуществляем / производим отгрузку и погрузку выбранного товара. Погрузка производится / осуществляется непосредственно нами. Отправка товара будет осуществлена автотранспортом.

Следующий этап – перевозка / транспортировка груза (широко используются оба варианта номинации этапа) (Инкотермс 2000; Глоссарий 2004; Райзберг et al. 2007).

3. *Перевозка / транспортировка. Перевозить / транспортировать грузы = осуществлять / производить / выполнять перевозку / транспортировку товара (ОП-1); заниматься перевозкой / транспортировкой товаров (ОП-1); перевозка / транспортировка товаров осуществляется / производится / выполняется каким видом транспорта? кем? (ОП-2)* (ср. серб. *бавити се транспортом / превозом робе, реализовати / вршити / обављати транспорт / превоз робе – транспорт / превоз се реализује / се врши / се обавља*).

Мы занимаемся перевозкой / транспортировкой (осуществляем / производим перевозку / транспортировку) негабаритных грузов. Перевозка / транспортировка осуществляется / производится воздушным транспортом.

Особое внимание в сербской аудитории надо уделить слову «транспорт». В русском языке оно имеет такие основные значения: 1) а) Отрасль народного хозяй-

ства, обслуживающая различные виды и участки перевозок и имеющая в своем распоряжении все виды перевозочных средств. б) Совокупность перевозочных средств. в) Средство перевозки. г) Разновидность перевозок, обслуживаемых определенным видом перевозочных средств. 2) Перевозка, доставка кого-л., чего-л.; ~ировка (Ефремова ed. 2006).

Сербское слово «транспорт» – это только «перевозка / транспортировка», т.е. этим словом обозначается процесс, а не средство совершения процесса.¹ О некоторых других проблемах номинации транспортных средств в русском и сербском языках будет сказано чуть ниже.

Последний этап – это поставка товара в узком смысле, если поставщик сам осуществлял перевозку груза. Если же заказчик перевозит товар своим транспортом или прибегает к услугам перевозчика, то поставщик выполняет свои обязательства по поставке товара на этапе передачи товара непосредственно заказчику или перевозчику (Инкотермс 2000; Райзберг ed. 2007). В таком случае поставка технически включает доставку товара (прибытие транспортного средства на склад заказчика). Далее следует выгрузка (разгрузка) товара / транспортного средства – операция, противоположная по смыслу погрузке.

4. *Доставка / разгрузка / выгрузка. Доставлять / выгружать / разгружать грузы = осуществлять / производить / выполнять доставку / разгрузку / выгрузку товара (ОП-1); заниматься доставкой / разгрузкой / выгрузкой товаров (ОП-1); доставка / разгрузка / выгрузка товаров осуществляется / производится / выполняется кем? (ОП-2) (ср. серб. бавити се доставом / допремом / истоваром робе, реализовати / вршити / обављати доставу / допрему / истовар робе – достава / допрема / истовар се реализује / се врши / се обавља).*

Осуществлять / производить / выполнять доставку по железной дороге дешевле, чем доставку автомобильным транспортом. Мы занимаемся разгрузкой / выгрузкой (осуществляем / производим / выполняем разгрузку / выгрузку) контейнеров уже более десяти лет. В зимний период нашей компанией осуществляется / производится / выполняется выгрузка / разгрузка грузов из вагонов и автомашин.

Итак, мы видим, что носители сербского языка не будут испытывать трудностей в использовании данных ОП, однако следует выработать у них навыки, автоматизировав умение трансформировать одиночные глаголы типа *поставлять / доставлять / отправлять груз* в ОП-1 и ОП-2 и обратно. Ведь одной из главных возможностей ОП является возможность образования пассивных форм, т.е. повышение коммуникативного ранга составляющих высказывания (Кузьменкова 2000:11–12; 145–146). Исходя из этого, необходимо дать учащимся упражнение на трансформацию одиночного предиката в соответствующий ОП-2 (*Товар будет от-*

¹ Ср. русск. транспортное средство – серб. саобраћај (Станкович ed. 1988:863).

правлен автотранспортом – Отправка товара будет осуществлена автотранспортом). Предлагаем такую формулировку задания: передайте содержание фраз, используя глаголы *осуществлять / осуществить что* и / или *заниматься / занять-ся чем*. Обратите внимание на способы обозначения транспорта.

Как уже было сказано выше, особое внимание студентам следует уделить способам обозначения транспортировки в рамках этой темы в русском языке, поскольку здесь есть некоторые отличия от сербского языка. Приведем возможные способы обозначения типа транспортировки груза.

Способы номинации транспортных средств таковы (Прохоров ed. 2000):

1. *Сухопутный транспорт*. Он включает в себя *автомобильный, железнодорожный, трубопроводный* и *гужевой* (последний мы не будем рассматривать в силу его неиспользования для крупных перевозок в современном мире).

При осуществлении перевозки грузов морским и сухопутным транспортом предлагаем услугу складирования грузов.

а) *Автомобильный транспорт (автотранспорт)*: *заниматься перевозками автотранспортом, осуществлять / производить перевозки автотранспортом* (ОП-1). В русском языке не существует такого глагола, как **автоперевозить*, однако есть ОП *заниматься автоперевозками / осуществлять / производить автоперевозки* (ОП-1), поскольку слово *автоперевозка* образовано словосложением из словосочетания *автомобильная перевозка* (ср. серб. *друмски превоз / достава друмским возилима / превозити се друмским саобраћајем*).

Международная доставка автотранспортом осуществляется нами в наиболее короткие сроки.

б) *Железнодорожный транспорт*: *перевозить / отправить груз железнодорожным транспортом / по железной дороге / железной дорогой. Осуществлять / производить железнодорожные перевозки* (возможно использование аббревиатуры – *жд перевозки*) / *заниматься железнодорожными перевозками (ОП-1)* (ср. серб. *достава железницом / железничким превозом*).

Наша компания производит / осуществляет жд доставку и отправку сборных грузов по России в собственных почтово-багажных и грузовых вагонах.

с) *Трубопроводный транспорт* – это «вид транспорта, осуществляющий передачу на расстояние жидких (нефть), газообразных (газ) или твердых продуктов по трубопроводам» (Прохоров ed. 2000). В силу специфики данного вида транспорта мы не будем рассматривать его в данной статье.

2. *Воздушный транспорт (авиатранспорт)*: валентность ‘способ перевозки’ заполняется так же, как и при обозначении перевозок при помощи автомобильного транспорта. *осуществлять авиaperезовки / заниматься авиaperезовками* (ОП-1) = **авиaperезовить*. В данном случае словообразование происходит при помощи т.н. композита (*анти, контра, противо, про, квази, вице, теле, авиа, видео* и пр.). Он также может употребляться отдельно, что делает возможным такой способ обо-

значения перевозок – авиа- и железнодорожные перевозки. Кроме этой конструкции, в русском языке возможны варианты: *осуществлять воздушные перевозки / перевозки воздушным судном* (ОП-1) (ср. серб. *авиопревоз / доставка авионом / превозити се авиосаобраћајем / ваздушним саобраћајем*).

Современные возможности авиатранспорта позволяют заниматься воздушными контейнерными перевозками. Наша компания осуществляет грузовые авиаперевозки из Москвы. Наша компания производит грузовые авиаперевозки по территории России, а также ближнего и дальнего зарубежья.

Подвидом авиаперевозок является *перевозка вертолетом / вертолетная перевозка: осуществлять вертолетные перевозки / заниматься вертолетными перевозками / перевозками вертолетом* (ОП-1) (ср. серб. *доставка хеликоптером / превозити се хеликоптером*).

Компания создана в 2008 году для осуществления воздушных вертолетных перевозок пассажиров и багажа.

3. Водный транспорт:

а) *Речной транспорт: транспортировка / перевозка речным путем / речным транспортом* (ср. серб. *доставка речним путем / речним саобраћајем*).

Удачное географическое расположение порта позволяет осуществлять перевозки грузов и пассажиров речным транспортом по рекам Дальнего Востока с заходом в порты КНР.

б) *Морской транспорт: транспортировка / перевозка морем / морским путем / судном* (ср. серб. *бродски превоз / доставка бродом / поморским саобраћајем*).

Более 80% мировых перевозок грузов осуществляется морским транспортом.

Таким образом, в начале работы над темой «Обсуждение условий поставки товара» следует сразу же обратить внимание студентов на то, каким образом обозначается вид транспорта. Если в разговорном стиле могут быть использованы словоформы «*поездом / на поезде*» и «*самолетом / на самолете*» (– *Не знаю, поехать мне поездом / на поезде или полететь самолетом / на самолете?*), то в деловой речи мы находим только словоформу в Т.п., но этот вариант менее частотен, чем *железной дорогой / авиатранспортом / воздушным транспортом* (ср. *Необходимо доставить груз по железной дороге / авиатранспортом и Доставляем грузы из Италии в Россию поездом / самолетом*).

Кроме того, в сербской аудитории необходимо уделить внимание обозначению в русском языке перевозок автомобильным (автотранспортом), воздушным (авиатранспортом) и особенно железнодорожным транспортом.

Итак, проведенный сравнительный анализ языкового материала показал, что в русском и сербском языках присутствуют аналогичные языковые конструкции, а именно: русские ОП-1 (*осуществлять что? перевозку, транспортировку, поставку, отправку, погрузку, отгрузку, доставку, разгрузку*) и синонимичные конструкции с глаголом *заниматься* чем? соотносимы с сербскими глагольными конструк-

циями *реализовати* шта? *бавити се* чиме?; и ОП-2 с глаголами *осуществляться*, *производиться*. Однако особое внимание в сербской аудитории следует уделить способам обозначения транспортировки груза в русском языке.

Обращение к данному языковому материалу позволит студентам наиболее качественно усвоить тему «Обсуждение условий поставки товара».

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, Ю. Д. (1974), *Лексическая семантика: Синонимические средства языка* (М.: Наука).
- Будильцева, М. Б., Новикова, Н. С., Пугачёв, И. А., Серова, Л. К. (2010), *Культура русской речи: Учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный* (М.: Русский язык. Курсы).
- Глоссарий терминов по грузоперевозкам, логистике, таможенному оформлению (2004), online <<http://vocable.ru/dictionary/757>>.
- Ефремова, Т. Ф. (ed.) (2006), *Современный толковый словарь русского языка*, 1–3 (М.: АСТ).
- Журавлева, Л. С., Калиновская, М. М., Клобукова, et al. (2007), *Русский язык профессионального общения: Модуль «Бизнес»: Базовый уровень: Лингводидактическое описание целей и содержания обучения* (М.: Русский язык. Курсы).
- Инкотермс 2000 – Международная торговая палата. Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2000», online <<http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=57195>>.
- Кузьменкова, В. А. (2000), *Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01.* (Москва) 202.
- Лагузова, Е. Н. (2003), *Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации: Монография* (М.: МГОУ).
- Лебедев, В. К., Петухова Е. Н. (2002), *Деловая поездка в Россию: Учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся*, 2. изд. (СПб.: Златоуст).
- Прохоров, А. М. (ed.) (2000), *Большой энциклопедический словарь*, изд. 2-е, перераб. и доп. (М. – СПб.: Большая Российская энциклопедия – Норит).
- Райзберг, Б. А., Лозовский, Л. Ш., Стародубцева, Е. Б. (2007), *Современный экономический словарь*, 5-е изд., перераб. и доп. (М.: ИНФРА-М).
- Станкович, Б. (ed.) (1988), *Русско-сербскохорватский словарь: около 52 000 слов* (М. –Нови-Сад: Русский язык – Матица српска).

Издавач

Славистичко друштво Србије
Београд, Студентски трг 3
e-mail: slavisticko.drustvo@gmail.com
<http://www.slavistickodrustvo.org.rs>

За Издавача

др Петар Буњак

Штампа

Графичар д.о.о.
31205 Севојно, Горјани б.б.
e-mail: graficarue@open.telekom.rs

Тираж

500

Одржавање симпозијума и штампање зборника
финансијски су подржали:

Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије
Филолошки факултет Универзитета у Београду

CIP – Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

811.161.1:811.16(082)

МЕЂУНАРОДНИ симпозијум Достигнућа и перспективе конфронтационог проучавања руског и других језика (7 ; 2012 ; Београд)

Реферати / VII Међународни симпозијум Достигнућа и перспективе конфронтационог проучавања руског и других језика, (Београд, 1–2. јуна 2012) ; [организатори] Међународна асоцијација наставника руског језика и књижевности [и] Славистичко друштво Србије [и] Катедра за славистику Филолошког факултета Универзитета у Београду ; главни уредник Вера Белокапић-Шкунца. – Београд : Славистичко друштво Србије, 2012 (Севојно : Графичар). – 272 стр. : илустр. ; 24 cm

На спор. насл. стр.: Доклады. – Тираж 500. – Библиографија уз сваки рад.

ISBN 978-86-7391-028-4

а) Руски језик – Словенски језици – Контрастивна анализа – Зборници
COBISS.SR-ID 193487628

9 788673 910284